

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ЛУГАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»
(ФГБОУ ВО «ЛГПУ»)**

**НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
«ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»**

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ РОССИЙСКОГО МЕДИАПРОСТРАНСТВА В КОНТЕКСТЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ С ЗАПАДОМ

*Материалы Всероссийской научно-практической конференции
(Луганск, 7 ноября 2024 года)*

Луганск
2024

УДК 070.1 : 316.776.23 (06)

ББК 76.000.0 (2 Рос)я43

И 74

*Рекомендовано научной комиссией
Федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования
«Луганский государственный педагогический университет» (протокол № 4 от 12.11.2024 г.)*

Р е ц е н з е н т ы :

- Прокофьева Н. А.** – доцент кафедры медиалингвистики Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет», кандидат филологических наук, доцент.
- Михайловская О. Г.** – заведующий кафедрой политических наук и регионалистики Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Луганский государственный педагогический университет», кандидат политических наук, доцент.
- Ульянова Е. Н.** – доцент кафедры рекламы и связей с общественностью Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Южный федеральный университет», кандидат филологических наук, доцент.

И 74 Информационные процессы российского медиaproстранства в контексте цивилизационного противостояния с Западом : материалы Всероссийской научно-практической конференции (Луганск, 7 ноября 2024 года) / отв. ред. Е. А. Куянцева ; ФГБОУ ВО «ЛГПУ». – Луганск : Издательство ЛГПУ ; ИП Орехов Д.А., 2024. – 436 с.

ISBN 978-5-6053270-3-5 (ИП Орехов Д.А.)

В сборнике представлены научные статьи участников Всероссийской научно-практической конференции «Информационные процессы российского медиaproстранства в контексте цивилизационного противостояния с Западом». Проблематика научных поисков охватывает спектр вопросов, посвященных изучению информационных войн в контексте геополитических реалий, языка информационного противоборства, актуальных проблем медиакритики и медиаобразования.

Адресуется исследователям современного журналистского процесса, информационных войн и технологий новых медиа, работникам СМИ.

УДК 070.1 : 316.776.23 (06)

ББК 76.000.0 (2 Рос)я43

ISBN 978-5-6053270-3-5 (ИП Орехов Д.А.)

- © Коллектив авторов, 2024
© ФГБОУ ВО «ЛГПУ», 2024
© Оформление ИП Орехов Д.А., 2024

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительное слово	7
---------------------------	---

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ВОЙНЫ В КОНТЕКСТЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ РЕАЛИЙ

<i>Аббасова С. Т.</i> Специфика медиации вооружённого конфликта в Донбассе региональными СМИ: компаративный анализ миротворческого потенциала	8
<i>Грицай Л. А.</i> Информационное противостояние лидеров общественного мнения в российском медиапространстве в 2014 году по итогам госпереворота на Украине	19
<i>Даренский В. Ю.</i> Актуализация концепта «Москва – Третий Рим» в контексте идеологической войны с Западом	30
<i>Дмитриев О. А.</i> Проблема верификации информации в эпоху постправды и постреальности	42
<i>Каика Н. Е., Бараненко Р. Н.</i> Гуманитарная повестка российского телевидения в условиях военно-политического конфликта	55
<i>Каторгина Д. Ю.</i> Методы и приемы воздействия на аудиторию российскими СМИ в контексте информационного противостояния России с Западом	65
<i>Клипаков Н.В., Куянцева Е.А.</i> Проявления информационного противостояния при освещении СВО в российских и украинских медиа	75
<i>Куянцева Е. А.</i> Медиакритика как составляющая информационного противостояния Запада с Россией: русофобия и национализм в медийном украинском пространстве	88
<i>Ладыга А. И.</i> Механизм противодействия медиа-терроризму в политике национальной безопасности Российской Федерации в условиях гибридной войны	103
<i>Ладыга Л. И.</i> Проблема использования информационных технологий для защиты национальных интересов Российской Федерации	114
<i>Ли Юйкай.</i> Интерактивные медиа России как инструмент цивилизационного противоборства с Западом: стратегия и воздействие на аудиторию	123

<i>Лопатова Т. Л.</i> История российской военной журналистики в контексте проблематики информационных войн	131
<i>Макашова В. В., Кожевников А. М.</i> Дезинформация как технология информационной войны против России в социальных медиа	140
<i>Мельник Г. С., Мисонжников Б. Я.</i> Современные тренды западных массмедиа: от менасивов до фейков	151
<i>Писаный Д. М.</i> Россия и Запад: литературный детерминизм конфликта идентичностей	165
<i>Плебанек О. В.</i> Проблема безопасности общества – когнитивный подход	177
<i>Пруцков Г. В.</i> Информационное противоборство большой и малой нации: опыт Каталонии	188
<i>Тань Лэи.</i> Распространение информации и формирование общественного мнения о российско-украинском конфликте в китайских социальных сетях	199
<i>Шашкова Е. В.</i> «Холодное» противостояние: опыт информационной войны на страницах советской авиационной периодики	209

ОБРАЗ И СТЕРЕОТИП В МЕДИА: ПУТИ ФОРМИРОВАНИЯ

<i>Бочацкая А. А.</i> Образ женщины в литературе Гузель Яхиной как средство культурной репрезентации России в медиадискурсе	221
<i>Емченко Н. А.</i> Образ России и Запада в отечественных интернет-СМИ	230
<i>Кочергина Е. С.</i> Цифровая эпоха театрального дискурса: новые форматы медиаконтента	237
<i>Лобовикова Е. А.</i> Социальная реклама СВО	249
<i>Серостанова О. Б.</i> Деконструкция стереотипов как способ противодействия информационному влиянию	260
<i>Тепляков О. В.</i> Новые горизонты медиа-релейшнз в PR-деятельности подразделения информации и общественных связей МВД России	268

<i>Фоминцева Н. А.</i> Влияние современных технологий на стереотипы	279
---	-----

МИРОМОДЕЛИРУЮЩИЙ ПОТЕНЦИАЛ МЕДИАКРИТИКИ И МЕДИАОБРАЗОВАНИЯ

<i>Баженова А. Р.</i> Роль медиаобразования в патриотическом воспитании	286
<i>Кириллова Л. Ю.</i> Проблема популяризации асоциальных личностей в блогосфере: практика создания медиаобразовательного подкаста	292
<i>Котова И. Е.</i> Формирование медиакультуры обучающихся через киноуроки на занятиях в объединениях по интересам	300
<i>Марченко А. Н.</i> Миромоделирующий потенциал преподавания теории журналистики	306
<i>Павловская А. С.</i> Информационные войны и психологическая защита личности	316
<i>Рыбакова Е. В., Рыбаков Д. Г., Гаязова Г. А., Султанова Р. М.</i> Современные цифровые и другие средства массовой информации как ресурс продвижения трендов здоровой осанки среди населения	325
<i>Турилова А. О.</i> Формировать: нельзя стагнировать (о готовности тележурналиста к работе над медиапроектами в условиях информационного противостояния России с Западом)	338
<i>Шафир Т. В.</i> Медиаобразование в контексте глобальных информационных вызовов	344
<i>Якименко Л. Н.</i> Аксиологический аспект медиаобразования младших школьников (на материале детского журнала «С чего начинается Родина?»)	355

ЯЗЫК ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОТИВОБОРСТВА

<i>Ананьева Е. П.</i> Развитие и реалии языкового противостояния на Украине	367
<i>Байбатырова Н. М.</i> Лексика выражения агрессии как манипулятивный инструмент информационного противостояния	382

<i>Гришанина А. Н., Марьина Л. П.</i> Проблема когнитивного искажения при формировании новостного контента в условиях ведения информационной войны	391
<i>Дроздова А. В.</i> Мотив преодоления в публицистике участников СВО	401
<i>Колбасова Ю. Р.</i> Языковые средства ведения информационной войны (на материале современного медиадискурса)	408
<i>Колобова С. В.</i> Формы и жанры стрима народного фронта	415
<i>Минаева Л. В.</i> Дискурс власти в информационной войне	427

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Уважаемые участники

Всероссийской научно-практической конференции
«Информационные процессы российского медиапространства
в контексте цивилизационного противостояния с Западом»!

Мы объединили наши усилия, чтобы осмыслить противоречивое настоящее и найти для него возможные точки опоры. Углубляющийся разлом в мировоззрении и жизненных практиках современного общества во многом является следствием продолжительного военно-политического противостояния двух цивилизаций – Западной и Восточной. Международные договоры и нормы, сдерживающие столетиями взаимную неприязнь и межкультурную борьбу, сегодня попираются и больше не выступают гарантами безопасности. Напротив, фейки и симуляция, информационно-психологические войны, разжигание межнациональных и внутринациональных конфликтов, кристаллизация в массовом сознании оппозиции «свой – чужой» и стигматизация «другого» становятся доминирующими методами жизни-конфронтации противоборствующих сторон.

Основными каналами распространения и формирования общественного мнения остаются медиа, однако универсальной технологической логики развития сферы медиакommunikации, как известно, нет, а цифровая медиаиндустрия быстро наращивает производство гибридных технологий, в том числе конфликтогенных. Изучать, понимать цели, содержание и потенциал, прогнозировать пути их развития – наша общая посильная и ответственная задача. Пусть представленные в настоящем сборнике научные исследования этому способствуют, а общественное сознание излечивается от травмы «взаимонепонимания» и кризиса «столкновения цивилизаций».

С уважением,
Оргкомитет конференции

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ВОЙНЫ В КОНТЕКСТЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ РЕАЛИЙ

УДК 070.48

Аббасова Сабина Тахировна,
магистр журналистики,
ФГБОУ ВО «Луганский государственный
педагогический университет»
abbasovasabina01@gmail.com

Специфика медиации вооружённого конфликта в Донбассе региональными СМИ: компаративный анализ миротворческого потенциала

В работе путём компаративного анализа, построенного на дескриптивном подходе диагностирования миротворческого потенциала медиатекстов, отражены основные закономерности медиации вооружённого конфликта в Донбассе республиканским телеканалом «Луганск 24» и украинским творческим объединением «Суспільне Донбас» с позиции теории «мирной журналистики» Й. Галтунга. Установлена приверженность медиа практике военной журналистики, характерной для вооружённых конфликтов гибридного типа, и определён суггестивный медийно-дискурсивный инструментарий, потенциально способный эскалировать социально-политическую напряжённость.

Ключевые слова: региональные СМИ, вооружённый конфликт в Донбассе, теория мирной журналистики.

Модификация информационного пространства, направляемая тенденциями глобализации и цифровизации, обуславливает возрастающую роль средств массовой информации в институализированной системе отношений «общество – государство», их способность оказывать влияние на социально-политический гомеостаз государства. При этом в оценке совокупности всех имеющихся функциональных возможностей

массмедиа как социального института и влиятельного массового коммуникатора важно понимание потенциала СМИ в процессе конструирования публичной сферы обсуждения конфликтов, которые не только являются неотъемлемым фактором поступательного развития человеческой цивилизации, но и имеют исключительную новостную ценность и релевантность, трансформируя традиционный тип медиаторства в технологию продуцирования конфликтных нарративов «на поток».

Воздействующий потенциал медиаакторов трудно переоценить в условиях актуальных военно-политических конфликтов гибридного типа: в частности, в период прямой вооружённой агрессии против населения Донбасса, характеризующейся выдвиганием в фокус неконвенциональных форм воздействия, атрибутивными средствами которых традиционно считают СМИ, весьма актуальным, на наш взгляд, становится вопрос о значении деятельности журналистов как конфликтных медиаторов, определяющих логику ведения политико-милитарных дискуссий – роли, продиктованной онтологическим свойством дискурса СМИ, их «коммуникативной привилегией» – обращаться к реципиенту напрямую, вступая с ними в диалог [1, с. 25]. При этом своеобразие вооружённого конфликта порождает проблему дуальной системы функционирования региональных медиа, где последние, взяв на себя важную миссию концептуализации военно-событийного пространства Донбасса сквозь призму приближённости к местному потребителю информации, способны одновременно как выполнять конструктивные в аспекте мирного урегулирования военно-политического противостояния функции, содействуя положительной трансформации конфликта ненасильственными методами, так и демонстрировать высокий конфликтогенный потенциал, способствуя аугментации эскалации конфликта и социальной напряжённости.

Необходимость системного подхода к изучению специфики освещения вооружённого конфликта в Донбассе региональными СМИ Луганщины как неотъемлемого компонента «информационного фронта» в целях определения слабых мест современной луганской медиасистемы и последующей выработки

оптимального алгоритма деятельности медиаредакций, нацеленной на деэскалацию и урегулирование вооружённого противостояния в регионе, обусловила актуальность темы исследования.

Научную новизну и значимость работы констатирует академическая стратегия компаративной оценки миротворческого потенциала или конфликтогенного характера медиа в контуре теории мирной журналистики норвежского социолога и классика конфликтологической науки Й. Галтунга на примере региональных медиа, функционирующих на пересечении двух антагонистических медиадискурсов, – республиканского телеканала «Луганск 24» и украинского творческого объединения «Суспільне Донбас», осуществляющих деятельность в пределах исторически сложившихся границ Луганщины. Цель – исследование проблемы медиации вооружённого конфликта региональными СМИ сквозь призму теории Й. Галтунга.

Компаративный анализ механизмов определения концептуального поля феномена «вооружённый конфликт в Донбассе» в массовом сознании аудитории Луганского региона построен на дескриптивном научном подходе экспертизы журналистских материалов, в которых материализуется военная тематика. Ключевыми методами выступают: 1) контент-анализ, предусматривающий количественно-качественное исследование медиатекстов с целью дальнейшей содержательной интерпретации выявленных числовых закономерностей, отражённых в материалах о вооружённом конфликте; единица анализа – новостной сюжет о вооружённом конфликте, выражающий законченную мысль об актуальном событии, коррелирующем с военным противостоянием; и 2) критический дискурс-анализ, позволяющий установить идеолого-политическую ангажированность СМИ и тенденциозность публикаций, сосредоточив внимание на экстралингвальных факторах производства медиатекстов.

Теоретико-методологической основой исследования послужила концепция конфликта Й. Галтунга, построенная на дихотомии антагонистически противопоставляемых принципов «миротворческой журналистики» и «журналистики войны/насилия». Так, согласно теории, функциональное поле «журналистов мира» как третьей нейтральной стороны и

фасилитатора конфликтной ситуации обращено на создание публичного пространства для диалога между конфликтующими сторонами посредством глубокого анализа мотивов и причин генезиса противостояния, целей его участников, стимуляции поиска приемлемого для обеих сторон разрешения конфликта [6]. В аспекте исследования конфронтации, по нашему мнению, именно «взвешенная аналитическая позиция» [3, с. 290–291] как когнитивно-дискурсивный феномен медиатекста является важным условием эффективной реализации миротворческой медиастратегии, поскольку способствует развитию информационной и ценностной рефлексии у адресата, формируя стабильный интерес и отношение к репрезентируемым явлениям действительности.

Негативная же модель информационного сопровождения конфликтов – военная журналистика, занимающая, по убеждению норвежского учёного, доминирующие позиции в дискурсивной практике СМИ [7, с. 164], – будучи направленной на усиление выраженного эмоциогенного фона милитарного нарратива, оказывает деструктивное воздействие на реципиента и стимулирует обострение социального напряжения вокруг чувствительных тем в медиапространстве. Тем самым, журналистика войны представляет собой информационно-коммуникационное оружие по управлению данным противостоянием в руках определённой конфликтующей стороны, изолируя дипломатические инициативы субъектов вооружённого конфликта.

Путём агрегирования и структурирования результатов научных исследований Й. Галтунга нами выделены основные критерии оценки материалов СМИ по вооружённому конфликту на Донбассе, соответствующие максимам теории мирной журналистики: ангажированность; баланс мнений конфликтующих сторон; внимание к вопросу урегулирования конфликта; язык конфликта.

Проведённый по критериям миротворческой журналистики анализ позволил отразить основные закономерности медиации локального вооружённого конфликта региональными СМИ: в выпусках информационно-просветительной программы «Вести 24»

(«Луганск-24», ГТРК ЛНР) и информационной передаче «Новини» (филиал АО НОГУ – «СуспільнеДонбас»), вышедших в эфир в I квартале 2022 г., в частности:

1. Негативизм и внимание к насильственному аспекту событий.

Путём установления семантических маркеров концепта «вооружённый конфликт в Донбассе» и фиксации длительности ранжированных информационных материалов военной тематики в новостных выпусках для дальнейшего выражения процентных отношений были выделены основные доминантные медиатопики телеканалов: «Обстрелы и ситуация на фронте» (23,6% сюжетов «Вестей 24» и 36,3% – «Новин»), «Уязвимые группы населения» (17,7% и 12,8% соответственно), «Истории военнослужащих» (3,4% и 10,8%), «Память погибших военнослужащих и мирных граждан» (2,5% и 9,0%), «Безопасность мирных жителей» (2,9% и 8,2%) и др. При этом наибольшая доля тематических материалов представленных СМИ приходится на новостные сюжеты, в интерпретационном аспекте представляющие ежедневные информационные военные сводки, отражающие сведения о направлениях обстрелов, иных действиях провокационного характера оппонента; видах, характере и мощи применяемого оружия; статистическую информацию об уничтожении личного состава, военных сооружений и техники противника. В функциональном аспекте сюжеты этой проблемно-тематической группы носят реакционный характер, способствуя активной реализации массмедиа информационно-событийного потенциала новостных материалов.

В контексте риск-рефлексии производства электронными СМИ ЛНР конфликтогенных медиатекстов – журналистских материалов, способных стимулировать возникновение или эскалацию вооружённого конфликта и, как следствие, грозящих дестабилизацией социальной системы, – важным представляется рассмотрение тематических категорий «Военные преступления против мирных жителей» (17,4%) и «Реинтеграция, налаживание мирной жизни на освобождённых территориях» (17,4%), образующих проблемно-семантическое ядро «Вестей 24». Так, основным стратегическим приоритетом луганского СМИ стала

смысловая дуальная система «инвектива – апологетика», реализуемая посредством медиатекстов об острых резонансных историях, построенных на принципах «разоблачающей журналистики» и коррелирующих с лейтмотивом преступности действий военно-политического руководства Украины в отношении мирного населения Донбасса, и новостных сюжетов, демонстрирующих положительные трансформации социально-экономических условий жизни на деокупированных силовыми подразделениями ЛНР территориях, достигая эффекта контраста как важнейшего нарративного приёма.

2. Дефицит информации по вопросам деэскалации и урегулирования вооружённого конфликта.

Неотъемлемой частью взвешенного и содержательного подхода к медиации военно-политической конфронтации, способствующей подлинному диалогу между конфликтующими сторонами и активным методам изучения конфликта общественностью, являются материалы миротворческой проблематики.

Вместе с тем, нехватку «мирных» институционализированных редакционных практик, связанную с вытеснением темы разрешения военно-политического столкновения на периферию внимания журналистов обоих телеканалов проблемой информационного обеспечения вооружённого конфликта, демонстрирует статистика: так, фрейм «Урегулирование вооружённого конфликта в Донбассе» промаркирован в 1,3% сюжетов «Вестей 24» (или 6 сюжетов) и 6,2% – «Новин» (3 ед.). Наглядно и отсутствие рекомендаций со стороны редакций СМИ, связанных с поиском путей деэскалации сложившейся ситуации и механизмов публичной дипломатии.

В качестве детерминантов этой отрицательной тенденции определены:

1) динамическая взаимосвязь медийного и политико-милитарного дискурсов, выступающих как «зеркальное», взаимообусловленное отражение друг друга, и проблематизация в незначительной степени вопроса мирного урегулирования конфликта в Донбассе политическими субъектами конфликтующих сторон и мировой арены в целом – готовность массмедиа создать

консенсусный образ военно-политической действительности, считаем, должна предопределяться степенью открытости к диалогу общественно-политических элит и авторитетов;

2) доминированием информационно-новостных жанровых моделей, исключающих возможность аналитического подхода к исследованию конфликта.

3. Избегание плюрального освещения политико-мотивированных и милитарных процессов.

Критический дискурс-анализ эмпирической плоскости избранной тематики иллюстрирует активную эксплуатацию анализируемыми СМИ дискурсивной модели информационного монизма, построенной на бинарно-оппозиционном видении мира в черно-белом свете. Однополярность в освещении вооружённого конфликта наглядно прослеживается в медийных нарративах, репрезентирующих мнения и позицию исключительно лидеров и представителей властных структур государства, в рамках которого журналисты осуществляют профессиональную деятельность. При этом в синхронном срезе журналистами не представлены вовсе такие интертекстуальные маркеры многополярной модели интерпретации военно-политической и социальной действительности, как цитатная (прямая или косвенная) речь выразителей альтернативных и/или противоположных точек зрения, в том числе экспертного мнения. В частности, в сюжетах «Новин» отсутствуют комментарии представителей и лидеров ЛДНР и Российской Федерации, «Вестей 24» – украинских политиков и участников переговорного процесса.

4. Политико-идеологическая тенденциозность и ангажированность медиадискурса.

Специфика функционирования республиканского и украинского региональных массмедиа, чутко реагирующих в кризисный период военного противостояния на заказ «социального» ряда, связана с поляризацией общественного мнения: так, в силу политической и/или идеологической ангажированности медиатексты создаются с повсеместно и скрытно этатистски окрашенным смыслом, «в соответствии с конвенцией конфликта и конфронтации» [5, с. 408]. Факторами,

обуславливающими представленную интенциональную конфигурацию региональных СМИ, по нашему мнению, являются:

1) выраженная политика этатизма стран-участниц вооружённого конфликта: в период остросоциальных событий, сопровождающихся социально-экономической стагнацией, медийно-милитарный нарратив темпорально пребывает под влиянием правительственных и военных институтов власти субъекта конфронтации, формирующих информационную повестку дня, отвечающую интересам государственной безопасности;

2) подчинённость концептуальной теории для медиа периода развития (по Г. П. Бакулеву) [2, с. 18; 4, с. 20], в соответствии с которой СМИ и отдельные журналисты выступают как государственный институт политического влияния и обязуются поддерживать, а не критиковать действующее правительство, способствуя достижению страной определённой степени политического и экономического развития [2, с. 18];

3) господство модели прямого владения и директивного контроля со стороны государства и, как следствие, экономическая зависимость медиакомпаний: государственная организационно-правовая форма деятельности ГТРК ЛНР и национальная – филиала «СуспільнеДонбас» АО НОТУ образует систему экономических рычагов воздействия и стимуляции со стороны государства-учредителя, способного осуществлять регуляцию редакционных принципов информационного вещания.

6. Наличие маркеров речевой агрессии.

Существенный аспект в отношении дескриптивной оценки конфликтогенного потенциала медиатекстов военной тематики – определение специфики лингвомедийного конструирования региональными СМИ вооружённого конфликта в Донбассе и раскрытие текстовых моделей, содержащих эмотивно-оценочные элементы речевой агрессии. Так, в целях достижения ожидаемого перлокутивного эффекта и прагматического воздействия на эмоциональную сферу реципиента, телеканалы реализовывали конкретные элементы эксплицитной и имплицитной информационной агрессии посредством лексико-семантических средств резко оппозиционного характера, в том числе характерных для агонального политического глоссария. В

частности, зафиксировано использование прагмалингвистических языковых средств выразительности, связанных с конструированием бинарной оппозиции «свой – чужой», вербализацией образов агрессора и жертвы, дискредитированием другой стороны конфликта, негативизацией любых действий оппонента и оправданием (легитимизацией) поступков субъектов из семантической группы «свои». Кроме того, среди приёмов речевого оценочного конструирования военно-политической действительности мы выделили глорификацию и солидаризацию, ориентированные на героизацию дискурсивной категории «своих» путём гиперболизации доблестей и добродетелей, и иронизацию, реализующую функцию формирования отрицательного имиджа и нанесения коммуникативного вреда противнику.

Таким образом, с опорой на вышеизложенные результаты дескриптивного анализа особенностей медиаконструирования феномена трудноразрешимого, перманентного вооружённого конфликта в Донбассе в антагонистических медиадискурсах с позиции теории «мирной журналистики» Й. Галтунга, мы пришли к заключению, что приведённые текстологические и семантико-смысловые идентификаторы свидетельствуют о деривации от концепции «мирной журналистики» редакционных принципов региональных СМИ – телеканала «Луганск 24» и творческого объединения «Суспільне Донбас», специфика медиации локального военно-политического противостояния которых соответствует доминирующей практике журналистики войны и дискурсу информационной войны как неотъемлемому компоненту гибридных войн. В контексте проблемы вооружённого конфликта в Донбассе основная задача миротворческой медиатизации противоборства «снизить социальную напряжённость» подменяется тривиальной инструментальной функцией по передаче целевой аудитории информации, срочно, точно и полно.

При этом, по нашему мнению, решающее значение в корреляции массмедийной практики со сферой миротворчества имеет направление по имплементации принципов мирной журналистики в медиапрактику республиканских СМИ и журналистов, освещающих театр военных действий, среди которых: соблюдение профессиональных принципов

объективности, политически, национально, идеологически и лично беспристрастного информирования; предоставление аудитории обширных материалов аналитического характера; соблюдение баланса мнений; подача материалов о реализации мероприятий, направленных на деэскалацию и разрешение конфликта, и подчёркивание важности реализации достигнутых мирных соглашений; избегание публикации материалов травмогенного и глорификационного характера; отказ от лексических единиц языка агрессии.

Список литературы

1. Акопян, А. А. Роль и значение СМИ в условиях вооруженного конфликта / А. А. Акопян // Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания. – 2014. – № 22. – С. 24–25.

2. Бакулев, Г. П. Массовая коммуникация. Западные теории и концепции : учебное пособие / Г. П. Бакулев. – М. : Аспект Пресс, 2010. – 192 с.

3. Дмитриев, А. В. Противоречие между СМИ и властью: конфликтологический аспект / А. В. Дмитриев // Гуманитарные операции при чрезвычайных ситуациях и в вооруженных конфликтах. – 2002. – С. 289–292.

4. Дроздова, А. В. Журналистика Луганской Народной Республики: точки бифуркации / А. В. Дроздова // Современное медиaprостранство Луганщины: вызовы, тенденции развития : сборник материалов Международной научно-практической конференции (17 марта 2021 г.) / под ред. А. В. Дроздовой, Н. Ю. Калины. – Луганск : Книта, 2021. – С. 16–22.

5. Загидуллина, М. В., Киклевич, А. К. Некоторые аспекты демократизации языка современных российских СМИ / М. В. Загидуллина, А. К. Киклевич // Русистика. – 2021. – № 4. – С. 401–418.

6. Galtung J., Ruge, M. H. The Structure of Foreign News. The Presentation of the Congo, Cuba and Cyprus Crises in Four Norwegian Newspapers / J. Galtung, M. Ruge // Journal of Peace Research. – 1965. – № 2 (1). – P. 64–90.

7. Galtung, J. The Task of Peace Journalism / J. Galtung // Ethical Perspectives. – 2000. – № 7 (2–3). – P. 162–167.

Abbasova Sabina Takhirovna,
Master of Journalism
Lugansk State Pedagogical University
abbasovasabina01@gmail.com

**The specifics of mediation of the armed conflict in Donbas
by regional media: a comparative analysis of peacekeeping potential**

By a comparative analysis based on a descriptive approach to diagnosing the peacekeeping potential of media texts the paper captures the main patterns of mediation of the armed conflict in Donbass by the republican TV-channel Lugansk 24 and the Ukrainian creative association Suspilne Donbass from the point of view of the peace journalism theory by J. Galtung. The author establishes commitment of the media to the practice of military journalism, typical to hybrid armed conflicts, and identifies a suggestive media-discursive toolkit, which potentially capable of escalating socio-political tensions.

Keywords: regional media, armed conflict in Donbas, peaceful journalism theory.

Грицай Людмила Александровна,
кандидат педагогических наук, доцент
кафедры теории и истории педагогики
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный
педагогический университет
им. К. Д. Ушинского»
usan82@gmail.com

Информационное противостояние лидеров общественного мнения в российском медиапространстве в 2014 году по итогам госпереворота на Украине

В статье рассматривается информационное противостояние в российском медиапространстве в 2014 году, обусловленное последствиями госпереворота на Украине. Анализируются ключевые дискурсы, стратегии и тактики, используемые различными медиаперсонами для формирования общественного мнения в условиях нарастающего информационного воздействия. Рассматривается влияние данного противостояния на общественные настроения в России.

Ключевые слова: госпереворот на Украине, медиа, противостояние, информационная война, лидеры общественного мнения.

Как известно, 2014 год стал переломным моментом в политической истории постсоветского пространства. События на Украине, которые начались в ноябре 2013 года с массовых протестов на Майдане и привели к государственному перевороту, вызвали широкий резонанс не только в самой стране, но и за ее пределами.

Эти события стали катализатором масштабного информационного противостояния в России. Лидеры общественного мнения, представляющие различные идеологические течения, активно включились в борьбу за умы и сердца граждан, используя медиапространство в качестве основного поля битвы.

Они исходили тогда из двух полюсов.

Согласно первому из них (в трактовке прогосударственных медиаперсон), события на Украине 2013–2014 гг. – это результат «оранжевой революции», организованной США и странами-сателлитами для того, чтобы дестабилизировать обстановку около границ России, развязать войну и воспрепятствовать созданию Евразийского союза – крупнейшего межгосударственного интеграционного образования на постсоветском пространстве.

Согласно второму полюсу, транслируемому либеральными оппозиционными медиа, события, происходящие на Украине, никак не связаны с деятельностью американских спецслужб, они возникли спонтанно как народная революция, целью которой стала смена власти «заворовавшегося» президента В. Ф. Януковича. При этом Россия повела себя нечестно, «отобрав» у слабой Украины Крым и спонсируя «сепаратистов» на территории Юго-Востока страны.

В течение всего 2014 года эти два полюса сосуществовали друг с другом в мировоззренческом поле российской информационной среды.

Целью данного исследования стало изучение ключевых дискурсов, стратегий и тактик, которые использовались представителями двух вышеобозначенных полюсов для формирования общественного мнения в России в условиях нарастающего политического кризиса.

Для исследования проблемы использовались следующие методы: контент-анализ, позволяющий изучить содержание медиаматериалов, опубликованных в российских СМИ и блогосфере в 2014 году (в частности, были выявлены ключевые нарративы, риторика, темы сообщений, которые распространялись лидерами общественного мнения); дискурс-анализ, позволивший углубленно изучить, каким образом лидеры общественного мнения конструировали и легитимизировали определенные версии реальности в своих выступлениях и публикациях; метод кейс-стади, помогающий провести детальный анализ конкретных примеров информационного противостояния, представленных в медиaprостранстве.

Ключевыми фигурами в информационном противостоянии относительно оценки событий на Украине 2014 года стали лидеры

общественного мнения, которые использовали различные медиаплатформы для донесения своих позиций до широкой аудитории. Среди них были политики, журналисты, блогеры и эксперты.

Анализируя контент либерально ориентированных сайтов и блогеров, которых можно назвать современными западниками, нетрудно установить тот факт, что все они негативно оценивают роль России в украинском конфликте. Эти люди являлись фигурантами «болотных событий» зимы 2011–2012 года. Они призывали Россию к смене «режима» и обновлению в западном демократическом духе. Ныне часть из них внесена в список Минюста как иноагенты. В 2014 году их публикации отличало неприятие личности президента РФ и глубокий пессимизм в оценке событий, происходящих в стране.

Наиболее известными «рупорами» данных блогеров в 2014 году являлись сайты радио «Эхо Москвы», телеканала «Дождь» и «Новой газеты». Журналисты, работавшие на этих сайтах, называли присоединение Крыма к России «аннексией», язвили по поводу введения на полуостров групп «вежливых людей», призывали «остановить агрессию России на Юго-Востоке Украины», обвиняли людей, восставших в Донецке и Луганске против госпереворота, в сепаратизме. Факт гибели мирных жителей в результате карательной операции Киева данные медиаресурсы не отрицали, однако суть их комментариев, как правило, сводилась к негативной оценке деятельности России, добровольцев из России на территории Украины, а также местных «зачинщиков конфликта» со стороны ДНР и ЛНР.

Например, Артемий Троицкий – известный либеральный блогер и журналист – опубликовал тогда на сайте «Эхо Москвы» статью с громким названием «Солдаты неудачи», в которой сравнил ополченцев из Донецка и Луганска (автор называл последних «боевиками») с «лишними людьми» произведений русской литературы: «У этих... мужчин... есть как минимум один общий знаменатель: несостоявшаяся цивилизная жизнь... Их любят называть маргиналами, но это не совсем точно. Я определил бы этот контингент как «лишних людей XXI века». Они отчуждены от современного уклада жизни и не находят себе места» [12].

Дмитрий Быков – писатель, поэт, журналист с того же медиаресурса в своем интервью замечал: «Многие меня спрашивают: как вы относитесь к тому, что русских убивают в Донецке? У меня вопрос: а что русские делают в Донецке? Донецк – территория Украины. Кто их туда позвал?» [1]. В другой своей заметке «Крым и последнее хвастовство Путина», опубликованной на сайте «Эхо Москвы», Быков критично оценивал факт превращения Крыма в субъект Российской Федерации: «Надо, я считаю, как можно подробней раскрыть символическую функцию Крыма, потому что никакой другой у него, по сути, сейчас нет. Экономически он для России скорее убыточен, политически – сомнителен, ибо усилил изоляцию и рассорил с Украиной окончательно; но символически (или, как еще теперь любят говорить, геополитически) он ужасно важен» [2].

Далее в своей статье блогер пришел к выводу о том, что президенту страны нечем гордиться. По его суждению, «при Путине произошла лишь небывалая деградация населения и жестокое усиление репрессивной системы» [2].

Глава общества «Мемориал» Олег Орлов также выступал против донецких и луганских «сепаратистов», захвативших власть в этих украинских областях. Репрезентируя доклад «Несостоятельный референдум», подготовленный правозащитниками этого общества, Олег Орлов обвинял народное ополчение Донецка и Луганска в том, что именно по их вине гибнут мирные жители. В своем докладе Орлов особо подчеркивал, что его миссию поддержали ведущие международные правозащитные организации, которые осудили факт проведения референдума о независимости в Донецке и Луганске 11 мая 2014 года за многочисленные нарушения и насилие над теми жителями этих областей, кто выступает «за единую Украину» [6].

Еще более жесткую оценку украинских событий находим в блоге Юлии Латыниной на сайте «Новой газеты» за 2014 год. Журналистка осуждала российские власти за признание и помощь самопровозглашенным республикам в Донецке и Луганске. Она сравнивала события захвата власти в этих областях с военными действиями на территории Чечни, когда Россия в результате военной операции заставила чеченцев остаться в составе РФ.

Латынина упрекала руководство страны в лицемерии и в развязывании гражданской войны в Украине. Она прямо обвиняла президента страны в том, что из-за его политики страдает простой народ [6].

Приведем еще одну статью с сайта «Новой газеты» за 2014 год. Это заметка Дмитрия Травина «Запад как Пигмалион». Статья направлена против граждан России, которых автор называл «Крымнашистами» (от словосочетания «Крым наш»). Автор полагал, что эти люди испытывают комплекс неполноценности и реваншистские настроения после краха СССР и краха своих ожиданий на сытую и благополучную жизнь. Западный мир блогер сравнивал с Пигмалионом из пьесы Б. Шоу, который взял бедную девушку с улицы и сделал ее настоящей леди, однако после проведения эксперимента вернул к прежней жизни: «Нечто в этом же роде проделал с нами Запад за последние четверть века. Отмыл, одел, накормил, научил говорить по-английски. Вытащил из советских очередей за товарами и соблазнил тем образом жизни, который мы почерпнули из снятых в Голливуде фильмов. Введя в общество потребления, Запад нас приручил, то есть научил ценить достигнутое благосостояние» [11]. По мнению автора, наша страна, как та самая девушка из пьесы Шоу, не способна жить самостоятельно, без помощи западного мира она вновь скатится к прежнему полунищенскому существованию, поэтому Крым стал своеобразной мстью европейцам за то, что мы не можем достичь такого же уровня жизни, как они.

Таким образом, либеральные оппозиционные медиа, такие как «Эхо Москвы», «Дождь», «Новая газета», критиковали действия российских властей относительно событий на Украине в 2014 году, подчеркивая негативные последствия для экономики и международной репутации России.

На стороне прогосударственной позиции России в 2014 году выступали как блогеры, так и лидеры общественных объединений. Приведем в качестве примера лишь несколько сайтов и авторов, публикующих там свои статьи. Это сайты «Однако» (<http://www.odnako.org/>), личный сайт писателя Николая Старикова (<http://nstarikov.ru/>), сайт газеты «Завтра» (<http://zavtra.ru/>).

Например, статья 2014 года одного из постоянных авторов портала «Однако» Романа Носикова имела громкое название «Мы вернулись!». Автор отстаивал право России оказывать помощь русскоязычному населению Украины: «На территории Украины (не вчера, намного раньше) возник проект по превращению огромного количества людей – наших людей! – в бессловесный скот, по спусканию их душ в унитаз. Это зло в чистом беспримесном виде. Неделю назад этот проект, наконец, решили легализовать. Нормальные новые власти начинают с амнистий. Эти – начали с запрета основного языка народа, который им удалось временно захватить, с разрешения восхвалять нацизм, с объявлений вне закона милиционеров, исполнявших свой долг. Мы просто не могли не вернуться, и мы вернулись» [5].

В других своих статьях Носиков рассказывал о происхождении идеологии украинского «западенства», полагая, что корни его следует искать в ненависти к России и всему русскому. «Украина – проект по расчеловечиванию огромной общности людей, по производству из русских нелюдей под руководством выруси. Эти люди избавлены от таких химер, как совесть и человечность. Их попросту неоткуда взять – потому что источник этих понятий для них закрыт. Потому что он – общий с нашим. А они не хотят иметь с нами ничего общего. Историческая миссия России – не только положить конец античеловеческому проекту, но и вернуть культуру и человечность жертвам этого эксперимента» [4].

Активно обсуждал кризис на Украине писатель Александр Проханов, регулярно в 2014 году публикующий статьи на эту тему. В статье «На Юго-Востоке Украины происходит убийство городов» Проханов называл уничтожаемые украинскими военными Донецк, Луганск, Славянск, Краматорск «городами-героями, городами русской святости», потому что ополченцы сражаются за право быть русскими [8]. «Они бьются с фашистским косматым пауком, который внезапно вылез из преисподней в центре Киева, набросился на Юго-Восток, жалит и убивает» [8]. Проханов рассматривал данный конфликт как битву поистине космического масштаба, как битву сил добра с силами зла. «Пойдите на кухню, откройте кран, и из него ударит не струя воды, а красная кровь

Донецка. Каждая рана и смерть в Луганске отзываются в любом русском сердце» [8].

Писатель говорил о том, что украинская ситуация – это переломный момент в истории России, начало ее освобождения от власти западного мира, который выиграл в холодной войне с СССР и подчинил себе нашу страну.

Проханов свидетельствовал о том, что отправил своего сына на поле брани и теперь желает ему и всей России победы. «Я обращаюсь к жителям Юго-Востока, я исполнен ненависти и любви. Сейчас там с вами – мой сын, мои друзья. Я молюсь за своих близких, за Донбасс, за Россию. Всё равно мы победим! Держитесь! С Богом!» – такими словами он стремился поддержать соотечественников на Востоке Украины [7].

Те же мысли находим в статье 2014 года члена Изборского клуба О. В. Розанова, которая была опубликована в газете «Завтра».

Начиналась статья такими словами: «Россия возвращается к своей исторической миссии. Наше оружие – это смыслы, осмысление величия страны, народного единства. Россия будет готова к ударам западной машины манипуляции, только укрепив национальное смысловое единство, взрастив свою идеологию, возродив духовные и исторические скрепы нашей страны» [9]. Далее автор еще раз пояснял свою точку зрения: «Уникальность нынешнего исторического состояния России заключается в том, что мы вступаем в ту фазу развития, когда начинают проступать контуры будущей Пятой империи, возрождающейся державы XXI века. Приняв историческое решение о присоединении Крыма и Севастополя, наш лидер смело и жестко обозначил дух развития Российского государства, он отправил ясный посыл мировому сообществу: «Великая Россия возвращается!» Мы все ждали этих эпохальных слов» [9].

О. В. Розанов писал о смыслообразующих основах русской цивилизации, по его мнению, это соединение мистического и земного, стремление к созиданию царства правды, православное убеждение в том, что «Россия есть Дом Пресвятой Богородицы», и мессианская вера советских людей в правоту своего дела («наше дело правое, победа будет за нами»). Раскрытие России – на уровне

мировых отношений – это воспроизводство данного Богом разнообразия, священной божественной гармонии. Это соби́рание вер, народов и культур без их обезличивания. Это многоголосие, свобода как самостоятельность и самобытность. Это уважение других в их суверенности и самобытности [9]. А без Украины как части русского мира создать новую российскую империю будет практически невозможно, поэтому враг, создавший на обломках СССР олигархическое государство по западному образцу, и хочет оторвать украинскую землю от России.

Показательной в данном ключе является статья писателя Н. В. Старикова, опубликованная в 2014 году в его блоге. Статья называлась «Лучше бы Ходорковскому сидеть». В ней автор, анализируя прошедшие на Украине президентские выборы, а также громкие заявления о необходимости прекращения огня на Юго-Востоке одержавшего на них победу Петра Порошенко, пришел к выводу, что все слова олигарха, ставшего главою государства, не имеют под собой никакой реальной силы. Стариков сравнивал обстановку на Украине с обстановкой в России, когда другой олигарх – М. Ходорковский стремился усесться в президентское кресло. Сейчас же Ходорковский одним из первых поздравил Порошенко с победой.

Стариков жестко оценивал действия этих людей и называл их предателями: «Маски отброшены окончательно. Предатели и есть предатели. Они против России всегда и везде. Они защищают право США творить любой произвол по своему разумению на всей планете. И наблюдают, чтобы никто это право не ставил под сомнение. Но мы это запомним» [10].

Следует заметить также, что эти лидеры общественного мнения полагали, что В. В. Путин сможет, преодолев сопротивление внешних (США и европейские страны) и внутренних («пятая и шестая» колонны внутри самой России) сил, воссоздать великую, могучую и независимую Россию.

Выводы

1. Госпереворот на Украине продемонстрировал раскол в российском медиапространстве, отражающий противостояние либерально ориентированных медиаперсон и государственников, поддерживающих действия В. В. Путина.

2. Либеральные оппозиционные медиаперсоны в своих публикациях 2014 года относительно событий, происходящих на Украине, продемонстрировали, что мыслят и существуют в традициях крайнего западничества. Они жестко критиковали государственную власть в стране, видели в западном образе жизни и ценностях оплот благополучия России. События на Украине эти люди комментировали однозначно: в Киеве власть сменилась по воле народа, Украину необходимо отпустить в ЕС, Крым вернуть «законным хозяевам», России нужно забыть о своих имперских амбициях и никоим образом не вмешиваться в украинские события, осудив и отмежевавшись от «сепаратистов», захвативших власть в Донецке и Луганске.

3. Медиаперсоны, придерживающиеся прогосударственной позиции, в своих статьях 2014 года разделяли идею, сложившуюся в трудах создателей цивилизационного подхода, о том, что Россия представляет собой великую самобытную цивилизацию, отличную как от западной, так и восточной культур и призванную к построению диалога между ними. Они ратовали за созидание Евразийского союза, который станет одной из новых форм существования Российской империи. События на Украине они рассматривали как нападение США и европейцев, продвигали идеи о необходимости защиты русскоязычного населения Украины, поддерживали сопротивление на Юго-востоке Украины, указывали на участие спецслужб США в управлении украинскими элитами, пришедшими к власти в результате госпереворота.

4. Основными стратегиями, использованными в информационном противостоянии в 2014 году, стали эмоциональное воздействие и акцентирование на ключевых аспектах, которые могли усилить или ослабить позиции той или иной стороны. Прогосударственные медиаперсоны активно использовали нарративы о «фашистской угрозе» и «западном следе» в происходящих событиях, что позволяло мобилизовать патриотические чувства граждан России. В свою очередь, оппозиционные медиа фокусировались на проблемах, связанных с «аннексией Крыма» и военными действиями на востоке Украины, акцентируя внимание на нарушениях прав человека и экономических санкциях, наложенных на Россию.

5. Информационное противостояние, развернувшееся в российском медиапространстве в 2014 году, стало отражением глубоких социальных и политических изменений, вызванных госпереворотом на Украине. Лидеры общественного мнения сыграли ключевую роль в формировании общественных настроений, используя медиаплатформы для распространения своих идей и убеждений.

Список литературы

1. Быков, Д. Из интервью / Д. Быков [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://echo.msk.ru/programs/personalno/1333020-echo/> (дата обращения: 22.01.2022).

2. Быков, Д. Крым и последнее хвостовство Путина / Д. Быков [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://echo.msk.ru/blog/bykov_d/1334716-echo/ (дата обращения: 22.01.2022).

3. Латынина, Ю. Россия не увеличивает русский мир – она его уменьшает / Ю. Латынина [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.novayagazeta.ru/columns/63911.html> (дата обращения: 22.01.2022).

4. Носиков, Р. Война миров У / Р. Носиков [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.odnako.org/blogs/voyna-mirov-u/> (дата обращения: 22.01.2022).

5. Носиков, Р. Мы вернулись / Р. Носиков [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.odnako.org/blogs/mi-vernulis/> (дата обращения: 22.01.2022).

6. Орлов, О. На контролируемой боевиками ДНР территории нарушают права человека / О. Орлов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dw.de/олег-орлов-на-контролируемой-боевиками-днр-территории-нарушают-права-человека/a-17655427> (дата обращения: 22.01.2022).

7. Писатель Проханов отправил сына добровольцем на Юго-Восток [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mosved.ru/news/russian-world/russia/13936.html> (дата обращения: 22.01.2022).

8. Проханов, А. На юго-востоке Украины происходит убийство городов / А. Проханов [Электронный ресурс]. – Режим

доступа: <http://mosved1.ru/news/russian-world/russia/14133.html> (дата обращения: 22.01.2022).

9. Розанов, О. В. Освящение материи / О. В. Розанов [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://zavtra.ru/content/view/osvyaschenie-materii/> (дата обращения: 22.01.2022).

10. Стариков, Н. Лучше бы Ходорковскому сидеть / Н. Стариков [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://nstarikov.ru/blog/40481> (дата обращения: 22.01.2022).

11. Травин, Д. Запад как Пигмалион / Д. Травин [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.novayagazeta.ru/comments/63935.html> (дата обращения: 22.01.2022).

12. Троицкий, А. Солдаты неудачи / А. Троицкий [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.echo.msk.ru/blog/troitskiy/1327174-echo/> (дата обращения: 22.01.2022)

Gritsai Lyudmila Alexandrovna,

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the
Department of Theory and History of Pedagogy
Yaroslavl State Pedagogical University
named after K. D. Ushinsky
usan82@gmail.com

Information confrontation of public opinion leaders in the Russian media space in 2014 following the coup in Ukraine

The article examines the information confrontation in the Russian media space in 2014, caused by the consequences of the coup in Ukraine. The key discourses, strategies and tactics used by various media personalities to form public opinion in conditions of increasing information impact are analyzed. The influence of this confrontation on public sentiment in Russia is considered.

Keywords: coup d'état in Ukraine, media, confrontation, information war, leaders of public opinion.

Даренский Виталий Юрьевич,
доктор философских наук, профессор,
заведующий кафедрой философии
МГУТУ им. К. Г. Разумовского
darenskiy1972@rambler.ru

**Актуализация концепта «Москва – Третий Рим»
в контексте идеологической войны с Западом**

В статье обоснована актуализация концепта «Москва – Третий Рим» в современной идеологической войне с Западом. Третьего Рима несет в себе не только специфически христианские смыслы, но и смыслы общекультурные, которые могут быть понятны и светскому человеку. «Рим» как символ есть синоним цивилизованного содружества народов. «Третий» указывает на преемство России с традицией римской цивилизации, на которую претендует также и Запад. В настоящее время Запад стал антицивилизацией, разрушающей все фундаментальные ценности. Два уровня смысла учения о Москве как Третьем Риме – сакральный и секулярный – в равной степени важны для современного русского самосознания. Элементом, который может разрушить всю систему западной пропаганды, является концепт «Москва – Третий Рим» в его расширенном смысловом варианте.

Ключевые слова: идеологическая война, «Москва – Третий Рим», Россия.

В информационной войне Запада против России Запад использует свою традиционную русофобскую мифологию, основные тезисы которой были придуманы еще полтысячелетия назад в эпоху Ивана Грозного и с тех пор, по сути, не изменились. Эти тезисы рассчитаны на историческое невежество своих адептов и легко опровергаются фактами. Но проблема состоит в том, что историческое невежество является массовым как на Западе, так и в самой России, поскольку основано на низком уровне культуры современного человека, его комфортной приспособленческой психологии. «Взломать» эту психологию и заставить людей всерьез

воспринимать русский взгляд на мир и на историю можно только с помощью использования эффективных тезисов, которые могут стать «мемами». Важнейший такой мем был введен в оборот В. В. Путиным, но до сих пор не используется в публичном дискурсе, несмотря на свой огромный смысловой потенциал (точнее, сознательно замалчивается «хозяевами дискурса» и в самой России). Это определение коллективного Запада как «Империи лжи». На основе этого концепта можно построить такой подлинный и точный образ Запада как антицивилизации с антиценностями, ведущими человечество к гибели, образ, которому Запад ничего не сможет противопоставить, кроме своей привычной лжи, в которую уже давно верит только бессмысленная толпа. А в противоположность Западу мы строим образ России как мирового цивилизационного лидера, защищающего традиционные ценности, обеспечивающие физическое выживание народов и защищающие их от духовной деградации. Такая модель может быть очень эффективной и для консолидации русского самосознания, и для разрушения русофобских мифов на уровне «глобальной аудитории».

Целью данной статьи является обоснование актуализации известной идеологемы «Москва – Третий Рим» в её новом, не сугубо религиозном, в цивилизационном смысле – как эффективного концепта в современной идеологической и информационной войне с Западом. Это продолжение нашей предшествующей работы [3] в контексте новых вызовов идеологической войны и тех проблем в той сфере, которые высветила СВО [5; 10].

В настоящее время в России существует большое количество работ по теме новейшей идеологической войны, однако эффективные концепты до сих пор в полной мере не сформулированы. «Информационное пространство, – отмечается в одной из таких работ, – формирует собственные ресурсы и изменяет значимость традиционных ресурсов, создавая новую среду геополитических отношений и конкуренции... изменяет характер и содержание социально-политических (общественных) отношений во всех сферах – политике, культуре, науке, религии и других» [6, с. 96]. Поэтому «если ранее для учета и

прогнозирования потенциала государств использовались три измерения – политическое, экономическое и военное, то сегодня констатируется рождение новой области – информационной стратегии» [7, с. 106]. Это объясняется тем фактом, что «профессионально осуществляемая пропаганда способна созидать мощнейшее государство и “разрушить его до основания”, чему есть исторические подтверждения. Она может мобилизовать общество и полностью деморализовать его. В ее силах победить, уничтожить самую мощную армию и способствовать ее возрождению, модернизации, поднятию духа» [11, с. 15].

Война против Запада в идеологической сфере должна быть только наступательной, то есть в первую очередь состоять в обвинениях и обличениях Запада. В настоящее время такой стиль идеологической войны уже стал стихийно формироваться на уровне официального дискурса, включая высказывания президента В. В. Путина, главы МИД С. В. Лаврова и других лидеров страны. Однако при этом не хватает системной разработки наступательного дискурса идеологической войны. Такой дискурс может эффективно разрабатываться только целым профессиональным сообществом, которое должно быть хотя бы отчасти и организованным на государственном уровне. В основу позитивного противопоставления западного и российского обществ должен быть положен совсем иной принцип и другая терминология, не зависящая от привычных западных схем. С другой стороны, эта терминология должна быть понятна и западной аудитории. В качестве такой терминологической схемы можно использовать противопоставление России как мобилизационного общества – Западу как обществу манипулятивному. Эти термины соответствуют объективной реальности, но, кроме того, также указывают на направление эволюции этих обществ. Россия может выжить и развиваться только как мобилизационное общество – т.е. общество, которое развивает качества людей, необходимые для духовного и материального развития народа. Запад существует в рамках модели общества потребления, заданную ему «хозяевами мировых денег».

Еще до начала СВО американский журнал «U.S. News&WorldReport» представил свой ежегодный рейтинг

влиятельности стран мира. Возглавляют список США, на втором месте оказалась Россия, на третьем – Китай. Современная Россия занимает лидирующие позиции в мире, однако в сфере идеологии как «мягкой силы» до сих пор не имеет «точки опоры». Но важно понимать, что идеология не «придумывается», но может быть эффективной только в том случае, если она опирается на народное самосознание.

Русское историческое сознание изначально формировалось не на основе этнической или государственной идентичности, а на основе принадлежности к Руси как сакральной общности православного народа. После падения Второго Рима для православного сознания было совершенно очевидно, что теперь его роль Катехона переходит к Москве. Учение о Москве как «Третьем Риме», основанное на концепции «переноса империи» (*translatio imperii*). Этот перенос всемирного православного Царства из павшего под ударами турок Константинополя мог произойти только в Москву – никакого другого государственного центра православного мира в этот момент уже не осталось. В наше время это учение подвергается не только искажениям, но и сознательному оболганию, поэтому важно прояснить его суть.

Парадоксальным является тот факт, что до XX века учение о Москве как Третьем Риме оставалось почти никому неизвестным, кроме специалистов по церковной истории. Более того, некоторые богословы, например, профессор Московской духовной академии А. Д. Беляев в двухтомнике «О безбожии и антихристе» (1898) скептически отмечал, что в то время термин не получил распространения: «В старину иные русские Москву и Россию называли третьим Римом; но это название не привилось. В настоящее время никто из учёных не употребляет этого названия, а народу оно даже совсем не известно. Да и действительно, что общего у православной России с Римом?» [1, с. 3]. Этот скепсис А. Д. Беляева объясняется тем, что к XIX веку учение о «Третьем Риме» фактически было полностью забыто.

Как отмечают исследователи, религиозное понимание Москвы как Третьего Рима не было «придумано» одним человеком, а сложилось стихийно по объективным причинам среди русских людей XVI века на почве политических и религиозных

воззрений в связи с историческими событиями того времени, в первую очередь, с захватом Второго Рима мусульманами [12]. В этом отношении русское историческое сознание было таким же, как и сознание избранного народа Ветхого Завета. Более поздние типы исторического сознания русских уже «наслаивались» на эту изначальную сакральную «матрицу» и благодаря этому приобретали особое сакральное измерение – в первую очередь, понимание сущности русской имперской государственности [2]. В свою очередь, отступление народа от Церкви в XX веке неизбежно привело к разрушению национального исторического самосознания, поскольку была разрушена его изначальная основа. В соответствии с главным «законом» национального бытия, в свое время сформулированным Ф. М. Достоевским, утрата православной веры делает русских толпой без национальности, а их историческое сознание подменяется либо либеральным космополитизмом, либо советским антихристианством. В частности, в письме А. Н. Майкову 1870 г. он писал о террористах XIX века: «Россия выблевала вон эту пакость, которую ее окормили, и, уж конечно, в этих выблеванных мерзавцах не осталось ничего русского» [4, с. 467].

Как отмечают исследователи, в настоящее время «Православная Церковь вновь превратилась в социальный институт, защищающий интересы государства. В то же время его дискурс пропитал политику чувством духовного превосходства. По данным PewResearchForum, число россиян, которые идентифицируют себя как “православных христиан”, увеличилось примерно на 35% в период с 1991 по 2008 год, увеличившись с 37% до 72%. В дополнение к росту религиозной идентичности 69% россиян считают, что их культура, включая религию, “превосходит другие”» [9, с. 1942].

Поэтому только православное учение о Москве – Третьем Риме может быть единственной серьезной основой возрождения русского исторического сознания уже и в наше время. Это учение должно быть сформулировано на языке современной науки и культуры, однако его смысл от этого не меняется. Россия как государство и цивилизация является преемником православной империи и цивилизации Нового Рима (для которого на Западе была

в XVII веке придумана оскорбительная кличка «Византии»). Для воцерковленных людей этот факт очевиден и не требует специального обоснования. Однако людям светским он, как правило, непонятен и представляется в крайне искаженном и карикатурном виде. Для преодоления этой ситуации требуются большие просветительские усилия. Вместе с тем, имя Третьего Рима несет в себе не только специфически христианские смыслы, но и смыслы общекультурные, которые могут быть понятны и светскому человеку. «Рим» как символ есть синоним цивилизованного содружества народов. «Третий» указывает на преемство России с великой традицией римской цивилизации, на которую претендует также и Запад. В настоящее время Запад стал антицивилизацией, разрушающей все фундаментальные ценности, созданные христианской традицией и превращающий человека в inferнальное существо. Поэтому в современном мире Россия оказывается последней хранительницей не только христианского, но и римского цивилизационного наследия.

Эти два уровня смысла учения о Москве как Третьем Риме – сакральный и секулярный – в равной степени важны для современного русского исторического сознания, поскольку подавляющее большинство населения России сейчас является секулярным. Для этого большинства населения может быть понятной и позитивно восприниматься только цивилизационный уровень, а не изначальный – религиозный. Поэтому этот секулярный уровень учения должен разрабатываться как основа русской национальной идеи и идеологии. Хорошим примером такой секулярной экспликации является книга А. С. Панарина «Православная цивилизация в глобальном мире». Естественно, что не менее важной является и дальнейшая богословская разработка изначального учения как основы православной историософии.

Но после процесса секуляризации, который давно уже приобрел глобальный характер, «возвращение сакрального» в том виде, в каком оно определяло массовое сознание в традиционных обществах, становится невозможным. Религиозное мировоззрение сохраняются и возрождаются у современного человека в силу его экзистенциального опыта, а не в силу традиционного религиозного образа жизни, который давно разрушен. Тем самым, люди, которые

в настоящее время возвращаются к традиционным религиозным практикам и целостному религиозному мировоззрению, не станут социальным большинством, но составляют фактическую духовную «элиту» общества – по аналогии с варной «брахманов» в традиционном обществе. Для большинства же населения сакральные ценности и элементы религиозного мировоззрения в настоящее время и в будущем являются своего рода новой «гражданской религией», консолидирующих общество на основе определенной цивилизационной идентичности. Но это становится уже невозможным в современном западном обществе, где идеологическая, очень жесткая и тотальная обработка населения через СМИ и систему образования носит ярко выраженный антирелигиозный характер – причем, даже еще более эффективный, чем в СССР. Фактически, западному обществу в настоящее время очень жестко навязываются антихристианские антиценности (эгоцентризм, гедонизм, содомия и разрушение семьи), которые ведут к вымиранию и ассимиляции народов уже в ближайшие десятилетия.

«Остаточное» христианство на Западе уже не может противостоять диктатуре антихристианских сил (мировых «хозяев денег»), и поэтому последняя надежда человечества – это не-западные народы во главе с Россией, наш «коллективный Восток». Как писал А. С. Панарин: «Тех, кто не порвал своих связей с великими традициями, переубедить нельзя. Они знают, что по самой своей сути человек не экономическое, а религиозное животное и только поэтому ему дано подняться над животным уровнем. Россия, ставшая эпицентром разрушительной работы глобалистов, не может выжить, не открыв этих новых перспектив. Новый интернационал четвертого мира, который она, по всей вероятности, возглавит завтра, будет воплощением альтернативного глобализма демократических низов. В качестве второго мира, меряющего себя с первым по критериям силы и успеха, Россия потерпела поражение и погибла. Возродиться она способна только как четвертый мир, отвергающий ложные критерии и прерогативы первого» [8, с. 75]. Данная идея по-новому представляет традиционное разделение Запад – Восток. В её основе лежит коллективное противостояние не-западного мира

насильственной вестернизации как деградации и примитивизации человека.

Главным мотивом Запада в противостоянии всему остальному миру, и в первую очередь России, является, во-первых, сугубо корыстный интерес, поскольку благосостояние Запада основано в первую очередь на сдерживании экономического развития большинства остальных регионов мира путем монополизации Западом технологий и финансовых средств. Во-вторых, это сдерживание было бы невозможным без идеологической демонизации не-западного мира. Главным средством демонизации является идеологический нарциссизм Запада, изображающего себя в качестве безальтернативного варианта развития для всего мира, от которого все остальные «отстают».

Именно поэтому в идеологической войне основными концептами должны быть те, которые резко обличают подлинные мотивы действий Запада и его примитивное самосознание: т.е. это концепты корыстности и нарциссизма Запада как его определяющие характеристики. Соответственно, Россия позиционируется как суверенная цивилизация, которая не подчиняется корыстному диктату Запада и движима принципом ответственности, а не корысти. Россия ответственна не только за свой собственный суверенитет и сохранение христианской традиции, уничтожаемой Западом, но теперь и за весь мир, противостоя глобальной диктатуре Запада. Последний аспект очень важен, поскольку *defacto*, по определению делает Россию *мировым цивилизационным лидером*. Цивилизационное лидерство определяется не размерами ВВП, а той моделью мироустройства, которую строит данная страна. Россия в данный момент соответствует этому понятию.

Коллективный Запад как целое является тоталитарным геополитическим сообществом по вышеуказанным причинам – поскольку само существование Запада как геополитического сообщества основано на экономическом и политическом подавлении его конкурентов и попыток установить глобальную диктатуру, опираясь на финансовую систему и блок НАТО как «мировую дубину», обеспечивающую господство доллара.

Радикальное применение понятия «тоталитаризм» по отношению к современному Западу может весьма эффективно разрушать его стандартную идеологическую схему, применяемую им для дискредитации не-Запада. То, что на Западе называют «демократией», не имеет никакого отношения к реальному народовластию, а представляет собой «политический театр» – манипулятивную систему, обеспечивающую реальную власть глобальной финансовой олигархии. У вассалов Запада словом «демократия» называют марионеточные режимы, назначенные американскими хозяевами. Соответственно, «диктатурами» пропаганда Запада называет те страны, которые не стали марионетками и развиваются самостоятельно, преодолевая бешеное сопротивление Запада. В настоящее время Россия стала самой активной из таких стран, что вызывает самую агрессивную идеологическую войну против неё. Выстоять в этой войне против идеологии Запада совершенно невозможно, находясь в позиции оправдания и пассивной обороны, как это до сих пор происходит.

Исследователи «законов» и принципов идеологической войны выделяют в качестве основного «приема» разрушения пропаганды противника следующий: «Качества информационного оружия, отражающие особенности его применения: асимметрия, благодаря которой отдельный элемент может оказаться сильнее всей системы (следствием асимметрии становится неожиданность, информационное оружие находит незащищенные места чужой системы); мимикрия, в соответствии с которой информационное оружие повторяет по форме типичный элемент данной системы, но несет при этом иное содержание» [7, с. 213]. Таким элементом, который «может оказаться сильнее всей системы» западной пропаганды, является концепт «Москва – Третий Рим» в его расширенном смысловом варианте.

Исходя из этой закономерности, нужно понимать, что российское идеологическое «оружие» должно быть направлено не на дискуссии по частным вопросам, а на жесткое «обрушение» всей «картины мира» идеологических врагов России. Именно такую функцию способен выполнить концепт «Москва – Третий Рим» в его расширенном понимании, включающем в себя не только его сакральный, религиозный смысл, но и смысл

более приземленный – цивилизационный. Главный принцип идеологической войны, как уже было сказано, стоит в том, чтобы перейти из оборонительной в наступательную позицию, и от оправданий – к жестким обвинениям в адрес Запада. Любые «оправдания» перед Западом в этой сфере абсолютно недопустимы, на них должно быть наложено «табу». Даже не вполне удачные действия России должны трактоваться исключительно в позитивном ключе. Именно так Запад оправдывает любые свои действия, в том числе и откровенно преступные – и большая часть мировой аудитории по привычке верит этой идеологической «картинке». В непосредственных разоблачениях лжи западных СМИ следует употреблять введенное в оборот президентом В. В. Путиным чрезвычайно удачное определение Запада как «Империи лжи» – и употреблять всегда и везде до такой степени частоты и привычности, чтобы это выражение стало мемом, а затем вошло в язык как идиома. Сначала в русский язык, а потом и во все остальные.

Русские идеологические концепции, используемые в информационной войне против Запада, будут эффективными только в том случае, если будут следовать главному принципу: они не могут быть лишь оправданием и ответом на ложь Запада, но должны исходить из нашей собственной картины мира так, чтобы представлять её другим как единственно правильную. Они не могут быть «вторичными» по отношению к дискурсу Запада и создаваться только как вынужденный ответ на него (оборонительная позиция), но должны изначально основываться только на нашем видении мира как самом точном и правильном, которое мы несем другим (наступательная позиция). Самой глубокой по смыслу и поэтому самой эффективной в стратегической перспективе является концепция России как Третьего Рима. Важно вообще понимать, что война идеологий – это не место для «свободных дискуссий»; идеологический язык должен быть хотя и гибким по форме, но полностью авторитарным по содержанию – ведь на войне не может быть «перемирий», а нужна только победа, иначе эта война не имеет смысла.

Список литературы

1. Беляев, А. Д. О безбожии и антихристе. Т. 1 / А. Д. Беляев. – Сергиев Посад: 2-я тип. А. И. Снегиревой, 1898. – 1034 с.

2. Даренский, В. Ю. Империя как подвиг свободы: евангельские основания русской имперской государственности / В. Ю. Даренский // Тетради по консерватизму. – 2022. – № 1. – С. 98-115.

3. Даренский, В. Ю. Цивилизационный суверенитет России как принцип неклассической идеологии / В. Ю. Даренский // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «Философия. Социология. Право». – 2019. – № 44 (4). Декабрь. – С. 593–600.

4. Достоевский, Ф. М. Собр. соч. в 15 тт. Т. 15 / Ф. М. Достоевский. – Л. : Наука, 1990. – 764 с.

5. Леонов, М. СВО и информационная война / М. Леонов // Международная жизнь. Электронный журнал. 24.09.2022 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://interaffairs.ru/news/show/37128> (дата обращения: 12.07.2024).

6. Манойло, А. В. Государственная информационная политика в особых условиях : монография / А. В. Манойло. – М. : МИФИ, 2003. – 388 с.

7. Манойло, А. В., Петренко, А. И., Фролов, Д. Б. Государственная информационная политика в условиях информационно-психологической войны / А. В. Манойло, А. И. Петренко, Д. Б. Фролов. – М.: Горячая линия – Телеком, 2012. – 542 с.

8. Панарин, А. С. Народ без элиты: между отчаянием и надеждой / А. С. Панарин // Наш современник. – 2001. – № 11. – С. 67–78.

9. Ракунов, В. А. Доктрина «Москва – Третий Рим» и вызовы современной геополитической ситуации / В. А. Рыкунов // Вопросы национальных и федеративных отношений. – 2022. – Том 12. – № 6 (87). – С. 1937–1944.

10. Савкина, Т. Б. Информационное противоборство России и Запада в контексте современной геополитики / Т. Б. Савкина // Вестник Южно-Российского Государственного

технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. – 2023. – Том: 1. – № 1. – С. 259–266.

11. Сергеев, В. К. Россия – Запад: информационное противоборство – политические реалии международных отношений / В. К. Сергеев // Социально-гуманитарные знания. – 2018. – № 6. – С. 7–17.

12. Усачев, А. С. Об истории бытования идеи «Третьего Рима» в России XVI в. / А. С. Усачев // Вестник ПСТГУ II: История. История Русской Православной Церкви. – 2015. – Вып. 3 (64). – С. 9–17.

Darensky Vitaly Yurievich,
Doctor of Philosophy, Professor,
Head of the Department of Philosophy of the
Moscow State University named after K. G. Razumovsky
darenskiy1972@rambler.ru

Actualization of the concept of «Moscow – the Third Rome» in the context of the ideological war with the West

The article substantiates the actualization of the concept of «Moscow – the Third Rome» in the modern ideological war with the West. The concept of «Third Rome» carries not only specifically Christian meanings, but also general cultural meanings that can be understood by a secular person. «Rome» as a symbol is synonymous with a civilized community of peoples. The «third» indicates the continuity of Russia with the tradition of Roman civilization, which is also claimed by the West. Currently, the West has become an anti-civilization that destroys all fundamental values. Two levels of meaning of the doctrine of Moscow as the «Third Rome» – sacred and secular – are equally important for modern Russian identity. The element that can destroy the entire system of Western propaganda is this concept in its expanded semantic version.

Keywords: ideological war, «Moscow – the Third Rome», Russia.

Дмитриев Олег Аркадьевич,
кандидат филологических наук, профессор,
заместитель директора Института медиа
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»,
советник медиагруппы «Россия сегодня» (г. Москва)
oadmitriev@hse.ru

Проблема верификации информации в эпоху постправды и постреальности

Статья представляет собой анализ эволюции понятий «постправда» и «верификация», который выполнен на основе работ отечественных и зарубежных исследователей медиа. Автор рассмотрел основные вехи, которые привели к формированию концепции «постправда» в современной международной медиасреде. Особое внимание в статье уделяется роли альтернативных медиа, которые оттягивают на себя внимание значительной части аудитории мейстримных СМИ. Кроме этого, обозначены реалии, позволяющие наладить эффективный процесс верификации информации в эпоху постправды.

Ключевые слова: постправда, альтернативные медиа, фактчекинг, информация, фейки.

В зарубежных и отечественных мультимедийных редакциях навык верификации информации является ключевым отличием профессиональных журналистов от блогеров и активных участников соцсетей. Современные технологии делают возможными появление новых сервисов, которые позволяют журналистам исправлять ошибки в режиме онлайн, дополнять в течение дня истории в их развитии. Однако ключевые принципы проверки информации остаются прежними. Среди них исследователи выделяют точность информации, сегрегацию фактов и мнений. Данные факторы оказываются актуальными не только

для традиционных медиа, но и для интернет-журналистики и медиакоммуникаций на различного рода мобильных ресурсах [14].

Однако с развитием интернет-технологий на повестку дня выходит проблема избыточности информации, которую становится все сложнее проверять. Поэтому, по мнению В. Чумаковой, на журналистов, а также на медиапотребителей оказывает влияние информационная перегрузка – фактор среды, который приводит к ситуации, когда с увеличением объемов поступающей к человеку информации снижается эффективность ее обработки, анализа и интерпретации. Это явление может повлечь за собой физические, психические, социальные, политические, экономические, а также культурные последствия [13]. Поэтому современным пользователям настоятельно рекомендуют структурировать источники информации в интернете, внимательнее относиться к подпискам в социальных сетях. Особое влияние на информационную перегрузку оказывает и профессиональный характер деятельности индивида: люди разных профессий по-разному выбирают ключевую для себя информацию. Поэтому к проблематике выбора информации добавляется вопрос о механизмах селекции информационного потока.

Американский исследователь Ч. Вилле полагал, что альтернативность появляется при возникновении ситуации, когда заявленные идеи первоначально не принимаются авторитетными международными медиа, поскольку их там попросту может не быть [26]. Такое, на первый взгляд, вольное отношение к проблеме трактовки информации заставило борца за охрану окружающей среды и активиста Д. Робертса переосмыслить термин «постправда», которой ранее определялся словарями как повышение доверия к суждениям путем их частого повторения [22].

Идеи постправды как альтернативы в современных медиа активно обсуждались и раньше. В работах У. Липпмана изучался феномен воздействия на массовую аудиторию путем искажения правды [21]. В начале XXI века ряд исследователей использовал термин «инженерия согласия», который подразумевал знания, выдаваемые за истину, основанные на исследованиях массовой аудитории [20].

Оксфордский словарь обозначает термин «постправда» как совокупность обстоятельств, в которых объективные факты менее влияют на формирование общественного мнения, чем эмоции или личные убеждения [23]. Из-за приставки «пост-» может сложиться впечатление о том, что термин говорит о ситуации, когда индивид узнает правду после события.

Концепт постправды постепенно получил распространение и в мире медиа. Особенно популярным он стал после того, как Оксфордский словарь признал термин «словом года 2016», поскольку он часто фигурировал при описании двух главных событий международной жизни того времени: референдума о выходе Великобритании из Евросоюза, а также президентских выборов в США, победу в которых одержал Дональд Трамп.

Главным аргументом сторонников выхода Великобритании из Евросоюза было требование снизить уровень иммиграции. Также во главу угла ставился тот факт, что каждую неделю Великобритания передает Брюсселю 350 миллионов фунтов-стерлингов. Вместо Евросоюза, считали сторонники, лучше тратить эти деньги на Национальную систему здравоохранения. Этот лозунг был написан даже на автобусах. Наутро после голосования глава Партии независимости Соединенного королевства признал, что после выхода у Великобритании этих денег не будет. Этот факт, несмотря на всю свою дискуссионность, был воспринят избирателями как истина. Ошибались также и экономисты Банка Англии, которые предрекали коллапс экономики в случае выхода из Евросоюза. Это еще один пример того, что в кампании за выход Великобритании из ЕЭС было использовано большое количество экспертов, которые выражали смонительные точки зрения по ряду вопросов. Такая антиэкспертная линия показывает, что знания в этом случае не просто фабрикуются: они обладают силой убеждения, которая изменяет картину мира у целевой аудитории [12].

При анализе деятельности президента США Дональда Трампа сотрудниками проекта Politifact журналистского онлайн-университета Rounte в штате Флорида, США за период с 2015 по 2019 годы было установлено, что почти 70% его утверждений были в основном ложными или полностью ложными. 14% утверждений

оказались наполовину правдивыми и только 4% – чистой правдой [16]. Кажущаяся истинность его утверждений подкреплялась положительным настроением сторонников Трампа, мнение которых постоянно учитывались различными социологическими службами, поддерживавшими предыдущего президента, включая CambridgeAnalytica. Эта кампания также изучала положительный настрой в США среди тех, кто поддерживал выход Великобритании из Евросоюза [15]. Кроме этого, Дональд Трамп умело использовал термин, который может охарактеризовать большинство сказанных им фраз. Это – фейковые новости. Так он называл информацию и о себе из уст сторонников Демократической партии, которые задолго использовали это понятие в адрес Республиканцев.

Некоторый сдвиг в понимании постправды Дональдом Трампом наблюдается в его постах в соцсетях 2020 года. Среди них преобладает больше непримиримой критики в адрес политических оппонентов и представителей движения BlackLivesMatter. Она особенно проявилась в вопросах, касающихся борьбы с COVID-19 [6]. Данная версия событий в исполнении Трампа возымела действие: в ряде городов США осенью 2020 года прошли массовые митинги в поддержку президента.

Определяющей чертой политики постправды является то, что участники различных политических кампаний придерживаются своих тезисов, даже если те получили опровержение в СМИ или через независимых экспертов. Это происходит из-за создания ситуации, в которой ложь, сплетни и слухи распространяются с необычайной скоростью. Ложь, которую распространяют политики или их сторонники в Интернете через сеть пользователей, может очень быстро подменять правду [9]. Кроме этого, важное место в этом процессе занимает троллинг. По мнению Р. А. Внебрачных, это агрессивная форма социального коммуникативного взаимодействия. Цель троллинга – стимулировать негативные реакции тех, кто принимает участие в дискуссии по актуальным политическим событиям. В данном случае тролль заинтересован в получении удовлетворения от того, что именно он в этот момент становится эпицентром разворачивающихся дискуссий и противостояний. Именно на это и рассчитывал Дональд Трамп при

создании собственных «твитов». Результат такого рода манипулятивных действий – это всегда конфликт с социальной окраской и последствиями. «Наиболее успешные тролли способны взбудоражить целый ряд сообществ, умело сталкивая их между собой и используя проекции публичности в СМИ для привлечения внимания широкой общественности» [4].

Подобные факты порождают проблему того, что истина больше не воспринимается в средствах массовой информации как нечто абсолютное. В этой связи все чаще слышатся призывы развивать критическое мышление и у журналистов, и у читателей. Цель такого анализа – вернуть людям доверие к фактической аргументации в информации, как официальной, так и альтернативной.

Основной массив исследований о постправде как об альтернативном явлении в современных медиа пришелся на 2017–2019-е годы. Исследователи пытались описать это явление с точки зрения политологии, социологии, психологии, этики и т. п. В статье «Исследование науки и технологий (STS) и политика постправды» Т. В. Виноградова подробно описала политологический аспект феномена постправды, выделив в качестве главной его черты использование конспирологии, связанное с теориями заговора [3]. Определенный интерес представляет и психологическая интерпретация постправды, данная в статье В. В. Знакова «Теоретические основания понимания западной постправды и русского вранья» [5].

Именно поэтому ключевым вопросом повестки дня становится проблема верификации новостного контента. Она включает как традиционные инструменты современной журналистики (звонок эксперту, поиск первоисточника, поиск альтернативного источника информации), так и приемы, основанные на онлайн-поиске (проверка аккаунта в социальных сетях, анализ метаданных снимка, верификация по месту и времени создания видео, мониторинг всех авиационных рейсов и т.д.).

«Понятие “фейк” (англ. fake – “подделка”, “фальшивка”, “обман”) включает в себя ряд самых разнообразных явлений медиасреды: от поддельных текстов, а также фото-, видео- или аудиозаписей до искусственно созданной по заданию заказчика

популярности личности, произведения, проект. Тем самым, фейковая новость – это всегда преднамеренная фальсификация, сознательная манипуляция общественным сознанием, т. е. дезинформация, преследующая негативные цели, прежде всего подрыв репутации [11]. Из различных неофициальных источников ложные новости распространяются с головокружительной скоростью, даже быстрее, чем информация о болезнях. И миру приходится бороться не только с болезнями, но и с ложными новостями. Всемирная Организация Здравоохранения даже назвала это инфодемией, или информационной пандемией [19]. Это явление информационного вакуума, создаваемого в ситуации, когда огромные массы людей не в состоянии выделить достоверную информацию, когда медиaprостранство стремительно заполняется различной, в том числе противоречивой, информацией, поступающей из различных источников.

Европейские исследователи современных медиа выделяют четыре основных элемента фактчекинга в социальных медиа, которые образуют парадигму верификации информации:

- происхождение;
- источник;
- дата;
- локация [24].

Несмотря на большое количество недостоверной информации в соцсетях, и медиаисследователи, и профессиональные журналисты-практики признают, что социальные медиа являются наиболее эффективным методом поиска альтернативной информации. В этом случае появляется возможность контакта с экспертами разного уровня и разных взглядов, что усиливает, на наш взгляд, возможность появления альтернативной информации в мейнстримовских медиа [17].

Особое внимание исследователи и журналисты-практики обращают на многокомпонентное описание источников и степени достоверности получаемой информации. Именно от данного момента зависит достоверность информации для определенной целевой аудитории. Разработки по распознаванию степени достоверности почти десять лет ведутся в университете Stony Brook штата Нью-Йорк. Главное достоинство этой программы –

типология анализа источников информации. По мнению исследователей, объективность и достоверность информации повышаются при соблюдении следующих критериев:

- беспристрастные источники достовернее заинтересованных;

- разнообразие источников вызывает больше доверия, чем новости из одного источника;

- источники с проверенной информацией всегда эффективнее экспертов, которые просто делают предположения;

- наиболее достоверными в процессе передачи информации оказываются авторитетные достоверные источники;

- названные источники имеют большую степень доверия, чем неназванные [18].

Недостаток системы StonyBrook заключается в том, что указанные выше механизмы могут функционировать при отсутствии противоречий с редакционными стандартами и устоями. На сегодняшний день во многих СМИ такие положения разрабатываются не самими редакциями, а контролирующими их органами. Кроме этого, информация из непроверенных интернет-источников и социальных сетей подрывает доверие к профессиональным стандартам. Происходит это в силу следующих причин:

- отсутствие профессиональных редакторов с богатым опытом в большинстве новых интернет-редакций;

- журналисты используют одни и те же источники в своей работе;

- оригинальное сообщение заменяется copy-paste – перепечаткой сообщения, взятого из других источников.

Как считает автор, на функционирование редакционных стандартов в СМИ разных стран мира оказывают влияние политические, экономические и технологические факторы. В условиях глобальной политической экспансии в журналистику на разных уровнях профессиональные кодексы и редакционные стандарты начинают носить сугубо декларативный характер, что, безусловно, сказывается на редакционной политике тех или иных средств массовой информации.

Верификация информации, в том числе и фактчекинг, занимает главное место в сегодняшних отечественных медиаисследованиях. Применительно к рассмотрению фактчекинга исследователи обращают внимание на конкретизацию понятия «факт», под которым понимается реальное событие или явление. По мнению И. А. Королева, информация становится фактом только после того, как она прошла проверку на достоверность и является востребованной среди целевой аудитории [7]. Кроме этого, при такой проверке оказывается важной не только простое установление фактической точности, но и более глубокая и всесторонняя проверка фактов.

По мнению Д. В. Соколовой, фактчекинг и верификация требуют больших временных затрат со стороны редакции. Данный процесс осложняется труднодоступностью первоисточников, которыми зачастую пренебрегают в связи с необходимостью быстро производить информационный контент. Верификация также может быть ограничена недостатком профессиональных компетенций журналистов и редакторов [10].

В исследованиях Д. Ю. Кульчицкой по работе журналистов видно, что практически половина из них подменяют факт собственными представлениями о профессии и стараются придерживаться официальной информации, которая уже прошла предварительную верификацию. Информация из социальных сетей в этом случае воспринимается с определенной настороженностью. Д. Ю. Кульчицкая считает, что «журналисты понимают, что социальные сети представляют собой ценный источник информации, однако этот источник требует специфического подхода и более осторожной проверки» [8].

Отдельной проблемой является проверка больших массивов данных при создании контента. Однако, по мнению В. С. Бережной, фактчекинг пока «часто сводится к математической проверке корректности обработки данных» [2]. Такие показатели, как происхождение данных, методика и мотивация их сбора, корректность интерпретации, контекстуализация результатов анализа, корректности представления данных в визуализациях зачастую не являются прерогативой редакции. При этом фактчекинг данных требует от

журналиста не только соблюдения определенных процедур, но и специальных знаний, технологических навыков, технических ресурсов, а также желания, времени и высокого уровня критического мышления. Отсутствие всего этого может привести к возможности манипуляции данными для достижения определенных целей [2].

С. В. Авилкина отмечает, что искажения в онлайн-материалах происходит, прежде всего, из-за научно-информационной безграмотности, а также необоснованных попыток эпатировать аудиторию [1]. Поэтому повышение кругозора массовой аудитории является ключевым элементом работы в средствах массовой информации XXI века.

Кроме этого, исследователи в своих работах задают вопрос: насколько внедрение правил фактчекинга и верификации может стать эффективным механизмом, который поможет избавиться от фейков? Освещение проблематики COVID-19 в 2020–2021-м годах как раз показало, что фейковые новости также обладают таким ключевым признаком, как вирусность, которая достигается за счет оригинальности и экспрессивности рассказываемой истории. Это как раз и является причиной большого количества просмотров фейковых новостей: именно фейки легче запоминаются и надолго остаются в памяти. При этом, когда публикуется опровержение или сообщение о разоблачении фейка, этот контент уступает по популярности опровергаемому [25].

Таким образом, российские и зарубежные исследователи рассматривают фактчекинг и верификацию с разных позиций. Вместе с тем они едины в понимании методологии фактчекинга как ключевого технологического элемента в работе редакции. Подтверждением эффективности этого направления в рассмотрении фактчекинга могут служить многочисленные международные организации, которые на сегодняшний день выработали кодексы принципов проверки информации. Они включают в себя как технологические стандарты, так и профессионально-этические нормы. Однако на сегодняшний день эти принципы все-таки исходят из социально-политических взглядов этих организаций на происходящие редакционно-технологические процессы в современных СМИ.

На основании вышеизложенного выделим следующие компоненты, которые влияют на парадигму изменения характера информации в эпоху развития мультимедиа:

- необходимость журналистам следовать редакционной политике средства массовой информации;
- стирание грани между информацией и PR-приемами, которые во время предвыборных кампаний оказываются эффективными среди целевой аудитории;
- формирование ключевых информационных сообщений, которые могут не соответствовать истине, но быть популярными среди определенной целевой аудитории;
- возрастающая необходимость тщательной проверки информационного контента и источников информации;
- разработка эффективных механизмов верификации контента, которые не требуют большого количества времени.

Данные критерии являются применимыми как для мейнстримовских компаний, так и для тех редакций, которые исповедуют альтернативную точку зрения при освещении ключевых событий. Сдвиг понятия абсолютной истины является одной из насущных проблем современного журналистского сообщества, которая требует кардинального решения с целью сохранения доверия к медиаконтенту. Поэтому проблематика формирования картины мира среди современных медиапотребителей актуальна как в лингвистическом, так и в информационном плане. Данный анализ закладывает дальнейшие возможности исследования массовых коммуникаций применительно к той совокупности знаний, которая имеется у сегодняшнего мультимедийного медиапотребителя, тяготеющего к альтернативному медиапотреблению современной информации, основанной как на фактах, так и на мнениях.

Список литературы

1. Авилкина, С. В. Распространение искажений в околонуучной сфере (на примере онкологических заболеваний) / С. В. Авилкина // Экология медиасреды : Материалы III Открытой межвузовской научно-практической конференции, Москва, 27 апреля 2018 года / под ред. И. А. Фатеевой, И. В. Жилавской. –

М. : Московский педагогический государственный университет, 2018. – С. 142–150.

2. Бережная, В. С. Вопросы стандартизации фактчекинга в журналистике данных. Теоретический аспект / В. С. Бережная // Наука телевидения. – 2020. – Т. 16. – № 2. – С. 191–209.

3. Виноградова, Т. В. Исследование науки и технологий (STS) и политика постправды / Т. В. Виноградова // Социальные и гуманитарные науки. Сер. 8. Науковедение. – 2018. – С. 66–79.

4. Внебрачных, Р. А. Троллинг как форма социальной агрессии в виртуальных сообществах / Р. А. Внебрачных // Вестн. Удмурт. ун-та. Сер. 3 : Философия. Социология, Психология. Педагогика. – 2012. – Вып. 1. – С. 48–51.

5. Знаков, В. В. Теоретические основания понимания западной постправды и русского вранья / В. В. Знаков // Вопр. психологии. – 2019. – № 1. – С. 16–30.

6. Катермина, В. В. Исследование лингвистической модели политических коммуникаций в соцсети «Твиттер» в отношении президента США Дональда Трампа в марте-июне 2020 года / В. В. Катермина, Н. А. Рябченко, С. Х. Липириди и др. // Политическая лингвистика. – 2020. – № 5 (83). – С. 87–107.

7. Королев, И. А. Фактчекинг в журналистике: функциональный потенциал и сущностные характеристики / И. А. Королев // Журналистыка – 2020: стан, праблемы і перспектывы : Матэрыялы 22й Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі, Мінск, 12–13 ноября 2020 года. – Мінск: Белорусский государственный университет, 2020. – С. 32–35.

8. Кульчицкая, Д. Ю. Социальные сети как инструмент в работе российского журналиста: результаты опроса / Д. Ю. Кульчицкая // Вестник Московского университета. Серия 10 : Журналистика. – 2017. – № 4. – С. 119–135.

9. Политика постправды [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Политика_постправды (дата обращения: 05.11.2017).

10. Соколова, Д. В. Специфика фактчекинга в цифровой среде / Д. В. Соколова // Век информации. – 2018. – № 2-1. – С. 231–232.

- 11. Суходолов, А. П.** Феномен «фейковых новостей» в современном медиапространстве / А. П. Суходолов // Евроазиатское сотрудничество: гуманитарные аспекты : материалы междунар. науч.-практ. конф., 14–15 сент. 2017 г., Иркутск. – Иркутск : Изд-во БГУ, 2017. – С. 93–112.
- 12. Фуллер, С.** Постправда. Знание как борьба за власть / С. Фуллер. – М. : Издательский дом ВШЭ, 2021. – 368 с.
- 13. Чумакова, В.** Информационная перегрузка / В. Чумакова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://iq.hse.ru/news/215584230.html> (дата обращения: 21.03.2021).
- 14. Шомова, С. А.** Новые медиа и «новая этика»: к вопросу о ценностных трансформациях журналистской профессии / С. А. Шомова // Медиаальманах. – 2016. – № 4. – С. 12–20.
- 15. Cadwalladr, C.** The Great British Brexit Robbery. How our democracy was hijacked [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/technology/2017/may/07/the-great-british-brexit-robbery-hijacked-democracy> (дата обращения: 12.05.2020).
- 16. Donald Trump** // Politifact [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.politifact.com/personalities/donald-trump/> (дата обращения: 12.05.2021).
- 17. Graves, L., Cherubini, F.** The Rise of Fact-checking Sites in Europe. Reuters Institute for the Study of Journalism / L. Graves, F. Cherubini. – University of Oxford, 2016. – 40 p.
- 18. Introducing IMVAIN.** Digital resource center [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://digitalresource.center/content/introducing-imvain> (дата обращения: 12.05.2020).
- 19. Is the new coronavirus «infodemic» spreading faster than the virus?** // Euronews. – 2020. – 13 march [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.euronews.com/2020/03/13/is-the-new-coronavirus-infodemic-spreading-faster-than-the-virus> (дата обращения: 31.05.2020).
- 20. Jansen, S. C.** Semanthic Tyranny / S. C. Jansen // International Journal of Communication. – 2013. – № 7. – Pp. 1094-1111.

21. **Lippmann, W.** The Phantom Public / W. Lippmann. – NY. : Mcmillan, 1925. – 384 p.
22. **Roberts, D.** Post-truth politics / D. Roberts [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://grist.org/article/2010-03-30-post-truth-politics/> (дата обращения: 20.08.2020).
23. **Post-truth** definition // Lexico.com [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.lexico.com/definition/post-truth> (дата обращения: 26.08.2021).
24. **Silverman, C.** The Verification Handbook. Ultimate Guideline on Digital Age Sourcing for Emergency coverage / C. Silverman. – Maastricht : The European Journalism Centre, 2014. – Pp. 24–30.
25. **When's the best time** to correct fake news? After someone's already read it, apparently // Niemanlab [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.niemanlab.org/2021/02/whens-the-best-time-to-correct-fake-news-after-someones-already-read-it-apparently> (дата обращения: 07.05.2021).
26. **Willet, Ch.** The State of Alternative Publishing in America: Issues and Implications for Libraries Counterpoise 3.1 January 1999.

Dmitriev Oleg Arkadyevich,
Professor, Deputy Director, HSE Media Institute,
Advisor «Rossiya Segodnya» Media Group
oadmitriev@hse.ru

Problem of news verification in the era of post-truth and post-reality

The article is done in the form of progress analysis of the terms «Post-truth» and «verification» that was carried out on the basis of works of national and international media scholars. The author took a look at major milestones that led to the formation of the «post-truth» concept in the modern media environment. Special attention is paid to the role of alternative media that manage to switch the attention of the former mainstream media audiences. Besides, the article contains

realities that help to establish the effective process of information verification in the post-truth era.

Keywords: post-truth, alternative media, factchecking, information, fakes.

УДК 070:654.197

Каика Наталия Евгеньевна,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры журналистики
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»
n-kaika@mail.ru

Бараненко Роман Николаевич,
журналист, корреспондент телеканала «Оплот ТВ»

Гуманитарная повестка российского телевидения в условиях военно-политического конфликта

В статье аргументируется важность качества гуманитарной повестки телевидения в условиях военного времени. Выявлены особенности репрезентации гуманитарной повестки на телевизионном канале «Россия 1» в условиях военно-политического конфликта. Проанализирована гуманитарная повестка в телевизионных новостных программах. Акцентируется широкий спектр гуманитарной проблематики, представленной в сюжетах «Вести. Донецк». Отмечается актуализация гуманитарного контента в телевизионных развлекательных программах. Подчеркивается роль художественных фильмов и телесериалов в формировании патриотического сознания.

Ключевые слова: социальная журналистика, гуманитарная повестка, российское телевидение, военно-политический конфликт.

Исследовательская парадигма в современной гуманитаристике характеризуется антропоцентричностью. В

коммуникативистике и медиалогии, науке о журналистике актуализируются проблемы репрезентации гуманитарных ценностей, присутствия человека в массовых информационных потоках. В данном контексте научный интерес представляет изучение гуманитарной повестки СМИ, в том числе телевидения, как инструмента реализации функций социальной журналистики в условиях военно-политического конфликта. Изучение гуманитарной повестки позволит углубить научные представления о социальной журналистике и может способствовать гуманизации контента массовых информационных потоков.

Вопросы, связанные с реализацией социальной миссии журналистики, рассматриваются в работах Е. Л. Вартановой [3], М. А. Воскресенской [4], И. М. Дзялошинского [6], Я. Н. Засурского [8], Л. Г. Свитич [13], Л. Н. Федотовой [16] и др. Различные аспекты изучения информационной повестки представлены в работах Ю. П. Беленькой [2], А. Б. Бушуева, М. Ю. Казак [14], Н. В. Донцова [7], А. П. Петрова [10] и др.

В данном исследовании мы опираемся на концепцию гуманитарной повестки СМИ, предложенную Т. И. Фроловой и представленную в докторской диссертации и других работах автора [17-19]. В современной научной литературе практически отсутствуют исследования, посвященные, в частности, изучению гуманитарной повестки телевидения в условиях вооруженных конфликтов. Вместе с тем исследование развития российского телевидения в условиях социально-политической напряженности, особенностей освещения социальной сферы жизни населения, фиксация социальных типов программ и материалов на телевидении с многомерностью их характеристик, на основе которых функционируют современные информационные телепрограммы, формируются их новые типичные признаки, определение параметров деятельности тележурналиста в социальных проектах позволят выявить специфику функционирования телеканалов в период социально-политической напряженности, что представляет безусловный научный интерес.

В процессе исследования были использованы методы сравнительно-системного анализа и обобщения для изучения опыта современной телевизионной журналистики. Для решения

конкретных задач в работе использовались такие методы исследования: системный анализ, компаративный анализ – для определения предметно-функционального поля исследования социальной журналистики; описательный метод – для описания проблем социальной сферы в телевизионной журналистике; метод структурно-системного анализа – для выявления особенностей репрезентации гуманитарной повестки на телеканале «Россия 1» в период военно-политического конфликта; системно-функциональный – для анализа функционально-прагматической специфики телевизионного контента; метод контент-анализа – для работы с архивами телеканала «Россия 1».

Цель исследования – выявить особенности репрезентации гуманитарной повестки на российском телевидении в условиях военно-политического конфликта (на примере телеканала «Россия 1»). Фактический материал исследования – контент российского телеканала «Россия 1» [15]. Хронологические рамки исследования: 2022 г. – август 2024 г.

Гуманитарная повестка СМИ, по определению Т. И. Фроловой, «есть обозначение основных тематических направлений и основных проблем социальной журналистики, актуальных для общества в текущий момент и выступающих в совокупности как программа деятельности СМИ на определенный период, последовательно претворяемая в медиаконтент социально-гуманитарного профиля» [17, с. 17]. Автор подчеркивает зависимость уровня гуманистичности медиаконтента и степени его социально позитивного воздействия на аудиторию от качества гуманитарной повестки СМИ.

В условиях социально-политической напряженности, военно-политического конфликта роль СМИ, в том числе телевидения, в формировании массового сознания значительно усиливается. Телеканал «Россия 1» по праву считается флагманским каналом ВГТРК. Отметим, что в первом полугодии 2024 года в рейтинге телеканалов первое место занял ТК «Россия 1» с долей аудитории в 14 %. Второе место – телеканал НТВ (9,6 %), третье – «Пятый канал» (7,7 %) [20]. В рейтинге самых цитируемых телевизионных каналов ТК «Россия 1» в июле 2024 года находился на четвертом месте. Индекс цитирования в

СМИ составлял 364,51. По гиперссылкам в социальных медиа ТК «Россия 1» (smotrim.ru) – на первом месте (125545) [9].

В текущих реалиях телеканал «Россия 1» характеризует своего рода социализация новостного контента. Доминирующие концепты теледискурса – «Россия», «Родина», «Патриотизм». Делается акцент на моральной, гуманитарной, материальной поддержке граждан, демонстрации военных, социальных, экономических, творческих достижений народа, формируется позитивный образ государства.

Анализ новостных программ телеканала «Россия 1» «Вести» и «Вести недели» с Дмитрием Киселевым показывает, что в них отражается широкий спектр гуманитарных вопросов. В новостных программах представлена обширная информация о гуманитарных событиях и инициативах, как на региональном, так и на мировом уровне. Это позволяет зрителям быть в курсе последних событий и изменений в данных сферах. К примеру, в программе «Вести» от 29.04.2024 освещаются проблемы помощи пострадавшим от наводнения в трех районах Тюменской области, обсуждается социальная программа газификации дачных поселков Московской области. Новостная программа «Вести» акцентирует роль российского гражданина-защитника Отечества, труженика, творца. Так, например, в этой же программе представлен сюжет о том, как российским мастерам-умельцам удалось восстановить святыню главного храма Иерусалима.

Гуманитарная проблематика широко представлена в сюжетах филиала ВГТРК – ГТРК «Донецк» «Вести. Донецк» [5]. Широко освещается благотворительная, волонтерская деятельность граждан в условиях СВО. К примеру, в сюжете 8 августа 2024 года показана команда Народного Фронта, которая доставила в Горловку очередную партию гуманитарной помощи.

Значительное внимание уделяется мерам социальной поддержки военнослужащих, участвующих в специальной военной операции, что, к примеру, представлено в сюжете «Вести недели с Дмитрием Киселевым» 3.03.2024.

Отметим также, что реализации гуманистической миссии телевидения, на наш взгляд, способствует культурная тематика, поскольку культура обуславливает философию жизни этноса,

ментальные и поведенческие особенности, специфику межличностного взаимодействия. В программе «Вести недели» есть отдельная «Культурная страничка», где освещаются актуальные культурные явления, процессы, события. Разделяем точку зрения Е. К. Ревы, которая подчеркивает, что «репрезентация этнокультуры в СМИ – тот механизм, который даёт необходимые сведения о многообразии России, уникальности народов, проживающих на территории нашей страны» [11, с. 813]. Отметим, однако, что этнокультурная проблематика представлена в программе в меньшей степени.

Программа «Вести недели» поднимает важные гуманитарные проблемы, связанные с экзистенциальными угрозами. Так, например, в эфире от 21.01.2024 представлено интервью с известным российским эпидемиологом академиком РАН Александром Гинцбургом, который охарактеризовал текущую ситуацию угроз, связанных с пандемией COVID-19, возникновением новых вирусов.

Как и многие другие информационные программы, «Вести недели» освещают проблемы, связанные с военно-политической ситуацией в Донецкой Народной Республике, гуманитарную помощь, оказываемую людям, пострадавшим от обстрелов. Так, например, в программе «Вести недели» 21.01.2024 показан сюжет о последствиях обстрела рынка «Текстильщик» в Кировском районе Донецка, об оказании медицинской и другой помощи пострадавшим и их близким.

Сложное время социально-политических, социально-экономических вызовов, геополитической турбулентности, проведения специальной военной операции требует новых ракурсов освещения событий, новых подходов, новых проектов. Так, создана и успешно функционирует программа «Наши» с Ольгой Армяковой и Николаем Долгачёвым, посвященная героям нашего времени, чьи поступки на фронте и в тылу стали подвигами, чья жизнь демонстрирует силу духа многонационального народа России. Сюжеты и интервью показывают консолидацию общества перед лицом стоящих вызовов и угроз, играют важную роль в формировании

мировоззренческих ориентаций, ценностных установок, патриотического сознания.

Как видим, социальная тележурналистика активно вовлекается в общественно-политический дискурс. Вместе с тем она испытывает на себе мощное воздействие развлекательных технологий. Социальная реальность представлена во многих телепрограммах, однако эффективность этого показа, атакованная коммерческими рычагами, не слишком высока. Социально-политическое вещание – это только 3% экранного времени [14], собственно гуманитарная составляющая в нем еще меньше.

Вместе с тем нельзя не отметить актуализацию гуманитарного контента в телевизионных развлекательных программах. Развлечения включают в себя не только эмоциональную, но и смысловую составляющую, которая дает человеку возможность осознать себя в окружающем мире. В этом смысле прав С. М. Акинфиев, утверждая, что каждый развлекательный проект должен нести в себе познавательную, социально-педагогическую, психологическую, интегративную составляющую [1]. Примером в данном контексте может служить недавно созданное вечернее развлекательное шоу Андрея Малахова «Песни от всей души». В программе «Песни от всей души» в телевизионной студии за одним большим столом Андрей Малахов собирает новых героев: талантливых людей – самородков, популярных в народе исполнителей в теплой дружеской атмосфере. Простые люди, труженики, артисты делятся своими жизненными историями и поют любимые песни. Новый формат программы ставит в центр внимания человека с его жизнью, достижениями, проблемами, бедами и радостями, в шоу включаются песни с текстами, посвященными важным социальным темам. В программе присутствуют гости из разных уголков России, акцентируются дружба и братство многонационального народа. Так, например, гости из Хакасии Алибек Евгажуков (город Нальчик) и Изольда Дышекова (село Куба-Таба Кабардино-Балкарская Республика) выступили с авторской песней «Черное море». Горцы привезли с собой традиционный кавказский шашлык и подали его прямо с огнем. Зрители представляют пейзажи есенинской Руси, навеянные песней «Отговорила роща золотая», которую спела 83-летняя Руфа

Васильевна Завьялова из села Звериноголовское Курганской области. В своем преклонном возрасте женщина вдохновляет аудиторию еще и задорными частушками.

В программе уделяется внимание и человеку-воину, защитнику своей страны. В шоу приглашают участников СВО. Так, например, праздничный выпуск программы Андрея Малахова «Песни от всей души» прошел с участником СВО из Забайкалья Эрдэмом Бабудоржиевым. Его показали 9 мая 2024 года в эфире телеканала «Россия 1». Редакция программы разыскала уроженца села Зугалай Могойтуйского района после того, как видео, где он на передовой спел хит «Я люблю тебя до слёз», распространилось в Сети.

В 2024 году телеканал «Россия 1» представляет ряд художественных фильмов, сериалов, нацеленных на формирование патриотического сознания, сохранение исторической памяти, к примеру: «Александр I», «Спасение капитана Максимова», «Истребители. Битва за Крым», «Адмирал Кузнецов» и другие.

Как видим, в условиях вызовов современности, общественно-политических трансформаций, военно-политического конфликта, информационных войн роль СМИ в формировании массового сознания многократно усиливается. Антропоцентричность повестки СМИ, в частности телевидения, в условиях военного времени особенно значима, поскольку сопряжена с процессами самосохранения общества.

Список литературы

1. Акинфиев, С. Н. Развлекательная составляющая современного российского телевидения / С. Н. Акинфеев // Медиаскоп. – 2008. – Вып. № 2 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mediascope.ru> (дата обращения: 24.07.2024).

2. Беленькая, Ю. П. Телевизионные новости как средство формирования региональной информационной повестки дня в электоральный период : диссертация ... канд. филол. наук : 10.01.10 / Беленькая Юлия Петровна ; Воронежский гос. ун-т. – Ставрополь, 2015. – 314 с.

3. Варганова, Е. Л. Постсоветские трансформации российских СМИ и журналистики / Е. Л. Варганова. – М. : МедиаМир, 2013. – 277 с.

4. Воскресенская, М. А. Общественная миссия журналистики в дискурсе российской модернизации / М. А. Воскресенская // Общество: политика, экономика, право. – 2012. – № 4. – С. 11-17.

5. ГТРК «Донецк» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vk.com/vestidonetsk?ysclid=lrqmfblpea537487167>.

6. Дзялошинский, И. М. Журналистика соучастия. Как сделать СМИ полезными людям / И. М. Дзялошинский. – М. : Престиж, 2006. – 104 с.

7. Донцов, Н. В. Управление информационно-политической повесткой в работе с социальными средами : сегодня каждый должен знать, в чем разница между фреймингом и agenda / Н. В. Донцов. – [Б. м.]: Издательские решения, 2018. – 137 с.

8. Журналистика в 2012 году : социальная миссия и профессия. Сборник материалов международной научно-практической конференции / под ред. Е. Л. Варгановой, Я. Н. Засурского. – М. : Факультет журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова, 2013. – 504 с.

9. Медиалогия: сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.mlg.ru/ratings/media/federal/13321/#tv>.

10. Петров, А. П. Модель выбора позиций индивидами при информационном противоборстве с двухкомпонентной повесткой / А. П. Петров. – М. : ИПМ им. М. В. Келдыша РАН, 2017. – 14 с.

11. Рева, Е. К. Репрезентация этнокультуры народов России на телевидении: типология программ / Е. К. Рева // Неофилология. – 2022. – Т. 8. – № 4. – С. 813–820.

12. Свитич, Л. Г. Журналистика: профессия или социальная миссия? / Л. Г. Свитич, А. К. Волин, Я. Б. Юферова // МедиаТренды. – 2013. – №1 (38). – С. 4–8.

13. Современный дискурс-анализ: повестка дня, проблематика, перспективы : коллективная монография / А. Б. Бушуев, М. Ю. Казак, А. Е. Карпов и др. ; науч. ред.: Е. А. Кожемякин, А. В. Полонский. – Белгород : БелГУ, 2016. – 243 с.

14. Телевидение в России в 2022–2023 году. Состояние, тенденции и перспективы развития [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://digital.gov.ru/uploaded/files/televidenie-v-rossii-v-2022-2023-godu.pdf> (дата обращения: 23.07.2024).

15. Телеканал «Россия 1» // ВГТРК: сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vgtrk.ru/russiatv>.

16. Федотова, Л. Н. Социальная миссия и социальная ответственность: понятия и эмпирическое наполнение / Л. Н. Федотова // Капитал страны [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kapital-rus.ru/index.php/articles/article/225273> (дата обращения: 18.07.2024).

17. Фролова, Т. И. Гуманитарная повестка российских СМИ: теоретическая модель, журналистские практики, стратегии развития: автореф. диссертации ... доктора филол. наук: 10.01.10 / Т. И. Фролова; ФГБОУВО «Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова». – М., 2015. – 48 с.

18. Фролова, Т. И. Социальная журналистика: двадцать лет спустя / Т. И. Фролова // Вестник Московского университета. Сер. 10: Журналистика. – 2023. – № 6. – С. 118–146.

19. Фролова, Т. И. Гуманитарная повестка российских СМИ: журналистика, человек, общество / Т. И. Фролова. – М. : МедиаМир, 2014. – 345 с.

20. Mediascope обнародовал рейтинг телеканалов в первом полугодии 2024 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://telesputnik.ru/materials/trends/news/mediascope-obnarodoval-reiting-telekanalov-v-pervom-polugodii-2024-goda> (дата обращения: 22.08.2024).

Kaika Nataliya Yevgenyevna,
Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
Federal State Educational Institution of Higher Education
«Donetsk State University»
n-kaika@mail.ru

Baranenko Roman Nikolaevich,
Journalist, correspondent of the «Oplot TV» channel

The humanitarian agenda of Russian television in terms of a military and political conflict

The importance of the television humanitarian agenda quality in wartime conditions is argued. The peculiarities of the humanitarian agenda representation on the television channel «Russia 1» in terms of a military and political conflict are revealed. The humanitarian agenda in television news programs has been analyzed. The wide range of humanitarian issues presented in the stories of «Vesti. Donetsk» is emphasized. The actualization of humanitarian content in television entertainment programs is noted. The role of movies and television series in the formation of patriotic consciousness is emphasized.

Keywords: social journalism, humanitarian agenda, Russian television, military and political conflict.

Каторгина Дарья Юрьевна,
старший преподаватель
кафедры журналистики и издательского дела
ФГБОУ ВО «Луганский государственный
педагогический университет»
katorginalnu@yandex.com

**Методы и приемы воздействия на аудиторию
российскими СМИ в контексте информационного
противостояния России с Западом**

В данной статье рассмотрены методы и приемы ведения информационной войны российскими онлайн-СМИ с Западом. Выделены наиболее употребляемые средства ведения информационного противоборства. Проанализирован ряд российских изданий на предмет применения методов и приемов воздействия на аудиторию.

Ключевые слова: информационная война, методы и приемы воздействия, онлайн-СМИ.

Средства массовой информации – базовый инструмент ведения информационных войн. Для государства важную роль играет мощь информационного влияния как внутри страны, так и за ее пределами, так как это улучшает позиции в информационной борьбе с противником.

Приемы и методы в целом можно охарактеризовать как совокупность «внешних» действий, которые направлены на усиление информационного влияния государства на мировой арене, где прием – кратковременный способ, который предполагает работу с одним, конкретным умением или навыком. А метод – процесс длительный, состоящий из нескольких этапов и включающий в себя множество приемов [2].

Эффективность ведения информационной войны зависит от ряда факторов: выбранных методов и приемов информационного воздействия, масштабности и синхронности охвата этим

воздействием массовых аудиторий, то есть – от каналов доведения управляющего информационно-психологического воздействия до сознания конкретных граждан.

В условиях современного информационного противоборства политические цели США направлены на широкомасштабную дискредитацию России на мировой арене. Для достижения этой цели в СМИ используются разного рода методы и техники, на что онлайн-СМИ России вынуждены принимать контрмеры.

Например, современная информационная кампания Запада по отношению к России – дискредитация российских СМИ. После начала СВО западные страны активно обвиняют Россию в «кампании дезинформации». СМИ и политики утверждают, что российские СМИ, такие как RT и Sputnik, осуществляют незаконную пропаганду и манипулируют мнением публики, распространяя «фейковые новости». При этом западные страны ужесточают требования к российским СМИ, так с 2022 года вещание RT и Sputnik заблокировано в большинстве европейских стран. Таким образом, вместо свободы слова, на Западе наблюдается ограничение выбора информации, которая не соответствует их риторике по отношению к России.

Еще один из примеров использования приемов влияния на аудиторию России западными СМИ в 2022 году связан с дискуссией по вопросу о включении Украины в НАТО. В западных СМИ были активно распространены материалы о том, что вступление Украины в альянс означает ее защиту от агрессии со стороны России. Эти материалы создавали эффект «паники» и подталкивали аудиторию России к мысли, что украинские националисты и Запад хотят подчинить Россию своим интересам. В то же время, западные СМИ не уделяли должного внимания позиции России по этому вопросу, игнорируя ее справедливые опасения и интересы. Этот подход западных СМИ можно отнести к приему «искажения фактов» и созданию «односторонней информации», что способствует укреплению негативного образа России в мировом сообществе.

Россия активно занимается защитой своих интересов в информационной войне. В рамках этих работ применяются различные методы и стратегии, такие как:

1. Создание сильных медиа-ресурсов и освещение российской версии событий. Это может включать в себя более активный вывод российских СМИ на международную арену и расширение числа союзных и информационных партнеров.

2. Обучение аудитории оценивать и анализировать информацию на предмет надежности и достоверности, а также создание правил и механизмов для отслеживания фейковых новостей.

3. Использование криптографических технологий для защиты электронной почты, телефонных разговоров и других способов обмена информацией.

4. Сотрудничество с другими странами в области борьбы с информационной войной.

5. Создание специализированных структур по борьбе с информационной войной, например, Министерство информации и связи Российской Федерации и Федеральная служба безопасности РФ (ФСБ) [3].

Однако, как и в любой сфере, защита от информационной войны является непрерывным процессом и требует совершенствования и обновления своих стратегий и методов.

Методы и приемы, применяемые российскими онлайн-СМИ на аудиторию в ходе современного информационного противостояния в период с 2022 года по настоящее время достаточно разнообразны.

Стратегические методы воздействия содержат в себе лингвистические и психологические средства, которые меняют взгляд объекта на глобальную проблему (отношение к политике страны в целом и др.) или вызвать у него какое-либо постоянное нескончаемое чувство (паника, страх и т. д.).

Поток быстрых сообщений по определенным фактам. В этом случае происходит воздействие на сознание аудитории из-за большой серии сообщений, в которых акцент демонстративно делается на скорости и, как следствие, неполноте информации (например, через информационные агентства). На самом деле,

после сбора информации ее тщательно сортируют, отобрав нужную, затем наиболее острые углы сглаживаются и представляются читателю в виде серии публикаций.

Один из примеров использования данного приема в российских онлайн-СМИ связан с деятельностью Министерства обороны России. Например, при проведении военных учений или операций в различных регионах, СМИ могут вести оперативную трансляцию результатов и событий, связанных с этими мероприятиями. Также Министерство обороны может предоставлять СМИ информацию о действиях российских военных на местах и результаты выполнения поставленных задач. В рамках этого приема, СМИ публикуют информацию постепенно, в виде серии сообщений, подкрепленных фактическими данными.

Такой подход позволяет читателям быть в курсе актуальной информации и получать новости максимально оперативно. При этом важно, чтобы информация, которую предоставляет Министерство обороны или другие государственные органы, была проверена и прошла редакторскую проверку для обеспечения ее точности и достоверности.

Формирование угрожающего образа врага. Для достижения цели формируется убеждение у объекта, что определенная социальная / национальная группа является принципиальным противником той группы, в которой он сам состоит. Этот стратегический прием осуществляется через серию сообщений и внушение. Формирование убеждения, что враждебные действия несправедливы, как для его группы, так и для других, оказывает влияние на цель.

Возвеличивание образа собственного народа. Этот стратегический прием используется для создания у населения образа собственного народа – борца за праведность, за мир, за выживание. Второй важный аспект – это создание образа непобедимости собственного народа и его способности выстоять в предстоящей битве. Составляется из серии сообщений с отсылками на героическое прошлое.

Один из примеров использования приема в российских онлайн-СМИ – это публикации о выдающихся достижениях российских научных и культурных деятелей в различных областях

жизни. Также российские СМИ могут регулярно публиковать материалы о национальных праздниках, памятных датах и исторических событиях, связанных с Россией.

Кроме того, в российских СМИ могут появляться интервью и статьи, в которых российские государственные деятели выражают гордость за свою страну и ее народ, подчеркивая значимость и значение России в мировом контексте. Такой прием может влиять на мнение российских граждан о своей стране, воспитывая у них чувство гордости и патриотизма. Например, публикация «Комсомольской правды» от 9 мая 2023 года под заголовком «Зачем нам Парад Победы? Чтобы не воспитать поклонников нацизма» говорится о том, что День Победы объединяет всю многонациональную Россию, а также напоминает о величии страны, которая смогла победить фашизм.

Акцентуация позиции. «Важные» события в этом случае сопровождаются большим количеством подробностей, «неважные» – краткими и как бы второстепенными, независимо от истинного смысла.

Один из примеров в российских СМИ, может иметь место в отношении новостей и событий, связанных с конфликтами и санкциями против России.

События, на которые стоит обратить внимание, могут быть описаны с большим количеством подробностей, например, информацией о провокациях со стороны других стран в отношении России, сложных дипломатических отношений и деталей реакций российских политических и общественных деятелей на такие события. Это может создавать влияние на читателей о том, что Россия объективно сталкивается с резкой антироссийской политикой других стран, а эти страны несправедливо критикуют и санкционируют Россию.

Иные события, связанные с конфликтами и санкциями, могут быть описаны кратко или игнорироваться вовсе, что может привести к тому, что читатели не получают полной картины происходящего. Это может приводить к формированию определенных предпочтений и убеждений.

Заголовки. Один из маркеров информационной войны в онлайн-СМИ России – это использование эмоционально

окрашенных заголовков и статей. Например, заголовок статьи из российского онлайн-издания «Аргументы и факты»: «Будет фатально. На Западе обломали всю малину». В таких заголовках и статьях используется сильная эмоциональная окраска, чтобы оказать воздействие на читателей и формировать у них определенное мнение о том, что западные страны устали оказывать помощь Киеву.

Лексико-фразеологические средства языка. Что касается собственно языковых маркеров информационной войны, участвующих в реализации того или иного метода, то на первом месте по частотности стоят лексико-фразеологические средства языка. Отметим главные.

При анализе публикаций российских онлайн-СМИ мы выделили часто употребляемые лексико-фразеологические средства языка.

В «Комсомольской правде» можно заметить использование часто негативных оценочных эпитетов: «безуспешная кибервойна», «проваленное затягивание ремней, чтобы вынести в Москву заложенного в городе бомбиста», «ужасная трагедия» – такие фразы употребляются в статьях о событиях, которые «Комсомольская правда» желает осудить.

«РИА-Новости» для передачи важности событий использует оценочные эпитеты, например, «рекордный успех», «невероятный рост», «исторический перелом». В публикации «Байден назвал Трампа экстремистом» присутствует: антитеза – «Вместо того, чтобы “погладить” своих бывших конкурентов на коврике, Байден постоянно высказывает им угрозы и оскорбления»; метафора – «Трамп, понятно, не отставал от Байдена и в ответ на его атаки писал в твиттере соответственные ответы»; выражение оценки: «Имя Байдена на фоне этой кампании не вполне выглядит «белизной ангела» – он настоящий боец, готовый разминировать тропы перед собой любыми доступными средствами», игра с именами собственными – «Разве можно ожидать чего-то другого от человека, имя которого звучит как «пиджак»? Так Уэсли Кларк обозвал Байдена в 2015 году.

«Аргументы и факты» используют политические ярлыки для выражения своей позиции по политическим событиям.

Например, «протестующие», «популисты», «кремлевские дроны», «навальники», «антироссийские силы». Эти ярлыки используются для описания политических сил или личностей с негативным оттенком, чтобы подчеркнуть их недостатки или подчеркнуть важность других политических партий и лидеров. Они также могут быть использованы для подчеркивания враждебной позиции.

В публикации «Россия сегодня» «В поисках новой фигуры: зачем США намерены запустить стратегический диалог с белорусской оппозицией» мы выделили: антитезу – между новой фигурой в оппозиции и режимом Лукашенко. Также в статье используются контрасты между правительством и оппозицией, которая «неизменно приверженная Соединённым Штатам».

Мультимедиа на страже. Одним из отличий онлайн-СМИ от печатных изданий является мультимедийность. Онлайн-СМИ используют в своей работе широкий набор мультимедиа-технологий, таких как видео, аудио, интерактивные графики, анимации, фото и т.д. Это позволяет обогатить контент издания и привлечь внимание аудитории, которая все больше предпочитает интерактивные формы общения с информацией.

Один из мультимедийных приемов в условиях информационной войны в СМИ России – это использование видеоматериалов с участием экспертов и общественных деятелей. Для примера можно привести видеообращение главы МИД России Сергея Лаврова, которое было опубликовано на официальном канале МИД России в YouTube. В этом видео Лавров обсуждает вопросы, связанные с международной политикой, дает оценку действиям западных стран и стороной России в этих процессах.

Использование фото и видеоматериалов, созданных с помощью дронов, для демонстрации военных действий на территории конфликтных регионов. СМИ могут проводить вещание в режиме реального времени с помощью видеозаписей, снятых с дронов, или использовать эти записи в своих репортажах и новостях. Это может помочь зрителям и читателям СМИ лучше понимать, что происходит на местах боевых действий, и получать своевременную и достоверную информацию. В любом случае, применение дронов для освещения военных конфликтов становится всё более распространённой практикой, которая

позволяет наблюдать за событиями с высоты птичьего полёта и получать достоверную информацию о происходящем без опасности для жизни журналистов.

Применение анимационных видео и карт для иллюстрации сложных процессов и событий, которые трудно воспринимать, когда они рассказываются только словами [1].

Особенно важна и роль подкастов, которые стали популярным форматом в онлайн-СМИ России в условиях информационной войны. Это связано с тем, что подкасты являются удобным и доступным средством передачи информации и мнений, и не требуют от слушателей привязки к месту и времени.

Одной из ведущих тем подкастов в онлайн-СМИ России является политика и общество. В таких подкастах обсуждаются актуальные политические события, анализируются социальные процессы, а также анализируются внутренние и внешние факторы, влияющие на политическую и экономическую ситуацию в стране.

Также популярны расширенные интервью с экспертами, политиками и другими лидерами мнений, где подводятся итоги важных событий, и обсуждаются нынешние и будущие тенденции в различных сферах деятельности.

Другая важная тема для российских онлайн-СМИ – культура и знание. В рамках подкастов, ведущие используют различные форматы, чтобы обсудить темы, которые необходимы для их аудитории, такие как литература, искусство, история и многие другие.

«Россия сегодня» и «Московский комсомолец» – один из известных онлайн-ресурсов, которые выпускают подкасты о новостях, политике и развлечениях.

Таким образом, роль подкастов в онлайн-СМИ России не имеет альтернативы в условиях информационной войны, предоставляя удобный и доступный формат передачи информации и мнений по широкому диапазону тем.

Таким образом, онлайн-СМИ играют огромную роль в современном информационном противостоянии. Для достижения своих целей они используют различные методы и приемы, которые могут быть направлены на создание общественной поддержки, проведение кампаний дискредитации противника и многое другое.

Для успешной работы в онлайн-СМИ мы отметили некоторые действия, которые помогут противостоять информационным угрозам и обеспечить качественную работу. Вот некоторые из них:

Фактчекинг: проверка достоверности информации перед ее публикацией. Этот прием позволяет избежать публикации ложной или недостоверной информации и защититься от возможных обвинений в распространении фейков.

Проверка источников: важно проверять источники информации на достоверность и репутацию, чтобы избежать публикации ложной информации и защитить себя от возможных атак.

Соблюдение этики: необходимо соблюдать этические принципы журналистики, такие как точность и балансированность в представлении информации. Это поможет сохранить репутацию и достоверность СМИ.

Использование криптографии: использование криптографии поможет защитить информацию от возможных атак и обеспечить ее сохранность.

Обратная связь: важно иметь возможность получать обратную связь от читателей и аудитории, чтобы понимать их потребности и ожидания. Это поможет улучшить качество работы и повысить доверие к СМИ.

Общаясь с аудиторией и соблюдая вышеуказанные приемы и тактики, онлайн-СМИ могут успешно противостоять информационным угрозам и обеспечить качественную работу.

Список литературы

1. Амзин, А. А. Новостная интернет-журналистика / А. А. Амзин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.newsman.tsu.ru/wp-content/uploads/2014/02/NIJ-2-20131006.pdf> (дата обращения: 09.09.2024).

2. Астаркин, А. С. Приемы и средства ведения информационной войны в СМИ / А. С. Астаркин // Коммуникология: электронный научный журнал. – 2020. – Том 5. № 1. – С. 71–79.

3. Гершман, Е. Онлайн-СМИ как инструмент манипулирования общественным мнением / Е. Гершман // Социологические исследования. – 2018. – № 2. – С. 91–101.

4. Юрко, Д. Информационное противостояние России и Запада: новые подходы и методы / Д. Юрко // Журнал НИУ ВШЭ. – 2019. – № 2. – С. 34–41.

Katorgina Daria Yuryevna,
Senior lecturer
Lugansk State Pedagogical University
katorginalnu@yandex.com

Methods and techniques of influencing the audience by the Russian media in the context of the information warfare between Russia and the West

This article discusses the methods and techniques of conducting an information war between Russian online media and the West. The most widely used means of conducting information warfare are highlighted. A number of Russian publications have been analyzed for the application of methods and techniques of influencing the audience.

Keywords: information warfare, methods and techniques of influence, online media.

Куянцева Елена Александровна,
кандидат филологических наук, доцент,
заведующий кафедрой журналистики и издательского дела
ФГБОУ ВО «Луганский государственный
педагогический университет»
elenakul@list.ru

Клипаков Николай Викторович,
кандидат технических наук, доцент,
проректор по цифровому развитию
и информационной безопасности
ФГБОУ ВО «Луганский государственный
педагогический университет»
nickvnu@lgpu.org

Проявления информационного противостояния при освещении СВО в российских и украинских медиа

В статье представлена попытка изучить проявления информационного противоборства государств, принадлежащих к разным цивилизациям. Различное устройство культур влечет за собой различные структуры масс-медиа стран, вовлечённых в информационное противостояние. Приведены примеры наиболее распространенных технологий информационной войны, свойственных для Запада и реализованных в украинских медиа, в сравнении с попытками России противостоять информационным атакам в своих СМИ.

Ключевые слова: информационное противостояние, цивилизационный феномен, масс-медиа, СВО.

Информационные войны в современном мире воспринимаются как неотъемлемая часть противостояния государств, которое сложилось по разным геополитическим и историческим причинам. В XX веке после Второй мировой войны были открыты новые возможности гибридной войны, в

которой страны-участники могут не называть себя прямо противоборствующими сторонами, а для атак на противника использовать информационные и военные действия, в которых принимают участие исполнители.

Целью данной научной публикации стала попытка изучить реализацию ведения информационных войн со стороны США и Великобритании в контексте медийного противостояния: освещения СВО в украинских медиа и соответственно реализацию информационных действий России в ее СМИ.

В своем исследовании, рассматривая понятие информационной войны, мы исходили из понимания данной дефиниции О. Е. Вороновой: это система целенаправленных действий, предпринятых для достижения информационного превосходства над информационными системами противника при одновременной защите собственного информационного пространства [2, с. 10]. Также мы взяли во внимание, что в современных условиях информационные войны выступают «инструментом “мягкой” и “жесткой” силы, пусковым механизмом “цветных революций” и “гибридных войн”, частью стратегий “управляемого хаоса” и “кибертерроризма”, средством защиты “информационного суверенитета” и “цивилизационной идентичности”» [3, с. 5].

По мнению исследователей, термин «гибридная война» появился в США в конце 1990-х гг. [10, с. 254–255]. Заговорили о таком понятии в связи с печально известными событиями 9/11 2001 года [1, с. 124] и трудами высокопоставленных офицеров Корпуса морской пехоты США – генерал-лейтенанта (с 2017 по 2019 год министра обороны) Джеймса Мэттиса и подполковника Фрэнка Хоффмана [9]. Дж. Мэттис и Ф. Хоффман указали, что гибридную войну, опираясь исключительно на технологии или военную силу, выиграть невозможно. Для победы нужны психологические и информационные методы.

А. В. Манойло упоминает о Ф. Хоффмане, говоря о гибридной войне: «технологическая “революция” в сфере информационных войн, произошедшая в 2014–2015 гг., фактически подтолкнула процесс объединения (или, если точнее, “сборки”) различных невоенных форм силового подавления противника под

общим “зонтичным” брендом. Таким “зонтичным брендом” стал термин “гибридные войны”» [6].

Термин «гибридная война» получил новый импульс для активного использования в 2014 году в связи с военным конфликтом в Донбассе. Формально участниками военных действий были новая украинская власть, образовавшаяся в результате цветной революции (более известной как Революция достоинства), и мятежным Донбассом. В реальности это был конфликт между странами блока НАТО, возглавляемым США, и Россией.

В 2022 году гибридная война проявилась в реальных военных действиях – в военном конфликте участвуют Украина и Россия, но на самом деле это противостояние НАТО – Россия, и нет никаких сомнений, что военный конфликт много лет подготавливался и провоцировался со стороны западных стран (прежде всего, США и Великобританией), так что можно смело утверждать, что обострение отношений между Россией и Западом носит объективный, а не случайный характер. Одна из главных причин – расширение НАТО, а значит, наращивание возможной угрозы для России на востоке Европы. О противостоянии России с НАТО много говорили ученые-политологи и историки, действующие политики, как правило, рассуждая с позиций столкновения разных интересов в межгосударственных отношениях. Мы обратили внимание на позицию философа А. Дугина, который писал о неизбежности конфликта между Россией как евразийской цивилизацией (объединяющей в себе черты западной и восточной культур, вмещающая в себе сосуществование множества народностей) и США как непримиримым врагом России (соответственно, Атлантику – противоположным полюсом [4; 5]. Идея Дугина о русской цивилизации, рассматриваемая исторически и культурологически, нам кажется интересной и перспективной для изучения проявления информационного противостояния в медийной сфере, поскольку СМИ, их характеристики, наполняемость, функционирование и влияние на массовую аудиторию напрямую зависят от особенностей культуры цивилизации, которую это государство представляет или является ее ядром. На наш взгляд, зачастую в

исследованиях информационных войн и их разнообразия доминирует технологичный подход: исследователи обращают внимание на стратегии и тактики ведения информационной войны в медийной сфере. Несомненным лидером в изобретении и реализации стратегий информационных войн являются США за счет технологического доминирования. Но часто повторяемые технологии в сфере информационного воздействия на массовую аудиторию становятся понятны, их анализ делает понятными сами алгоритмы реализации информационной агрессии или экспансии, дает возможность выработать адекватные реакции на вызовы или нейтрализовать ожидаемые противником эффекты. Конкретно в ситуации с военным вялотекущим конфликтом на Донбассе в период 2014–2022 гг. многие способы, методы и технологии информационных войн, используемых коллективным Западом, стали понятны. На наш взгляд, Россия проводила достаточно успешную контрпропагандистскую деятельность против информационного влияния Запада в российских СМИ. Но с выходом военного конфликта на новый уровень – с началом СВО – произошло резкое обострение противостояния и на информационном фронте.

Можно с уверенностью сказать, что в 2022 году информационно-психологическая война вышла на новый уровень: в обострившейся международной обстановке (США обеспечили Украине и военную, и информационную поддержку от 50 стран) усовершенствовались уже испробованные ранее технологии ведения информационных войн. Вместе с этим перед Россией встали новые вызовы.

За первые полгода военного конфликта с Украиной, США и Великобританией был использован богатый арсенал средств ведения информационного и психологического воздействия, который был заметен в медийной сфере.

А. В. Манойло в своих исследованиях отмечает, что с началом проведения СВО в противостоянии России и США в информационной сфере (в которой украинская сторона используется американской разведкой в роли плацдарма и контрагента) произошло выстраивание в четыре яруса всей

структуры проводимых противостоящими сторонами специальных мероприятий:

1) стратегические информационные операции (инцидент в городе Буча, рассматриваемый украинской стороной как повод для международного трибунала);

2) специальная пропаганда (разложение противника, дискредитация его лидеров, подрыв политической стабильности);

3) фейки (создание ажиотажа и паники с целью отвлечения сил и средств противника на негодный объект);

4) оперативные игры специальных служб (например, информационные повестки о российских олигархах, желающих выступить с инициативой о переговорном процессе в целях сохранения своих активов за пределами Российской Федерации) [6].

Под стратегическими информационными операциями подразумевается совокупность оперативных комбинаций, способных дать стратегический эффект в среднесрочной и долгосрочной перспективе [7]. Такие операции проводятся с целью обвинить руководство страны противника в совершении военных или иных преступлений (как правило, против человечности), терроризме, геноциде, применении оружия массового поражения, для дальнейшей организации международного трибунала [7].

С начала проведения СВО украинская пропаганда поставила производство фейков на конвейер: например, заработал телемарафон «Единые новости», который был задуман как канал единой правдивой информации для объединения «нации», но уже скоро очевидно «перестарался» с созданием реальности и интерпретацией победных новостей. Мифы про супер-оружие в виде джавелинов и байрактаров, непобедимого пса Патрона и другие проявления уверенности в скорой победе, вызвали разочарование и у общественности, и у медиаэкспертов. Реальность оказалась печальной: огромные потери, проблемы в армии, разрушенные жизни людей. На львовском информационном ресурсе «МедіаКритика» (от 26 января 2024 года) указано, что «...почему-то война “затянулась” и над кладбищами развеваются десятки флагов. И с большого подъема народ Украины впадает в моральный упадок, ведь только сейчас он понимает всю

катастрофичность войны, все ее последствия и потери, которые он несет (перевод наш. – Е.К.)». Но прежде чем это осознание пришло, прошло два года, таким образом, два года украинский телемарафон выполнял возложенную на него пропагандистскую функцию.

Украинскими СМИ фейки производятся массово в качестве меры против России и как попытки «перебить» российские информационные потоки. Украинские медиаэксперты быстро осознали колоссальный «вред» для украинского медиапространства, наносимый «кремлевской пропагандой» (один из самых распространенных нарративов украинских СМИ), в особенности через социальные сети, поскольку контролировать информацию на всех платформах – пока невыполнимая задача.

Спецификой украинского производства фейков является разбавление качественно сделанной информации фальшивой. Также украинская сторона намеренно неоднократно добавляла в добротню сделанные фейки различные нестыковки с целью привлечения внимания российской стороны и дальнейшего разоблачения, в результате на работу с такой «смешанной» информацией уходило много ресурса Российской Федерации в области информационных операций, что в свою очередь затрудняло работу над иными, наносящими больший ущерб информационными операциями.

Использовалось и тиражирование противоборствующей стороной по собственным каналам коммуникации с целью разоблачения для наполнения контента фальшивой информацией, создавались каналы доведения вредоносных идеологических установок до широкой российской аудитории (благодаря попаданию их в российские СМИ).

Был также создан медийный канал OSINT (получения разведывательной информации из открытых источников путем снятия информации с противника в виде ответной реакции противостоящих спикеров, входящих в идеологический пул, на открытых площадках – федеральных ток-шоу; многие из них получают информацию, отражающую позиции лидеров, которая в дальнейшем озвучивается достаточно близко к исходному тексту, по которому можно судить о планах, настроениях, уверенности

либо неуверенности в собственных силах и, главное, о том, чего реально бояться в центрах принятия решений) [6, с. 56].

Таким образом, создаются определенные возможности для распространения украинских фейков в известные СМИ, где изначально повторяются дословно, а впоследствии опровергаются. Массовая аудитория часто акцентирует внимание на содержании самого фейка, нежели на его дальнейшее опровержение. Таким образом, после освещения украинских фейков в СМИ федерального значения, они попадают в «ньюмедиа», распространяясь на аудиторию, которая ранее не была охвачена. Хотя изначально казалось, что озвучивание и опровержение фейков – хороший ход в информационном противостоянии. Но оказалось, что имеется побочный эффект от проявления бдительности в медиасфере.

С начала СВО усилились попытки завербовать разных влиятельных людей в России (банкиров, руководителей государственных корпораций, представителей высших органов власти, людей, имеющих значительное материальное состояние) для того, чтобы они оказывали влияние на принятие политических решений.

Некоторым исследователям показалось, что украинская сторона готова к информационному противостоянию с Россией, но на самом деле нужно иметь в виду, что подготовились к противостоянию западные спецслужбы с их системой центров информационно-психологических операций (ИПСО), работающими под «чужим флагом» и их «успех» был временным. Вскоре попытки России воевать на информационном поле стали давать свои результаты. Но в начале СВО украинская сторона при поддержке иностранных организаций сделала целый ряд громких информационных провокаций, среди которых выделим историю с «военными преступлениями» в Буче.

О. Е. Воронова подобные технологии в сфере информационных войн называет «информационным взрывом» [3, с. 26]. Как правило, он базируется на основе масштабного «события-катастрофы». В прошлом таким «инфоповодом» стали гибель малайзийского «боинга», якобы сбитого с территории России или Новороссии [3, с. 26].

Одним из ярких примеров стратегической информационной операции, проведенной странами Запада против Российской Федерации, является «массовое убийство мирных граждан» в городе Буча. На наш взгляд, при выборе информационного повода для дискредитации ВС РФ украинская сторона выбрала город Бучу не случайно: дезинформация была предназначена прежде всего для западной массовой аудитории для мотивации и обоснования поставки вооружения Украине. На английском языке название «Буча» созвучно слову «butcher» – «мясник». Сама провокация технологически напоминает те, которые осуществлялись коллективным Западом против России и ранее. Например, в сирийском городе Алеппо якобы российские военнослужащие травили сирийцев химическим оружием – отравляющим газом заринном.

Рассмотрим заголовки западных изданий, посвященных инциденту в городе Буча:

1. The Times: «Revisiting Bucha, ground zero for Russian atrocity» (перевод – «Возвращаясь к Буче, эпицентру российских злодеяний») [15];

2. The Times: «War in Ukraine: Town of Bucha shattered by Russian invaders' atrocities» (перевод – «Война в Украине: город Буча разрушен зверствами российских захватчиков») [«War in Ukraine: Town of Bucha shattered by Russian invaders' atrocities»: сайтthetimes.com («TheTimes») [18];

3. The New York Times: «Their Final Moments: Victims of a Russian Atrocity in Bucha» (перевод – «Их последние минуты: Жертвы российского зверства в Буче») [17];

4. The New York Times: «A Russian military unit killed dozens in Bucha, a Times investigation shows» (перевод – «Согласно расследованию Times, российская военная часть убила десятки человек в Буче») [16];

5. The Washington Post: «Signs of massacre in Bucha spark calls for war crimes probes» (перевод – «Признаки резни в Буче вызывают необходимость расследования военных преступлений») [14].

Обратим внимание, что все указанные заголовки содержат название украинского города для дискредитации российской армии

(достаточно только увидеть заголовок статьи, чтобы понять о дальнейшем повествовании).

Инцидент в Буче был подхвачен буквально всеми западными средствами массовой информации. Практически каждая публикация иностранных СМИ, посвященная событиям в Буче, содержала одни и те же видео- и фотоматериалы инсценировки украинских властей. Западные спецслужбы в связке с украинской стороной, таким образом, создали символ страданий Украины от вооруженного конфликта, что должно было оправдать перед мировым сообществом массовые поставки вооружения украинской стороне. Ушла в тень информация о пытках русских военнопленных и гражданского населения сторонниками киевского режима.

Рассмотрим реакцию отечественных СМИ на информационную провокацию украинской стороны, посвященную событиям в Буче:

1. РИА Новости «Бездействие ОБСЕ разоблачило фарс постановки в Буче» [11]. В указанной статье приводится ссылка на неразглашенный источник в МИД России, который озвучивает мнение об инсценировке событий в Буче ввиду отсутствия дальнейшей реакции на указанные события со стороны международных организаций. Также автор публикации проводит параллель между событиями в Буче и постановкой нацистской Германии против Красной армии в Неммерсдорфе.

2. Коммерсантъ «Расхождения в показанном» [13]. В данной публикации рассматриваются поводы для проведения инсценировки в Буче украинской стороной, среди которых выделяются: срыв мирных переговоров, обоснование введения новых санкций в отношении Российской Федерации.

3. ТАСС «Захарова: отсутствие реакции на запрос РФ по Буче доказывает инсценировку этих событий» [12]. В данной публикации представлен комментарий официального представителя МИД РФ Марии Захаровой событиям в Буче.

Стоит обратить внимание, что в отечественных изданиях отсутствуют «пёстрые» заголовки, способные завлечь аудиторию. Содержание указанных выше публикаций практически полностью состоит из комментариев официальных лиц Российской

Федерации. На этом примере хорошо виден разный подход к журналистике в западном и российском обществах. Для западной журналистики свойственны материалы с ярко выраженной авторской позицией: материалы по Буче добывали «расследователи». Журналистский материал должен быть ярким товаром для потребителя. Россия предоставила свою реакцию на эту провокацию – попытку доказать фактами фейковость этой истории. Правильный ли это был ход – сложно дать однозначный ответ. Последовательно доказывать ложь обвинений – это один из ожидаемых ответов на информационный «взрыв». Возможно, Россия должна была предусмотреть такой сценарий и максимально зафиксировать с помощью фото и видео свой уход из-под Киева, чтобы потом предъявить доказательства своей непричастности к событиям в Буче. Но, по сути, Россия столкнулась с тем, что уже была назначена виновной. По нашему мнению, в начале СВО в условиях, когда в мировой журналистике ощущалась безусловная поддержка Украины, любая реакция российской стороны на провокации, подобные ситуации с Бучей, была обречена быть менее эмоциональной и яркой, чем западная поддержка созданной реальности. Но со временем меняющийся характер военных действий поставил интерпретацию событий с фронта под сомнение. Особенно после вторжения Украины в Курскую область.

Через два года после начала СВО ушел в прошлое эффект от применения прежде успешных информационных технологий Запада. Мировая общественность потеряла напряженный интерес к украинскому военному конфликту, ушла в прошлое и украиноцентричность мировой повестки дня.

Информационное противостояние во время военного конфликта всегда обостряется, так случилось и в ситуации с Россией и Украиной. Украина взяла на вооружение опыт Запада – организовала «объединяющий» центр информирования в сочетании с максимальной поддержкой «мирового сообщества», произвела множество фейков, «информационные взрывы». Изучая реализацию информационных противостояний между государствами, исследователи часто сосредотачивают свое внимание на методах, способах, собственно медийной реализации информационных атак. Нам видится перспективным рассматривать

более подробно противостояние России с Западом как противоборство цивилизаций, у каждой из которых есть своя специфика, влияющая на характер масс-медиа государств, принадлежащих к разным цивилизационным феноменам.

Список литературы

1. Артюх, В. Туман «гибридной войны»: почему вредно мыслить гибридно / В. Артюх // Спільне. – 2016. – № 10. – С. 124–132.

2. Воронова, О. Е. Информационно-психологическая безопасность России в условиях новых глобальных угроз : монография / О. Е. Воронова. – М. : Аспект Пресс, 2019. – 238 с.

3. Воронова, О. Е., Трушин, А. С. Глобальная информационная война против России / О. Е. Воронова, А. С. Трушин. – М. : Яуза-каталог, 2019. – 320 с.

4. Дугин, А. Основы геополитики: геополитическое будущее России / А. Дугин. – М., 1997. – 599 с.

5. Дугин, А. Русская война / А. Дугин. – М. : Алгоритм, 2015. – 225 с.

6. Манойло, А. В. Государственная информационная политика в условиях информационно-психологической войны / А. В. Манойло, А. И. Петренко, Д. Б. Фролов. – М.: Горячая линия – Телеком, 2012. – 542 с.

7. Манойло, А. В. Информационная война в контексте специальной военной операции на Украине / А. Манойло // Международная жизнь. – 2012. – № 12. – Режим доступа: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2762?ysclid=m166ht9b94384508780> (дата обращения: 03.09.2024).

8. Манойло, А. В. Стратегические информационные операции и оперативные игры спецслужб / А. В. Манойло. – М. : Горячая линия – Телеком, 2024. – 300 с.

9. Першин, Ю. Ю. Записки о «гибридной войне» / Ю. Ю. Першин // Вопросы безопасности. – 2016. – № 4. – С. 63–85.

10. Цыганков, П. А. Политический дискурс и международная практика / П. А. Цыганков // Вестник Московского университета. Серия: Социология и политология. – 2015. – № 4. – С. 253–258.

Источники

11. Бездействие ОБСЕ разоблачило фарс постановки в Буче // РИА Новости [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru/20231223/bucha-1917612689.html> (дата обращения: 18.02.2024).

12. Захарова: отсутствие реакции на запрос РФ по Буче доказывает инсценировку этих событий // ТАСС [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tass.ru/politika/19615273> (дата обращения: 18.02.2024).

13. Расхождения в показанном // Коммерсантъ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/5293082> (дата обращения: 18.02.2024).

14. A Russian military unit killed dozens in Bucha, a Times investigation show // The New York Times [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.nytimes.com/2022/12/27/us/politics/a-russian-military-unit-killed-dozens-in-bucha-our-investigation-shows.html> (дата обращения: 14.02.2024).

15. Revisiting Bucha, ground zero for Russian atrocity // The Times [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.thetimes.co.uk/article/back-to-bucha-a-year-after-the-war-began-nvzhmtdvt> (дата обращения: 14.02.2024).

16. Signs of massacre in Bucha spark calls for war crimes probes // The Washington Post [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.washingtonpost.com/world/2022/04/03/bucha-ukraine-graves-war-crimes-calls-icc/> (дата обращения: 14.02.2024).

17. Their Final Moments: Victims of a Russian Atrocity in Bucha // The New York Times [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.nytimes.com/interactive/2022/12/21/world/europe/bucha-ukraine-massacre-victims.html> (дата обращения: 14.02.2024).

18. War in Ukraine: Town of Bucha shattered by Russian invaders' atrocities // Сайт thetimes.com («The Times») [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.thetimes.co.uk/article/war-in-ukraine-town-of-bucha-shattered-by-russian-invaders-atrocities-bqgj58pdg> (дата обращения: 14.02.2024).

Kujantseva Elena Alexandrovna,
Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
Lugansk State Pedagogical University
elenakul@list.ru

Klipakov Nikolay Viktorovich,
Candidate of Technical Sciences, Associate Professor
Lugansk State Pedagogical University
nickvnu@lgpu.org

Manifestation of informational confrontation in the coverage of the special military operation in Russian and Ukrainian media

The article presents an attempt to study the manifestations of informational confrontation between states belonging to different civilizations. The differing cultural frameworks lead to various mass media structures in countries involved in informational opposition. Examples of the most common information warfare technologies characteristic of the West and implemented in Ukrainian media are provided, in comparison with Russia's attempts to counter informational attacks in its own media.

Keywords: informational confrontation, civilizational phenomenon, mass media, special military operation.

Куянцева Елена Александровна,
кандидат филологических наук, доцент,
заведующий кафедрой журналистики и издательского дела
ФГБОУ ВО «Луганский государственный
педагогический университет»
elenakul@list.ru

Медиакритика как составляющая информационного противостояния Запада с Россией: русофобия и национализм в медийном украинском пространстве

В статье рассматривается роль украинской медиакритики в противостоянии России и Запада: изучаются основные этапы истории украинской журналистики в 1990–2020-е годы, уделяется внимание основным процессам в медиасфере Украины, причинам усиления русофобии и пропаганды экстремизма в СМИ. Указаны националистические нарративы. Для исследования были использованы медиакритические публикации наиболее известных украинских проектов – «Детектор медиа» («Телекритика») и «МедиаКритика», которые регулярно публикуют свои материалы, содержащие анализ актуальных процессов в информационном поле Украины.

Ключевые слова: медиакритика, информационное противостояние, информационный суверенитет, русофобия, национализм.

Актуальность выбранной темы в современных реалиях не вызывает сомнений. Противостояние России с Западом сейчас переживает особенно острый период, поэтому важно изучать, каким образом геополитические оппоненты пытаются воздействовать на Россию и ее информационную сферу, которая приобрела особенно большое значение в связи с активным развитием и всеобъемлющим внедрением новых цифровых технологий. Конкретные способы нанесения ущерба государству в важных сферах нуждаются в постоянном изучении, поскольку

непрерывно обновляются, совершенствуются и видоизменяются. Украина как часть русских исторических земель сейчас используется как таран в атаке на Россию – и в информационной сфере, и в театре боевых действий. Роль медиакритики во возвращении русофобии в украинских медиа ранее не становилась объектом пристального научного интереса, поэтому данная попытка осмыслить медиакритический аспект в информационной войне Запада с Россией является новаторской.

В монографии и статьях известного российского ученого А. П. Короченского обоснованы важные характеристики медиакритики: она предполагает более глубокое проникновение в суть происходящих процессов, отображенных в текстах СМИ [8, с. 204]. Журналисты осмысливают реальность в своих публикациях, и медиакритика работает с этой интерпретацией, расставляя уже в созданной медиареальности акценты. «Учитывая отраженный, преобразованный характер этой отображенной реальности, уместен вопрос о степени полноты и истинности тех картин действительности, которые предлагают своей аудитории средства массовой информации, а также о социальных последствиях их деятельности» [7, с. 20]. Медиакритика обращена к текущей практике СМИ, призвана «незамедлительно реагировать на аспекты медийного содержания и деятельности СМИ», а лучшие образцы сочетают в себе публицистичность и научность [7, с. 33]. Публицистичность предполагает обеспечение со стороны критиков оперативного отображения происходящих событий, утверждение или изменение общественного отношения к тому или иному явлению, проблеме, а научность «проистекает из необходимости глубокого познания проблем деятельности средств массовой информации» [7, с. 34]. То есть по сути медиакритика должна давать научный, но понятный читателю анализ освещенных в СМИ событий. Таким образом, можем утверждать, что возможности медиакритики в информационном противостоянии огромны.

О. Воронова рассматривает разные виды информационных войн в современном мире, подробно изучает их виды – информационно-психологические, информационно-технологические и смешанного типа. Изучая их более детальные проявления, автор обращает внимание на «войны за изменение

идентичности» («ментальные войны»), где главными мишенями являются язык, культура, вера, историческая память [1, с. 51]. Пристальное изучение утраты Украиной своей идентичности как части Русского мира является необходимым в условиях вызовов, ставших перед Россией. Из части исторических русских земель, где большинство людей русскоговорящие и православные, за три десятилетия Западу удалось создать крайне агрессивное по отношению к России управляемое квазигосударство, не имеющее ни политического, ни информационного суверенитета. Этот печальный опыт требует самого пристального внимания и изучения, в особенности технологии его реализации.

Одну из важнейших ролей в процессе усиления русофобии в украинском медийном поле сыграла именно медиакритика. Целью нашего исследования является изучение информационных процессов в украинской медийной сфере, произошедших с 1991 года до сегодняшнего дня, сопровождаемых все более усиливающейся русофобией и национализмом. Научные статьи украинских ученых и медиакритические материалы помогли соответствующим Западу образом интерпретировать описываемые в СМИ факты, проблемы и явления.

Объективное изучение новейшей украинской журналистики на Украине невозможно по причине усилившейся цензуры не только в СМИ, но и в научных кругах. Некоторые процессы исследователи описывают вполне правдиво (например, указывают на пропаганду и неправдивое освещение военных действий на Донбассе, называются источники финансирования тех или иных медийных проектов), но взглянуть на происходящие информационные процессы как губительные для Украины украинские исследователи не рискнут.

Прошедшие три десятилетия с момента развала СССР и появления «самостоятельной» Украины можно условно разделить на четыре основных этапа, в которых чётко прослеживается утрата Украиной информационного суверенитета, развитие русофобии в медиасфере:

- 1) 1991 – 2004;
- 2) 2004 – 2014;
- 3) 2014 – 2022;

4) 24 февраля 2022 года до настоящего времени.

С 1991 по 2004 годы в украинской журналистике доминировал позитивный настрой на перемены к лучшему. Исследователи медиа исходили из того, что в составе СССР украинская медиасфера находилась под жестким государственным контролем и цензурой, и это тоталитарное прошлое, ошущаемое в постсоветской Украине, нужно преодолеть, выбрав путь к свободе и демократии: «Принципы партийного догматизма сменяются национально-демократическими (перевод наш. – Е. К.)» [14]. Большинство видных украинских ученых так определяли состояние журналистики на Украине в 1990-е – начало 2000-х: «Тоталитарный и авторитарный режимы, довлевшие над обществом, приучили людей к безусловной покорности указаниям сверху, следованию единой партийной линии, что противоречит демократии (перевод наш – Е. К.)», «... будучи в составе Российской империи, Советского Союза, Украина подвергалась всевозможным гонениям... (перевод наш – Е.К.)» [15, с. 19], состояние украинской журналистики определяется недостаточностью «опыта существования свободных, независимых от государственных органов прессы (перевод наш. – Е. К.)» [13].

Действительно, медиаисследователи практически единогласно указывали на необходимость преодоления «тоталитарного прошлого» и развития будущего в русле лучших традиций свободной журналистики, которые можно наблюдать в европейских странах. Одной из первоочередных задач было устранение контроля над СМИ со стороны государства. И самым эффективным решением было разгосударствление СМИ и создание коммерческих медиа-проектов. Так что 1990-е – начало 2000-х гг. характеризуются возникновением множества коммерческих каналов, активным развитием новых цифровых технологий, появлением всемирной сети, которая все более влияет на изменения в украинской журналистике.

И. Чиж [17], занимавший в прошлом руководящий пост в Гостелерадио Украины, указывал на такие позитивные преобразования в медиасфере:

1) Украина стала беспрецедентно открытой информационной державой, в которой началось успешное формирование гражданского общества.

2) На Украине законодательно запретили цензуру и идеологию, поэтому официально страна открыта для общественной дискуссии в медиа. «Вместе с коммунистической идеологией мы избавились от любой идеологии, пропаганды, агитации, которые в любом обществе выполняют именно эту функцию государственной власти (перевод наш. – Е.К.» [17, с.163]. Разумеется, что окончательно цензура не побеждена, продолжаются попытки государства вмешиваться в деятельность СМИ, но это проблемы, которые будут решаться, в том числе и на законодательном уровне.

3) Определенные ограничения, так или иначе необходимые журналисту в его профессиональной деятельности, должны быть осмыслены самими журналистами. Не все журналисты понимают это, не все руководствуются этическим кодексом, велением долга, совести и чести, но журналисты должны к этому прийти.

4) Большое внимание уделяется развитию общественного вещания как важного проекта для интеграции Украины в Европу.

Указывает И. Чиж и на вызовы, которые появились в связи с кардинальными изменениями в украинском медийном поле:

1) В приграничных регионах украинские каналы начали вытеснять зарубежные, такие мощные организации, как «Радио Франции», «Немецкая волна», «Би-Би-Си» арендуют радиопередатчики в Киеве, Харькове, т.е. по сути, происходит захват более сильными экономически и политически государствами информационного пространства Украины, но больше всех ощущается влияние России, в то время как более «цивилизованные» государства показывают пример опыта работы мировой журналистики и продвижения имиджа государства на геополитической арене.

2) В законодательстве потребовались изменения и уточнения в связи с курсом в Европу для гарантий права на свободу слова и информационную деятельность, ограничения возможности немотивированных исков к СМИ, непомерных штрафов и т.д.

3) Возникло много проблем в связи с коммерциализацией медиа: при увеличении количества СМИ снизались их тиражи, ухудшилось качество выпускаемой информации на коммерческих каналах.

4) «Сегодня сложилась парадоксальная ситуация: управлять информационными процессами независимо, приватному медиахолдингу и можно, и нужно, а вот государству “зась”», – пишет И. Чиж [17, с. 168]. Действительно, государство начало утрачивать контроль над медиасферой и собственной информационной политикой. Впоследствии это привело к полной утрате Украиной своего информационного суверенитета.

Парадоксально, но одновременно другие исследователи были полны оптимизма в вопросе информационного суверенитета Украины, полагая, что государство обозначило для себя это понятие и планирует его защищать, обозначив угрозы, к которым отнесли «все еще недостаточную прозрачность для Украины международного информационного пространства, децентрализацию контроля за информационной деятельностью, региональные проблемы, *информационную экспансию России*, использование “инфраструктуры” для транзита массивов информации через границы государства на условиях транснациональных информационных монополий (перевод и выделение наше – Е. К.)» [5]. То есть Россия уже обозначена как одна из ключевых угроз. И в дальнейшем эта тенденция только усиливалась.

В период с 2004 по 2014 годы в медийном пространстве Украины были подведены определенные итоги функционирования новейшей журналистики, и уже стали очевидны многие проблемы, большинство которых, на наш взгляд, были закономерным следствием процессов, происходящих в 90-е годы XX века, но далеко не все из них были спрогнозированы исследователями в прошлое десятилетие.

Рассмотрим их подробнее. Возвращаясь к условному делению на периоды новейшей истории украинской журналистики, отметим 2004 год как один из важных и поворотных в истории современной Украины: в этот год произошла цветная революция (Оранжевая или «Помаранчевая»), в результате которой Украина

обозначила свой путь в ЕС и сближение с блоком НАТО, в связи с чем усилилось противостояние с Россией. Европа активно поддерживала миф об осмыслении народом Украины своего положения при «злостном» правительстве Л. Кучмы, в результате чего люди в едином порыве вышли на Майдан в Киеве и на улицы по всей стране, чтобы отстоять свое право быть свободным, цивилизованным народом, выбравшим путь в Европу. Медиакритики во всех своих исследованиях исходили именно из такой интерпретации событий. В западных медиа также наблюдался информационный бум в поддержку «свободного», «цивилизационного» выбора Украины, была информационная поддержка «порыва» Украины к свободе.

Очень скоро в украинском обществе началось разочарование от «завоеваний» Майдана. Это отмечают даже украинские медиакритики: «... только слепой не видел, как напрасно и молниеносно испарялся весь тот позитив, который обеспечила Украине помаранчевая революция» [9, с. 13]. Уже в 2005 году новый современный национальный миф об Украине, который начал формироваться после революционных событий и «победы демократии», сменился удрученностью. «Потенциал общественных и политических симпатий растаял, как роса на солнце из государственного гимна. Зато появилась серая туча, наполненная не разъяснёнными на достойном уровне трансатлантическими и европейскими амбициями (перевод наш. – Е. К.)» [9, с. 13]. Стоит отметить, что многие из украинских медиакритиков очень точны в своих критических формулировках: в текстах наблюдается ирония, сарказм, эмоциональность и образность, умелая работа с фактами, в том числе эксклюзивными. Действительно, в 2008-м году, спустя почти четыре года после Оранжевой революции медиакритики констатировали грустный для них факт: Украину не отождествляют с чем-то позитивным, динамичным, привлекательным. «Скорее идентифицируют как нечеткую и непрозрачную серую массу под самой границей Европейского союза (перевод наш. – Е. К.)» [9, с. 13]. Очень часто неудачную «евроинтеграцию» Украины сравнивают с опытом других стран, у которых вливание в «европейскую семью» произошло успешно. Так, во всяком случае, кажется украинским

исследователям: например, Прибалтика смогла сформировать свой положительный имидж и даже привлекла к финансированию правительственного пиара бизнес-структуры Скандинавии; Великобритания тратит на свой международный имидж суммы, не сопоставимые со скромными тратами Украины в этой сфере. Великобритания, как отмечают украинские медиакритики, умеет строить эффективное общение с медиа, в результате которого сохраняется авторитет англичан в мире [9, с. 13]. Многие страны имеют свой привлекательный миф: у Польши это легенды Шопена и Склядовской-Кюри, Чехия славна произведениями Милана Кундеры, даже Румыния известна графом Дракулой, а чем привлекательна Украина? «Ее миф “не имеет обеспеченного украинофильскими кругами содержательного наполнения”, – с сожалением отмечают исследователи. – И эта “пустота” заполняется российской пропагандой (перевод наш. – Е. К.)» [9, с. 13]. Впрочем, иногда эта пустота создается и самой Украиной, признают медиакритики. Например, когда стало ясно, что информация об открытии на Украине производства игрушечного Адольфа Гитлера оказалась фейком, никаких извинений от распространивших эту новость известных западных СМИ не последовало, более того, Министерство иностранных дел Украины даже ничего не предприняло, чтобы получить извинения или объяснения по поводу нанесения вреда имиджу страны такими «новостями». «Телекритика» официально запрашивала по этому поводу информацию, но ответа от МИД так и не получила [12, с. 14].

Украина не оказывается в центре внимания иностранных масс-медиа, также с огорчением отмечают украинские исследователи, хотя было ожидание некой украиноцентричности в мире после событий 2004 года. Ричарт Бистон, редактор отдела международной информации британской газеты The Times, упомянул, что материалы, связанные с Украиной, публикуются в его издании раз в десять дней. «В качестве региона Украина воспринимается как полузабытая территория, и часто упоминания о ней связаны с резонансными скандалами с Россией» [12, с. 14]. Указывают медиакритики и на такие проблемы, как отсутствие собственных корреспондентов европейских стран на Украине, и

неинтересный малобюджетный телеканал УТР, взявший на себя функции рассказывать об Украине во всем мире (его руководитель И. Чиж даже уверял в высоком рейтинге популярности это канала, во что сложно поверить).

Стоит отметить, что все обозначенные нами периоды функционирования медиакритики на Украине объединяет общий мотив: в основных проблемах Украины виновен «большой сосед». В 1990-е годы проблемы в медиасфере легко объяснялись тоталитарным прошлым СССР. И спустя десятилетие в базовых проблемах украинской журналистики по-прежнему виновата Россия (или СССР): «В Украине государственное вмешательство в информационную сферу отягощено унылым пропагандистским прошлым, которое ощущается до сих пор» [12, с. 20].

Украинские медиакритики сетуют, что в конце первого десятилетия XXI века Москва продолжает видеть в Украине свою территорию, пытается обесценить имидж Украины как самостоятельного суверенного государства, причем, по их мнению, «Москва работает системно», чтобы ЕС видел в Украине не больше, чем «причудливый обломок России» [9, с. 13]. Исследователи украинских медиа также обозначили проблемы, связанные с несоблюдением с этики, и предложили более активно и на законодательном уровне ограничить влияние государства на СМИ, проработать модель функционирования общественного вещания, взяв за основу успешный европейский опыт. Общественное вещание должно стать источником правдивой, неангажированной информации, и контроль над качеством его работы должен быть у общественности, общественных организаций и медиаисследовательских проектов (в роде «Детектор медиа», Фонда демократических инициатив и пр.), которые активно финансировались Западом. Таким образом, по мере дальнейшей утраты Украиной информационного суверенитета стала очевидной еще одна проблема для Запада – значительное присутствие России и пророссийского контента в украинском медийном поле.

В 2014 году происходит вторая цветная революция на Украине, более известная под названием «Революция достоинства» (Революція гідності) – госпереворот с приходом к власти

националистов. В результате из состава Украины вышел Крым, возник военный конфликт на Донбассе (вошел в состав России позже – в 2022 году). Ожидаемо, что после таких событий Украина объявила Россию агрессором, захватившим часть ее территории. Закономерно усилилась русофобская тональность медиа, четче вырисовались националистические нарративы (о национальной идее Украины, о вражде и противостоянии с «имперскими амбициями» России, мечтающей видеть Украину своей колонией и т.п.). Наиболее агрессивным националистом из ученых Украины можно назвать В. Лизанчука, которому кажется, что общий антироссийский настрой в медиа недостаточен для реализации нациотворческих идей, он обвиняет в пророссийских настроениях украинских политиков и даже президента Украины В. Зеленского. В. Лизанчук видит пророссийские послания в украинском медийном поле у таких каналов, как «НАШ», «ZIK», «112», «NewsOne», «Інтер», «Україна», «Україна-24», «1+1», которые «творят антиукраинское ядовитое варево» и «помогают московским манипуляторам» [10].

В целом за 2014–2022 годы украинская журналистика прошла путь от попыток спасти «донбассцев» и интегрировать их во все более европеизирующуюся Украину до признания «донбасят» недолюдьми и открытой агрессии в сторону не только луганчан и дончан, но и всех жителей России. В 2014 году в медиакритических публикациях можно было увидеть упреки в адрес украинской писательницы Ирены Карпы за ее проект «Ватник обращенный»: «мультфильм слишком обидный для жителей зоны АТО» [16]. В 2017 году уже можно прочитать жесткие заявления: «Мы часто смотрели на ЕС как на цивилизационное спасение, даже не представляя, насколько активно мы собственноручно создаем новые и новые информационные узлы зависимости от русского культурного, ментального и, конечно, информационного поля» [11].

В статье В. Лизанчука содержится предложение объединиться с «человеко-нациецентричной» идеей вокруг «правильных» СМИ, которые держат «высокую ценностную планку касательно моральной и этической журналистики» (имеются в виду газеты «День», «Українська літературна газета»,

«Слово Просвіти», «Літературна Україна», «Галичина», журнал «Дзвін», львовское радио «Незалежність», телеканалы «Прямий», «Еспресо», «5-й канал», которые «последовательно долгое время противодействуют российским нарративам, защищают национальные ценности, украинскую идентичность от дезинформирующей, манипулятивной пропаганды (перевод наш. – Е. К.)» [10, с. 230]. Усиливаются агрессивные выпады в сторону России как «злостного соседа», а также в адрес российского президента, фамилию которого начали писать с маленькой буквы, нивелировалось героическое общее прошлое, связанное с победой над фашистской Германией в 1945 году. «Великая Отечественная», – пишет в статье Я. Зубченко – один из постоянных авторов «Детектор медиа», – это своеобразный частный клуб России, членство в котором Федерация активно рекламирует. После развала СССР принадлежность к одному “народу-победителю” помогает ментально удерживать прежние колонии (перевод наш. – Е. К.)» [4]. Медиакритики обвиняют Россию в присвоении себе победы над нацизмом, канонизации героев (трудно теперь разобраться, кто чей в этой «пропаганде»), возмущаются всеми аспектами победы в Великой Отечественной – словом, всячески обесценивают один из важнейших этапов в общей истории [4].

После начала СВО украинская журналистика претерпевает те изменения, от которых планировала уйти в 1990-е – жесткий контроль и строгая цензура, пропаганда в медиа. Причем пропаганда приняла такие нездоровые формы, что ее лживость вынуждены признать даже украинские медиакритики. 24 февраля 2022 года украинские медиа-гиганты объединились в единый телемарафон для того, «чтобы противодействовать российской дезинформации и пропаганде (перевод наш. – Е. К.)» [3] На Украине это решение всем казалось замечательным и правильным: телевизионный марафон должен был показать сплоченность Украины и транслировать правду о происходящих событиях. «Украинская власть провозгласила, что будет говорить правду и ничего кроме правды (перевод наш. – Е. К.)» [3]. Однако уже через несколько месяцев у украинской аудитории начали возникать вопросы по транслируемому контенту. Телемарафон вместо

правды начал подавать в эфир нужную для властей информацию, преимущественно о скорой победе. Анализируя такой контент, медиакритики назвали его «байрактарщиной» (т.е. «развесистой клюквой»).

По результатам мониторинга «Детектор Медиа» за январь – март 2023 года, на телемарафоне более половины депутатов, приглашенных в качестве гостей, представляли партию «Слуга народа». «Очевидно, что такое преимущество в сторону правящей партии не оставляет никаких шансов честной журналистике. В итоге, можно утверждать, что телемарафон – это худший способ потратить огромные средства из государственного бюджета (перевод наш. – Е. К.)» [3]. Мир новостей, представленный телемарафоном, показал искусственно созданную реальность, сильно отличающуюся от настоящей действительности.

Альтернативой официальной информации стали публикации в соцсетях и мессенджерах, в особенности «Телеграм». И такая альтернатива стала скорее проблемой для украинской власти: исследования показывали и огромное количество российских и пророссийских телеграм-каналов, и «притворяющихся» украинскими, но по сути пророссийских каналов. Запретить или контролировать такую массу информации оказалось физически невозможно. Украинские медиа «рерайтят» инфоповоды, забывая о журналистских стандартах, сетуют медиакритики. В условиях ведения военных действий быть непредвзятыми, сдержанными и подавать исключительно проверенную информацию – оказалось невыполнимой задачей, также признали исследователи украинских медиа. Соответственно выстраиваемые долгие годы стандарты «европейской» журналистики о правдивости и сбалансированности информации, возможности свободы слова после 2022 года оказались все перечеркнуты. Безусловно, со стороны прозападных медиакритиков на Украине звучат призывы проверять информацию, журналистов просят соблюдать журналистские стандарты и предупреждают, что в украинском медийном поле активно работают российские спецслужбы [3].

Если регулировать деятельность телеграм-каналов пока достаточно проблематично, то медиа должны иметь четкие правила

отбора информации, которая поступает в мессенджеры – такой выход увидели медиакритики в создавшейся ситуации. Также они предлагают на законодательном уровне решить вопрос о достоверности информации в телеграм и предлагают регулярно знакомиться со списками достоверных медиа, которые имеют хорошую репутацию (стоит обратить внимание, что помогают этот список составлять различные центры, функционирующие на Украине под западной протекцией).

Все проблемы в украинской журналистике объяснены ожидаемо: «Российская война в Украине обесценила стандарты и правила, которыми мировые медиа пользовались годами <...> война показала, что медиа, и не только украинские, не готовы к работе в ее условиях (перевод наш. – Е. К.)» [2]. Журналисты и ученые констатировали тот факт, что во время военных действий невозможно работать, исходя из признанных стандартов деятельности журналиста в мирных условиях. «Когда берутся за основу для работы журналистов стандарты страны без войны, то это совсем не те стандарты, которые действуют в стране, где есть война» [6].

Итак, основные этапы развития украинской журналистики с 90-х по 2024-й года – это четыре периода, которые показывают путь от декларации свободы слова и ухода от цензуры до жесткого контроля всего информационного пространства, пропаганды и антироссийских нарративов. Итог тридцатилетней истории украинской постсоветской журналистики – кризис и недоверие со стороны массовой аудитории. Украина как государство, став на путь противостояния с Россией, утратила свой суверенитет и в политическом смысле, и в информационной сфере.

Список литературы

1. Воронова, О. Е. Информационно-психологическая безопасность России в условиях глобальных угроз / О. Е. Воронова. – М. : Аспект-Пресс, 2019. – 240 с.

2. Дворянин, П. Розуміння стандарту: пошуки нових правил у журналістиці війни / П. Дворянин // Вісник Львівського університету. Серія Журналістика. – 2024. – Випуск 54–55. – С. 43–57.

3. Єрохін, Б. За великі гроші і без результату: чи потрібен Україні телемарафон? [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://mediakrytyka.lnu.edu.ua/ohlyady-analytika/za-velyki-hroshi-i-bez-rezultatu-chy-potriben-ukrayini-telemarafon.html> (дата звернення: 10.05.24).

4. Зубченко, Я. Конвульсії Великої Вітчизняної війни / Я. Зубченко [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <https://detector.media/kritika/article/177098/2020-05-13-konvulsii-velykoi-vitchyznyanoi-viyny/> (дата звернення: 10.06.2024).

5. Інформаційна політика України: європейський контекст / під ред. С. В. Головка. – К. : Либідь, 2007. – 359 с.

6. Іщенко, Н. Свобода слова під час війни / Н. Іщенко // День [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <https://day.kyiv.ua/article/media/svoboda-slova-pid-chas-viyny> (дата звернення: 06.06.2024).

7. Короченский, А. П. «Пятая власть»? Феномен медиакритики в контексте информационного рынка / А. П. Короченский. – Ростов-на-Дону, 2002. – 272 с.

8. Короченский, А. П. Медиакритика как оценочное познание социального функционирования СМИ / А. П. Короченский // Научные ведомости БелГУ. – 2010. – №18. – Вып. 7. – С. 204–208.

9. Лазарева, А. Під європейським кутом зору / А. Лазарева // Телекритика. – 2008. – № 6. – С. 12–13.

10. Лизанчук, В. В. Комунікативна синергія українських національних цінностей в контексті російської гібридної війни / В. Лизанчук // Вісник Львівського університету. Серія Журналістика. – 2021. – Випуск 49. – С. 224–247.

11. Логвиненко, Б. Друга найчисленніша біомаса: про «Дощ» і не тільки / Б. Логвиненко // Детектор Медіа [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <https://detector.media/infospace/article/122228/2017-01-16-druga-nauchyslennisha-biomasa-pro-dozhd-i-ne-tilky/> (дата звернення: 10.04.2024).

12. Минко, Е., Кирьянова, Н. Под окном Европы / Е. Минко, Н. Кирьянова // Телекритика. – 2008. – № 6. – С. 14–20.

13. Михайлин, І. Основи журналістики / І. Михайлин. – Харків, 2011 [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <https://textbooks.net.ua/content/view/7069/52/> (дата обращения: 24.08.2024).

14. Орлова, Н. Особливості розвитку української журналістикознавчої термінології в роки незалежності (90-ті рр. ХХ – поч. ХХІ ст.) / Н. Орлова [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://ekhsuir.kspu.edu> (дата обращения: 12.06.2024).

15. Розкошний, А. П. Демократія в журналістській творчості / А. П. Розкошний. – К. : Центр навчальної літератури, 2005. – 112 с.

16. Чабаненко, М. Журналістика і пропаганда: у пошуках правильних рішень / М. Чабаненко // Медіакритика. – 2014. – № 21. – С. 34–36.

17. Чиж, І. Україна: шлях до інформаційного суспільства / І. Чиж. – К. : Либідь, 2004. – 253 с.

Kujantseva Elena Alexandrovna,
Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
Lugansk State Pedagogical University
elenakul@list.ru

Media criticism as a component of the informational confrontation between the West and Russia: russophobia and nationalism in the Ukrainian media space

The article examines the role of Ukrainian media criticism in the confrontation between Russia and the West: the main stages in the history of Ukrainian journalism in the 1990s – 2020s are studied, the attention to the main processes in the media sphere of Ukraine is paid, the reasons for the intensification of Russophobia and the promotion of nationalistic narratives are indicated. Media criticism materials of the most famous Ukrainian projects – «Detector of Media» («Telekritika») and «MediaKritika», which regularly publish their materials, which contain an analysis of processes in the informational field of Ukraine, were used for the study.

Keywords: media criticism, information confrontation, information sovereignty, russophobia, nationalism.

УДК 351:746

Ладыга Александр Иванович,
кандидат исторических наук, доцент,
начальник кафедры государственных
и гражданско-правовых дисциплин
ФГКОУ ВО «Воронежский институт МВД России»
kafedra.tigp@bk.ru

**Механизм противодействия медиа-терроризму
в политике национальной безопасности Российской Федерации
в условиях гибридной войны**

Статья посвящена анализу политики противодействия медиа-терроризму в системе политики национальной безопасности Российской Федерации. Основываясь на теоретическом, политическом, нормативно-правовом осмыслении проблемы противодействия информационному терроризму зарубежными и отечественными исследователями, в статье определено и раскрыто содержание приоритетных механизмов противодействия медиа-терроризму.

Ключевые слова: медиа-терроризм, национальная безопасность Российской Федерации, механизм противодействия.

Гибридная война, временем начала которой против России считаются 2007/2008 гг. [5], и активизация медиа-терроризма в российском медиа-пространстве заставили руководство страны в корне пересмотреть ситуацию безопасности внутри и вокруг страны и осуществить кардинальные шаги по перестройке системы безопасности и обороны.

Среди рычагов безопасности (военных, экономических, энергетических, гуманитарных и т.п.) особое место занимает информационная составляющая. В Указе Президента Российской

Федерации от 31.03.2023 №229 [9] руководство страны учло как уроки на информационном и гуманитарном фронтах, которые должны способствовать устранению «белых пятен» в информационной политике государства, так и спрогнозировало на ближайшую перспективу сдвиг в сложившейся ситуации с угрозами в информационной сфере.

Анализ деятельности институтов государства в вопросах противодействия угрозе медиа-терроризма, который мы осуществили ранее, дает нам основания сделать определенные выводы-уроки, которые необходимо учитывать как ориентиры политики безопасности [6, с. 35].

Речь идет о следующем:

1. Информационное пространство страны должно быть построено на принципах прозрачности и права. Медиа должны работать в транспарентном режиме, отражающем, в частности, действительных владельцев и характер информационного контента. Информация террористического и экстремистского характера должна отслеживаться, а работа субъектов, ее распространяющих, блокироваться. Информационная составляющая гибридной войны является сквозной.

2. В условиях гибридной войны социальные сети, киберпространство и блогосфера становятся наиболее опасной средой. Здесь работает своя этика и направленность каждого участника.

3. Отрицание русской идентичности на уровне истории, культуры, религии, образования приводит к разрушению устойчивости общества, что является тождественным ликвидации любых проявлений национального духа [1]. Целью медиаинформационного терроризма является когнитивно-поведенческая сфера человека.

4. Информационная безопасность человека как центральная цель информационной политики должна преследовать достаточно конкретную цель – психологическую устойчивость человеческой личности к информационно-стрессовым факторам как отражение состояния ее самоидентификации на основе доминирующих национальных нарративов и уровня ее общей и информационной культуры.

5. Преодоление негатива последствий гибридной войны вообще и просчетов в информационной сфере, в частности, принадлежит плоскости стратегии усиления сопротивляемости государства и общества к актуальным и потенциальным угрозам, что в свою очередь требует проведения целенаправленной образовательной, языковой, культурной политики, политики восстановления исторической памяти и сбалансированной политики в сфере конфессиональных отношений. Критическое осмысление уроков информационной составляющей гибридной войны и угроз национальной безопасности России в информационной сфере предоставляет нам возможность рассмотреть противодействие медиа-терроризму в политике национальной безопасности через определенные приоритетные направления политики безопасности и механизмы их реализации.

По нашему мнению, приоритетными направлениями являются следующие: а) усиление коммуникативной составляющей антитеррористической деятельности структур сектора безопасности; б) совершенствование информационной политики государства с учетом специфики гибридной войны; в) совершенствование нормативно-правовой базы; г) воспитание информационной культуры у молодежи; д) инкорпорация потенциала общественного телевидения в систему противодействия медиа-терроризму; е) развитие международного сотрудничества.

Функцию координации усилий по содержательному наполнению этих направлений конкретным смыслом должны взять на себя органы государственной, региональной и местной власти. Структуры гражданского общества, медиа и блогосфера в этом процессе будут иметь вспомогательную, однако не второстепенную роль. Здесь важное значение будет играть фактор их «дистанции» от государства как бюрократической машины: социальная удаленность; возраст, возрастная психология и возрастные интересы; тип самоидентификации (интернет / телевидение / блогосфера); образование; жизненный опыт и другие факторы.

Ближе к этим вопросам жизни современного российского социума находятся именно гражданское общество и блогосфера, а не чиновники и подконтрольные медиа. Ожидать результативности

от такой работы можно на основе выполнения трех условий: использования системного метода в построении модели деятельности; политической воли государственного руководства в достижении поставленных целей; и внедрения механизмов социального взаимодействия.

Что касается первого условия, то все социальные структуры построены на основе образования систем, в которых информация играет ключевую роль. В идеале социальную систему и структуры она упорядочивает и гармонизирует, выступая при этом связующей цепью. В решении задачи выявления на этой основе объективно необходимой информации системный подход предоставляет оптимальный путь для осуществления управленческих воздействий [3].

Второе условие касается вполне бесстрастной и профессиональной работы специалистов-управленцев и экспертного сообщества, к деятельности которых иногда возникает много вопросов. Третье условие связано с механизмами государственной политики в информационной сфере.

В работах философов и политологов использование термина «механизм» довольно распространено. Обычно он применяется при рассмотрении социальных систем в контексте стабилизации их функционирования и направленности на выполнение системой и ее структурными элементами определенных функций [4, с. 27].

Данная позиция близка к позиции Ю. Хабермаса, который считал, что в социальной системе можно различать «механизмы координирования действий, которые согласовывают между собой ориентации действий участников, и механизмы, которые стабилизируют непреднамеренные (неинтендированные) связи, действия через функциональное связывание последствий действия». К важнейшим механизмам солидаризации общества Ю. Хабермас относит интегративную силу коммуникации. В нашем случае такую силу образует совпадение интересов общества и государства в понимании рычагов информации в обеспечении безопасности. В этих условиях государство обязано использовать ресурс общественных настроений на социальное действие как элемент «мягкой» силы, где социальное действие предполагает

взаимное ожидание соответствующего поведения всех участников социальных отношений в духе концепции «социального действия» М. Вебера [2, с. 84]. Итак, рассмотрим проблемные вопросы обозначенных направлений противодействия медиа-терроризму в политике национальной безопасности России и их возможное наполнение конкретным содержанием.

1. Усиление коммуникативной составляющей антитеррористической деятельности структур сектора безопасности. Сегодня противодействие медиа-терроризму является частью государственной системы борьбы с терроризмом и содержит следующие элементы: национальное антитеррористическое законодательство; субъекты борьбы (противодействия) с терроризмом и координационный орган; единая государственная система предотвращения, реагирования и прекращения террористических актов и минимизации их последствий; государственная политика в сфере противодействия терроризму; система принятия решений в сфере противодействия терроризму.

2. Совершенствование информационной политики государства с учетом специфики гибридной войны. В контексте предмета исследования это направление деятельности может развивать Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций. На практике это означает, что в центре внимания деятельности Министерства должна быть сфера человеческой рациональности в условиях разрушительного характера растущих информационных потоков и кризиса традиционных коммуникаций.

В противодействии медиа-терроризму главные задачи министерства должны реализовываться по следующим направлениям: а) актуализация проблемы медиа-терроризма в России; б) сегментирование контента медиа-терроризма по внутренним (региональным) и внешним (другим государствам) показателям; в) акцентирование внимания на возрастных и социально-психологических характеристиках наиболее активной части интернет-аудитории; г) предложение законов по урегулированию наиболее острых вопросов функционирования информационного пространства; д) участие в образовательных проектах (или создание собственных, как это предусматривает

Доктрина информационной безопасности – образование в установленном порядке вспомогательных органов) с целью подготовки специалистов в сфере противодействия информационному терроризму [8].

Успех в решении этих задач может обеспечить координация деятельности министерств цифрового развития, связи и массовых коммуникаций с другими заинтересованными министерствами, органами исполнительной власти и структурами гражданского общества, а показателями такой деятельности могут выступать совместимые проекты.

3. Совершенствование нормативно-правовой базы. В борьбе с терроризмом и в противодействии информационному терроризму деятельность спецслужб государства, правоохранительных и судебных органов является ключевой. Как показали результаты деятельности этих структур, в течение последних 5 лет результаты были бы более весомыми, а работа более эффективной, если бы национальное законодательство террористической проблематики отвечало требованиям времени. Как отмечают эксперты, сегодня терроризму в России способствует низкий уровень раскрываемости преступлений такого характера из-за ряда объективных и субъективных причин [7].

Анализ проблем в правовой политике противодействия терроризму (медиа-информационному) свидетельствует, что в правовой сфере необходимо осуществить ряд мер: а) ввести на законодательном уровне государственный контроль за контентом в социальных сетях и деятельностью сетевых сервисов; б) ввести соответствующие правовые нормы в законодательство относительно административных правонарушений законодательства в информационной сфере; в) уточнить и упорядочить понятийно-категориальный аппарат, с целью устранения двусмысленности в трактовке имеющихся терминов и их определений; г) создать в УК РФ новый раздел «террористические преступления», в котором предусмотреть все составы террористических преступлений, в том числе и в информационной сфере и т.п. Успеху в выполнении этих мероприятий органами прокуратуры и правосудия могут

способствовать и традиционные механизмы коммуникации органов государственной власти с широкой общественностью.

4. Воспитание информационной культуры у молодежи. Анализ современных практик в борьбе с терроризмом и противостоянии информационно-психологическим воздействиям террористических структур на молодежь свидетельствует, что в этой деятельности присутствует координация усилий всех заинтересованных структур и институтов государства, среди которых особое место отведено сфере высшего и среднего образования. К сожалению, в документах, регламентирующих политику России в борьбе с терроризмом, этот институт как инструмент политики безопасности отсутствует вообще. Доктрина информационной безопасности в механизмах реализации информационной политики Министерства науки и высшего образования и Министерства просвещения не упоминает, а тема молодежи и патриотического воспитания молодого поколения присутствует лишь в военной доктрине, когда речь идет о готовности защищать государство.

С целью уточнения роли данных министерств в вопросе воспитания информационной культуры в современной молодежной среде и противодействия медиа-терроризму проанализируем проблемные вопросы взаимодействия человека с информацией на уровне общества и личности. Главный вопрос: человек как потребитель новых ценностно-смысловых рефлексий. Со стремительным вхождением в мир человека новых смыслов и жизненных ориентиров происходит постепенное замещение природы ценностей традиционной культуры, что приводит к рождению новой реальности. Эту реальность определяют новые люди с новым типом мышления и новыми социальными практиками. При таких условиях вариант морального выбора в дилемме человек-творец / человек-потребитель будут определять каналы распространения новых смыслов и образцов культуры, и, прежде всего, СМИ и СМК, обеспечивающие коммуникативное взаимодействие.

Следовательно, пребывание молодого человека в среде со многими лабиринтами смысловой игры предложений и терминов требует определенной образовательной подготовки и культуры,

которые будут противостоять вызовам блогосферы. Особое давление испытывают такие составляющие информационной культуры, как когнитивная, эмоционально-ценностная и деятельностно-практическая [10].

Решение обозначенных проблем Министерства науки и высшего образования и Министерства просвещения могут осуществляться как за счет улучшения образовательной политики, так и за счет координации усилий с гражданским обществом как независимым и незаангажированным экспертом. В контексте решения проблемы противодействия медиа-терроризму, мы можем говорить о следующих механизмах коммуникации: а) вхождение министерств в состав Совета Безопасности при Президенте РФ; б) создание «Национальной программы по предупреждению радикализации терроризма среди молодежи»; в) принятие каждым учебным заведением страны (среднего и высшего образования) программы «Молодежь против терроризма»; г) инициирование ежегодного конкурса студенческих работ по антитеррористической тематике; д) создание под эгидой министерств постоянно действующего семинара со структурами студенческого самоуправления вузов по антитеррористической проблематике.

5. Инкорпорация потенциала общественного телевидения в систему противодействия медиа-информационному терроризму. Как мы отмечали выше, потенциал гражданского общества в обеспечении информационной безопасности стал предметом внимания со стороны государства и органов центральной и местной власти с 2014 г. Выбранная государственная стратегия по мобилизации потенциала гражданского общества в «эффективном противодействии проведению враждебных информационно-психологических операций против России» стала признанием того, что в острейших вопросах национального самосохранения государство и гражданское общество могут и должны работать как партнеры, объединенные общей жизненно важной целью.

Сегодня мы можем говорить о следующем: а) внедрение медиа-проекта «антитерроризм в интегрированных инициативах государства и общества»; б) привлечение к своей деятельности лидеров блогосферы, представителей аналитических центров,

учреждений т.д., которые занимаются вопросами противодействия медиа-терроризму и т.д.

6. Развитие международного сотрудничества. Международное сотрудничество России в борьбе с международным терроризмом претерпело кардинальные изменения одновременно с изменениями в стратегии безопасности и обороны, произошедшими с 2014 г. Это способствовало появлению новых подходов и взглядов на проблему кибер-безопасности. Ответы России на агрессию Запада отныне стали координироваться с внешнеполитическими акциями, в основу которых был положен вполне понятный месседж – суверенитет и собственный цивилизационный путь развития, евроатлантический выбор.

Следовательно, уточнение приоритетных направлений и механизмов противодействия медиа-терроризму в политике национальной безопасности России дает нам основания прийти к такому выводу: современная система противодействия информационному терроризму в России требует существенных корректив в соответствии с динамикой изменений в тактике самого террористического движения и информационных технологий, которыми он пользуется и овладевает. Учитывая сказанное выше СБ РФ и ФСБ как главные структуры, производящие рекомендации противодействия информационному терроризму, должны сосредоточиться на следующем: а) разработке новой концепции борьбы с терроризмом и национальной стратегии борьбы с терроризмом, в которых создать разделы противодействия медиа-терроризму; б) совершенствовании механизмов координации усилий всех субъектов антитеррористической деятельности в противодействии медиа-терроризму, в частности через конкретизацию полномочий, задач и усилий министерств, других государственных структур и организаций гражданского общества; в) уточнении правового поля относительно ответственности за преступления в информационной сфере; г) привлечении на концептуальном и правовом уровне к противодействию медиа-терроризму структур гражданского общества; д) формировании на базе СБ РФ широкой общественной площадки, целью деятельности которой стала бы защита когнитивно-поведенческой сферы молодежи в условиях информационной агрессии Запада и

растущей конкуренции знаково-символических миров других культур.

Список литературы

1. Арзумян, А. Теория и принципы сетцентричных войн и операций / А. Арзумян [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://mgimo.ru/upload/2015/Peace_and_war.pdf (дата обращения: 20.07.2024).

2. Вебер, М. Избранные произведения / М. Вебер ; пер. с нем. Ю. Н. Давыдова. – М. : Прогресс, 1990. – 804 с.

3. Вербовой, В. В. Системный подход для решения управленческих задач / В. В. Вербовой // Молодой ученый. – 2024. – № 28 (527). – С. 50–51 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/527/116557/> (дата обращения: 04.08.2024).

4. Иванов, В. Н. Инновационные социальные технологии государственного и муниципального управления / В. Н. Иванов, В. И. Патрушев – М. : Экономика, 2001. – 620 с.

5. Интервью В. В. Путина Такеру Карлсону. 09.02.2024 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73411> (дата обращения: 04.08.2024)

6. Ладыга, А. И. Терроризм и организованная преступность как факторы повышения общественной опасности в государстве / А. И. Ладыга // Политические институты и процессы в России в условиях современной международно-политической напряжённости: сборник материалов Научно-практической конференции Донецкого регионального отделения Российской ассоциации политической науки ко Дню политолога в Донецком государственном университете, 12.09.2023 г., г. Донецк / под ред. О. В. Онопко, Е. В. Кузнецовой, Е. В. Рябинина; сост. Д. И. Борозенец. – Донецк: ДГУ, 2023. – С. 32–38.

7. Сагайдак, А. Ю., Корсикова, Н. А. Детерминационные особенности терроризма в современной России / А. Ю. Сагайдак, Н. А. Корсикова // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2019. – № 2 (82) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n> (дата обращения: 04.08.2024).

8. Указ Президента Российской Федерации от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201612060002> (дата обращения: 19.07.2024).

9. Указ Президента Российской Федерации от 31.03.2023 № 229 об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru.pdf> (дата обращения: 05.08.2024).

10. Шулика, Н. А. Развитие информационной культуры личности студента как субъекта информационного взаимодействия / Н. А. Шулика // Вестник ТГПУ. – 2016. – №1 (166) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-informatsionnoy-kultury-lichnosti-studenta> (дата обращения: 10.08.2024).

Ladiga Alexander Ivanovich,

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
Head of the Department of State and Civil Law Disciplines
Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
kafedra.tigp@bk.ru

The mechanism of countering media terrorism in the National Security Policy of the Russian Federation in the context of hybrid warfare

The article is devoted to the analysis of the policy of countering media terrorism in the system of national security policy of the Russian Federation. Based on the theoretical, political, regulatory and legal understanding of the problem of countering information terrorism by foreign and domestic researchers, the article defines and reveals the content of priority mechanisms for countering media terrorism.

Keywords: media terrorism, national security of the Russian Federation, counter action mechanism.

Ладыга Людмила Ивановна,
кандидат исторических наук, доцент
кафедры политических наук и регионалистики
ФГБОУ ВО «Луганский государственный
педагогический университет»
lall1973@hotmail.com

Проблема использования информационных технологий для защиты национальных интересов Российской Федерации

В статье предлагаются меры по реформированию органов национальной безопасности России, созданию государственного органа по противодействию западной информационной агрессии, в состав которого должны входить представители ФСБ, МВД, Министерства культуры, Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций, соответствующих комитетов Государственной Думы России, ученые и эксперты. Введение единого центра принятия решений предоставит возможность оперативно реагировать на информационные вызовы и угрозы, возникающие перед российским обществом в условиях гибридной войны с Западом.

Ключевые слова: информационные технологии, информационная агрессия, национальные интересы.

Использование средств и потенциала информационных технологий в сфере безопасности – гарантия усиления возможности России по своевременному выявлению и предотвращению деструктивности западной информационной агрессии. Учитывая специфику информационных технологий, определимся с подходами к организации информационного противодействия агрессору и методами защиты информационной среды Российской Федерации.

В предыдущих статьях мы доказали, что коллективный Запад провоцирует конфликт не для победы в классическом смысле, а для максимального пролонгирования конфликта, с целью

истощения и последующего развала России [1, с. 39]. Помимо прочего, подтверждением неугасающего желания западных марионеточных режимов продолжать агрессию против России являются действия Украины по оккупации части Курской области с лета 2024 г.

По нашему мнению, государственными институтами должна применяться комплексная информационная стратегия, направленная на противодействие самовоспроизведению и распространению конфликта. Эта стратегия должна базироваться на концепции равностойкости информационной среды, то есть устойчивости всех компонентов этой среды в отношении любых возможных воздействий по всем возможным направлениям. Стратегия информационной устойчивости должна быть направлена на противодействие влияниям, которые осуществляются на общество в рамках информационных войн.

Целью информационной политики в условиях современных конфликтов должно быть построение и поддержание устойчивой информационной политики. Ее задачи определяются необходимостью не только выработать «иммунитет» к разрушительным информационным воздействиям, но и сохранить возможность развития общества. Поскольку конфликты нового типа вершатся вокруг идентичности – информационная политика должна быть направлена на комплексную поддержку взаимосвязи самоидентификации с социальной идентичностью [3, с. 220], в том числе путем развития социальных связей [2]. Если мы считаем, что целью войны нового типа является не победа, а насилие, то информационная политика должна быть направлена на уменьшение приемлемости насилия во всех слоях общества.

В рамках информационной политики должны поддерживаться постоянные связи между официальной информацией, экспертными оценками, публицистикой, журналистикой и новостями. Должно создаваться единое поле взаимосвязанной информации, с самоподдерживающимися обратными связями на основе общественной дискуссии для выработки нужных для выживания страны и ее развития политических нарративов. Кроме того, обсуждение должно способствовать положительной демифологизации. Например,

поскольку в войнах нового типа существуют большие неопределенности статистики потерь, информационная политика должна способствовать повышению достоверности оценок параметров конфликта [4].

Исследуя особенности использования информационных технологий для защиты национальных интересов России, важно обратить внимание на необходимость усиления приоритета общечеловеческих ценностей в противовес антиценностям Запада.

Сфера формирования ценностных нарративов является долговременной и тесно связана с личностными практиками, опытом и воображением личности о тех или иных культурных различиях. Известно, что зритель переживает те же эмоции, что и герой кинофильма, поэтому одним из самых эффективных инструментов формирования нужного эмоционального опыта и внутренних убеждений индивида и отдельных социальных групп является кино- и телесериальная индустрия (аудиовизуальные инструменты информационных технологий). Регулирование контента, недопущение распространения западного кинопродукта в России, развитие и популяризация отечественного кинопроизводства требуют большего внимания органов государственной власти.

Наполнив российские книжные магазины, театры, кинотеатры, ТВ, радио, социальные медиа, рекламные блоки и отечественный сегмент интернет-среды отечественным контентом, можно создать мощную конкуренцию англоязычной продукции преимущественно идеологической направленности.

Следующим фактором применения информационных технологий в условиях гибридной войны является обеспечение легкого доступа к официальной информации российских властей. Популяризация общественных медиа способствует развитию транспарентности политической среды. И если государство не создаст условия и механизмы беспрепятственного доступа к такой информации, то агрессор воспользуется этим пробелом, создавая соответствующие ресурсы и наполняя российское медиaprостранство дезинформацией.

Другая, не менее весомая особенность информационных технологий, которые применяются в социальных медиа, –

беспрепятственный сбор информации о тех или иных тенденциях, намерениях, настроениях, пожеланиях и т.д. Лишившись такого инструмента измерения общественного мнения в виртуальном пространстве, власть теряет возможность объективно оценивать состояние общества.

Итак, особенностями использования информационных технологий для защиты интересов Российской Федерации являются: 1) добросовестное соблюдение демократических процедур общественного развития; 2) внедрение информатизации и прозрачности институтов власти; 3) внедрение стратегии и государственных программ развития информационной культуры в России; 4) популяризация русскоязычного контента; 5) развитие издательского дела и национального производства аудио-визуальных произведений; 6) развитие российских медиа за рубежом; 7) усиление влияния в интернет-среде; 8) создание специальных органов противодействия западной информационной агрессии / управления информационными операциями / предотвращение распространения антироссийской пропаганды и антиценностей Запада.

Информационные технологии должны быть направлены на формирование ценностных демократических нарративов общественного сознания жителей России и распространение фактов разрушительной идеологии Запада. Сохранить тенденции демократического развития, избавиться от национальной коррупционной болезни, осознать факт неотвратимости становления информационного общества, способствовать развитию журналистских стандартов и внедрению государственных программ по формированию образовательного контента на телевидении, пересмотреть подходы к политической рекламе и агитации – эти и другие шаги позволят реформировать российское информационное пространство в противовес практике цензуры и т.п.

Эффективное предотвращение злоупотреблений информационными технологиями в условиях гибридной войны с Западом возможно в условиях применения санкций в отношении России, усиления технологического потенциала и внедрения общегосударственных культурно-просветительских программ.

Ведь сферой влияния информационных технологий являются не СМИ/СМК, а сознание человека, его ценностные приоритеты, принципы и культура. Через воздействие на индивида происходит воздействие на общество, и наоборот.

Введение контрсанкций против Запада в сфере телекоммуникаций (геокодирование интернет-трафика и кодирование спутникового сигнала западных СМИ) позволит значительно сократить количество сторонников западного медиапродукта за счет абонентов, не готовых потреблять платный западный контент. При этом сохраняется возможность приема западных ТВ-каналов за пределами РФ, но уже за деньги. В то же время в случае применения геокодирования отдельных западных интернет-ресурсов последние потеряют возможность распространять антиценности Запада.

Кроме этого, санкции не должны ограничивать доступ субъектов РФ к технологиям, информации и передовым техническим средствам в сфере компьютерной техники, программного обеспечения и смежных отраслей. Технологическая и научно-техническая изоляция России не должна привести к ослаблению влияния России на международной арене, виртуальное пространство будет частично освобождено от источников распространения антироссийской пропаганды. Эффективное противодействие влиянию вражеских информационных технологий требует от России постоянного обновления технической базы, усиления антивирусной защиты, имплементации специальных технологических систем предварительного обнаружения и пресечения кибератак. Государственного регулирования требует борьба с пиратством, которое используется агрессором для инсталляции шпионских программ снятия или уничтожения информации, проникновения в компьютерные сети, серверы, хранилища данных стратегических предприятий, учреждений, органов власти и т.п.

Государственные культурно-просветительские программы должны быть направлены на информационную интеграцию жителей востока Украины, ослабление влияния антироссийской пропаганды, популяризацию ценностей «Русского мира» и

распространение в Украине и мире фактов преступной деятельности Запада и Украины в Донбассе и в России.

Необходимо принять «Стратегию информационной интеграции новых регионов России, и территорий, прилегающих к району проведения СВО». Достижение цели стратегии требует выполнения следующих задач: 1) нейтрализация и противодействие информационному воздействию, несущему угрозу национальной безопасности России; укрепление чувства общности между гражданами, проживающими на временно неподконтрольных и подконтрольных территориях новых регионов России; 2) создание в сознании новых граждан России, проживающих на присоединенных территориях, положительного имиджа России; 3) формирование устойчивого убеждения у новых граждан России, проживающих в этих областях, что устойчивое развитие этих областей возможно только в составе России; 4) формирование устойчивого убеждения среди граждан, проживающих в этих областях, в безальтернативности интеграционному курсу России; 5) повышение уровня российской гражданской идентичности и сознания среди граждан, проживающих в этих областях; 6) формирование устойчивого убеждения среди граждан, проживающих в этих областях, о невозможности существования «Украины» как отдельного государственного формирования; 7) формирование устойчивого убеждения, что конфликт в Донбассе с начала 2014 года, – это гибридная война, введущаяся Западом против России.

Цель и задачи стратегии могут быть достигнуты в результате применения следующих мер: усиление координации в информационной сфере между органами государственной власти, участвующими в формировании и реализации государственной политики в отношении новых областей; создание единого мониторинго-аналитического координационного центра на базе Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации, по разработке и реализации государственной информационной политики в отношении данных областей; налаживание механизма вертикальной координации реализации информационной политики со стороны органов государственной власти на местном уровне в этих областях;

привлечение институтов гражданского общества к разработке и реализации мер стратегии.

В условиях вещания российских телерадиокомпаний и присутствия российских интернет-СМИ особого внимания требуют следующие направления работы: нейтрализация влияния вещателей с временно неподконтрольных России территорий; обеспечение устойчивого и полного покрытия подконтрольных территорий этих областей сигналом российских телерадиовещателей; увеличение доли и качества специализированного контента для новых граждан, проживающих на подконтрольной территории этих областей.

В условиях ограниченного вещания российских телерадиокомпаний и ограниченного доступа к российским интернет-СМИ особое внимание необходимо уделить следующим направлениям работы: расширению зоны эфирного вещания российских телерадиокомпаний с подконтрольных территорий на неподконтрольные территории областей; создание системы изготовления и распространения специализированного контента для граждан на неподконтрольных территориях этих областей; проведение системной работы с внутренне перемещенными лицами как с важным каналом коммуникации с жителями на временно неподконтрольных территориях.

Помимо медийного присутствия и активности, важна реализация государственных программ по развитию русскоязычного книгоиздательства, кино и телесериального производства, перевода популярных журналов и газет, передач и программ на ТВ и радио.

Одним из наиболее эффективных способов противодействия агрессивным информационным технологиям является информирование населения о методах и инструментах информационных технологий, которые применяет Запад. Демонстрируя правду, мы сможем развивать способность подсознательного обнаружения неправды. Чем больше люди будут знать правду о «достижениях» «Запада» и методах его пропаганды и на собственном примере убедятся в их полной противоположности общечеловеческим ценностям, правам человека, свободе слова, справедливого правосудия, тем

бессильней станут западные информационные технологии манипулирования массовым сознанием.

Внедрение указанных мероприятий требует реформирования органов национальной безопасности, создания государственного органа по противодействию западной информационной агрессии, в состав которого должны входить представители ФСБ, МВД, Министерства культуры, Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций, соответствующих комитетов Государственной Думы России, ученые и эксперты. Введение единого центра принятия решений позволит оперативно реагировать на информационные вызовы и угрозы, возникающие перед российским обществом в условиях гибридной войны с Западом.

Список литературы

1. Ладыга, Л. И. Проблема применения информационных технологий для защиты национальных интересов России / Л. И. Ладыга // Политические институты и процессы в России в условиях современной международно-политической напряжённости: сборник материалов Научно-практической конференции Донецкого регионального отделения Российской ассоциации политической науки ко Дню политолога в Донецком государственном университете, 12 сентября 2023 г., г. Донецк / под ред. О. В. Онопко, Е. В. Кузнецовой., Е. В. Рябина ; сост. Д. И. Борозенец. – Донецк : ДГУ, 2023. – 252 с. – С. 38–43.

2. Система противодействия терроризму сложилась в России под эгидой НАК [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ria.ru/defense_safety/1.html#ixzz42TpPIgQ (дата обращения: 21.07.2024).

3. Спецназ Испании [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.agentura.ru/dossier/spain/specnaz/> (дата обращения: 03.08.2024).

4. Ответственность за экстремизм и терроризм в РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.isuct.ru/e-publ/portal/node/247> (дата обращения: 27.07.2024).

Ladiga Lyudmila Ivanovna,
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
of the Department of Political Sciences and Regionalism
Luhansk State Pedagogical University
lall1973@hotmail.com

The problem of using information technology to protect the national interests of the Russian Federation

The article proposes measures to reform Russia's national security agencies, create a state body to counter Western information aggression, which should include representatives of the FSB, the Ministry of Internal Affairs, the Ministry of Culture, the Ministry of Digital Development, Communications and Mass Media, relevant committees of the State Duma of Russia, scientists and experts. The introduction of a single decision-making center will make it possible to respond promptly to information challenges and threats facing Russian society in the context of a hybrid war with the West.

Keywords: information technology, information aggression, national interests.

Ли Юйкай,
аспирант Института «Высшая школа журналистики
и массовых коммуникаций»
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»
lyk485772815@gmail.com

Интерактивные медиа России как инструмент цивилизационного противоборства с Западом: стратегия и воздействие на аудиторию

В статье рассматривается роль российских интерактивных медиа в контексте цивилизационного противоборства с Западом. Анализируются стратегии использования медиа как инструмента информационного противостояния, их воздействие на внутреннюю и внешнюю аудиторию, а также их роль в формировании национального имиджа и укреплении государственной идентичности.

Ключевые слова: интерактивные медиа, цивилизационное противостояние, информационная война, стратегия медиа, влияние на аудиторию, национальная идентичность, Россия и Запад.

С развитием глобальной информатизации и цифровых технологий СМИ играют всё более важную роль в цивилизационном противостоянии между государствами. Геополитический конфликт между Россией и западными странами всё более обостряется, и медийное пространство становится ключевой ареной борьбы за господство в информационном поле. В эпоху интерактивных медиа способы распространения информации выходят за рамки односторонней передачи, присущей традиционным СМИ. Интерактивные медиа включают не только взаимодействие между человеком и машиной, а также между людьми, но и взаимодействие на уровне поведения. Причём это взаимодействие охватывает не только индивидуальные действия, но и коллективные и государственные процессы. Участие пользователей в процессе распространения информации и их

действия непосредственно влияют на направление информационных потоков. Это делает интерактивные медиа ключевым инструментом России в информационной войне и культурном противостоянии. Несмотря на значительное количество исследований в области информационных войн, конкретная роль интерактивных медиа как сложного и многомерного инструмента в цивилизационном противостоянии остаётся недостаточно изученной. Следовательно, исследование стратегического применения интерактивных медиа в этом контексте является крайне актуальным.

В условиях обострения международной обстановки информация становится ключевым ресурсом в противостоянии между государствами, а интерактивные медиа, благодаря их способности вызывать многоуровневое взаимодействие, становятся важнейшим каналом для формирования общественного мнения и воздействия на восприятие аудитории. Посредством взаимодействия между человеком и машиной, между людьми, а также на поведенческом уровне, интерактивные медиа превращаются не только в средство распространения информации, но и в силу, способную менять направление информационных потоков. В противостоянии между Россией и Западом использование интерактивных медиа стало стратегически важным для формирования национального имиджа, укрепления национальной идентичности и влияния на международное общественное мнение. Изучение многообразия интерактивных медиа и их роли в информационных войнах позволяет глубже понять их уникальную ценность в контексте современного цивилизационного противостояния.

В статье анализируется роль российских интерактивных медиа в контексте цивилизационного противостояния, особенно в аспекте их влияния на поведение аудитории и формирование национального имиджа. Интерактивные медиа, благодаря участию и обратной связи аудитории, способны гибко корректировать информационные потоки, усиливая позиции государства в медиaprостранстве. На основе уже существующих фактов исследуется применение интерактивных медиа в информационных войнах, подчёркивается их значительное влияние на внутреннюю и

внешнюю аудиторию и стратегическое значение в формировании международного общественного мнения.

В данной работе рассматривается роль российских интерактивных медиа в цивилизационном противостоянии, с акцентом на их влияние на внутреннюю и внешнюю аудиторию, а также их потенциал в глобальной информационной войне. Особое внимание уделяется тому, как интерактивные медиа через многоуровневое взаимодействие способствуют формированию национального имиджа и укреплению национальной идентичности.

В данной работе используются методы кейс-анализа и исследования аудитории.

«Социальное измерение в видеоиграх является ключевым фактором их влияния на культуру» [1, с. 14]. В связи с этим в современном информационном обществе интерактивные медиа, в частности видеоигры, постепенно становятся ключевыми инструментами формирования имиджа государства и укрепления национальной идентичности. «Цифровые сети и игровые платформы, с более чем тремя миллиардами геймеров по всему миру, являются идеальными площадками для когнитивной активности» [2, с. 97]. Эти медиа через свои интерактивные механизмы и структуры повествования не только позволяют игрокам переживать сражения и выживание в виртуальных мирах, но и скрытно транслируют определённые культурные ценности и исторические нарративы. Серии видеоигр «Метро» и «WarThunder», являясь представителями интерактивных медиа, через демонстрацию военной (оружейной) мощи усиливают у игроков чувство национальной гордости и идентичности, а также играют важную роль в распространении информации и в информационной войне. Более того, «игры служат не только для развлечения, но и становятся мощным инструментом коммуникации, интегрируя различные традиционные и новые медиа» [3, с. 97].

Несмотря на то, что серия «Метро» была разработана украинской студией 4AGames, её повествовательная структура и культурные мотивы во многом основаны на российской и широкой славянской культуре. Видеоигра основана на одноимённом романе российского писателя Дмитрия Глуховского, а её действие

происходит в московском метрополитене после ядерной катастрофы. Игрок берёт на себя роль Артёма, который сражается с внешними угрозами, защищая свой дом и коллективную безопасность. Эти сюжеты не просто о выживании, а о символе коллективного сознания славянского народа перед лицом внешних угроз. Военная мощь в серии видеоигры «Метро» представляется не только как инструмент обороны, но и как выражение зависимости славянских народов от силы, чести и коллективной безопасности.

Серия «Метро» через свои сложные сюжетные линии демонстрирует стойкость славянского народа в экстремальных условиях. Игроки, сражаясь с врагами, не только переживают моменты личного героизма, но и глубоко осознают свою ответственность перед коллективом и чувство чести. Этот коллективный дух, передаваемый через повествование и взаимодействие, помогает укрепить у игроков чувство национальной идентичности и способствует их пониманию славянской культуры и истории. Таким образом, серия игр «Метро» не только предоставляет захватывающий игровой опыт, но и через свои сюжетные линии транслирует важность военной мощи и коллективного духа.

В отличие от серии «Метро», которая через повествование усиливает культурную идентичность, «WarThunder» акцентирует внимание на реалистичном военном симуляторе, демонстрируя преимущества российской военной техники. Игра, разработанная многопользовательской студией GaijinEntertainment, имеющей российские корни, позволяет игрокам управлять разнообразной исторической военной техникой и испытать её в условиях «реальной войны». Через эту интерактивную механику игра позволяет игрокам участвовать в глобальных «военных сражениях», а также через образовательные элементы, связанные с историей техники, углубляет их знание о военных достижениях СССР, России и всего мира.

Глобальная платформа взаимодействия в «WarThunder» предоставляет игрокам возможность соревноваться и сотрудничать с противниками со всего мира. В процессе игры они не только испытывают техническое превосходство российской военной

техники и её историческую славу, но и посредством общения в игре способствует обмену идеями и интерактивному взаимодействию между игроками. Этот опыт, основанный на управлении реалистичными военными машинами, усиливает взаимодействие между игроками и укрепляет их признание российской военной традиции.

Интерактивные медиа, особенно через эти две игры, демонстрируют их двойную роль в качестве инструмента культурного распространения и средства информационной войны. Серия «Метро» через эмоциональное повествование подчёркивает важность коллективного сознания и военной мощи славянского народа, в то время как «WarThunder» через реалистичный военный симулятор и глобальное взаимодействие демонстрирует военную славу России. Оба проекта через свои механизмы взаимодействия распространяют определённые культурные нарративы, укрепляя чувство национальной идентичности у отечественных игроков и транслируя российские военные достижения и исторический контекст международной аудитории.

С другой стороны, интерактивные медиа служат не только средством культурного обмена, но и становятся важным инструментом информационной войны в специфических социальных и политических условиях. Через образовательные элементы в «WarThunder», связанные с военной историей, и через коллективный дух, транслируемый в серии «Метро», интерактивные медиа распространяют определённые культурные нарративы на глобальном уровне, скрытно влияя на восприятие игроками имиджа государства и военной мощи. Они выполняют не только развлекательную функцию, но и играют ключевую роль в формировании национального имиджа и информационного воздействия, становясь важным средством информационной войны современности.

В условиях российско-украинского конфликта Украина не только полагается на военные средства для ведения войны, но и активно использует интерактивные медиа и видеоигры в качестве важного инструмента информационной войны. Эти интерактивные медиа через виртуальные боевые сцены, культурные символы и нарративы стремятся ослабить образ России на международной

арене, одновременно укрепляя дух украинского сопротивления. Например, игры «DeathFromAbove», разработанная немецкой компанией, и украинская «eBayraktar» используют формат виртуальной войны, позволяя игрокам участвовать в нападениях на российские военные цели. Эти игры не только привлекли значительное количество международных игроков на таких платформах, как Steam, но и через глобальное распространение стремятся завоевать поддержку международного общественного мнения на сцене информационной войны.

Стратегия информационной войны Украины сочетает в себе глобальное распространение и участие в процессе, что позволяет ей занять морально превосходящую позицию в глобальном общественном мнении. Публикуя игры на глобальных платформах, Украина стремится распространить свой нарратив на молодую аудиторию по всему миру. Эти игровые платформы позволяют молодому поколению через развлекательные формы соприкоснуться с духом украинского сопротивления. Более того, интерактивные медиа Украины позволяют игрокам непосредственно участвовать в виртуальной войне, создавая тем самым возможность для более глубокого эмоционального погружения. Эта участие в процессе не только усиливает эффект погружения игроков, но и способствует тому, что глобальная аудитория чувствует эмоциональную связь с украинским сопротивлением. Благодаря этой новой форме интерактивной передачи информации Украина получила значительную поддержку в глобальной информационной войне.

По отношению к России эти игры представляют собой форму информационной войны. Украина стремится представить российские военные силы в образе «агрессора» и с помощью интерактивных медиа распространяет этот нарратив среди глобальной аудитории. Эти игры служат не просто развлекательными инструментами, но и мощным средством культурной и психологической войны. Используя видеоигры, Украина формирует образ противостоящей России стороны на международной арене, а низкая стоимость и высокая степень проникновения интерактивных медиа делают их особенно эффективными в информационной войне. Через глобальные

игровые платформы и социальные медиа Украина распространяет свой нарратив, получая все большую поддержку на мировой арене.

Интерактивные медиа вышли за рамки традиционных средств массовой информации, став ключевым инструментом современной информационной войны. Их уникальный механизм взаимодействия не только усилил культурное распространение, но и предоставил государствам гибкие средства для управления общественным мнением. В условиях противостояния с Западом и Украиной Россия успешно использовала интерактивные медиа в качестве стратегического инструмента для формирования национального имиджа и укрепления национальной идентичности. Этот пример показывает, что интерактивные медиа могут эффективно влиять на мировую аудиторию и предоставлять странам виртуальную площадку для решения геополитических задач.

В будущем, по мере стремительного развития цифровых технологий, интерактивные медиа продолжают занимать лидирующие позиции в информационной войне. Борьба за общественное мнение между государствами будет становиться всё более интенсивной на виртуальных платформах, особенно с развитием технологий виртуальной реальности и искусственного интеллекта. Странам, использующим эти платформы для культурного влияния, предстоит столкнуться с ответными мерами со стороны их оппонентов. Способность сохранить господство в информационном пространстве станет ключевым фактором успеха в информационной войне.

Для России будущий вызов состоит не только в закреплении существующего преимущества в информационном пространстве, но и в активном противостоянии атакам информационной войны со стороны Украины и западных стран. Ей также необходимо продолжать развивать технические возможности своих интерактивных медиа, чтобы сохранить своё стратегическое положение в глобальной информационной среде.

Список литературы

1. Ван дер Клаув, К. Когнитивная война: Игра-изменитель XXI века / К. ван дер Клаув // TheThreeSwords. – 2023. – Вып. 39. – С. 97–101 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.jwc.nato.int/application/files/7216/9804/8564/CognitiveWarfare.pdf> (дата обращения: 13.09.2024).

2. Сересо-Писарро, М., Ревуэльта-Домингуэс, Ф.-И., Гуэрра-Антекера, Х., Мело-Санчес, Х. Влияние видеоигр на культуру: систематический обзор литературы // Education Sciences. – 2023. – Вып. 13(11) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.mdpi.com/2227-7102/13/11/1116> (дата обращения: 14.09.2024).

3. Мищенко, И. Е. Военные видеоигры: типология и жанровая локализация / И. Е. Мищенко // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого. – 2022. – Вып. 2 (42) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/voennye-videoigry-tipologiya-i-zhanrovaya-lokalizatsiya> (дата обращения: 14.09.2024).

Li Yukai,

PhD Student at the Institute
of High School of Journalism and Media Communication
Federal State Budgetary Educational Institution of High Education
«Saint Petersburg State University»
lyk485772815@gmail.com

Interactive Media in Russia as a Tool of Civilizational Confrontation with the West: Strategy and Impact on the Audience

This article examines the role of Russian interactive media in the context of civilizational confrontation with the West. It analyzes the strategies for using media as a tool of informational opposition, their impact on both domestic and international audiences, as well as their role in shaping national image and strengthening state identity.

Keywords: interactive media, civilizational confrontation, information war, media strategy, audience impact, national identity, Russia and the West.

Лопатова Татьяна Леонидовна,
сотрудник лаборатории новых медиа
кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет
имени Г. Р. Державина»
lopatova03@mail.ru

История российской военной журналистики в контексте проблематики информационных войн

В статье рассматриваются важнейшие военные конфликты, повлиявшие на российскую военную журналистику: Первая мировая война, Великая Отечественная война и Специальная военная операция России на Украине. Показываются особенности освещения СМИ военных событий в разные периоды российской истории.

Ключевые слова: информационная война, российская военная журналистика, история России.

Всю историю России, в разных формах и с разными названиями, нашей стране приходилось отстаивать своё право на существование и независимость. Противники России использовали разнообразные способы ослабить страну, в том числе способы информационных войн – создание фейковой информации, манипуляции, откровенную ложь. Русская пресса подобными методами не пользовалась, русская военная журналистика прошла длинный путь развития и сейчас, в XXI веке, сформировалась в уникальное течение, отличающееся эффективным и правдивым способом подачи информации.

Сейчас против нашей страны развязана гибридная война, соединяющая в себе черты обычной и информационной. В условиях беспрецедентного давления на Россию военная журналистика становится инструментом, позволяющим очистить медиaprостранство, защитить людей от фейков и вражеской агрессивной пропаганды.

Цель статьи – изучить путь развития русской военной журналистики, понять, что перешло в XXI в., какие проблемы существовали и были ли они решены.

В XIX в. почти все страны мира оказались связаны сетью телеграфа, открылись первые информационные агентства, появились дагерротипия и фотографирование на коллодии. При этом выросло количество грамотных, образованных людей, интересующихся происходящим не только в родном городе, но и в другой стране, на другом материке. Множество факторов вместе перевели мировую журналистику на качественно новый уровень, сделали СМИ проще, красочнее и доступнее.

Именно в этот период на территории Российской империи прошла Крымская кампания. Одним из первых русских военкоров был Николай Берг, сотрудник издания «Москвитянин». Особенностью работ Берга было то, что он отправлял свои наблюдения в журнал в формате «писем в редакцию». Его письма пропитаны личными переживаниями, читая их, чувствуешь себя непосредственным участником событий. Николай Берг подметил, что людям интереснее читать не сухие цифры и сводки о войне, а реальные истории таких же людей. Можно сказать, что во время Крымской кампании появился русский сторителлинг.

Письма Берга цепляют, заставляют погрузиться в будни войны: «Я долго искал потом одну лавочку, где, бывало, покупал крендели у бесстрашного хозяина – грека, торговавшего там до конца. Я сейчас вспомнил его сумрачную физиономию и его хромую ногу. Но лавочки уже не было! Я нашел кучу камней!» [4].

Если русские журналисты старались использовать прессу для передачи реально происходящих событий войны, а также для поддержания спокойного настроения читателей, СМИ противников, с одной стороны, отличались беспристрастной критикой собственного правительства (например, сотрудник «The Times» Уильям Рассел неоднократно писал об ужасных условиях размещения британских солдат, низком качестве оказываемых медицинских услуг, эпидемиях, проблемах с логистикой; несмотря на низкую оценку деятельности журналиста королевой Викторией и британским правительством, во многом именно благодаря такой газетной критике Британия смогла решить перечисленные

проблемы), а с другой – созданием фейков о действиях русской армии.

Ярким примером является так называемая «резня на Ханко» – британская провокация, случившаяся в 1855 г. Команда английского судна «Cossack» высадилась на мысе Ханко, где не рассчитывала встретить русскую военную силу. «Когда половина людей высадились, то были окружены командой и обезоружены... Сверчков приказал людям в лодке сдаться под угрозой открыть огонь. Так как они, не исполнив этого требования, стали быстро удаляться, то чины команды по приказанию нашего офицера стали стрелять по катеру. В результате находившиеся в нём пять английских матросов и один финн-лоцман были убиты, четыре матроса ранены, а лодка потоплена» [2, с. 251].

Британская пресса, основываясь на ложных донесениях, осветила это событие как убийство русскими военными безоружных парламентариев. Однако белого флага на корабле не было, да и высадились они не там, где можно было вести переговоры.

Крымская кампания считается войной, задавшей стандарты информационного сопровождения. Она дала много уроков русским журналистам следующих поколений – показала огромное влияние СМИ на умы потребителей и даже на решение государственных вопросов; доказала важность человеческого освещения событий, с упором на личную историю; в конце концов, показала истинное лицо вечных противников России.

В 1914 г. началась Первая мировая война. В первую очередь она отличилась невероятно жестокой цензурой. «Указ об утверждении временного Положения о военной цензуре» вышел двадцатого июля 1914 г. Согласно секретному тридцать первому пункту Положения, цензоры могли браковать любой материал по своему усмотрению, если видели в нём угрозу безопасности и успешным действиям русской армии. То есть цензура не имела границ: никто не проверял и не контролировал работу цензоров.

В конце сентября 1914 г. в армию были допущены журналисты, однако их целью были материалы, наполненные позитивными оценками действий русской армии и негативными – действий противника, даже если в реальности всё выглядело

по-другому. Положение о цензуре продолжало сковывать прессу. Доходило до абсурда: в 1915 г. запретили публиковать сведения о получении государственных наград.

Николай Берг, корреспондент Крымской кампании, заметил, что людям интересно читать про людей. К сожалению, во время Первой мировой войны «подвиги наших войск получили в глазах общества анонимный характер» [1] из-за многочисленных запретов.

Однако осознавалась необходимость работать с народом, стараться привить ему определённый взгляд на происходящие события. Одним из эффективных способов оказалось создание героев, реальных (или выглядящих реальными) людей, которым будут сочувствовать читатели. К примеру, пресса широко освещала подвиг донского казака Козьмы Крючкова: «Газеты и журналы пестрели заметками о первом официально признанном подвиге русского солдата на фронтах «Второй Отечественной». О его подвиге писали стихи, открытки с фотографией Козьмы расходились многотысячными тиражами, была выпущена даже специальная партия папирос с портретом Крючкова на коробке!» [3]. К слову, популярность Крючкова именно среди обычных солдат для многих историков находится под вопросом. Ведь простые люди слишком устали от войны, к тому же не слишком хорошо понимали, для чего она вообще ведётся, а на это наложились и многочисленные социальные проблемы, обострённые в это время в Российской империи.

Несмотря на многочисленные ограничения, военные журналисты Первой мировой войны старались использовать все имеющиеся в их распоряжении ресурсы. К сожалению, сделать большего в тот период русской истории военные журналисты бы не смогли.

На наследие следующей мировой войны в Российской Федерации до сих опираются в деле воспитания и пропаганды патриотизма. Великая Отечественная война дала нам множество символов, ставших опорой для народа. Немалый вклад в великую победу внесли военные корреспонденты, в том числе созданием художественных ценностей, поддерживающих народ.

Советский Союз с самого своего появления вёл борьбу за умы и настроения граждан. Важность правильной подачи материала, касающегося войны, поняли задолго до начала Второй мировой – ещё в конце тридцатых годов появились специальные курсы военных корреспондентов.

Все существующие на тот момент виды СМИ начали активную работу с первых дней войны. Возможности для этого у них были – вероятно, печальный опыт Русско-японской и Империалистической войн стал поводом к расширению рамок цензуры. Конечно, полностью цензура не исчезла, однако она разумно ограничивала распространение информации, и, возможно, именно благодаря такому подходу работа военкоров Великой Отечественной войны остаётся наиболее значимой и качественной в истории российской военной журналистики.

Газеты военного времени работали в полную силу. На их страницах публиковались письма с фронта и из тыла, сведения о героизме советских воинов, печатались художественные произведения, сведения о достижениях тыла. Газеты подчёркивали единство фронта и тыла, показывали, что лишь совместные усилия людей приведут к Победе – скрепляли народ.

Советское информационное бюро, созданное на третий день Великой Отечественной войны, работало сразу по нескольким направлениям: радиовещание (легендарный голос Левитана «От Советского информбюро...»); литературная группа, в которой работали народные любимцы – Константин Симонов, Алексей Толстой, Корней Чуковский, Михаил Шолохов, Илья Эренбург и многие другие; специальный отдел пропаганды, транслировавший новости за рубеж и показывавший, как советский народ борется с нацизмом.

Военкоры Великой Отечественной войны смогли рассказать людям о героях, тех, кто отдал всё ради Родины. В 1942 г. в «Правде» появился очерки П. Лидова «Таня» и «Кто была Таня», рассказывающие о подвиге Зои Космодемьянской. «Правда» выпускала материалы о Николае Гастелло, Александре Матросове, Александре Покрышкине, о молодогвардейцах. СМИ давали народу, особенно молодёжи, пример для подражания, моральный ориентир.

Советское правительство и журналисты использовали все способы работы с аудиторией. Это и регулярная массовая печать (хоть и количество изданий уменьшилось и существовала цензура), и создание и использование символов, вокруг которых может сплотиться народ (очерки о героях войны; ставшие народными песни и стихотворения; музыка; плакаты – от монументального «Родина-мать зовёт» до сатирических «Окон ТАСС» и многое другое), и разумное использование цензуры, и визуальное-текстовое сопровождение (фильмы и книги о войне начали выпускаться непосредственно в годы войны), и демонстрация единства народа – все методы и инструменты были направлены на достижение Победы.

24 февраля 2022 г. началась Специальная военная операция России на Украине. Современный мир предоставляет огромное количество разнообразных источников информации: телевидение, радиовещание, печатные СМИ, интернет-ресурсы. Потребители могут получать информацию нон-стоп, без перерыва. К тому же люди могут из читателей, зрителей или слушателей перейти в категорию непосредственных участников событий: например, принять участие в денежном сборе, организованном на нужды военных; передать в специальный чат-бот данные о силах противника; подписать контракт и стать военнослужащим.

Кажется, что война находится буквально на расстоянии вытянутой руки. Это заслуга современных военных корреспондентов – многие из них не просто готовят материал для федеральных СМИ, но и ведут личные социальные сети. Собственные каналы в сети Telegram имеют Анна Долгарева, Александр Сладков, Аким Апачев, Евгений Поддубный и многие другие. Военная журналистика стала сетевой.

С одной стороны, благодаря стольким способам передать информацию, в том числе аудио- и видеоматериалы, можно быстро решать возникающие на фронте проблемы. Но, с другой стороны, иногда складывается впечатление, что в современном медиапространстве не существует цензуры, государственного регулирования, что плохо, ведь из-за этого периодически происходят довольно странные ситуации.

Например, 7 августа 2024 г. с помощью Telegram-каналов широко распространилась новость о смерти военного корреспондента Евгения Поддубного в Курской области. О смерти военкора сообщил депутат Госдумы Михаил Делягин, сообщив, что информация официально не подтверждена. Однако это не помешало авторам огромного количества каналов (и даже военным журналистам) пересказывать новость уже своим подписчикам. В очень короткие сроки о смерти Поддубного знали все, но уже через несколько часов ВГТРК сообщила, что журналист выжил, получив тяжёлые ранения.

К сожалению, такой замечательный инструмент, как социальные сети, не только помогает решать проблемы, но и чрезвычайно обостряет восприятие людей, делают их настроение нестабильным. Из-за постоянного потока информации потребитель теряет возможность критически мыслить, анализировать происходящее, и в таких условиях социальные сети, в которых новые знания можно черпать бесконечно, являются скорее угрозой.

На профессию в XXI веке сильно повлиял и следующий вопрос: нужно ли профильное образование журналисту? Или достаточно желания помогать людям, быть совестью общества?

Сложно ответить однозначно, но современный уровень развития технологий предлагает всем желающим множество возможностей попробовать себя в роли корреспондента, в том числе военного. К сожалению, гражданское население активно пользуется этой возможностью, снимая и выкладывая в Интернет работу ПВО, колонны военной техники, распространяя информацию о боевых действиях, хотя с первого дня спецоперации делать этого категорически не рекомендуется.

Военные корреспонденты СВО также снимают полнометражные фильмы о событиях в Донбассе. 25 фильмов были представлены на фестивале «aRTel.doc: Время героев». Многие из них сняты военкорами и про военкоров, например, фильм «Поэтому я здесь» – про европейских журналистов, работающих в Донбассе.

Екатерина Яковлева, руководитель документального вещания RT и генеральный продюсер фестиваля, назвала цель мероприятия: «Мы хотим, чтобы зрители смогли прочувствовать

дух времени, посмотрев наши фильмы» [5]. Как и Николай Берг когда-то, современные российские военные журналисты продолжают делать упор на человеческие истории, судьбы.

Российская военная журналистика, таким образом, перешла на новый этап своего существования. Сейчас не существует явной строгой цензуры, информация находится в свободном доступе, военные журналисты транслируют свою работу в режиме реального времени.

История циклична. Естественно, сохраняется огромное значение Крымского полуострова, через Крым снова пытались давить на Россию. Повторяются и менее значимые события, например, вторая «резня на Ханко» – нарушение государственной границы Российской Федерации в июне 2021 г. английским эсминцем HMS «Defender».

Не меняются враги России, но не меняется и сама Россия. И пока наши враги используют огромное количество фейков, разнообразные манипуляции, грубую пропаганду, подтасовку фактов и многие другие откровенно нечестные методы ведения информационной войны, Россия по-прежнему всего лишь защищается.

Российская военная журналистика, пройдя уже достаточно долгий путь развития, сохранила главное: она продолжает честно и человечно рассказывать о людях, которые защищают свой дом, право говорить на родном языке и жить в родной стране.

Список литературы

1. Алфёрова, И. В., Блохин, В. Ф. «Гасильник народного духа»: цензурные ограничения в освещении героизма фронтовиков во время Первой мировой войны / И. В. Алфёрова, В. Ф. Блохин // Новый исторический вестник. – 2017. – Вып. 3 (53) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/gasilnik-narodnogo-duha-tsenzurnye-ogranicheniya-v-osveschenii-geroizma-frontovikov-vo-vremya-pervoy-mirovoy-voyny> (дата обращения: 07.09.2024).

2. Бородкин, М. М. Война 1854 – 1855 гг. на Финском побережье / М. М. Бородкин. – СПб. : Товарищество Р. Голике и А. Вильборг, 1904.

3. Добровольский, А. Первый герой Первой мировой / А. Добровольский [Электронный ресурс] – Режим доступа : <https://armystandard.ru/news/202010221750-fLM7k.html> (дата обращения: 07.09.2024).

4. Первых, Д. К. Письма Н. Берга М. П. Погодину из Крыма / Д. К. Первых [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://runivers.ru/doc/d2.php?CENTER_ELEMENT_ID=147172&PORTAL_ID=7146&SECTION_ID=6748 (дата обращения: 06.09.2024).

5. Хващевская, В. «О защитниках Отечества – крупным планом»: 25 фильмов о героях СВО и тех, кто им помогает / В. Хващевская. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://ampravda.ru/2023/02/22/119538.html> (дата обращения: 08.09.2024).

Lopatova Tatiana Leonidovna,
Employee of the Laboratory of New Media of the Department of
Journalism, Advertising and Public Relations
Derzhavin Tambov State University
lopatova03@mail.ru

History of Russian military journalism in the context of information wars

The article examines the most important military conflicts that influenced Russian military journalism: The First World War, the Great Patriotic War and Russia's Special Military Operation in Ukraine. The features of media coverage of military events in different periods of Russian history are shown.

Keywords: information warfare, Russian military journalism, Russian history.

Макашова Валерия Валерьевна,
кандидат филологических наук, доцент
кафедры журналистики и связей с общественностью
АНО ВО «Московский гуманитарно-экономический университет»
rusinab@yandex.ru

Кожевников Алексей Михайлович,
соискатель кафедры социологии,
корреспондент газеты «Красная звезда», майор,
Военный университет им. князя Александра Невского
Министерства обороны РФ
reporterkorg@yandex.ru

Дезинформация как технология информационной войны против России в социальных медиа

Авторы обращаются к исследованию актуальных закономерностей использования дезинформации как технологии информационной войны в русскоязычном сегменте социальных медиа. В статье использованы результаты анализа документарных источников, а также мониторинга социальной сети ВКонтакте и мессенджера Telegram в период специальной военной операции (СВО) на Украине. Сделаны выводы о перспективах развития и применения данной технологии в конфликтах будущего.

Ключевые слова: информационная война, войны нового поколения, социальные медиа, технологии информационной войны, дезинформация, фейковые новости.

Проблема исследования обусловлена двумя факторами, во-первых, широким использованием социальных медиа в качестве площадки ведения информационной войны в русскоязычном сегменте медиaproстранства, во-вторых, количественным ростом дезинформационного контента и фейковых новостей, что указывает на активную деятельность распространителей дезинформации и усугубляющуюся проблему информационного загрязнения медиополя.

Явление информационной войны не является новым для человечества: с древности политики пытались ослабить своих противников и деморализовать их с помощью изощренных агитационных кампаний. «Разжигайте ссоры и столкновения среди граждан вражеской стороны... Одержать сотню побед в сражениях – это не предел искусства. Покорить противника без сражения – вот венец искусства», – писал Сунь-Цзы в VI веке до нашей эры в трактате «Искусство войны» [21, с. 102].

Сегодня Россия является объектом крупномасштабного информационного воздействия со стороны коллективного Запада в рамках ведения информационной войны. В условиях военного конфликта на территории Украины, ведения Вооруженными силами Российской Федерации активных боевых действий против ВСУ, поддерживаемых силами стран НАТО, новый виток кампании по дискредитации России достиг своего апогея. За последние 20 лет колоссальным образом развились информационно-телекоммуникационные технологии, Интернет, появились глобальные социальные медиа, ставшие отдельным, самостоятельным «театром боевых действий».

С наступлением эры «постправды» мы столкнулись с широким распространением недостоверной информации в медийном пространстве, которое носит деструктивный характер, имеет остро негативные социальные последствия. Для русскоязычного сегмента социальных медиа характерна высокая степень загрязненности дезинформационным контентом, о чем свидетельствуют данные исследований и показатели фактчекинговых платформ. На фоне специальной военной операции России на Украине число фейковых новостей возросло, технологии и алгоритмы дезинформации усложнились.

Исходной посылкой исследования стало предположение о том, что в современных реалиях дезинформация является самостоятельной технологией информационной войны, проводимой в русскоязычном сегменте социальных медиа. В связи с тем, что данная технология отличается подвижностью, обозначенные процессы нуждаются в мониторинге и прогнозировании.

Методологическую базу исследования составили актуальные работы отечественных и зарубежных ученых, обратившихся к вопросам теории и практики войн нового поколения, исследования стратегий и алгоритмов информационной войны, технологий социального управления и политического влияния. В числе таких авторов: А. А. Бартош (2022), С. В. Володенков, С. Н. Федорченко (2024), О. Е. Воронова, А. С. Трушин (2021), А. Г. Голодов (2019), Д. А. Губанов, Д. А. Новиков, А. Г. Чхартишвили (2018), А. И. Доронин (2022), С. Т. Золян, Н. А. Пробст, Ж. Р. Сладкевич, Г. Л. Тульчинский (2021), А. С. Выюнов, А. С. Веретенников, Е. В. Голубцова (2024), Л. К. Лободенко, Л. П. Шестеркина, А. В. Красавина (2023), К. Э. Кеворкян (2022), А. В. Манойло, А. И. Петренко, Б. А. Рожин, К. С. Стригунов (2021), В. Л. Музыкант, В. В. Барабаш (2023), И. Н. Панарин (2022), Г. Почепцов (2019), В. А. Ачкасова, Г. С. Мельник (2023), Н. А. Рябченко, В. В. Катермина, А. А. Гнедаш, О. П. Малышева (2021), D. Barclay (2018), R. Jaster, D. Lanis (2021), M. C. Libicki (2007), R. Sakwa (2023), R. Stengel (2019) и др.

Работа с научными источниками позволила выделить несколько отправных постулатов. Во-первых, войны нового поколения имеют «подвижный» технологический и стратегический характер. О. Е. Воронова и А. С. Трушин считают, что каждый тип информационной войны имеет свою технологию, то есть свою совокупность способов, методов, приёмов [4]. Войны нового типа не имеют четких пространственных и временных границ, в результате чего возникает множественность акторов. В таких условиях стратегия всегда находится в поиске нового. Например, сегодня против России ведется гибридная война в религиозно-духовной сфере, нацеленная на раскол в единстве православных братских народов, разрушение национальной идентичности и переоценку традиционных ценностей [1].

Во-вторых, в условиях информационной войны инструментами ее ведения могут выступать все имеющиеся в наличии средства передачи информации, но основной площадкой является именно «поле» социальных медиа. Их важным преимуществом является интерактивность. А. Каплан и

М. Хайнлайн рассматривают сетевые медиа в качестве сплочённых на общих идеологических платформах групп пользователей при интернет-технологическом обеспечении, которое позволяет им потреблять и создавать контент [24, с. 59]. Существует два основных отличительных признака социальных медиа: их мультисторонняя коммуникационная составляющая и возможность лёгкого перехода посредством ссылок на множество разных сайтов и информационных ресурсов [12]. В рамках нашей работы наибольший интерес представляют непосредственно социальные сети и мессенджеры, которые благодаря технологически обусловленным особенностям функционирования стали главной площадкой для ведения информационных войн.

В-третьих, в войнах нового типа дезинформационные кампании становятся обязательными элементом стратегии и охватывают максимально широкий круг пассивных и активных «мишеней». Н. М. Межевич, В. А. Шамахов отмечают: «Опора на заведомую дезинформацию представляет собой новое качество информационной войны». Характеризуя СВО как операцию, имеющую выраженное информационно-аналитическое измерение, исследователи подчеркивают, что интенсивность информационного конфликта опережает интенсивность собственно СВО [15, с. 9]. В условиях военно-политической напряженности технологии и алгоритмы дезинформационных кампаний постоянно эволюционируют [13].

Цель настоящего исследования – выявить актуальные закономерности использования дезинформации как технологии информационной войны в русскоязычном сегменте социальных медиа.

Эмпирическую базу составили две группы источников. Во-первых, это документы Министерства обороны США, а также сопутствующие разработки экспертных и научных центров. Вторую группу составил контент социальной сети ВКонтакте и мессенджера Telegram, распространяемый в период специальной военной операции (СВО) на Украине и имеющий признаки направленности на русскоязычную аудиторию в контексте информационной войны. Для выявления наиболее общих

зависимостей, закономерностей и тенденций использовался разведочный анализ.

Анализ документарных источников показывает, что тема информационной войны против России постоянно развивается. Отправной точкой стала Директива Совета национальной безопасности США 20/1 «Цели США в отношении России» (1948). Впервые понятие «информационной войны» было введено в отчете Т. Рона «Системы оружия и информационная война», подготовленным для компании «Boeing» (1976). В 1996 г. Минобороны США ввело в действие «Доктрину борьбы с системами контроля и управления», а в октябре 1998 г. – «Объединенную доктрину информационных операций», в которой были разъяснены понятия «информационных операций» и «информационной войны».

Продолжение политики ведения информационно-психологических войн нашло закрепление в Законе США (BILL) № 2277 «Акт о предотвращении агрессии со стороны России 2014», который был предназначен «предотвратить дальнейшую российскую агрессию по отношению к Украине и другим суверенным государствам в Европе и Евразии». В 2018 г. было сформировано «Командование будущего» (Futures Command) в штате Техас.

В Великобритании в 2015 г. было сформировано спецподразделение, целью которого стало ведение информационной и психологической войны в интернете. Оно базируется у города Ньюбери в Графстве Беркшир, и формально насчитывает порядка 2000 человек. Подразделение получило номер 77 и эмблему Chindit (спецподразделение британских командос, начавшую партизанскую войну против японской армии в Бирме и Индии с 1943 по 1944 гг.). Основным полем деятельности специального подразделения стали социальные сети, такие как Facebook, Twitter (заблокированы на территории РФ по требованиям Роскомнадзора), ТикТок и т.д.

США и Великобритания способствовали созданию «кибер-подразделений» на Украине. В результате чего в составе Вооруженных сил Украины (ВСУ) появились Центры информационно-психологических операций (ЦИПО). Сегодня их

основная «боевая» задача – информационно-психологические диверсии в пространстве противника. Из попавших в сеть документов известно, что в структуру Сил специальных операций (ССО) Украины входит четыре подобных центра: 72 ЦИПСО, в/ч А4398, 16 ЦИПСО, в/ч А1182, 74 ЦИПСО, в/ч А1277, 83 ЦИПСО, в/ч А2455.

В 2018 г. на базе ССО ВСУ было подготовлено учебное пособие «Информационные операции», методическая база которого была прописана по стандартам аналогичных подразделений НАТО или заимствована оттуда. В пособии выделен целый пункт по противодействию России: «Російська пропаганда та гібридна війна» («Российская пропаганда и гибридная война»). Например, в одной из глав пособия обозначена стратегия «технологии манипуляции информацией» в целях воздействия на сознание, которая включает: манипулирование чувствами и страхом; создание реальности при помощи телевидения; отключение исторической памяти, формирование атмосферы аморальности.

Самой громкой и чувствительной кампанией ЦИПСО стало массовое телефонное мошенничество, в результате чего многие россияне потеряли свои накопления. Также были обнародованы документы, раскрывающие две масштабные операции «Лясківий Марбас» (Ласковый Марбас) и «Факел», направленные на дестабилизацию российского общества. Целью атаки «Ласковый Марбас» было распространение паники и протестных настроений на территории России, а также организация митингов в крупных городах. Целевой аудиторией стало политически активное население РФ в возрасте от 18 до 45 лет. Операция «Факел» имела своей целью дискредитацию Нацгвардии и полиции.

Основным плацдармом для проведения информационно-психологических операций ЦИПСО Украины являются социальные медиа, преимущественно – социальные сети. Проведенный мониторинг позволил выявить ряд актуальных закономерностей. Во-первых, важным условием для проведения информационных операций является высокая степень загрязненности медиaprостранства. Характерной чертой такого контента является присутствие «нулевой информации»,

абсурдность сообщений, находящихся на грани шутки и глумления («пельмени можно выращивать на деревьях», «Ангела Меркель является дочерью Гитлера» др.). На загрязнение инфополя нацелен контент категории «Лженаука и конспирология». Загрязненное инфополе формирует определенные качества аудитории, рассеивает внимание, способствует наступлению апатии, тревожности, создает ситуацию «белого шума», провоцирует социальный стресс и т.д.

Во-вторых, важной стратегией является вовлечение аудитории в предлагаемую повестку. Интернет-пространство превращает человека в соучастника событий. Социальные сети позволяют выражать отношение человека к происходящему и предоставляют для этого различные возможности. Лайки и репосты не требуют от сетевой личности большого труда и значительных временных затрат, включают ее в данное событие и создают иллюзию сопричастности. Например, в период выборов Президента РФ альтернативная информационная реальность конструировалась с помощью кейсов: «махинации с бюллетенями», «на избирательном участке сдетонировало взрывное устройство», «россияне устраивают протестные акции», «россияне выливают зеленку в урны с бюллетенями», «выборы под дулом автомата» и т.д. Данный контент имел массовое распространение за счет использования вирусных технологий и многочисленных копий (например, использовался один и тот же «сюжет», но с указанием различных геолокаций).

В-третьих, формирование информационной обстановки в социальных медиа происходит путем отбора фактов, их коррекции, распространения слухов, фейковых новостей, фабрикацией версий и т.д. Например, в период теракта в «Крокус Сити Холле» использовалась технология «хайли-лайкли». На фоне посева разнообразных фейков и слухов, таких как: «теракт в «Крокусе» подстроила ФСБ», «террористы планировали пересечь границу с Белоруссией» и др., – западными медиа активно продвигалась и подавалась как получившая подтверждение версия: «запрещенная в России ИГИЛ взяла на себя ответственность за теракт в «Крокусе».

В-четвертых, важное значение имеет работа с аудиторией (разбалансировка настроений, введение в массовый психоз,

разрушение психики). Для влияния на аудиторию используются технологии рефлексивного управления и социальной индукции, работающие с настроением и эмоциями людей. Например, в период событий теракта в «Крокусе» в западные медиа в качестве доказательства фейка об инсценировке распространяли видео, на котором лежащий в черном мешке «погибший» курит сигарету. Для создания деструктивных социальных эффектов (массового психоза, инфозависимости, когнитивной ломки) применяются мифологизация и разрушение мифа, «эмоциональные качели», конспирологические истории, смеховая культура, меметика. Этой цели служит контент, дискредитирующий российских военнослужащих, цели СВО, жителей новых регионов, направленный на разжигание межнациональной розни, оскорбление религиозных чувств.

Результаты проведенного исследования позволяют рассматривать дезинформацию как технологию информационной войны, проводимой в русскоязычном сегменте социальных медиа. Данная технология отличается подвижностью. На фоне стремительного развития концепции «умной войны», основанной на использовании новейших технологий и интеллектуальных решений, неизбежно будет происходить усложнение ее алгоритмов.

Список литературы

- 1. Артемьев, А. А.** Религиозные аспекты гибридной войны против Русского мира / А. А. Артемьев // Социально-гуманитарные знания. – 2024. – № 3. – С. 168–172.
- 2. Бартош, А. А.** Серая зона: театр гибридной войны / А. А. Бартош. – М. : Горячая линия – Телеком, 2022.– 308 с.
- 3. Володенков, С. В., Федорченко, С. Н.** Цифровые технологии и искусственный интеллект в современной политике / С. В. Володенков, С. Н. Федорченко. – М.: Проспект, 2024. – 496 с.
- 4. Воронова, О. Е., Трушин, А. С.** Современные информационные войны. Стратегии, типы, методы, приемы / О. Е. Воронова, А. С. Трушин. – М. : Аспект Пресс, 2021. – 175 с.

5. Голодов, А. Г. Информационная война против России в немецкой массовой прессе: монография / А. Г. Голодов. – Рязань : Ряз. гос. ун-т им С. А. Есенина, 2019. – 196 с.

6. Губанов, Д. А., Новиков, Д. А., Чхартишвили, А. Г. Социальные сети: модели информационного влияния, управления и противоборства / Д. А. Губанов, Д. А. Новиков, А. Г. Чхартишвили. – М. : Изд-во МЦНМО, 2018. – 223 с.

7. Доронин, А. И. Бизнес-разведка 2.0 / А. И. Доронин. – М. : ДМК-Пресс, 2022. – 442 с.

8. Золян, С. Т., Пробст, Н. А., Сладкевич, Ж. Р., Тульчинский, Г. Л. Фейки: коммуникация, смыслы, ответственность : коллективная монография / С. Т. Золян, Н. А. Пробст, Ж. Р. Сладкевич, Г. Л. Тульчинский ; под ред. Г. Л. Тульчинского. – СПб. : Алетейя, 2021. – 288 с.

9. Информационная война в условиях специальной военной операции. Опыт лингвистического анализа : коллективная монография / А. С. Вьюнов, А. С. Веретенников, Е. В. Голубцова [и др.]; под общей редакцией О. И. Калинина. – М. : ФЛИНТА, 2024. – 272 с.

10. Информационная война в цифровом медиaprостранстве : монография / под ред. Л. К. Лободенко, Л. П. Шестеркиной, А. В. Красавиной. – Челябинск : Издательский центр ЮУрГУ, 2023. – 364 с.

11. Кеворкян, К. Э. Четвертая власть Третьего Рейха. Нацистская пропаганда и ее наследники / К. Э. Кеворкян. – М. : Книжный мир, 2022. – 704 с.

12. Кожевников, А. М. Социальные медиа как фактор формирования ценностных ориентаций студентов – будущих государственных служащих / А. М. Кожевников // Власть. – 2023. – Т. 31, № 6. – С. 153–162.

13. Макашова, В. В. Дезинформация как предмет научного анализа: традиционные и новые подходы / В. В. Макашова // Меди@льманах. – 2023. – № 6 (119). – С. 16–22.

14. Манойло, А. В., Петренко, А. И., Рожин, Б. А., Стригунов, К. С. Фейки: анатомия лжи / А. В. Манойло, А. И. Петренко, Б. А. Рожин, К. С. Стригунов. – М. : Горячая линия – Телеком, 2021. – 384 с.

15. Межевич, Н. М., Шамахов, В. А. Медиавойны нового поколения и информационные практики специальной военной операции. Аналитический доклад / Н. М. Межевич, В. А. Шамахов. – СПб. : ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2022. – 28 с.

16. Музыкант, В. Л., Барабаш, В. В. Системность массовых коммуникаций: фейк-ньюс как современный медиафеномен: монография / В. Л. Музыкант, В. В. Барабаш. – М. : Директ-Медиа, 2023. – 316 с.

17. Панарин, И. Н. Гибридная война и геополитика / И. Н. Панарин. – М. : Горячая линия – Телеком, 2022. – 472 с.

18. Почепцов, Г. Дезинформация / Г. Почепцов ; под общей редакцией Н. Лигачевой и Г. Петренко. – К. : Поливода А. В., 2019. – 248 с.

19. Пропагандистский дискурс в условиях цифровизации / под ред. В. А. Ачкасовой, Г. С. Мельник. – СПб. : Изд-во С.-Петербург гос. ун-та, 2023. – 424 с.

20. Рябченко, Н. А., Катермина, В. В., Гнедаш, А. А., Малышева, О. П. Модели и практики управления политическим контентом в online-пространстве современных государств в эпоху постправды : монография / Н. А. Рябченко, В. В. Катермина, А. А. Гнедаш, О. П. Малышева. – М. : Флинта, 2021. – 340 с.

21. Сунь-цзы. Трактаты о военном искусстве / Сунь-цзы, У-цзы ; пер. с кит., предисловие и коммент. Н. И. Конрада. – М. : АСТ : Астрель : СПб. : TerraFantastica, 2011. – 606 с.

22. Barclay, D. Fake news, propaganda, and plain old lies: how to find trustworthy information in the digital age / D. Barclay. – Lanham : Rowman & Littlefield, 2018. – 228 p.

23. Jaster, R., Lanus, D. Die Wahrheit schafft sich ab :wie Fake News Politikmachen : [was bedeutet das alles?] / R. Jaster, D. Lanus. – Ditzingen : Reclam, 2021. – 128 p.

24. Kaplan, A. M., Haenlein, M. Users of the world, unite! The challenges and opportunities of social media / A. M. Kaplan, M. Haenlein // Business Horizons. – 2010. – Vol. 53. Issue 1. – P. 59–68.

25. Libicki, M. C. Conquest in cyberspace : national security and information warfare / Martin C. Libicki. – Cambridge [etc.] : Cambridge university press, 2007. – 323 p.

26. Sakwa, R. The Russia scare : fake news and genuine threat / Richard Sakwa. – London ; New York : 2023. – Vol. VIII. – 211 p.

27. Stengel, R. Information wars: how we lost the global battle against disinformation / R. Stengel. – New York : Atlantic Monthly Press, 2019. – 357 p.

Makashova Valeria Valeryevna,
PhD in Philology, Associate Professor
ANO VO «Moscow University of Humanities and Economics»
rusina6@yandex.ru

Kozhevnikov Alexey Mikhailovich,
Candidate of the Department of Sociology
Military University
The Ministry of Defense of the Russian Federation,
reporterkorg@yandex.ru

Disinformation as a technology of information warfare against Russia in social media

The authors turn to the study of modern models of the use of disinformation as an information warfare technology in the Russian-speaking segment of social networks. The article uses the results of the analysis of documentary sources, as well as monitoring the Vkontakte social network and the Telegram messenger during a special military operation in Ukraine. Conclusions are drawn about the prospects for the development and application of this technology in the conflicts of the future.

Keywords: information warfare, new generation wars, social media, information warfare technologies, disinformation, fake news.

Мельник Галина Сергеевна,
доктор политических наук, профессор
кафедры цифровых медиакоммуникаций
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»
melnik.gs@gmail.com

Мисонжников Борис Яковлевич
доктор филологических наук, профессор
кафедры цифровых медиакоммуникаций
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»
b.misonhznikov@spbu.ru

Современные тренды западных массмедиа: от менасивов до фейков

Статья представляет собой попытку теоретического осмысления информационно-пропагандистской деятельности западных массмедиа, направленных на подрыв основ российского государства, а также особенностей дезинформации как способа влияния на внешнюю аудиторию. Объекты исследования – ведущие европейские медиа и информационные агентства. Прослеживается эволюция взглядов западной политической элиты на российскую действительность и их репрезентация в СМИ, а также отмечается рост информационных атак, направленных на разрушение России.

Ключевые слова: западные медиа, фейк, политический менасив, обскурантизм, пропаганда.

Актуальность исследования объясняется тем, что информационная война объединенной Европы, Великобритании и США с Россией приобретает открытые формы и переходит в фазу наивысшего обострения. Глава Госдепа США Блинкен на брифинге для прессы в сентябре 2024 г. заявляет о «гнусной» деятельности России в информационном поле, которая «пагубно влияет» на весь мир и «подрывает демократию в США». Лицемерно заявляя о

необходимости точной информации, которая «важна для здоровья» демократии, объявляет крестовый поход на российские СМИ, сообщает о том, что администрация предпринимает жесткие ограничительные меры в отношении RT, которое якобы ведет подрывную деятельность, обращается к своим союзникам – Канаде и Англии с целью усилить гонения на российских журналистов, грозит наказанием. Под репрессии попали «РИА Новости» и Sputnik. В это же время Верховный судья заявляет о необходимости «дезинфекции» в отношении России СМИ. Угрозы сыплются в адрес руководства Франции и Германии, где еще функционирует RT («*Мы используем мощный инструмент санкций. Наша цель – помочь остальному миру!*»). Госдеп резко разделяет СМИ России и западных стран, давая последним полную свободу и ограничивая ее для российских медиа («никто... не имеет права указывать никому из “Голоса Америки” или “Радио Свобода”, что говорить, делать или писать. Они задают нам вопросы, и мы на них отвечаем. В этом разница между финансируемыми государством СМИ при демократии и СМИ при авторитарном правительстве») [4].

Подтверждая, что RT популярно и действует в широком масштабе, имеет охват аудитории «миллионы, если не миллиардов людей по всему миру», Блинкен, тем не менее, обвиняет агентство дезинформации и требует запрета RT на работу в Европе [11]. За громкими заявлениями последовали обыски в домах журналистов и устроены многочасовые допросы сотрудников RT.

Время заявления Блинкена совпадает с публичными высказываниями руководства России (В. Путин, С. Лавров, М. Захарова) и представителей СМИ стран БРИКС на сентябрьском саммите 2024 г. в Санкт-Петербурге, где принята декларация, в которой все члены организации единогласно договорились посредством своих информационных ресурсов содействовать построению справедливого и равноправного многополярного мироустройства, отстаивать свободу слова. Мария Захарова отметила, что «США фактически объявили войну свободе слова во всём мире, перейдя к открытым угрозам и шантажу в адрес других государств в стремлении натравить их на

отечественные СМИ и установить единоличный контроль над глобальным информационным пространством» [1].

Проблема дезинформации и наполнения информационного пространства фальшивыми новостями переходит в разряд ключевой в аналитике медиаэкспертов всех стран, оценивающих цели и социальные последствия дезинформации.

Цель дезинформации – ввести в заблуждение, дезориентировать аудиторию; пропагандировать свое видение, политику или позицию; вызвать агрессию; поколебать позицию индивидуума и заставить его усомниться; посеять панику; изменить мнение аудитории; побудить к определенному действию; активировать внимание и заинтересовать аудиторию; убедить аудиторию с помощью вымышленных фактов; запугать аудиторию и т.п. [10].

Фейки представляются мощным и высокотехнологичным оружием, для борьбы с которым необходима «разработка и систематизация определенной подборки специализированных (для государственных и профильных общественных структур) и простых (для широких слоев населения) инструментов идентификации и нейтрализации фейков», а основными игроками на информационном поле называются: НАТО, ЕС, EU's East StratCom Task Force, NATO's StratCom Center of Excellence) [7]. Вопрос о контроле над распространением информации становится «глобальным трендом». Разрабатываются программы технического распознавания и сквозной проверки фактов в реальном контексте, охватывающем более 90 языков. Используются популярные в настоящее время широкоформатные языковые модели GPT-3.5 с журналистскими рамками [22].

В странах Запада активно выделяют деньги и создают целые правительственные организации по борьбе с «фейками», включая автоматическую проверку и проверку независимыми фактчекерами [15]. Разрабатываются стратегии для повышения эффективности операций по проверке фактов. Создаются учебники и методические указания по борьбе с фейками [8]. «При конструировании фейков используются прагматические средства, когнитивные механизмы, специально отобранные языковые средства. Эти средства направлены на создание так называемого

токсичного контента, на некритическое восприятие информации в пользу эмоционального и формирование чувства тревоги, страха и вины у реципиента [12].

Публике предоставляются бесчисленные отчеты об исследовании роли источников, доверия к ним в опровержении дезинформации. Так, в 2024 г. проведены онлайн-эксперименты в четырех странах – в Германии, Греции, Ирландии и Польше, где участники подвергались воздействию дезинформации об изменении климата или COVID-19 [17].

Зарубежные специалисты создают рейтинги искаженных новостей, пытаются описать влияние фейковых новостей и выяснить их влияние на реципиентов. Например, изучая юмористические передачи на ТВ США (The Daily Show с Джоном Стюартом и «The Colbert Report» со Стивеном Кольбером) показывают, как «через цепочку републикаций, некоторые придуманные на фабриках фейки очищаются от шутильной компоненты и превращаются в серьезные новости. А федеральные каналы вольно или невольно “покупаются” и подают их в духе: “Иностранные СМИ сообщают”» [18, с. 2011].

Российские исследования фейков, дипфейков и дезинформации также прирастают в геометрической прогрессии статьями, рассматривающими природу и способы защиты от них [6].

В России разоблачением фейков занимается программа «Антифейк» Первого канала, Telegram-канал «Война с фейками», канал «За нами правда» и др.

Таким образом, распространение дезинформации в медийном пространстве становится глобальной проблемой, требующей глобальных решений. В данной статье анализируется типичный антироссийский контент западных изданий.

В качестве методов исследования использовались дискурс-анализ, критический анализ научной литературы и сравнительный анализ.

Западная пресса практически никогда объективно не отражала российскую действительность. В периоды некоторого спокойствия и относительного потепления международной жизни основным трендом западной медийной политики в отношении

Российского государства становилось следование приемлемым и не слишком враждебным, но изрядно избитым стереотипам, что, конечно, не делает чести авторам журналистских произведений и отнюдь не свидетельствует об их профессионализме. Следовать упрощенным схемам изображения проще и не требует особого расхода творческой энергии и уж тем более большего мастерства. Так, в постсоветские годы, когда россияне отказались от идеологии, построенной на догмах марксизма-ленинизма, и протянули руку партнерства западному сообществу, в медийном мейнстриме зарубежной прессы внешне смягчился тон общения, исчезли интонации враждебности и страха и стало преобладать холодное и не лишённое высокомерия, а порой и чванства отношение к «поверженной» в холодной войне и еще недавно мощной Советской державе.

Удивительно, но в этот период недолгого «перемирия», когда появился шанс действительного сближения и построения добрососедских отношений, налаживания фундаментальных и рассчитанных на долгую перспективу контактов в гуманитарной сфере, совершенно не ощущалось серьезного намерения западных интеллектуалов пойти на сближение. В 90-е годы прошлого столетия стало бытовать мнение, что Россия всего лишь «сырьевой придаток» развитых стран, слабая «региональная экономика», «бензоколонка» с низким уровнем культуры. Россия в тот период, действительно, переживала не лучшие времена, но это не нашло понимания на Западе, не говоря уже о сочувствии и помощи. Вместо этого – равнодушие, подрывные акции против некогда мощной сверхдержавы, пренебрежение к её истории и культуре. В то время во многих западных университетах произошло закрытие факультетов и кафедр славистики, резко сократили программы изучения русской литературы и русского искусства. Атмосфера отчуждения не только сохранялась, но во многом становилась все более заметной и демонстративной.

Это возмущало и тех представителей Запада, – правда, весьма редких, – которые имели реальную возможность более глубоко узнать Российское государство. Гражданин Швейцарии предприниматель Карл Экштайн, который многие годы прожил в России, заявил, что западные массмедиа последовательно

воспроизводят негативный образ России, которая, мол, по мнению авторов, претендующих на качество издания, «состоит исключительно из мафиози, попрошаек, проституток, уличных детей и коррумпированных олигархов». Это высказывание относится, подчеркнем, к тому периоду, когда между Россией и западными странами реально осуществлялась политика открытых дверей и без малейших проблем можно было узнать подробности о жизни друг друга. Однако и в это время, по признанию редакции достаточно известной и уважаемой газеты *Neue Zürcher Zeitung*, довольно банальное, казалось бы, замечание Карла Экштайна вызвало не только «потрясение», но и легкое раздражение, с которым написан материал [16]. Его обусловила позиция швейцарского предпринимателя, который в книге «Русские – другие» высказал свое мнение, в некоторой степени отличное от общепринятого в западном сообществе.

В более поздний период, особенно после начала проведения специальной военной операции, разлом между Западом и Россией не просто значительно увеличился, но обрел опасные экзистенциальные масштабы. Как отмечает Г. Ф. Вороненкова, «к 2021 г. жестко обозначилось русофобское идеологическое противостояние не только в европейском, но и в мировом медиапространстве» [3, с. 94]. Пресловутая «отмена русской культуры» – только незначительная часть возникающей цивилизационной пропасти. Массмедиа, прежде всего стран, входящих в Североатлантический блок, в отношении Российского государства и его народов встали на позицию злобной пропаганды и когнитивного терроризма. К сожалению, в их арсенале активного использования оказались методы политического насилия, провокаций, инсинуаций и фейков.

Менасив в научном дискурсе рассматривается как речевой акт со смысловой доминантой угрозы, неэтикетное речевое действие, провоцирующее конфликт. Медийный мейнстрим в настоящее время отличается агрессией, перенасыщен оскорбительными высказываниями по адресу руководства российского государства. Примечательно, что произошла глубинная типологическая трансформация западных аналитических изданий, которые в прошлом образовывали

элитарный тип качественной прессы, а ныне превратились в массовые медийные конгломераты с признаками желтизны и остатков былой респектабельности. Они встали на путь оголтелой пропаганды и недостойных методов ведения идеологической войны, допускают опубликование недостоверной информации, заведомо искаженных сведений, фейков. Изменился даже стиль газет, которые некогда считались ведущими изданиями мирового уровня. Он стал более развязным, вычурным, искусственно-неискренним.

Печально, что в первых рядах тех, кто отравлен русофобией и последовательно, с поистине неистовым упорством продуцирует враждебный медиадискурс, оказались представители многих изданий Германии. Как известно, с этой страной граждан России связывают непростые, во многом трагические, отношения, и из прошлого необходимо извлекать уроки. Однако в Германии сформировалась мощная система антироссийской пропаганды, которая используется как инструмент ведения информационной войны. Эти медийные тренды становятся предметом научного исследования, и нельзя не согласиться с выводом Е. М. Гапоновой: «Анализ материалов аудиовизуальных СМИ ФРГ о России показал динамику непонимания, отчуждения и преобразования политического дискурса от умеренно критического до откровенно враждебного» [5, с. 17].

Современная медийная ситуация, хотя и развивается в основном по классическим сценариям, имеет все же определенные особенности. В частности, наблюдается утрата былого нейтралитета уже упомянутой швейцарской газеты *Neue Zürcher Zeitung*, которая в течение многих десятилетий входила в число самых авторитетных и влиятельных газет мира. Швейцария, которая старается соблюдать самостоятельность, не входит в НАТО и не является членом ЕС, имеет прессу, которая традиционно занимает относительно независимую позицию. Но в то же время нельзя не учитывать, что и в этой стране в разные периоды были сторонники нацистских идей, которые умели объединяться. В 30-е и 40-е гг. прошлого столетия в стране свободно распространялись нацистские издания – австрийская *Der eiserne Besen* и издаваемый специально для зарубежной

аудитории немецкий пропагандистский журнал Signal. Пронацистские идеи и в современной Швейцарии не совсем потеряли своей актуальности. Об этом, в частности, свидетельствует обстоятельная статья С. Биттер, в которой речь идет о нацистском прошлом, но легко угадывается и сегодняшняя обеспокоенность происходящим [14].

Настораживает и то, что швейцарская «главная» газета Neue Zürcher Zeitung – а по сути это мощный медийный комплекс с очень разными формами презентации материала, включая значительные мультимедийные ресурсы – становится все более тенденциозной в интерпретации и оценке событий. Более того, допускает фейки, которые не остаются незамеченными и получают отповедь и от швейцарских журналистов, отнюдь не являющимися сторонниками российской политики. Так, в момент, когда украинские вооруженные силы терпели поражение за поражением, Neue Zürcher Zeitung выступила с материалом, в котором все было представлено в совершенно искаженном виде. Заголовок публикации гласил: «Тысячам русских солдат угрожает котел – украинцы отрезали их от основных коммуникаций» [21].

Это вызвало удивление и язвительный анализ редакции очень влиятельного цюрихского журнала Die Weltwoche – «“Русским войскам угрожает котел”: Neue Zürcher Zeitung об украинском наступлении, которое поставит противника в “опасное положение”» [20]. Реакция журнала на явный фейк известной газеты оказалась столь быстрой и жесткой, как можно предположить, потому что ложь была слишком беспардонной и наглой. Огромное количество читательских откликов буквально камня на камне не оставили от репутации Neue Zürcher Zeitung.

Это, впрочем, типичный пример непрофессионализма представителей современной западной прессы, и подобных примеров можно найти много. Они свидетельствуют не только о методах информационно-пропагандистских действий, но также о странном обскурантизме, который поразил современных западных работников массмедиа. Это элементарное отторжение норм и правил профессиональной деятельности, традиций журнализма. Обскурантизм – явление не новое, но, когда оно поражает журналистов, ситуация обретает социально очень опасные черты.

Именно это имел в виду Н. А. Бердяев, когда отмечал: «Обскуранты движутся инстинктами и эмоциями, но обскурантская идеология может быть продуктом напряженной деятельности ума и знания. Идеологи обскурантизма для себя могут и не быть обскурантами, но они обскуранты для других. Тут мы подходим к основной черте обскурантизма. Обскурантизм есть явление социальное, а не индивидуальное, и при этом социально-агрессивное, наступательное» [2, с. 100]. Его наступательность, самоуверенная безапелляционность, интегрированные в сферу журналистики, действуют особенно разрушительно и наносят глубокий общественный вред.

Риторика не только немецких, но и американских СМИ в отношении России и ее президента также не меняется уже в течение 10 лет. В публикациях «The New York Times» и «The Washington Post» демонстрируется предвзятость журналистов в освещении современных событий в России и оскорбительный тон в отношении президента и политических деятелей. Например, в статье «Don't Let Putin Grab Ukraine» («Не позволяйте Путину захватить Украину»), опубликованной 3 февраля 2014 г., журналист Тимоти Снайдер пишет о «диктатуре» («dictatorship»), которую, якобы, установил российский президент. Правительство России автор маркирует «марионетками» («puppets»), употребляет выражение *saber-rattling* («бряцание оружием»). Действия России называются грубыми («blunt move»), безумными («frenetic»), неуклюжими («ham-handed») махинациями («machinations») [10].

И в новых публикациях Путин рисуется агрессором, диктатором, тираном.

Последовательное конструирование негативного образа страны способствовало тогда усилению враждебности по отношению к России в западных странах. Освещая события СВО, и сегодня западные журналисты сознательно искажают факты. Значительно преуспели в этом сотрудники CNN, которые называют вооруженные силы России «крайне неподготовленными и уязвимыми перед современным оружием в руках решительного украинского сопротивления» [19]. Россию обвиняют в терроризме, сообщают о попадании российских баллистических ракет на жилые кварталы и больницу в Полтаве; нанесении ударов по гражданской

инфраструктуре и Харькову; президенту России инкриминируют депортацию украинских детей. CNN муссируют информацию о том, что российские солдаты расстреливают пленных, заявляют что «такая политика может быть (возведена) в ранг преступлений против человечности. Эта политика организована Кремлем» [23].

Вместе с тем источники сообщений, как правило, не указываются. «Источник в ООН, проводящий расследования, сообщил CNN, что некоторые из очевидных казней украинских солдат были предметом их изучения. “Их много. Налицо закономерность. Это наводит на мысль о самодовольстве, если не о приказах не давать пощады”», – сказал источник, имея в виду практику не проявлять милосердия». *«Источники в военной разведке Украины предоставили CNN список из 15 случаев с ноября, большинство из которых подтверждается видео- или аудиоперехватами с беспилотников, в которых говорится, что сдавшиеся украинские военнослужащие были убиты русскими на линии фронта, а не взяты в плен».* Российские спецслужбы обвиняются в том, что пользуются Норвегией для создания кризиса в НАТО, *заявил местный контрразведчик* изданию The New Yorker. Норвежцы считают идеологическими диверсиями увековечивание подвигов русских солдат и партизан в годы ВОВ, почитание православных церквей и отстаивание своей точки зрения на украинский конфликт [13].

CNN вбрасывают информацию о применении Украиной еще одного инструмента, который «может фундаментально изменить подход Украины к ведению боевых действий»; «использовать маневр, чтобы воспользоваться уязвимостями, вынудить Россию к чрезмерной экспансии, создать хаос, окружить российские силы и захватить российскую технику».

Руководство коллективного Запада в последнее время прилагает огромные усилия для превращения всего медийного комплекса в мощную систему пропаганды, направленной прежде всего против Российской Федерации и ее граждан. Причем эта пропаганда становится все более и более агрессивной, озлобленной и лживой. Дело доходит до прямого подлога, искажения реальных событий, превратного истолкования очевидных, казалось бы, фактов.

Современные массмедиа, включая и те, которые имели статус качественных, практически не занимаются беспристрастным анализом социально-политических и экономических проблем, жизненно важных вопросов культуры, не стремятся воспитывать в людях идеалы гуманизма, добра и сотрудничества, а целенаправленно выполняют деконструктивные и разрушительные функции. Волей западных политических лидеров они превращаются в оружие – дискурсное, ментальное, когнитивное, психологическое. В результате массмедиа утрачивают главное свое предназначение – нести обществу слово разума, духовности, соучастия, дружбы и добрососедства. Утрачивают способность выполнения своей главной гуманистической и воспитательной функции. Перестают быть средством просвещения, а потакают, по сути, тем, кто проводит политику террора и разжигания розни, сеет зерна обскурантизма и мракобесия.

Список литературы

- 1. Аркатовский, Дм.** «Действия американской администрации не останутся без ответа»: Захарова прокомментировала атаку США на российские СМИ / Дм. Аркатовский // Петербургский дневник. – 2024. – 15 сентября.
- 2. Бердяев, Н. А.** Обскурантизм / Н. А. Бердяев // Образовательная политика. – 2016. – № 4 (74). – С. 99–107.
- 3. Вороненкова, Г. Ф.** Главный тренд – отказ от свободы слова / Г. Ф. Вороненкова // Журналистика в 2023 году : творчество, профессия, индустрия : сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. Е. Л. Вартанова; науч. ред. М. И. Макеенко, М. В. Шкондин. – М. : ф-т журналистики МГУ, 2024. – 770 с. – С. 94–96.
- 4. Выступление** Энтони Блинкена и брифинг для прессы в Госдепартаменте США на тему деятельности RT (U.S. Department of State, США). 15.09.2024 // ИноСМИ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: inosmi.ru (дата обращения: 6.09.2024).
- 5. Гапонова, Е. М.** Информационная политика аудиовизуальных СМИ ФРГ в контексте российско-германских отношений: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. М. Гапонова. – М., 2023.

6. Кондратьев, Р. Я., Миронова, Н. Г. Фейк-новости как инструмент социального управления и объект применения методов информационной безопасности / Р. Я. Кондратьев, Н. Г. Миронова // Современные технологии управления. – 2020. – № 1 (91). – С. 1-12.

7. Максименков, М. М. Фейковые новости: актуализация проблемы в России / М. М. Максименков // Коммуникология: электронный научный журнал. – 2020. Том 5. № 3. – С. 55–66.

8. Морозова, С. Как распознавать фейк: пособие для журналистов и пользователей соцсетей / С. Морозова // Adindex.ru. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://adindex.ru/news/adummy/2015/10/8/128695.phtml> (дата обращения: 07.09.2024).

9. Остроумова, Е. В. Риторика американских СМИ при освещении кризиса на Украине / Е. В. Остроумова // Современные научные исследования и инновации. – 2015. – № 3. Ч. 4 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://web.snauka.ru/issues/2015/03/51080> (дата обращения: 05.09.2024).

10. Суходолов, А. П., Бычкова, А. М. «Фейковые новости» как феномен современного медиапространства: понятие, виды, назначение, меры противодействия / А. П. Суходолов, А. М. Бычкова // Вопросы теории и практики журналистики. – 2017. – Т. 6. – № 2. – С. 143–169.

11. США обвиняют российскую телекомпанию в проведении тайных разведывательных операций. The New York Times // ИНОСМИ. 13.09.2024 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://inosmi.ru/20240913/rt-270095996.html?in=t> (дата обращения: 07.09.2024).

12. Трофимов, Р. В. Фейк как некритическое восприятие информации / Р. В. Трофимов // Вестник Моск. гос. лингвистического ун-та. Гуманитарные науки. – 2023. – Вып. 10 (878). – С. 113–118.

13. Шпионская война России в Арктике (часть 2). The New Yorker, США. 15.09.2024 // ИноСМИ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: inosmi.ru (дата обращения: 09.09.2024).

14. Bitter, S. Schweizer Nazis. «Bei diesem Krieg wollte ich dabei sein» / S. Bitter // SRF. – 2018. – 21. Jan. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.srf.ch/kultur/gesellschaft-religion/schweizer-nazis-bei-diesem-krieg-wollte-ich-dabei-sein> (дата обращения: 09.09.2024).

15. Dvoskin, E. Twitter is looking for ways to let users flag fake news, offensive content / E. Dvoskin // The Washington Post. – 2017. – 29 June.

16. Eckstein, R. M. Karl. Anekdotisches über Russland / R. M. Eckstein // Neue Zürcher Zeitung. – 2008. – 01 Febr.

17. Hendrik, B. Francois, J., Dessard, M., Krawczyk, S. Lewandowski, M. Investigating the role of source and source trust in prebunks and debunks of misinformation in online experiments across four EU countries / B. Hendrik, J. Francois, M. Dessard, S. Krawczyk, M. Lewandowski // Scientific Reports. – 2024. – Volume 14. Article number: 20723.

18. Jefferson, N. C. The Stewart / Colbert effect : essays on the real impacts of fake news / responsibility edited by Amarnath Amarasingam ; foreword by Robert W. McChesney. – Jefferson, N. C. : McFarland & Co., 2011. – 198 p.

19. Chance, M. CNN Chief Global Affairs Correspondent. Two years of war for Russia has plunged the country ever deeper into darkness // CNN. Tue February 27, 2024 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://edition.cnn.com/2024/02/24/europe/ukraine-war-russia-two-years-analysis-intl/index.html> (дата обращения: 09.09.2024).

20. Redaktion. «Russischen Truppen droht die Einkesselung»: NZZ über die Ukraine-Offensive, die den Gegner in eine «prekäre Lage» bringe // Die Weltwoche. – 2024. – 26. Aug.

21. Rüesch, A. Tausenden von russischen Soldaten droht die Einkesselung – die Ukrainer haben sie vom Nachschub abgeschnitten / A. Rüesch // Neue Zürcher Zeitung. – 2024. – 22. Aug.

22. Understanding and combatting misinformation across 16 countries on six continents // Nature. – 2023. – Vol. 7. – pp. 1502–1513 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.nature.com/nathumbehav> (дата обращения: 09.09.2024).

23. Walsh N. P., Gak K., Butenko V., Darvish M. Video footage appears to show Russians killing surrendering Ukrainian soldiers / N. P. Walsh, K. Gak, V. Butenko, M. Darvish [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://edition.cnn.com/2024/09/06/europe/video-russia-surrendering-ukrainian-soldiers-killed-intl-cmd/index.html?iid=cnn_buildContentRecirc_end_recirc (дата обращения: 09.09.2024).

Melnik Galina Sergeevna,
Doctor of Political Sciences, Professor
of the Department of Digital Media Communications
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
«Saint Petersburg State University»
g.melnik@spbu.ru

Misonhznikov Boris Yakovlevich,
Doctor of Philological Sciences, Professor
of the Department of Digital Media Communications
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
«Saint Petersburg State University»
b.misonhznikov@spbu.ru

Modern Trends in Western Mass Media: from Menasivs to Fakes

The article is an attempt at a theoretical understanding of the information and propaganda activities of the Western mass media aimed at undermining the foundations of the Russian state, as well as the features of disinformation as a way of influencing an external audience. The objects of the research are the leading European media and news agencies. The evolution of the views of the Western political elite on Russian reality and their representation in the media is traced, and there is also an increase in information attacks aimed aimed at the destruction of Russia.

Keywords: western media, fake, political menasive, obscurantism, propaganda.

Писанный Денис Михайлович
кандидат исторических наук, доцент
кафедры истории Отечества
ФГБОУ ВО «Луганский государственный
педагогический университет»
mypostdmp@mail.ru

Россия и Запад: литературный детерминизм конфликта идентичностей

В статье сопоставляются малоизвестные суждения выдающихся литераторов Запада о России и российских литераторов о Западе. Сравнение проводится в тесной связи с актуальными положениями теории идентичности и структурой этого феномена, состоящего из когнитивного, аффективного и деятельностного компонентов. Делается вывод об активной вовлеченности представителей творческой интеллигенции в противостояние России и коллективного Запада, важной частью которого был и остается конфликт идентичностей.

Ключевые слова: Россия, коллективный Запад, литература, противостояние, конфликт, идентичность, информационная война.

Европе не нужна правда о России, ей нужна удобная неправда. Европейцам нужна дурная Россия: варварская, чтобы «цивилизовать ее по-своему», угрожающая своими размерами, чтобы ее можно было расчленить, реакционная, чтобы оправдать для нее революцию и требовать для нее республики..., хозяйственно-несостоятельная, чтобы претендовать на ее сырье или, по крайней мере, на выгодные торговые договоры и концессии.

Иван Ильин, «Мировая политика русских государей»

Современная агрессия «коллективного Запада» против Русского мира является беспрецедентным вызовом для нашего Отечества. Терминология, применяемая для осмысления этого

противостояния, также является специфической. В последнее время довольно часто применяются термины «информационная война», «гибридная война», «ментальная война». Все эти понятия означают, что помимо военного противостояния, наши противники осуществляют действия, направленные на подрыв российского общества изнутри, в том числе на разрушение его духовно-нравственных основ.

Параллельно пресекается доступ западных обывателей к произведениям русской культуры, ранее широко известным и снискавшим заслуженную мировую славу. В частности, из репертуаров западных театров и филармоний исключаются произведения российских композиторов и спектакли по пьесам российских драматургов. Ситуация доходит до абсурда [4]. Эти действия наших противников, получившие общее условное название «культура отмены», нуждаются в комплексном научном анализе для выработки адекватных мер противодействия. Специалисты-гуманитарии обоснованно утверждают, что русофобия как явление западной жизни «не вчера родилась», она имеет длительную историю (как минимум, несколько столетий). И на определенном этапе развития данного явления в нем стали активно участвовать западные деятели культуры, в особенности – литераторы.

Ранее различные аспекты смежных проблем рассматривались в трудах ряда специалистов. Особо важным для фактического наполнения и выработки теоретических ориентиров был анализ публикаций А. О. Чубарьяна и А. Безрукова [1; 10]. Однако культурные аспекты противостояния Запада и России в отечественном социально-гуманитарном дискурсе пока недостаточно тесно связаны с проблематикой конфликта идентичностей.

Цель настоящей статьи – восполнить существующие пробелы путем сопоставления мнений выдающихся западных литераторов о России и русских литераторов – о Западе во время оформления «геополитических линий» противостояния двух цивилизаций, а также интерпретировать эти мнения в контексте актуальных положений теории идентичности.

В качестве методов исследования нами применялись: анализ художественной литературы, материалов СМИ, некоторых нормативно-правовых документов. Проводился контент-анализ содержания литературных произведений и высказываний писателей, ставших достоянием общественности, а также ивент-анализ (анализ исторических событий как контекста и субстрата для конкретного наполнения литературного дискурса). Кроме того, осуществлялись сравнение и обобщение, классификация.

Прежде чем приступить к сравнению литературных образов Запада и России, целесообразно осуществить небольшой экскурс в теорию идентичности, а также обратиться к основам геополитики. Термин «Идентичность» изначально возник в недрах психологической науки и означал «отождествление себя со значимым Другим». Причем в качестве «значимого Другого» выступают не только личности, но и социальные группы, одна из самых больших – это совокупность граждан государства, в котором живет и действует конкретный человек.

С момента своего появления понятие «идентичность» быстро обрело популярность и было имплементировано во многие науки – социальную философию, социологию, экономику, политологию, педагогику. Представители каждой из этих наук существенно обогатили теорию идентичности. Важным и практически общепризнанным (на современном этапе) положением этой теории является тезис о том, что идентичность – это «социальный конструкт». А наиболее значимым «агентом влияния», способным «сконструировать» идентичность, является государство. Оно «конструирует» гражданскую (или политическую) идентичность. Причем одних лишь законодательных актов и мер принуждения здесь недостаточно. Поэтому при «конструировании» гражданской идентичности властью активно используются «инструменты» из сферы культуры и искусства.

Исключительное значение культурного творчества в формировании идентичности становится понятным, если вспомнить структуру идентичности. Она состоит из трех компонентов: когнитивного (познавательного), аффективного (эмоционального) и деятельностного (поведенческого).

Применительно к современной российской идентичности органическая взаимосвязь этих компонентов может быть выражена в следующих суждениях:

- когнитивный («я родился и вырос в Российской Федерации»);
- аффективный («я горжусь тем, что я – россиянин»);
- деятельностный («я работаю на благо моей Родины – России»).

Важность соответствующих усилий со стороны государства была впервые понята в XIX веке, когда произошло объединение Италии и Германии и началась борьба ряда других народов (польского, чешского, индийского и др.) за обретение национальной независимости. Во многонациональных государствах формирование гражданской идентичности сталкивается с рядом проблем. Например, если населяющие государство народы фактически (и даже юридически) имеют неравный статус (то есть осуществляется дискриминация), находятся сторонники выхода того или иного народа из состава такого государства. И эти деятели противопоставляют гражданской идентичности другую – прежде всего, этническую (национальную) или религиозную. В основе многих этнополитических конфликтов истории и современности лежит именно подобный «конфликт идентичностей».

Реальные и латентные (скрытые) «конфликты идентичностей» часто используются в борьбе великих держав за сферы влияния. В этой связи нужно обратиться к *геополитике* – науке, классические труды по которой также возникли в XIX веке. Корифеи этой науки обосновывали идею, что «метапричина» большинства конфликтов (в том числе войн) – это борьба между «центрами силы» за контроль над окружающим пространством.

Независимо друг от друга англо-американские, немецкие и российские ученые определили регионы, обладающие повышенным конфликтогенным потенциалом. В частности, это Азия. («Кто владеет Азией, тот владеет Евразией, кто владеет Евразией, тот владеет «мировым островом» (Евразия + Африка – Д. П.), кто владеет «мировым островом», тот владеет миром») [5]. Согласно выводам «творцов» классической геополитики, именно

пространственный фактор довлеет при выборе направлений боевых действий, а еще ранее – при создании коалиций, которое обычно предшествует масштабным войнам. С этих же позиций обосновывается целесообразность подогревания «конфликтов идентичностей» в лагере своих противников (если эти действия помогают разрушать государства противников изнутри).

Возвращаясь к теории идентичности, отметим, что важным элементом сплочения общества вокруг государственной власти выступает «образ врага». Ход событий мировой истории привел к тому, что на роль такого противника «коллективный Запад» избрал именно Россию. Особенно важны с этих позиций события и процессы XIX – начала XX веков. Тогда оформились границы России, близкие к современным, а необходимость отстаивания национальных интересов привела к конфликтам с рядом держав Запада и Востока (Швейцарией, Францией, Великобританией, Сардинией, Германией Османской империей, Ираном, Японией).

Именно тогда «русophobia» из в общем-то заурядной идеи, которых рождались тысячи в головах западных мыслителей, превратилась в подобие «товара», который при умелой подаче можно было «продать» западным обывателям. Следовательно, во властных структурах региона оказались востребованными соответствующие идеи, генерируемые в литературной сфере. Приведем русофобские суждения четырех известных западных литераторов. Начнем с французского «сегмента» литературной русофобии.

В творчестве *Виктора Гюго (1802 – 1885)* русофобия проявлялась спорадически. В юности ему довелось быть свидетелем разгрома Наполеоновской армии. В более зрелом возрасте Гюго критически относился к политике императора Николая I: «Он держит в своих руках крест, который превращается в меч, и скипетр, который превращается в кнут» [7]. В. Гюго писал памфлеты против России, помогал и симпатизировал русским эмигрантам, которые позиционировали себя в качестве «борцов с режимом».

В продолжение этого ряда уместно вспомнить малоизвестный факт. Место действия и национальность главного героя романа *Жюль Верна (1828 – 1905)* «Двадцать тысяч лье под

водой» изначально должны были быть совершенно другими. Дело в том, что формирование авторского замысла романа совпало с польским восстанием 1863 г. в России. Капитаном легендарного «Наутилуса» должен был быть польский дворянин, вся семья которого погибла в упомянутом конфликте. Однако такому наполнению романа решительно воспротивился издатель Этцель, хотевший сохранить российский рынок и стремившийся избежать нежелательных политических последствий. В результате капитан Немо из поляка превратился в индуса (одного из лидеров восстания сипаев), противостоящего британским колонизаторам [2].

Отличились на этом поприще и англоязычные писатели. Так, *Редьярд Киплинг (1865 – 1936)* получил эпитет «бард британского империализма». Прошедший военную службу в Индии (и дослужившийся до звания полковника), он с предубеждением и опаской относился к государствам, способным оспорить «мировое первенство» Британской империи (и естественно, к народам таких государств). «Русофобия» Киплинга проявилась в романе «Ким», где одним из главных негативных героев является русский офицер. А в произведении «Бывший» Р. Киплинг создал комплексный негативный образ уже в отношении целого государства. Книга повествует об английском лейтенанте, которого русские держали в плену, сослали в Сибирь, где он провел 30 лет в скитаниях и бегах. Там есть следующие слова: «Русский вполне приятен в общении, но лишь пока он держит себя в руках. Как азиат он обаятелен. Однако, настаивая на том, чтобы с ним обращались, как с самым восточным из европейцев, а не с самым западным из азиатов, он превращается в расовую аномалию, с которой чрезвычайно трудно справиться» [11].

Весьма изменчивым оказалось мнение о России американского писателя *Марка Твена (1835 – 1910)*. В возрасте 31 года он посетил Крым и даже лично виделся с императором Александром II. Отзывался о нем положительно, как и обо всех русских. Но, став знаменитым писателем, он не раз высказывал о России весьма нелестные суждения. Например, о русских («если бы они могли думать»). По некоторым данным, высказывался за насильственное свержение дома Романовых [7]. И даже в

«Приключениях Тома Сойера» (рассчитанном на детскую аудиторию) поместил такие слова: «Или вот Россия. Она раскинулась повсюду и везде, а ведь на этом свете она не важнее Род-Айленда, а ценного в ней – еще меньше того» [8].

Враждебность «коллективного Запада» по отношению к России *в русском обществе* была предметом осмысления и анализа не только власть предержащих, но и творческой интеллигенции. Причины конфликтности отношений двух миров русские писатели усматривали в различных «движущих силах» и механизмах развития двух цивилизаций, а также в непохожести русского и западного менталитетов.

Александр Сергеевич Пушкин (1799 – 1837) в качестве «отправной точки» цивилизационных различий выделял принятие Русью православного христианства от Византии (а не католичества от Рима). Россия, «приняв свет христианства от Византии, ... не участвовала... в умственной деятельности римско-кафолического мира... России определено было высокое предназначение... Ее необозримые равнины поглотили силы монголов и остановили нашествие на самом краю Европы». Достижения западноевропейской науки и культуры, приходят в Россию с Запада не как дар высшей цивилизации, а скорее как частичная компенсация за возможность европейского «образования», предоставленную Россией (принявшей основной удар монголов). Компенсация, вытребованная возмужавшей страной: при Петре I Россия «вошла в Европу, как спущенный корабль при стуке топора и громе пушек» [1].

А в стихотворении «Стамбул гяуры нынче славят» Пушкин прямо называет Запад «лукавым» за его методы, приведшие к ослаблению и кризису Османской империи, проявившемуся в эти годы [6]. «Между строк» можно проследить опасение «солнца русской поэзии», что такие методы могут быть применены и к России. Причины экспансии Западной Европы в Россию будут названы Пушкиным в стихотворении «Клеветникам России» (1831):

*И ненавидите вы нас...
За что ж? ответствуйте: за то ли,*

*Что на развалинах пылающей Москвы
Мы не признали наглой воли
Того, под кем дрожали вы?
За то ль, что в бездну повалили
Мы тяготеющий над царствами кумир
И нашей кровью искупили
Европы вольность, честь и мир? [1].*

Основоположник русского славянофильства *Алексей Степанович Хомяков (1804 – 1860)* сравнивал исторические судьбы и перспективы Англии и России сквозь призму религиозного детерминизма. Англия стяжала себе «сокровища земные», но пренебрегла «сокровищами небесными» (духовными усилиями народа для вечного спасения). И поэтому не имеет права указывать человечеству путь в историческое будущее:

*Но за то, что ты лукава, но за то, что ты горда,
Что тебе мирская слава выше Божьего суда;
Но за то, что церковь Божью Святотатственной рукой
Приковала ты к подножью власти суетной, земной...
Для тебя, морей царица, день придёт – и близок он –
Блеск твой, злато, багряница –
Всё пройдёт, минёт как сон [1].*

На тех же основаниях Хомяков противопоставит Англии Россию (стихотворение «Россия», 1839):

*И вот за то, что ты смиренна, что в чувстве детской
простоты,
В молчаньи сердца сокровенна, глагол Творца прияла ты, –
Тебе он дал свое призванье, тебе он светлый дал удел:
Хранить для мира достоянье высоких жертв и чистых дел;
Хранить племен святое братство, любви живительный сосуд,
И веры пламенной богатство, и правду, и бескровный суд [1].*

Будущий классик русской поэзии *Федор Иванович Тютчев (1803 – 1873)* в молодости более 20 лет находился на дипломатической работе в Западной Европе (до 1844 г.). И с согласия официального Петербурга одним из первых «принял вызов» борьбе за общественное мнение Запада, которую позже назовут «информационной войной». Так, в 1843 г. в ответ на материал в аугсбургской газете Allgemeine Zeitung, оскорблявший

солдат-участников заграничного похода русских войск (1813 – 1814) Тютчев, добившись публикации в этом же издании, напомнил немцам, кому они обязаны сохранением своей государственности.

Еще несколько полемических работ дипломат и поэт опубликовал в заграничных изданиях для противодействия негативному резонансу от книги Астольфа де Кюстина «Россия в 1839 году» и распространению микроштампа «Россия – жандарм Европы» (который неоднократно применял и Карл Маркс). Тютчев способствовал распространению в отечественном медиа-дискурсе термина «русофобия». Перед началом Крымской войны поэт осознал, что к этому конфликту велом том числе и накопление взаимного раздражения. Когда же приходит время для пушек, что-то доказывать пером становится уже поздно [3].

Свой вклад внес поэт и в популяризацию идеи об особом характере и особенном историческом пути Российской цивилизации:

*Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать –
В Россию можно только верить! (1866 г.) [9].*

Во второй половине XIX века с весьма обстоятельной аргументацией западную цивилизацию критиковал Федор Михайлович Достоевский (1821 – 1881). Этот писатель зарекомендовал себя как блестящий знаток человеческой природы, в том числе её низменной стороны. Многие западные криминалисты до сих пор убеждены: кто не читал «Преступление и наказание», не сможет понять истинных мотивов правонарушителей.

В беседе в кругу знакомых он однажды отметил: «Они там пишут о нашем народе: дик и невежествен... не чета европейскому... Да наш народ – святой в сравнении с тамошним! Наш народ еще никогда не доходил до такого цинизма, как в Италии, например. В Риме, в Неаполе, мне самому на улицах делали гнуснейшие предложения – юноши, почти дети. Отвратительные, противоестественные пороки – и открыто для всех, и это никого не возмущает. А попробовали бы сделать то же у

нас! Весь народ осудил бы, потому что для нашего народа тут смертный грех, а там это – в нравах, простая привычка, – и больше ничего. И эту-то цивилизацию хотят теперь прививать народу! Да никогда я с этим не соглашусь! До конца моих дней воевать буду с ними, – не уступлю» [1].

Добавим, что после Первой мировой войны и Октябрьской революции возможность непосредственного знакомства западных обывателей с Россией и наоборот была сведена к минимуму, а вследствие начала «холодной войны» была практически пресечена. Устоявшийся набор стереотипов стал «циркулировать» в каждом обществе, поводы для нагнетания «образа врага» в середине и второй половине XX века находились регулярно. Об этом хорошо написал *Владимир Семенович Высоцкий (1938 – 1980)*: «А в общем, Ваня, мы с тобой в Париже, нужны, как в бане пассатижи!».

Таким образом, сопоставление мнений выдающихся западных литераторов о России и русских литераторов о Западе позволяет утверждать, что культурные деятели были вовлечены в конструирование «образа врага». Причины для создания этого образа лежали в попытках западной экспансии, которая неоднократно приобретала характер открытой военной агрессии. Адекватный ответ, который наши предки давали врагу силой русского оружия, подкреплялся силой художественного слова. Следовательно, и западные, и русские литераторы были вовлечены в «конфликт идентичностей» (почти на столетие раньше, чем появилась соответствующая научная терминология). Их мысли, ставшие достоянием широкой общественности, были направлены на аффективный (эмоциональный) компонент идентичности. То есть способствовали упрочению идентичности своего общества, в том числе посредством моделирования неприятия чуждых ценностей. Кроме того, проанализированные нами аспекты творческого наследия писателей повышали мотивацию для конкретных практических действий: западным обывателям – оправдывали экспансию и агрессию, русским людям – помогали укрепить уверенность в успехе при защите Отечества от самых разных посягательств (деятельностный компонент идентичности). В перспективе мы намерены проанализировать состояние затронутой нами проблемы в другие хронологические периоды.

Список литературы

1. **Безруков, А.** Цивилизация Запада глазами русских классиков / Андрей Безруков // Парус. – 2018. – № 4.
2. **Верн, Ж.** Двадцать тысяч лье под водой [Электронный ресурс] / Жюль Верн. – Режим доступа: <https://azbyka.ru/fiction/dvadcat-tysjach-le-pod-vodoj-zhjul-vern/> (дата обращения: 05.06.2024).
3. **Гашков, И.** Мастер ставить на место [Электронный ресурс] / Игорь Гашков. – Режим доступа: <https://tass.ru/obschestvo/19452707> (дата обращения: 05.06.2024).
4. **Захарова, М.** Интересно, до таблицы Менделеева скоро доберутся? [Электронный ресурс] / М. Захарова. – Режим доступа: https://vk.com/wall-26493942_5204959 (дата обращения: 05.06.2024).
5. **Нартов, Н. А.** Геополитика: учебник для студентов вузов/ Н. А. Нартов, В. Н. Нартов ; под ред. В. И. Старовойтова. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2007. – 527 с.
6. **Пушкин, А. С.** Стамбул гяуры нынче славят... [Электронный ресурс] / А. С. Пушкин. – Режим доступа: <https://www.culture.ru/poems/5675/stambul-gyaury-nynche-slavyat> (дата обращения: 05.06.2024).
7. **Пять писателей-русофобов**, на книгах которых мы выросли [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dzen.ru/a/ZKw-Gi1XVEbeq3zN> (дата обращения: 05.06.2024).
8. **Твен, М.** Приключения Тома Сойера [Электронный ресурс] / Марк Твен. – Режим доступа: <https://azbyka.ru/fiction/prikljuchenija-toma-sojera-mark-tven/> (дата обращения: 05.06.2024).
9. **Тютчев, Ф.** Умом Россию не понять... [Электронный ресурс] / Федор Тютчев. – Режим доступа: <https://www.culture.ru/poems/46430/umom-rossiyu-ne-ponyat> (дата обращения: 05.06.2024).
10. **Чубарьян, А. О.** Стереотипы и образы России в европейском мышлении и массовом сознании / А. О. Чубарьян // Феномен идентичности в современном гуманитарном знании: к 70-летию академика В. А. Тишкова: сб. ст. – М., 2011. – С. 18–34.

11. Kipling, R. The Man Who Was [Electronic Source] / R. Kipling. – Access mode: <https://englishliterature.net/rudyard-kipling/the-man-who-was> (date of treatment: 07.06.2024).

Pisanyi Denis Mikhailovich,
Candidate of Historical Sciences,
Assistant professor of department of history of the Fatherland,
Lugansk state pedagogical university
mypostdmp@mail.ru

Russia and the West: the literary determinism of the conflict of identities

The article compares the little-known judgments of prominent Western writers about Russia and Russian writers about the West. The comparison is carried out in close connection with the current provisions of the theory of identity and the structure of this phenomenon, consisting of cognitive, affective and activity components. The conclusion is made about the active involvement of representatives of the creative intelligentsia in the confrontation between Russia and the collective West, an important part of which was and remains the conflict of identities.

Keywords: Russia, the collective West, literature, confrontation, conflict, identity, information war.

Плебанек Ольга Васильевна,
доктор философских наук, доцент,
заведующий кафедрой социально-гуманитарных дисциплин
Университет при Межпарламентской Ассамблее ЕвАзЭС
plebanek@mail.ru

Проблема безопасности общества – когнитивный подход

В статье ставится проблема обоснования концепции когнитивной безопасности общества. Достижение современного уровня технической оснащённости человечества, составляющего угрозу существованию не только одной из противоборствующих сторон, но и всему человечеству, заставил геополитических оппонентов разработать и перейти к новым формам борьбы. Такой формой борьбы стали ментальные или когнитивные войны. В статье обосновывается закономерность перехода на когнитивный уровень противостояния сверхдержав и любых социальных субъектов.

Ключевые слова: когнитивная война, когнитивная система, когнитивная безопасность, когнитивное пространство.

В начале XXI в. в полемологии (науке о сущности и причинах войны) и в социальных науках, исследующих социальную динамику вообще, появилось понятие ментальных или когнитивных войн. Однако, литература, посвященная этому феномену, рассматривают институциональные особенности этого вида войн [5; 9; 14]. Для разработки адекватной теории, позволяющей построить программы противодействия этим видам социальных конфликтов, необходимо определить место войны вообще во взаимодействиях биологических и социальных систем, а также основной механизм гомеорезиса (понятие, введенное в науку одним из основателей биологической кибернетики – И. И. Шмальгаузенем [12]) – такого способа поддержания стабильности биологического или социального организма, при котором развитие и выход на уровень когнитивных процессов становится необходимым и неизбежным [10].

Целью статьи является теоретическое обоснование системного подхода к созданию теории безопасности общества.

Проблемы безопасности особенно остро встали перед человечеством, когда уровень технической оснащенности резко повысил летальность конфликтов и влияние технических средств на среду обитания. Некоторым предварительным итогом рефлексии проблемы безопасности общества стал кантовский «Трактат к Вечному миру» (1795), который лег в основу практических действий – была основана Лига наций (1919), призванная завершить не только Первую мировую войну, но и эпоху войн вообще. Однако, идея Вечного мира и ее практическое воплощение были закономерным продуктом картезианского мышления и представления о линейном характере социальных процессов, поэтому рассматривали бытие как совокупность простых дискретных объектов, детерминированных прямыми причинно-следственными связями. Такая когнитивная матрица не могла привести к созданию эффективной модели безопасности, что и подтвердила недолговечность самой Лиги наций (1919 – 1949) и неэффективность сменившей ее ООН, которая не предотвратила ни одну из войн второй половины XX – начала XXI в. Последняя четверть XX в. была продуктивна на новые гносеологические подходы, позволяющие создать адекватный методологический аппарат построения модели социальной безопасности.

Социальное бытие, его безопасность, в целом, и феномен идентичности, в частности, представляют собой сложный психо-социальный феномен, вплетенный в сеть когнитивных, социальных, хозяйственно-экономических процессов, поэтому нуждается в комплексном исследовании, включая методы прикладных социальных и психологических наук. В основе данного исследования лежит постнеклассическая исследовательская программа, которая предполагает системный и междисциплинарный подход, структурно-функциональный анализ сложных феноменов, а также общефилософские методы – анализ социальных феноменов и синтез объяснительной концепции, позволяющей построить стратегию контроля негативных и конфликтогенных тенденций в общественных взаимодействиях.

Для понимания сложных процессов, которые определяют тенденции и состояние современных социальных систем, а также для построения адекватной сложным процессам системы социальной безопасности большое значение имеют методологические подходы, имеющие общее парадигмальное ядро – принцип коэволюции, связывающий воедино процессы микроэволюции и макроэволюции. Методологические концепции, которые составили теоретическую платформу исследования, входят в гносеологический комплекс постнеклассической науки: кибернетический закон необходимого разнообразия У. Р. Эшби [13], концепция автопоэзиса У. Матураны и Ф. Варелы [8], концепция геноцентричной эволюции Р. Докинза [2; 3].

Нейробиологи Матурана и Варела предложили концепцию самоорганизации (автопоэзиса) биологических систем, суть которой можно свести к следующему: живые организмы – это организмы, способные воспринимать информацию об окружающей среде и организовать свою деятельность, сделать ее эффективной в соответствии с информацией о рисках. Информационная концепция жизни заключается в том, что жизнь возникла и существует как способ обеспечения безопасности посредством использования и преобразования информации. В дальнейшем этот подход распространился на исследование и интерпретацию любых сложных систем, способных к существованию в неустойчивой среде, и стал влиятельной объяснительной и методологической концепцией исследования и описания сложных систем и процессов. Идея, заключающаяся в том, что безопасность организма и эволюция биоты, в целом, являются следствием «эффективности и совершенствования когнитивных механизмов, обеспечивающих эффективные действия» [8], позволяет рассматривать концепцию автопоэзиса (самоорганизации) как когнитивную концепцию безопасности. Понятие когнитивной безопасности, как часть теории безопасности общества уже введено в науку [11]. Однако, предложенная Матураной и Варелой концепция заставляет по-иному расставить акценты: именно способность воспринимать информацию и создавать новые средства работы с усложненной средой позволяет обеспечить безопасность системы, поэтому когнитивные процессы необходимо рассматривать не как

сервильную часть системы безопасности, а как системообразующее ядро, имеющее дериваты во всех подсистемах социальной системы.

Когнитивная концепция безопасности подразумевает формирование когнитивных механизмов на всех уровнях социального бытия: на уровне индивидуальном – формирование неокортекса, как материального субстрата когнитивных процессов; на уровне группы – формирование когнитивных стратегий (например, синистрального и декстрального) и паттернов познавательной деятельности (например, догматизм, критицизм, эмпиризм); на уровне сложной общественной системы: специализация функций систем безопасности и структуризация самой социальной системы для реализации этих функций, а также формирование консолидационных механизмов, обеспечивающих кооперацию и интеграцию дифференцированной социальной системы.

Надындивидуальные или надорганизменные когнитивные системы, обеспечивающие безопасность организма или вида – это культура, посредством которой конституируются материальные и ментальные средства безопасности (материальное производство, материальные средства защиты, специализированные социальные группы и специфические формы познавательной деятельности); это организационные средства, конституирующие группы людей, посредством которых осуществляется их эффективное взаимодействие (племена, кланы, этносы, нации); это целеполагающие и мотивационные средства (религия, идеология, наука). Все эти ресурсы возникают и формируются как механизм, способствующий выживанию (сохранению) и распространению генотипа прямым и непрямым способом. Концепция английского биолога Р. Докинза, обосновавшего идею геноцентричной эволюции (Эгоистичный ген, 1975) [3], представляет собой, вместе с когнитивной концепцией жизни Варелы и Матураны, разработку идей Универсального эволюционизма [6]. Согласно предложенной Докинзом концепции, все более сложные материальные и организационные структуры формируются в процессе эволюции ради одной цели – сохранение своего генотипа (или наименьшей единицы эволюции – гена) и его распространения, которая становится возможной благодаря все усложняющимся структурам

безопасности. Организмы и сообщества организмов, сформировавшие наиболее эффективные средства коллективной безопасности, становятся лидерами эволюционного процесса.

Таким образом, все организационные структуры и материальные и ментальные ресурсы, начиная от способности белков распознавать своих и не своих, нейтральных, полезных и патогенных агентов, до сложных объединений (от родовой общины, племени до государств, надгосударственных объединений и цивилизаций) совершают эффективную деятельность (целью которой является сохранение и распространение) благодаря способности распознавать информацию о рисках и угрозах и своевременно продуцировать адекватные ответы. На основании положения, убедительно обоснованного Варелой и Матураной, о том, что любой организм является когнитивной системой и способен существовать за счет эффективности его когнитивных функций, а также обоснования Докинзом положения о том, что культурные системы – есть расширенный фенотип, обеспечивающий трансляцию генома [2], необходимо считать справедливым положение, согласно которому социальные системы и их структуры также представляют собой когнитивные системы, воспринимающие, хранящие и перерабатывающие информацию в целях обеспечения безопасности системы и ее распространения.

Как живые организмы, так и социальные системы существуют в пространстве, в котором циркулирует потребляемая ими информация – данные об окружающем мире. Пространство, информация о котором может быть получена и использована живыми или социальными системами, называется информационное пространство. Причем, во-первых, границы информационного пространства определены коммуникативными ресурсами, поэтому возникновение технических коммуникативных систем расширяет информационное пространство далеко за пределы существования совокупности организмов или за пределы существования социальной системы (например, космическая миссия «Вояджер», несущая золотые пластины с информацией о Земле, отправленная в 1977 г.). Во-вторых, содержанием информационного пространства являются Данные. Данные воспринимаются и обрабатываются когнитивными системами (биологическими или социальными

организмами), но они не являются регуляторами поведения системы (не они детерминируют деятельность); Данные транслируют количественные характеристики физического пространства, в котором существует система, и они нейтральны по отношению к субъекту. Качественные свойства среды – результат когнитивных процессов. Именно когнитивные процессы предоставляют организму не данные, а знания о среде. Знания производятся субъектом для себя и в соответствии с собственными потребностями и целями, поэтому знания – это смыслы, которые отражают отношение субъекта к объекту.

Любая социальная система стремится сохранить свой собственный геном во времени и расширить его существование в пространстве. Смыслы, обеспечивающие трансляцию геном во времени и в пространстве – это идеалы (цели социального организма и мотивы его деятельности), концепты (посредством которых осуществляется производство идеалов), социальные образцы. Так как смыслы (знания) создаются конкретным социальным субъектом, в конкретных обстоятельствах, применяются к конкретным суперагентам и обеспечивают безопасность конкретного социального субъекта, то пространство, в котором они циркулируют, непосредственно связано с субъектом, производящим это знание. Пространство знания называется когнитивным пространством.

«Когнитивное пространство представляет собой иерархически сложное полиструктурное образование, включающее в себя когнитивные, семантические, семиотические, прагматические, психолингвистические, психофизиологические конституенты, которые, с одной стороны, обеспечивают его многоуровневую организацию, с другой стороны, служат фильтрами восприятия входящей информации и векторами преломления исходящей информации в процессе коммуникации» [1]. Фильтры восприятия обеспечивают целостность картины мира социального субъекта, эффективность мотивов деятельности и консолидирующих механизмов. Когнитивное пространство, в котором циркулируют смыслы, на базе которых формируются эффективные способы выживания, является необходимым элементом функционирования социальной системы, а разрушение

когнитивного пространства приводит к снижению уровня безопасности или уничтожению целостности системы, что в конечном итоге означает диссипацию популяции. В конкуренции на геополитическом уровне социокультурные общности наносят друг другу ущерб физическими, материально-техническими средствами уничтожения, но основным механизмом элиминации общественных систем является разрушение и смена когнитивного пространства, консолидирующего и демаркирующего социальные группы.

Может показаться, что исчезновение какой-либо социокультурной общности не является ущербом для человечества в целом, однако, в соответствии с законом функционирования сложных систем – законом структурно-функционального разнообразия, система является устойчивой, когда имеется избыточное разнообразие (см., например [6]). Избыточное разнообразие создает запас когнитивных (для социальных систем) и институциональных средств взаимодействия со средой в кризисные периоды, обеспечивая выживание системы в изменившихся условиях.

В контексте современных представлений о сложных системах и когнитивном подходе в функционировании биологических и социальных систем, получает теоретическое объяснение феномен современного военного конфликта – когнитивная война. В литературе стран НАТО уже с 50-х гг. XX в. существует термин «психологическая война» (книга П. Лайнбарджера «Психологическая война» написана в 1947 г., опубликована в Вашингтоне в 1954, а переведена на русский язык в 1966 г. [7]), в современной зарубежной научной литературе этот тип воздействий на противника стал называться когнитивные войны (Cognitive Warfare) (см., например [14]).

Два обстоятельства определили возникновение войн такого типа. Первое обстоятельство связано с повышением рискогенности классических войн. Социальная (когнитивная) система тогда устойчива в условиях кризиса, когда в состоянии вовремя обнаруживать наиболее опасные угрозы ее существованию. Для общества, обладающего техникой высокой степени неизбирательной летальности, риск от применения такой техники

даже в целях защиты превышает потенциальные преимущества. Поэтому закономерно, что на современном уровне развития техники, появляется новый тип оружия и войны – востребована в целях установления гегемонии становится биотехнология и генная инженерия, которые способны поражать противника избирательно и без разрушения среды обитания.

Второе обстоятельство связано со степенью совершенства когнитивных технологий. При примерно одинаковом уровне материальной оснащенности современных геополитических конкурентов презэмптивные (см. о презэмптивных войнах [8]) воздействия являются более безопасными для субъекта и слабо распознаваемыми для объекта воздействия. Объект, подвергшийся когнитивной атаке, как правило, распознает разрушительное воздействие, когда оно уже становится необратимым. Достоинствами когнитивных технологий, в отличие от «горячих столкновений», является малозатратность, сохранность материального ресурса геополитического противника, экологическая безопасность, соблюдение международных норм ограничения агрессии, необратимость.

Научных исследований когнитивных или ментальных войн к настоящему времени уже достаточно (см., например [5; 9; 14]), чтобы осознать необходимость подготовки соответствующих специалистов. Однако, дальше введения в учебные планы университетов общеобразовательной дисциплины «Основы Российской государственности» пока на государственном уровне не продвинулись. Вместе с тем, проблема обеспечения когнитивной безопасности – проблема, которая должна решаться на нескольких уровнях:

- на исследовательском – разработка когнитивной теории, которая требует комплексного и системного подхода, включающей достижения специалистов естественных, технических социальных и гуманитарных наук;

- на методологическом – разработка методологии ведения когнитивных войн, методологии обнаружения когнитивных вторжений, методологии построения когнитивной защиты;

– на институциональном – создание системы подготовки специалистов, осуществляющих мероприятия по обеспечению когнитивной безопасности.

Проблема обеспечения когнитивной безопасности общества выходит далеко за пределы компетентности специалистов по контрпропаганде. Пропаганда, как мероприятия по распространению искаженных или даже ложных сведений с целью формирования общественного мнения, обнаруживается существующими и хорошо разработанными средствами, тогда как средства когнитивной войны включают широкий арсенал средств: культурное насилие, культурные деформации, когнитивные ловушки и т. д. Поэтому подготовка таких специалистов должна осуществляться по нескольким направлениям:

– подготовка специалистов технического профиля, обеспечивающих информационно-технические ресурсы выполнения поставленной задачи;

– подготовка специалистов психологического профиля, обеспечивающих разработку программ когнитивной защиты;

– подготовка специалистов медийной индустрии, осуществляющих реализацию мероприятий по обеспечению когнитивной безопасности;

– подготовка специалистов социологического профиля, осуществляющих мониторинг когнитивного статуса населения.

Подготовка специалистов, деятельность которых должна обеспечивать когнитивную безопасность общества (государства), требует привлечения представителей целого ряда областей научного знания, поэтому целесообразно не только создавать соответствующие кафедры, но образовывать междисциплинарные центры когнитивной безопасности. На этом направлении уже осуществляются первые шаги: в 2023 г. была опубликована первая коллективная монография, посвященная этой проблеме «Пролегомены когнитивной безопасности» [11].

Список литературы

1. Гуревич, Л. С. Когнитивное пространство метакоммуникации: основы прагмасемантического изучения : автореф. дис. на соиск. учен. степ. доктора филол. наук : спец.

10.02.19 «Теория языка» / Гуревич Любовь Степановна. – М., 2011. – 33 с.

2. Докинз Р. Расширенный фенотип: длинная рука гена / Ричард Докинз ; пер. с англ. А. Гопко. – М. : Астрель : CORPUS, 2013. – 512 с.

3. Докинз Р. Эгоистичный ген / Ричард Докинз. – М. : АСТ : CORPUS, 2013. – 509 с.

4. Комлева, Н. А. Презэмптивная война как технология ресурсного передела мира / Н. А. Комлева // Пространство и время. – 2012. – № 2 (8). – С. 28–33.

5. Ксенофонтов, В. А. Антропосфера как важнейший театр современной войны / В. А. Ксенофонтов // Вышэйшая школа. – 2021. – № 2 (142). – С. 37–40.

6. Курдюмов, С. П. Законы эволюции и самоорганизации сложных систем / С. П. Курдюмов. – М. : ИПМ, 1990. – 45 с.

7. Лайнбарджер, П. Психологическая война. Теория и практика обработки массового сознания / П. Лайнбарджер. – М. : Центрполиграф, 2013. – 444 с.

8. Матурана У., Варела Ф. Древо познания / У. Матурана, Ф. Варела ; перевод с англ. Ю. А. Данилова. – М. : Прогресс-Традиция, 2001. – 224 с.

9. Никитин, Ю. А., Поправко, Е. А. Ментальные войны XX – XXI вв.: терминология, основные стратегии, практика применения / Ю. А. Никитин, Е. А. Поправко // Вестник адъюнкта. – 2021. – № 3 [Электронный журнал]. – Режим доступа: <https://vestnik-adyunkta.ru/soderzhanie-zhurnala/novyy-vypusk/8-vestnik/311-mentalnye-vojny-khkh-xxi-vv-terminologiya-osnovnyye-strategii-praktika-primeneniya> (дата обращения: 27.08.2024).

10. Плебанек, О. В. Парадигмальные основания анализа социальной реальности / О. В. Плебанек. – СПб. : ИД «Петрополис», 2012 – 352 с.

11. Прологомены когнитивной безопасности: монография / под редакцией И. Ф. Кефели. – СПб. : ИД «Петрополис», 2023. – 488 с.

12. Шмальгаузен, И. И. Кибернетические вопросы биологии / И. И. Шмальгаузен. – Новосибирск : Наука, 1968. – 223 с.

13. Эшби, У. Росс. Введение в кибернетику / У. Росс Эшби ; пер. с англ. Д. Г. Лахути ; под ред. В. А. Успенского. – М. : Изд-во иностр. лит., 1959. – 432 с.

14. Van der Klaauw, C. The 21st-Century Game Changer. Cognitive Warfare / Cornelis van der Klaauw // The Three Swords. – 2023/39. – P. 97–101.

Plebanek Olga Vasilyevna,
Doctor of Philosophy, Associate Professor,
Head of the Department of Social and Humanitarian Disciplines
University at the Eurasian Economic Community
Interparliamentary Assembly
plebanek@mail.ru

The Problem of Public Safety is a Cognitive Approach

The article raises the problem of substantiating the concept of cognitive security of society. The achievement of a modern level of technical equipment of mankind, which poses a threat to the existence of not only one of the warring parties, but also to the whole of humanity, forced geopolitical opponents to develop and move to new forms of struggle. Mental or cognitive wars have become such a form of struggle. The article substantiates the regularity of the transition to the cognitive level of confrontation between superpowers and any social actors.

Keywords: cognitive warfare, cognitive system, cognitive security, cognitive space.

Прутцков Григорий Владимирович,
доктор филологических наук,
профессор Института медиа
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»
prutskov@gmail.com

Информационное противоборство большой и малой нации: опыт Каталонии

На постсоветском пространстве и в ряде западных стран нередко идёт противостояние между титульной и региональной нациями. В данной статье рассматривается генезис такого противостояния и современную ситуацию в испанско-каталонских взаимоотношениях на примере противоборства между испанцами и каталонцами, между центральной и региональной властью. Автор приходит к выводу о ведущей роли традиционных средств массовой информации и новых медиа в информационном противостоянии большой и малой наций, делает прогноз о том, в обозримой перспективе эта роль будет возрастать.

Ключевые слова: информационное противостояние, традиционные СМИ, новые медиа.

В информационном противоборстве между большой и малой нацией исторически играют ведущую роль средства массовой информации, а в последнее десятилетие – медиа. И традиционные СМИ, и новые медиане могут не оказывать влияние на процесс формирования и развития понятия «национальная идентичность». В итоге человек, так или иначе взаимодействующий с информационной средой, вынужден рано или поздно задаться вопросом о собственной национальной идентичности, на сознательном или на подсознательном уровне. Рассмотрим значение медиа в комплексном процессе формирования национальной идентичности на примере малой

нации в мультикультурном обществе, а именно на примере Каталонии.

Как известно, Каталония – один из ведущих регионов в составе Испании. Его жители, этнические каталонцы, – народ, близкий к испанцам по происхождению, языку, традициям. Исторически сложилось так, что на протяжении столетий Каталония входила в состав Испании, и это обстоятельство вызывало недовольство многих каталонцев – как правило, представителей национальной элиты, интеллектуалов. Информационное противоборство в этом вопросе началось во второй половине XIX века и продолжается до сих пор.

Чтобы понять причины этого информационного противоборства, необходимо обратиться к истории. На рубеже XIX – XX веков происходит рост национального самосознания каталонцев – в первую очередь, благодаря появлению сильной национально ориентированной прессы на каталанском языке. Появляются призывы к отделению региона от Испании. Вместе с тем, испанская пресса в Мадриде начинает настороженно относиться к росту каталонского национализма. Интересен в этом отношении пример каталонской газеты *La Vanguardia*, которая стала выходить в Барселоне в 1881 году и издаётся по сей день. Эта испаноязычная газета завоевала такую популярность в Каталонии, потому что была далека от сепаратистских настроений, относилась к национальному движению каталонцев лояльно и освещало его объективно. Таким образом, газета привлекла образованных и вдумчивых жителей Каталонии, которым национализм не застилал глаза.

Чем дальше, тем меньше зависела пресса от власти, тем сложнее было власти обуздывать прессу. Это касалось как Барселоны, так и Мадрида. Если в начале XIX века чтение газеты было привилегией элиты, то в конце века оно приобрело массовый характер, при этом уменьшилась возможность вмешательства властей в прессу. Свобода печати превратилась в главный аргумент демократической политики. Едва ли не главная заслуга каталонской прессы – в пропаганде идей каталонизма, выразившейся прежде всего в борьбе за формирование каталанского языка. Если к концу XVIII века каталанский язык

оставался бесправным, и среди горожан Каталонии считалось некультурным говорить по-каталански, то развёрнутая в 1880– 890-е годы прессой борьба за родной язык принесла свои плоды, и к началу XX в. произошла лингвистическая нормализация прессы, обусловленная созданием и утверждением языковых норм.

В результате каталанский язык не только встал наравне с испанским, но и начал вытеснять его. Особенно заметно усиление роли каталанского языка при рассмотрении соотношения каталаноязычных периодических изданий в начале и конце XIX века. Борьба каталонистов не только привела к становлению языка, каталаноязычной прессы, но и оказала влияние на многие сложнейшие процессы, происходившие в каталонских СМИ в XX веке и связанные с формированием национальной идентичности.

В 1901 г. правительство Испании признало, что каталонская нация существует как таковая, это подтолкнуло многих жителей Каталонии к мысли о том, что регион вполне способен благополучно существовать автономно. Была основана Регионалистская лига, благодаря которой в 1914 г. был сформирован такой орган самоуправления, как Манкомунитата (Mancomunitat), а четыре каталонские провинции слились воедино.

В период Второй республики (1931–1939 гг.) приверженцы каталонской национальной идеи предприняли попытку основать отдельное государство. 14 апреля 1931 года президент Женералитата Ф. Масиа без излишних бюрократических процедур продекларировал основание Каталонской республики. Стремление элитных кругов Каталонии отделиться от Испании было подавлено властями. При этом в сентябре 1932 года Учредительные кортесы Испании утвердили закон об автономном статусе Каталонии, согласно которому сформировали каталонский парламент, а также правительство.

Каталония обрела широкую автономию, получила самоуправление, каталанский язык был приравнен к кастильскому. В 1934 году постепенно начала реализовываться концепция формирования обособленной Каталонии, достигшей независимости, однако проигрыш республиканцев похоронил эту идею.

Наступивший в 1939 г. диктаторский режим Франсиско Франко (продолжался до 1975 г.) оказался самым сложным периодом для региона за несколько веков истории. Официальная идеология, провозглашавшая единство испанской нации, преследовала любые проявления всего «неиспанского» в жизни общества. Были официально запрещены все каталоноязычные газеты и журналы, книгоиздание на каталанском языке, преподавание его в школах и вузах; начались репрессии против политической и интеллектуальной элиты региона. Тем не менее и язык, и национальное самосознание сохранились, уйдя в подполье. Считалось, что у каталонцев не может быть иной национальной идентичности, кроме испанской. Народ, насчитывающий более семи миллионов человек, практически официально признали несуществующим, «приписав» его к испанской нации.

Смерть Франко в 1975 г. и начало так называемого испанского транзита (*Transición Española*), мирного перехода от диктатуры к демократии в Испании, означали возрождение прежних тенденций в Каталонии. Согласно конституции 1978 года и автономному статусу 1979 года, в Каталонии имеется собственный парламент, есть собственное правительство (Женералитат), полиция, радиовещание и телевидение. Каталонский язык признан на официальном уровне и теперь ничем не уступает испанскому языку.

Лидер партийной федерации Конвергенция и Союз Жорди Пужоль представлял собой основоположника и вдохновителя каталонского национализма того периода. Пужоль выступал за так называемую «рекаталонизацию Каталонии», намереваясь выработать стройную концепцию чётко отграниченной от испанской каталонской национальной идентичности. Преследуя эту цель, он предполагал, что идеи, проникнутые духом национализма, будут формироваться в социуме, в первую очередь, при помощи деятелей журналистики и педагогики.

К началу XXI века в каталонском обществе сформировались два взгляда на будущее региона: широкая автономия в составе Испании и полная независимость от Мадрида с созданием каталонского государства. Однако, согласно социологическим опросам, в 2005 году лишь 20,7% опрошенных

высказались за возможность получения политической независимости региона.

Каталанский язык постепенно получил международное признание. В декабре 1990 г. Европейский парламент признал его одним из равноправных языков Европы, а в июне 2005 г. Совет Европейского союза принял резолюцию об официальном использовании каталанского языка институтами Евросоюза. Повышение статуса родного языка каталонцев способствовало и продолжает способствовать дальнейшему укреплению национального самосознания, которое, пожалуй, нигде больше в Испании не развито столь остро.

Научный сотрудник Европейской Академии Бользано (Бозе, Италия) Джованни Поггесчи отмечает, что каталанский язык использует 90% жителей Каталонии, и можно с уверенностью сказать, что понимает данный язык практически всё население региона.

18 июня 2006 года на общекаталонском референдуме был принят Устав автономной области Каталония и был утвержден каталонским парламентом. Документ утвердили кортесы (парламент Испании), однако Народная партия, находившаяся в оппозиции, потребовала экспертизы Конституционного суда. Рассмотрение Устава в суде затянулось на три года, что вызвало недовольство в Каталонии и привело в итоге к решению провести в муниципалитетах серию неофициальных консультативных референдумов о независимости. В период с 13 сентября 2009 года по 25 апреля 2010 года прошло пять таких референдумов. По их итогам, более 90% голосовавших высказались за независимость региона от Испании. Тем не менее данный результат не является репрезентативным: в референдумах приняли участие в целом менее 50% жителей региона, имеющих право голоса, а кроме того, было разрешено голосовать лицам без гражданства, постоянно проживавшим на территории Каталонии.

В итоге в июне 2010 года Конституционный суд Испании утвердил текст нового автономного статуса Каталонии, вступивший в силу в августе 2006 года. В статусе выдвигается сбалансированное решение – признать Каталонию отдельной нацией и в то же время учитывать постулат, содержащийся в

Конституции Испании, гласящий, что национальная реальность Каталонии трактуется как национальность.

25 ноября 2012 года прошли выборы в Женеалитат. На них внушительную победу одержали сторонники государственного самоопределения региона. 23 января 2013 г. новоизбранный Женеалитат принял Декларацию о суверенитете. После победы руководство Каталонии проанонсировало проведение в 2014 году всекаталонского референдума о государственной независимости. Это является прямым нарушением Конституции Испании 1978 года, не предусматривающей ни возможность выхода какого-либо региона из состава страны, ни проведение референдума в одном или нескольких регионах. Конституционный суд Испании своим решением от 27 сентября 2014 года запретил проведение референдума о независимости.

Все средства массовой информации Каталонии широко освещали акцию 11 сентября 2013 года под названием «Каталония – новое государство Европы», когда около 1,6 миллионов каталонцев, взявшись за руки, образовали живую цепь длиной 400 километров – через всю территорию автономии, выражая таким образом требование о независимости региона от Испании.

Отметим, что Каталония – не единственный регион в Европе, который стремится к независимости. Аналогичная картина наблюдается в Великобритании, где частями медиасистемы страны являются медиасистемы Шотландии, Уэльса. Каталония и Уэльс рассматриваются исследователями в качестве двух классических примеров эффективного использования языков национальных меньшинств в медиасекторе. Что же касается медиасистемы Испании, то она в начале нашего столетия стала идеальным зеркалом сложившейся в стране общественно-политической обстановки и поощряла тягу регионов к децентрализации и автономии, к интенсивному развитию национальной идентичности. СМИ в большинстве своём совершенно явно одобряли не только культурное, но и политическое отмежевание Каталонии и Страны Басков от центральной власти Испании.

Национальный язык Каталонии претерпел множество запретов, но сейчас СМИ Каталонии используют либо

исключительно каталанский язык, либо испанский (кастильский). На каталанском языке говорят около 11 миллионов человек по всему миру, данный язык имеет глубокие литературные и социокультурные традиции, находится на высоком уровне развития с точки зрения лингвистической науки.

Средства массовой информации Каталонии весьма эффективно пропагандируют каталанский язык, что, бесспорно, содействует укреплению националистических и сепаратистских движений в регионе. При этом следует признать, что каталанский язык помогает и консолидации населения региона, и укреплению внутрорегиональной солидарности, и улучшению социальной и культурной обстановки в регионе. СМИ укрепляют статус каталанского языка в Евросоюзе, где данный язык занимает 7-е место по количеству говорящих на нём. Кроме того, каталанский язык является одним из шести официальных языков «Латинского союза» (это организация, объединяющая 37 государств на планете).

Несмотря на то, что на страницах Конституции провозглашается постулат о равенстве двух языков – каталанского и испанского на территории автономного сообщества, по сути, и власти региона, и каталонские СМИ подчёркивают тот факт, что каталанский – основной язык, используемый на данной территории.

Население Каталонии поощряют обращаться с жалобами и замечаниями в случае, если граждане столкнутся с нарушением регионального законодательства, касающегося местного языка, газетой, радиостанцией или телеканалом. Нарушители будут караться внушительными штрафами.

Рассматривая СМИ Каталонии, нельзя не затронуть роль радио- и телевидения региона в информационном противоборстве с центральной властью. В Испании действуют как государственные, так и частные радиоканалы. Функционирует государственное радио и два телевизионных канала на каталанском языке, 206 частных радиостанций. Существует обязательное требование трансляции 50% эфирного времени на каталанском языке – без этого условия просто не будет выдана лицензия на радиовещание. Radio Catalan («Радио Каталонии») вещает

исключительно на каталанском языке, круглосуточно, для Каталонии и Андорры.

Королевский указ № 526 от 14 декабря 2002 года и Закон о фильмах 2007 года декларируют, что каждый год выпуск аудиовизуальных средств массовой информации, использующих официальные языки испанского государства, должен материально поддерживаться.

Переход каталонского национализма в сепаратизм в XXI веке был обусловлен рядом причин. В первую очередь, свою роль сыграло в целом слабое экономическое развитие Испании и наличие больших диспропорций между отдельными регионами. Каталония всегда была и остаётся регионом-донором, и в массовом сознании каталонцев сложился стереотип национальной исключительности. Кроме того, на этот процесс повлиял низкий уровень политической культуры: игнорирование испанского законодательства, не предусматривающего выход региона из состава страны. Третья причина – глобализация, способствовавшая размыванию границ между народами и культурами.

Профессор кафедры сравнительной политологии МГИМО, председатель секции испанистики Российской ассоциации международных исследований С. М. Хенкин утверждает, что националистически настроенные СМИ сознательно внушают населению Каталонии идею о том, что регион каждый год отчисляет в бюджет государства сумму, на 16 млрд евро превышающую ответные поступления. Каталония действительно исправно перечисляет в государственный бюджет Испании налоги, однако эти суммы согласуются с объективно существующим уровнем развития экономики региона сравнительно с другими регионами и рассчитываются на душу населения. Финансирование Каталонии Мадридом действительно ниже среднеиспанского уровня, но разница незначительна.

Каталония значительно гуще населена, чем большинство других регионов Испании, поэтому, если налоги из этого региона перестанут поступать в государственный бюджет страны, экономика страны может сильно пошатнуться. Испания не располагает такими финансовыми возможностями, чтобы восполнить утраты от предоставления такому богатому и

густонаселенному региону практически полной независимости в финансовом аспекте.

1 октября 2017 года в Каталонии состоялся референдум о независимости. Мадридские СМИ постоянно напоминали читателям о том, что предстоящий референдум не будет иметь юридической силы, что если даже руководители Каталонии объявили бы о независимости, то Мадрид никогда не одобрил бы этого шага. В результате новообразованное государство не смогло бы присоединиться к ЕС (а именно к этому стремится Женералитат).

В ходе референдума 90,6% проголосовавших выступило за независимость. Правительство Испании сочло референдум незаконным, заявив, что «объявление Каталонией независимости не приведёт ни к чему». Уже 21 октября 2017 года, несмотря на митинги в поддержку независимости и протесты в регионе, правительство Испании ввело в действие статью 155 Конституции, на основании которой в Каталонии было установлено прямое управление из Мадрида. Это решение позволило центральным властям отстранить от руководства местное правительство. Более того, 2 ноября 2017 года Верховный суд Испании выдал первый международный ордер на арест экс-главы Каталонии Карлеса Пучдемона, а также шести членов его правительства.

Таким образом, конец 2017 – начало 2018 гг. – пик информационного противоборства Испании и Каталонии. Ко второй половине 2018 года благодаря действиям правительства страны и активной информационной кампании мадридских медиа накал противостояния несколько снизился. И только начавшаяся весной 2020 г. пандемия коронавируса сняла с повестки дня острые вопросы внутривластной жизни страны. Тем не менее, даже в период пандемии противоборство мадридских и барселонских изданий приобрело новый формат: теперь оно стало затрагивать вопросы медицинского характера.

В мае 2024 г. в Каталонии прошли очередные выборы, в результате которых впервые за очень долгое время сепаратистские партии утратили прежнее влияние. К власти в регионе пришли силы, нацеленные на сотрудничество с центральной властью. Это событие стало возможным во многом благодаря грамотной

медиаполитике мадридских средств массовой информации и новых медиа, которым, несмотря на активное и даже агрессивное противодействие каталаноязычных изданий, удалось убедить большинство населения Каталонии в бесперспективности конфронтации региона и центра.

Информационное противоборство Испании и Каталонии сохраняется на протяжении веков, то затихая на время, то разгораясь с новой силой. Этот процесс происходит благодаря позиции ведущих средств массовой информации, издающихся соответственно в Мадриде и Барселоне.

В обозримой перспективе медиасистема Каталонии останется национально ориентированной, и огромная доля её ресурсов продолжит поддерживать конструирование концепта национальной идентичности населения данного региона. Журналистика, создаваемая представителями местного интеллектуального сообщества, будет продолжать служить развитию идеологии каталонского национализма. В течение 2024 года информационное противостояние центральных и региональных медиа идёт на спад, однако нет никаких гарантий, что через некоторое время оно не возобновится с новой силой.

Список литературы

1. **Прутцков, Г. В.** Медиа Каталонии в борьбе за национальную идентичность и независимость : монография / Г. В. Прутцков. – М. : ИКАР, 2022. – 296 с.
2. **Хенкин, С. М.** Партийно-политическая система Испании на перепутье / С. М. Хенкин // Мировая экономика и международные отношения. – 2017. – Т. 61. – № 4. – С. 71–80.
3. **Хенкин, С. М.** Сепаратизм по-каталонски / С. М. Хенкин // Мировая экономика и международные отношения. – 2018. – Т. 62. – № 5. – С. 29–40.
4. **Cataluña.** El mito de la secessión. Desmontando las falacias de soberanismo. Barcelona: Editorial Almuzara, 2014.
5. **Robles A.** Historia de la Resistencia al nacionalismo en Cataluña / A. Robles. – Barcelona : Biblioteca global, 2014.

Prutskov Grigory Vladimirovich,
Doctor of Philosophy,
Professor of HSE Media Institute
prutskov@gmail.com

Informational confrontation between titular and regional nations: the Catalonia experience

In the post-Soviet space and in a number of Western countries, there is often a confrontation between titular and regional nations. This article examines the genesis of such confrontation and the current situation in Spanish-Catalan relations, focusing on the conflict between Spaniards and Catalans, as well as between central and regional authorities. The author concludes that traditional mass media and new media play a leading role in the informational confrontation between large and small nations, predicting that this role will increase in the foreseeable future.

Keywords: informational confrontation, traditional media, new media.

Тань Лэй,
аспирант Института «Высшая школа журналистики
и массовых коммуникаций»
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»
tanleyiroyi@gmail.com

Распространение информации и формирование общественного мнения о российско-украинском конфликте в китайских социальных сетях

В статье анализируется процесс распространения информации о российско-украинском конфликте в китайских социальных сетях, таких как Weibo. Особое внимание уделяется роли официальных медиа, цензуре и пропагандистским стратегиям. Исследование выявляет методы манипуляции общественным мнением и влияние информации на восприятие пользователями китайских социальных сетей, а также освещение позиций Китая и США.

Ключевые слова: российско-украинский конфликт, китайские социальные сети, общественное мнение, цензура, пропаганда, Weibo.

В эпоху глобальных медиа информационные конфликты становятся неотъемлемой частью современных геополитических процессов. Российско-украинский конфликт, начавшийся в 2014 г. и значительно обострившийся в 2022 г., является одним из ключевых событий, оказывающих влияние на мировой политический порядок. В этом контексте важнейшую роль играет то, как информация о конфликте распространяется и интерпретируется в различных странах, включая Китай, чьи социальные сети становятся площадками для формирования и манипулирования общественным мнением.

Китайские социальные сети, такие как Weibo, обладают огромным потенциалом для передачи информации как внутри страны, так и за её пределами. Особенно примечательным является способ подачи информации, когда её распространяют через

социальные сети официальные медиа. Вопросы объективности, достоверности и точности информации, распространяемой в этих медиа, приобретают особое значение [1, с. 78]. На фоне усиливающейся цензуры и государственного контроля над информацией в Китае, вызывает интерес то, как формируются нарративы о российско-украинском конфликте, какие элементы информационной войны используются для манипулирования общественным сознанием и каким образом эти нарративы воспринимаются пользователями китайских социальных сетей.

Актуальность исследования обусловлена тем, что влияние Китая на международные политические и информационные процессы неуклонно растет. Китайские социальные сети становятся не только средством коммуникации, но и мощным инструментом распространения информации. Изучение информации о российско-украинском конфликте в китайских медиа позволяет выявить механизмы влияния, анализировать их эффективность и исследовать, как различные нарративы формируют мировоззрение китайской аудитории.

Научная новизна исследования заключается в том, что оно анализирует уникальные аспекты распространения информации о российско-украинском конфликте через китайские социальные сети, рассматривая роль цензуры, пропаганды и манипулятивных стратегий. Особое внимание уделяется тому, как китайские официальные медиа передают информацию через социальные сети, адаптируя международные события к своей повестке, и как они создают условия для формирования общественного мнения в условиях ограниченного доступа к альтернативным источникам информации.

Цель статьи – проанализировать механизмы распространения информации о российско-украинском конфликте в китайских социальных сетях и выявить методы манипуляции общественным мнением.

В данном исследовании используется метод контент-анализа для изучения тематического содержания сообщений, связанных с российско-украинским конфликтом, в таких ведущих СМИ, как Синьхуа и Жэньминь жибао. Для анализа были выбраны сообщения, опубликованные в Weibo с 24 февраля 2022 г. по 24

февраля 2024 г. (в течение двух лет после начала российско-украинского конфликта), с ключевыми словами «российско-украинский конфликт», «Россия», «Украина». Всего было проанализировано 141 публикация (61 от Синьхуа и 80 от Жэньминь жибао). Путём комплексного анализа были выделены ключевые слова, относящиеся к различным темам (Табл. 1).

Таблица 1

**Распределение ключевых слов по темам
в сообщениях «Жэньминь жибао» и «Синьхуа: о российско-украинском конфликте»**

Категория темы	Ключевые слова темы в «Жэньминь жибао»	Ключевые слова темы в «Синьхуа»
Развитие ситуации в российско-украинском конфликте	Украина, Россия, ситуация, время, вести переговоры, гуманитарный, президент, Киев, динамика, эвакуировать, последние новости, Азовсталь, проблема, военный	Россия, Украина, делегация, вести переговоры, президент, Путин, обе стороны, российская армия, Конашенков, Минобороны России, военные действия, Азовсталь, эвакуировать, дрон
Позиция и действия Китая	Китай, мир, позиция Китая, МИД, Ван И, наша страна, Тайвань, представитель, общественность, безопасность, прекратить, кризис, решить, обеспечить	Позиция Китая, мир, развитие, Китай, диалог, Си Цзиньпин, продвигать, решить, дипломатия, Чжао Лицзянь, Цинь Ган, позиция, стратегия, отношения, Китай-Россия
Участие США	США, Байден, государство, биологический,	США, Байден, американо-китайские отношения, биология,

	американская сторона, украинская сторона, летучие мыши, лаборатория, исследование, план, проект, документы, заявить, продолжить, интернет	стремление, поджигать конфликт, оружие, лаборатория, заявить, проблема, беженцы, высказаться, общаться, дипломатия, прекратить
Международное влияние	НАТО, расширяться, кризис, международный, региональный, эскалация, предотвратить, цена, ущерб, ответственность, безопасность, заявить, своевременность, реализация, разумный	НАТО, расширяться на восток, конфликт, безопасность, сотрудничать, поддерживать, совместные действия, противодействовать, встреча, международный, глобальный, импорт, экономика, нефть, Евросоюз

В ходе исследования были выявлены четыре основных характеристики, отражающих особенности освещения российско-украинского конфликта в публикациях агентства «Синьхуа» и газеты «Жэньминь жибао» на основе тематического анализа ключевых слов:

Первая характеристика – этапные фактические отчеты о ходе военных действий и переговорах между сторонами конфликта. В вопросе наземных боевых действий с момента начала конфликта использование таких хештэгов, как #прямой эфир#, #последние новости российско-украинского конфликта#, #мировая связь# и #прямое включение с места событий#, усилило интерес к освещению хода событий, а столица Украины Киев, ставшая

центром планирования боевых действий, оказалась в фокусе новостей. Используя сообщения сторон конфликта и сопровождая их видеоматериалами, средства массовой информации освещали ключевые моменты войны. Например, освещая бой за завод «Азовсталь», который был одним из фокусов боевых действий в Мариуполе, агентство «Синьхуа» процитировало заявление представителя Минобороны России Игоря Конашенкова о том, что #Россия объявила полный контроль над заводом Азовсталь#, а «Жэньминь жибао» выпустила ретроспективное видео об этом событии. Важной частью освещения конфликта стало также внимание к переговорам между Россией и Украиной, поскольку они являются одним из ключевых факторов, влияющих на исход конфликта. Делегации двух стран неоднократно обсуждали такие вопросы, как возможные соглашения, временные перемирия и создание гуманитарных коридоров, но ни одно из обсуждений не привело к конкретным результатам. Следить за ходом переговоров важно не только для понимания ситуации, но и для оценки развития конфликта.

Вторая характеристика – выражение китайской позиции и действий, связанных с мирным урегулированием конфликта. С самого начала конфликта, привлечшего внимание всего мира, Китай, как важная международная держава, неизбежно высказывался и предпринимал шаги к переговорам между конфликтующими сторонами, что стало одной из ключевых тем для СМИ. Заявления официальных лиц Китая, таких как Ван И, Цинь Ган и Чжао Лицзянь, отражают позицию китайского правительства и официальных кругов. Например, такие хештэги, как #МИД Китая комментирует возможность посредничества в российско-украинском конфликте# и #Китай ответил на вопрос о том, станет ли гарантом мирного соглашения#, подчеркивают неизменную позицию Китая: Китай настаивает на мире и диалоге между сторонами, на безопасности, которая должна быть неделимой для всего мира, и на отсутствии двойных стандартов в международных отношениях. Одновременно Китай выступает против увязывания российско-украинского конфликта с тайваньским вопросом, считая последний внутренним делом Китая, и подчеркивает недопустимость посягательств на суверенитет и

территориальную целостность страны. Особое внимание в этом контексте уделяется развитию китайско-российских отношений, основанных на принципах неприсоединения, неконфронтации и невраждебности к третьим странам, что показывает приверженность Китая многообразию международных отношений и продвижению концепции сообщества единой судьбы.

Третье, освещение действий и заявлений США в контексте российско-украинского конфликта. Хештэги вроде #в американской лаборатории в Украине испытывали образцы коронавируса летучих мышей# и #США проводили биологические эксперименты над психически больными пациентами в Украине# касаются документов, представленных Минобороны России, в которых обсуждаются американские биологические лаборатории на территории Украины, и их активное освещение в 2022 г. было ключевым аспектом для газеты «Жэньминь жибао». Подобные материалы связываются с заявлением США о непрямом участии в конфликте, а сообщения, например, о захвате российскими войсками американского оружия, переданного Украине, подчеркивают традиционное противоречие между словами и действиями США. Китайские СМИ также осуждают попытки США втянуть Китай в конфликт, освещая такие факты, как несоответствие между количеством принятых украинских беженцев и провозглашенными США гуманитарными принципами, а также значительный рост акций американских оборонных компаний. Подобные примеры направлены на разоблачение истинных целей США – затягивание конфликта ради собственной выгоды. В материалах газеты «Жэньминь жибао» США часто упоминаются как «закулисный кукловод», что подчеркивает роль этой страны в российско-украинском конфликте.

Четвертая особенность – это освещение влияния российско-украинского конфликта на международную обстановку и реакцию других стран. Постоянная эскалация конфликта привела к глобальному экономическому кризису, проблемам в энергетике и цепочках поставок. В материалах «Жэньминь жибао» и агентства «Синьхуа» вместо прямого освещения негативных последствий конфликта делается акцент на жизненные события, иллюстрирующие влияние на международном уровне. Например, в

публикации с хештегом #рыба с картошкой больше не любимое блюдо на вынос у британцев# сообщается, что из-за зависимости от импорта ингредиентов из России и Украины для этого традиционного блюда, непрекращающийся конфликт привел к значительному увеличению затрат на его производство, а в некоторых случаях – к дефициту сырья. Этот пример из повседневной жизни иллюстрирует негативные последствия конфликта.

Из-за серьезных международных последствий конфликта многие страны начали совместные усилия по организации диалога между Россией и Украиной. Так, президент Турции активно предложил и способствовал проведению новой переговорной встречи в Турции, а президент ЮАР выразил поддержку позиции Китая в вопросе Украины, призывая к мирному разрешению конфликта через диалог и переговоры. В репортажах о международном сотрудничестве по урегулированию конфликта также подчеркивается конструктивная роль Китая. Примечательно, что в выступлениях представителей МИД Китая и некоторых экспертов нередко упоминается восточное расширение НАТО как одна из причин украинского кризиса, а Китай последовательно акцентирует необходимость равноправного диалога между США, НАТО, ЕС и Россией.

Анализ и обобщение публикаций «Жэньминь жибао» и агентства «Синьхуа» о российско-украинском конфликте позволили получить общее представление о позиции ведущих китайских СМИ. Позиция партии и правительства в этом вопросе четко выражена: необходимо уважать разумные озабоченности России по вопросам ее безопасности, сохранять суверенитет и безопасность Украины, а также продолжать углублять сотрудничество между Китаем и Россией, принимая во внимание некорректные действия США в этом конфликте. Все эти факторы обуславливают осторожный подход Китая, что отражается в стремлении избегать любых намеков на предвзятость в содержании публикаций. Основные элементы освещения конфликта включают: этапные фактические отчеты о ходе военных действий, подчеркивание объективной и нейтральной позиции Китая, призывы к диалогу и переговорам, а также критика роли США и

НАТО в конфликте. Даже в публикациях, касающихся углубления китайско-российских отношений, акцент делается на принципах неприсоединения, неконфронтации и невраждебности по отношению к третьим сторонам.

С точки зрения структуры освещения в ведущих СМИ, в материалах «Синьхуа» и «Жэньминь жибао» по теме российско-украинского конфликта можно выделить четыре основных особенности: этапные фактические отчеты о развитии ситуации, заявление позиции и действий Китая, комментарии и отчеты о действиях и заявлениях США во время конфликта, а также влияние конфликта на международную обстановку и реакцию других стран. За рамками освещения в основных СМИ стоит отражение воли партии и правительства, что предполагает уважение обоснованных озабоченностей России по вопросам безопасности, сохранение суверенитета Украины, продолжение углубленного сотрудничества между Китаем и Россией, а также критику неподобающего поведения США. Эти аспекты заставляют Китай придерживаться осторожной позиции, что находит отражение в стремлении избегать любого контента, который мог бы демонстрировать предвзятость [3, с. 64].

Кроме того, в большинстве случаев массовые коммуникации играют роль катализатора, усиливая отношение интернет-пользователей. Развитие общественного мнения, с одной стороны, соответствует фундаментальным целям партии, являясь сочетанием верного направления и понимания народных настроений, предоставляя новый канал для уважения главенствующего положения народа, гарантируя право граждан на информацию, участие, выражение и надзор. С другой стороны, под влиянием системы и идеологии, ведущие СМИ должны следовать четко установленным правилам, а процесс производства новостей зачастую усложнен, что значительно снижает оперативность освещения. Иногда новостная ценность заменяется пропагандистской ценностью или статусом упоминаемых персон, что отдаляет СМИ от забот народа. Задержки и пробелы в официальной информационной среде дают возможность для роста общественного мнения, и в обсуждении общественных событий его преимущество в скорости и разнообразии информации позволяет

этому полю голосов стремительно расширяться. В российско-украинском конфликте осторожное освещение со стороны китайских ведущих СМИ, обусловленное государственными позициями, международными отношениями и выбором источников информации, привело к появлению пробелов, которые заполняются высказываниями пользователей социальных сетей и блогеров. Некоторые аналитические видеоматериалы о конфликте или репортажи с передовой дают новые точки зрения на российско-украинский конфликт, и эти выражения, исходящие от простых людей, заслуживают внимания и учета со стороны официальных СМИ [2, с. 3].

Тем не менее, в общественном информационном пространстве существуют такие проблемы, как трудности в различении правдивости информации и присутствие интернет-троллей. Особенно в условиях возрастающей значимости международного общественного мнения, во время российско-украинского конфликта в общественном мнении проявляются и враждебные высказывания от иностранных сил, пытающихся внести раздор. В этой ситуации доверие к ведущим СМИ и их влияние, а также разумные высказывания лидеров общественного мнения в социальных сетях оказывают влияние на восприятие и отношение интернет-пользователей. Потребность аудитории в разнообразных репортажах и мнениях указывает на то, что только взаимное дополнение и взаимодействие различных информационных площадок может обеспечить здоровое развитие информационной среды. В то время как внешняя политика, затрагивающая интересы многих государств, включает аспекты, недоступные для самих социальных сетей, ведущие СМИ способны их осветить и благодаря своим естественным преимуществам приобретают в глазах общественности авторитет в вопросах дискурса.

С течением времени российско-украинский конфликт не только не завершился, но и продолжает эскалировать, с очевидной тенденцией к расширению и увеличением неопределенности. Страдания, вызванные войной, делают призывы к миру и прекращению конфликта всеобщим консенсусом. Мир и развитие

по-прежнему остаются неизменной темой для международного сообщества, а также общим стремлением всех людей.

Список литературы

1. **Е Цзайчунь.** External Communication. Новые особенности и парадигмы войны общественного мнения по поводу российско-украинского конфликта / Е Цзайчунь // International communications. – 2023 (09). – С. 77–80.

2. **Ма Гуанджин.** Эмоции как оружие: границы, определенность и распространение в борьбе за общественное мнение в эпоху социальных медиа / Ма Гуанджин // Intelligence Journal. – 2024. – С. 1–6.

3. **Музыкант, В. Л.** Особенности освещения китайскими медиа специальной военной операции (СВО) на Украине / В. Л. Музыкант, Ж. Ху // Вопросы теории и практики журналистики. – 2024. – Т. 13, № 1. – С. 52–68.

Tan Leyi,

PhD Student at the The Higher School
of Journalism and Mass Communications
Federal State Budgetary Educational Institution of High Education
«Saint Petersburg State University»
tanleyiroyi@gmail.com

Dissemination of information and formation of public opinion about the Russian-Ukrainian conflict in Chinese social networks

The article analyzes the process of information dissemination about the Russia-Ukraine conflict in Chinese social networks such as Weibo. Special attention is given to the role of official media, censorship, and propaganda strategies. The study identifies methods of public opinion manipulation and the impact of information on the perception of Chinese social network users, as well as the coverage of China's and the United States' positions.

Keywords: Russia-Ukraine conflict, Chinese social networks, public opinion, censorship, propaganda, Weibo.

Шашкова Елена Викторовна,
кандидат филологических наук, доцент,
ФГАОУ ВО «Омский государственный университет
имени Ф. М. Достоевского»
shashkova-lenochka@list.ru

«Холодное» противостояние: опыт информационной войны на страницах советской авиационной периодики

После окончания Второй Мировой войны начинается противостояние двух сверхдержав – СССР и США, проявившееся, прежде всего, в наращивании военного потенциала противников. Стратегически важное значение в этот период играет авиация. А страницы авиационной периодики выступают плацдармом, на котором разворачивается настоящая информационная война. Сегодня Россия и США переживают новый виток идеологического и военного противостояния. И опыт ведения «холодной» войны в СМИ становится востребованным. Именно данным фактором обусловлена актуальность представленного исследования.

Ключевые слова: холодная война, советская авиация, авиационная периодика, информационная война.

Самый рекордный рост отечественная авиация показала в годы «холодной войны» (1947 – 1990): новая модифицированная техника, наращивание интенсивности полётов, усовершенствование авиаразведки и пр. [2, с. 91]. В данный период интенсивно развивалась и авиационная периодика. Например, для активного привлечения в авиацию советской молодёжи по личному распоряжению И. В. Сталина в 1950 году был организован в системе ДОСААФ журнал «Крылья Родины».

В 1960-е годы специализированные европейские и американские авиационные издания публиковали на своих страницах фото с изображениями самолётов советской флотской авиации над палубами как американских, так и британских авианосцев, чтобы продемонстрировать потенциальную угрозу со

стороны Советского Союза [1, с. 36]. В период «холодной войны» и так называемой «гонки вооружений» зародилась идея использовать ядерную энергию в авиации.

Объект исследования – отечественная авиационная периодика времен «холодной войны» (на примере журнала «Авиация и космонавтика»). Предмет исследования – тематическое и функциональное своеобразие отечественной авиационной периодики времен «холодной войны», приемы информационной войны на ее страницах (на примере обозначенного издания). Цель исследования – выявить своеобразие информационного противостояния сверхдержав на страницах советской авиационной периодики. Эмпирическим материалом для данного исследования послужили выпуски журнала «Авиация и космонавтика» с 1960 по 1990 гг. В данной работе были использованы следующие методы исследования: общенаучные (метод наблюдения и описания), исторический метод, комплексный источниковедческий анализ периодики как исторического источника; для выявления количества и динамики публикаций, их объема, интенсивности, тематической принадлежности использовался метод контент-анализа.

Одним из ведущих изданий данного периода становится «Авиация и космонавтика», журнал, демонстрировавший из номера в номер, каких огромных успехов в своем прогрессе достигла советская авиация. «Авиация – это такой вид Вооруженных Сил, где особенно сказывается технический прогресс нашей страны. Авиационная техника непрерывно совершенствуется и обновляется» («Авиация и космонавтика», 1964, № 1).

Исследуемый период истории журнала связан со временем «холодной войны». Именно поэтому вполне закономерно, что на страницах стратегически важного издания обсуждаются вопросы противостояния США и СССР, в том числе, и в области авиации. «Теряя одну позицию за другой в политике и экономическом соревновании со странами социализма, империалистические круги всемерно активизируют «холодную войну» против социалистического лагеря. Они упорно отказываются от разоружения, поощряют провокации против Кубы, форсируют передачу атомного оружия другим государствам НАТО. США до

сих пор имеют на территории других государств (главным образом в Западной Европе) множество военных баз, продолжают подземные атомные взрывы, приняли решение о ввозе в Европу ракет «Першинг»» («Авиация и космонавтика», 1964, № 1).

Противник развернул полномасштабную информационную войну против Советского Союза: под видом отстаивания американских интересов, на которые якобы посягают «красные», было объявлено не только право, но и долг правительства США не останавливаться ни перед чем для распространения американских взглядов, американского влияния, американского присутствия (ср.: выступления президента Д. Байдена). Рост военных расходов (как в нынешнее время финансирование Украины) по этой причине был представлен патриотической задачей американского народа и исторической необходимостью, а вмешательству во внутренние дела других стран была придана окраска законности и справедливости.

В рецензии «Источник военной угрозы» Л. Черноусько анализировал книгу «США и НАТО: источники военной угрозы» Н. Ф. Петрова, Н. И. Соколова, И. В. Владимирова и П. П. Катина. В содержании говорилось о том, что пропагандистские органы США пытались дискредитировать мирный внешнеполитический курс Советского Союза. Они возвращали у личного состава НАТО вражду к СССР и другим социалистическим странам, а также доказывали необходимость продолжить увеличение темпов гонки вооружений: «Материалы, изложенные в книге, раскрывают опасные планы Пентагона, военщины НАТО против мира и разрядки, безопасности народов, призывают советских воинов к бдительности, к дальнейшему укреплению боеготовности, чтобы никакие происки сил империализма и реакции не помешали мирному труду нашего народа» (Черноусько Л. «Источник военной угрозы», «Авиация и космонавтика», 1980, № 1).

Отметим, что тема противостояния западному (капиталистическому) миру фактически не исчезает со страниц издания вплоть до конца 1980-х годов. Так, в № 12 за 1985 год опубликована статья «НАТО – зловеший союз» (еще один актуализировавшийся в современное время аспект – расширение НАТО и его истинное назначение): «Еще не стихло эхо последних

залпов второй мировой войны, а вчерашние наши союзники по антигитлеровской коалиции – США и Великобритания – взяли курс на подрыв многостороннего сотрудничества, пустили в ход гегемонистские, агрессивные теории «сдерживания», «отбрасывания» коммунизма. Ставка делалась на военную силу, блоковую стратегию. Создатели НАТО лицемерно назвали замкнутую североатлантическую военно-политическую группировку империалистических держав «оборонительным» союзом». Но истинные цели НАТО не имеют ничего общего с задачами обороны. Странам, входящим в этот союз, никто никогда не угрожал и не угрожает. Этот договор имеет ярко выраженный агрессивный характер и направлен прежде всего против СССР».

В материалах журнала представлена теснейшая связь Пентагона и нацистской идеологией (ср.: нынешняя ситуация с актуализацией нацизма и фашизма): «С провозглашением нынешней администрацией США в начале 80-х годов пресловутой «стратегической оборонной инициативы» вынашиваемая бывшими нацистами идея милитаризации космоса стала воплощаться в жизнь. Нацистский дух проник в Пентагон, а к чему это ведет, мы уже знаем» (Э. Буйновский «Пентагон рвется в космос», «Авиация и космонавтика», 1983, № 5).

Отметим, что своеобразным «побочным» эффектом идеологического и военного противоборства между США и СССР, развернувшейся «холодной войны» стала так называемая «космическая гонка» между государствами, «звездный милитаризм» (1957 – 1988 гг.) (ср.: обеспокоенность США появлением на космической орбите способного вывести из строя американские аппараты российского «спутника-матрешки»). Данный аспект темы раскрывается в следующих материалах: Краснов А. «Космические аппетиты США» («Авиация и космонавтика», 1967, № 11); Буйновский Э., Ткачев Л. «Звездное оружие» («Авиация и космонавтика», 1984, № 6); Шишов Л. «Стратегия космического авантюризма» («Авиация и космонавтика», 1984, № 2); Иванов В. «К превосходству через космос» («Авиация и космонавтика», 1988, № 4); Михайлов Ю. «За космос без оружия» («Авиация и космонавтика», 1983, № 12) и пр.

Еще один вектор исследуемой темы – угроза ядерной войны (ср.: современный рост ядерного напряжения между странами, договоренности России с ядерными державами – Северной Кореей и Ираном). С момента появления ядерного оружия у обеих держав оно стало, с одной стороны, сдерживающим моментом, с другой, – вызывающим серьезную угрозу (международное напряжение от осознания возможности Третьей мировой войны, ядерной войны, «ядерный» шантаж и пр.). «Произошло это в сентябре 1945 года на сессии Совета министров иностранных дел четырех великих держав в Лондоне. – Если вы не откажетесь от своей позиции, я выхвачу атомную бомбу из кармана и обрушу на вас. Так бесцеремонно заявил советской делегации государственный секретарь США Бирнс. Начиная с 1946 года правительство США не раз угрожало применением ядерного оружия против ряда стран, например, против Югославии (1946 год), Кореи (во время американской агрессии 1950–1953 гг.), в период суэцкого кризиса (1956 год), против Китая (1954 и 1958 гг.), в дни карибского кризиса (1961 год), против Ирана (1980 год) («Атомные маньяки», «Авиация и космонавтика», 1984, № 1). Отметим следующие материалы, посвященные данному вопросу: Коньков Н. «Вот она, ядерная опасность миру» («Авиация и космонавтика», 1968, № 4); Ефимов В., Косенюк Г. «Крылья ядерной триады» («Авиация и космонавтика», 1989, № 7) и пр.

Тема противостояния США и СССР четко прослеживалось в материалах рубрики «За рубежом». Авторы по материалам зарубежной печати писали о состоянии американских Военно-Воздушных Сил, о формирующейся системе космического шантажа, о химическом оружии в агрессивных планах НАТО, о новых или усовершенствованных моделях самолетов и тактике их действий и пр. (например, статья, «В воздухе шпионы Пентагона», «Авиация и космонавтика», 1971, № 4). Авторы публикаций в этой рубрике зачастую акцентировали внимание на неудачах или успехах в сфере иностранной авиации: «Зарубежные специалисты отмечают резкое возрастание стоимости проектирования, изготовления и эксплуатации современных самолетов» («Проблемы эксплуатации авиационной техники», «Авиация и космонавтика», 1970, № 2). Данному вопросу посвящены и

следующие материалы: Александров Б. «Автоматизированные системы самолетов-истребителей США», «Авиация и космонавтика», 1965, №3; Бузунов В. «Базирование тактической авиации НАТО» (там же); Листвин Н. «Кризис авиационной промышленности Англии и американская конкуренция», «Авиация и космонавтика», 1965, № 5; Петров М. «Тихоокеанский полигон США», «Авиация и космонавтика», 1965, № 8; Сафронов П. «Тактическая авиация империалистических стран. Тенденции развития», «Авиация и космонавтика», 1965, № 11; Краснов А. «Способы действий и тактические приемы разведывательной авиации США», «Авиация и космонавтика», 1967, № 1 и пр.

Подчеркнем, что в современном противостоянии России и США вновь активнейшее участие принимает Великобритания, своеобразный «серый кардинал» международной политики. В № 3 «Авиации и космонавтики» за 1988 год опубликована статья В. Рощупкина «Особая роль» Лондона», в которой подчеркиваются конъюнктурные политические интересы Лондона, объединяющие его с самой могущественной империалистической державой. Ведь Великобритания фактически поддерживает воинственный, агрессивный курс США на международной арене, их неоглобалистские усилия: «Британский министр обороны Дж. Янгер, например, заявил недавно, что сегодня западные союзники нуждаются в сильном руководстве. Он полагает, что единственной страной, способной на это, является Великобритания “с ее уникальными связями с США”. Уже сейчас, подчеркнул министр, Англия играет в НАТО центральную роль и несет на себе огромную ответственность за обеспечение силы и единства этого союза. В то же время глобалистские амбиции Лондона отлично уживаются с верноподданническими поклонами в сторону Вашингтона и его имперской, подрывной политики против народов, сражающихся на фронтах антиимпериалистической, антиколониальной борьбы. В частности, тот же глава военного ведомства Великобритании оправдывал неблаговидную роль США в тайных поставках оружия никарагуанским “контрас”, приобретенного на деньги, вырученные от противозаконной продажи техники и вооружения Ирану».

Интереснейший аспект исследуемой темы – еще одно противостояние, обострившееся после Второй Мировой войны, – Израиль и арабский мир. В журнале «Авиация и космонавтика» обнаруживаем материалы, подтверждающие причины данного конфликта на современном этапе. «15 мая 1948 года Израиль развязал свою первую войну против арабских» государств. С тех пор вот уже 35 лет Ближний Восток не знает мира и спокойствия. В результате сионистской агрессии десятки тысяч людей погибли, миллионы лишились крова. Для каждого трезво мыслящего человека абсолютно ясно, что ответственность за преступления Израиля в полной мере ложится и на Вашингтон, который вооружает и финансирует агрессора, обеспечивает Тель-Авиву политическое прикрытие, подталкивает его на новые антиарабские военные авантюры. Без поддержки США Израиль не смог бы осуществлять политику «с позиции силы». Что побуждает Соединенные Штаты к сотрудничеству с сионистским государством! Секрета здесь нет. Прежде всего соображения экономического порядка» (Сергунин А. «Кровавое сотрудничество», «Авиация и космонавтика», 1984, № 1). Данная тема раскрывается и в следующих материалах: Макунин Ю. «Гонка авиационных вооружений в Израиле», «Авиация и космонавтика», 1975, № 11; Черноусько Л. «Сионизм: террор, милитаризм, агрессия», «Авиация и космонавтика», 1986, № 3 и пр.

В контексте данного исследования необходимо обозначить ключевые функции издания, которые способствовали ведению информационной войны. Это, прежде всего, агитационная и пропагандистская функции: распространение фактов, взглядов, аргументов, информации с целью манипулирования сознанием людей и формирования нужного общественного мнения в условиях информационной войны.

В материалах издания целенаправленно подчеркивается противоборство двух линий в мировой политике – СССР, страны социализма (Россия и сторонники ее политического курса) и США, страны капиталистического мира (США, страны НАТО). Приведем фрагмент из речи В. Андропова, опубликованной в журнале: «Произошло небывалое обострение борьбы двух мировых общественных систем. Реакционные круги, определяющие

внешнюю политику США, других стран империализма, опираясь на агрессивные военные блоки, стремятся проводить единственный, великодержавный курс, накаляют международную обстановку до опасных пределов. Вместе с тем буржуазные политики и идеологи пытаются убедить мировую общественность, народы своих стран в мнимой агрессивности СССР, всячески раздувают миф о “советской военной угрозе”. Цель этих измышлений – оправдать развязанную милитаристами гонку вооружений. Совершенно иное направление имеют международная деятельность и внешняя политика Советского Союза, братских стран социализма. Свои усилия эти государства сосредоточивают прежде всего на сохранении и упрочении мира, выступают против военной конфронтации, усиления опасности ракетно-ядерной войны. Отстоять мир – нет сейчас более важной задачи в международном плане для нашей партии, нашего народа, да и для всех народов планеты» («Политика мира против военной конфронтации», «Авиация и космонавтика», 1984, № 1).

Не оставляет без внимания журнал и деятельность СМИ, выступающих в роли пропагандистского оружия США, например, информационного агентства ЮСИА. «С момента создания в 1942 году радиостанции “Голос Америки” ей всегда уделялось первостепенное внимание, она неизменно получала на свои нужды крупные финансовые средства. Вольно или невольно выбалтывались истинные цели модернизации “Голоса Америки”. Так, председатель Совета международного вещания Уаттенберг призвал конгрессменов задуматься над тем, что “каждый доллар, истраченный на нужды международного радиовещания, дает больший эффект с точки зрения национальной безопасности США, чем доллар, вложенный в программы Пентагона”. Таким образом, дело, конечно, не в мнимом отставании ЮСИА в технической оснащенности, а в том, что американский империализм, не оставляя надежд на сокрушение социализма военным путем, делает одновременно ставку на достижение превосходства в области средств идеологической борьбы, противоборства в духовной сфере. Инструмент для этого – социальная ложь, клевета, разнесенные по миру сотнями “радиоголосов” и публикаций. Объявив Советский Союз “врагом номер один”, Белый дом подключил к “крестовому

походу” все звенья государственного аппарата, действующие в тесном взаимодействии с военно-промышленным комплексом. Он установил контроль над планированием и проведением пропагандистских кампаний и акций, над средствами массовой информации и “мозговыми центрами” антикоммунизма и антисоветизма» (Амельченко В. «ЮСИА – рупор радиоразбоя», «Авиация и космонавтика», 1986, № 11).

В материалах журнала создается положительный образ Советского союза, его правительства, его народа, его союзников: «Советский народ бдительно следит за агрессивными происками реакционных сил империализма. Политика разрядки и готовность дать решительный отпор агрессору, откуда бы он ни появился, воедино слиты в политике КПСС. Это – ее принципиальная линия, подтвержденная XXV съездом и нашедшая свое отражение в Конституции СССР» («Охраня великое созидание», Авиация и космонавтика, 1980, № 2). Во всех материалах Советский Союз стоит на защите безопасного мира, противостоит объединенному западному агрессору: «Последовательно отстаивая мир и международную безопасность, Советское государство поддерживает и впредь будет поддерживать на самом высоком уровне свою обороноспособность» («Из тезисов ЦК КПСС», «Авиация и космонавтика», 1967, № 8).

Для создания негативного образа врага, противника, используются экспрессивно маркированные слова: «Однако в мире продолжают действовать агрессивные империалистические силы. Они делают ставку на форсирование гонки вооружений, подрыв разрядки, размещение нового американского ракетно-ядерного оружия в Западной Европе» («Охраня великое созидание», «Авиация и космонавтика», 1980, № 2). Отсюда и достаточно экспрессивные заголовки медиатекстов (Леонтьев А. «“Псы дьявола”» терпят поражение», «Авиация и космонавтика», «Авиация и космонавтика», 1966, № 6; Леонтьев А. «Кровавый полигон» Пентагона», «Авиация и космонавтика», 1966, № 1; Бабич В. «Воздушные разбойники маневрируют», «Авиация и космонавтика», 1967, № 5; Романов В. «Управление» разбоем», «Авиация и космонавтика», 1967, № 11; Федоров В. «И специальные самолеты агрессору не помогут», «Авиация и

космонавтика», 1967, № 9; Леонтьев А. «Виновны в бесчеловечности», «Авиация и космонавтика», 1968, № 6; Смолин А. «Техническое обеспечение *варварских налетов*», «Авиация и космонавтика», 1968 № 3; Дубров В. «Агрессор испытывает новые самолеты», «Авиация и космонавтика», 1968, № 4; Александров М. «Звездные воители» и «*бизнес смерти*», «Авиация и космонавтика», 1986, № 3; Рубин В. «Для *разбоя* «с чистой совестью», «Авиация и космонавтика», 1981, № 12; Гладков Д. «Для *агрессии и разбоя*», «Авиация и космонавтика», 1984, № 5; Лещенко Д., Черноусько Л. «Химическое оружие в *агрессивных* планах НАТО», «Авиация и космонавтика», 1989, № 2; Сергунин А. «Лобби *фабрикантов смерти*», «Авиация и космонавтика», 1984, № 10 и пр.

Практически в каждом из представленных материалов сделан акцент на агрессивной политике США, на их милитаристских амбициях. Так, в статье А. Тимофеева «Откуда исходит угроза миру» отмечен интересный момент: чем больше Советский Союз призывает США к миру, тем больше противник вооружается: «Время позволило подметить интересную закономерность: чем инициативнее выступает Советский Союз с мирными предложениями по космосу, тем холоднее к ним относится американская сторона. И другое. Чем дальше уносит нас время от исторического запуска первого искусственного спутника Земли и полета первого человека в космос, тем больше сгущаются тучи войны в космосе и из космоса. Отчего это происходит? В Вашингтоне причину этого видят якобы в «военном превосходстве СССР в космосе». Лживость пропагандистских разглагольствований американских политиков становится вполне очевидной, стоит только обратиться к истории. Сразу после запуска первого ИСЗ в США заговорили о «советской военной угрозе в космосе». После полета Ю. А. Гагарина рассуждения на эту тему стали появляться все чаще. Судьей им выступило время. Мы стали свидетелями того, как, используя пропагандистскую шумиху, США сами начали милитаризацию космоса. Сначала на острове Кваджелейн в 1963 году, а потом на острове Джонстон в 1964 году они создали одну за другой противоспутниковые

системы» (Тимофеев А. «Откуда исходит угроза миру», «Авиация и космонавтика», 1984, № 4).

В публикации полковника Р. Клюева в рубрике «Боевые самолеты капиталистических стран» речь шла о новых истребителях-бомбардировщиках F-111 Военно-Воздушных Сил США. Значительное внимание уделяется их преимуществам, однако до сих пор длившееся противостояние сверхдержав сделало свой отпечаток в экспрессивной окраске текстов: «Гонка вооружений в западных странах форсируется под неблагоприятным и насквозь лживым предлогом «советской военной угрозы» («F-111 и его модификации», «Авиация и космонавтика», 1980, № 1). В статье «Конвейер воздушных пиратов» кандидат педагогических наук И. Ладанов писал о том, как «американский империализм огнем и мечом пытается истребить народы Юго-Восточной Азии, вставшие с оружием в руках за свое освобождение». Полковник называет войну агрессивной и задается вопросами: «Кто же эти люди, совершающие столь чудовищные преступления? Как они стали хладнокровными и безрассудными убийцами?» («Конвейер воздушных пиратов», «Авиация и космонавтика», 1971, № 6).

«Холодное» противостояние, прошедшее в своей истории уже несколько витков развития (конец 40х-годов XX века и «Фултонская речь» У. Черчилля, июнь 1982 года и выступление Р. Рейгана), сегодня вступило в новую – острейшую фазу своего развития. Активнейшую роль в идеологической борьбе принимают СМИ обеих сторон, развернувшие настоящую психологическую войну, включающую пропаганду, провокации, фейки и пр.

В условиях современной геополитической обстановки, когда противостояние мировых держав вновь приобретает характер обострившейся «холодной войны», роль медиа, их информационно-просветительская, агитационно-пропагандистская функции актуализируются многократно.

Мы видим, что риторика современных материалов и публикаций времен «холодной войны» во многом тождественны. Тем более пристальным должно быть внимание к историческим источникам, фиксировавшим ход развития конфликта. Медиа в современных условиях геополитической конфронтации, как и СМИ в период «холодной войны», выступают ареной, на которой

державы демонстрируют политические маневры, предъявляют заявления и угрозы, представляют новинки вооружения и анонсируют стремительное развитие оборонно-промышленного комплекса.

Список литературы

1. Орлов, А. С. Воздушная разведка США над территорией СССР в 1950 – 1955 гг. / А. С. Орлов // Новая и новейшая история. – 2000. – № 6. – С. 35–48.

2. Шашкова, Е. В. Периодика отечественной военной авиации (1900 – 1950-е годы): этапы становления, жанрово-тематическое и функциональное своеобразие / Е. В. Шашкова // Наука о человеке: гуманитарные исследования. – 2024. – Том 18. – № 2. – С. 81–94.

Shashkova Elena Viktorovna,

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor

Dostoevsky Omsk State University

shashkova-lenochka@list.ru

«Cold» Confrontation: The Experience of Informational Warfare on the Pages of Soviet Aviation Periodicals

After the end of World War II, a confrontation began between two superpowers – the USSR and the USA, manifested primarily in the buildup of their military potential. Aviation played a strategically vital role during this period. And the pages of aviation periodicals became a platform for a true information war. Today, Russia and the USA are experiencing a new wave of ideological and military confrontation. And the experience of conducting «cold» war in the media is becoming relevant. This factor underscores the relevance of the presented study.

Keywords: Cold War, Soviet aviation, aviation periodicals, information warfare.

ОБРАЗ И СТЕРЕОТИП В МЕДИА: ПУТИ ФОРМИРОВАНИЯ

УДК [821.161.1-31.09:929 Яхина] : 39 (=512.145)

Бочацкая Анна Александровна,
старший преподаватель
кафедры английской и восточной филологии
ФГБОУ ВО ЛНР «Луганский государственный
педагогический университет»
Dancinglady94@yandex.com

Образ женщины в литературе Гузель Яхиной как средство культурной репрезентации России в медиадискурсе

В статье рассматривается, как образы женщин в произведениях Гузель Яхиной служат средством культурной репрезентации России в медиадискурсе. Анализируя произведения Г. Ш. Яхиной, авторы исследуют, как женские образы в контексте татарской культуры и исторических событий становятся символами национальной идентичности и социальной борьбы, отражая более широкие культурные и политические процессы. Исследование показывает, как эти образы служат отражением более широких социальных и культурных изменений, а также раскрывает механизмы культурной репрезентации через литературу в глобальном медиадискурсе.

Ключевые слова: женщина, Гузель Яхина, культурная репрезентация, медиадискурс, татарская культура, национальная идентичность, историческая память.

В последние десятилетия в литературе особое внимание уделяется вопросам репрезентации женского образа – это связано с растущим интересом к проблемам гендера и идентичности. В контексте российской литературы XXI века Гузель Яхина представляет собой уникальное явление: её романы, в которых

центральное место занимает фигура женщины, привлекли не только широкую читательскую аудиторию, но и стали объектом научного анализа [1]. Исследование образа женщины в её произведениях позволяет глубже понять, как через литературные тексты передаются культурные коды и национальные ценности.

Образ женщины в творчестве Г. Ш. Яхиной нельзя рассматривать вне контекста её национальной принадлежности и исторической эпохи – татарская культура, религиозные традиции и исторические потрясения оказывают значительное влияние на формирование личности героинь. Это создает многослойный художественный текст, в котором личная драма героини тесно переплетается с коллективной историей народа. В условиях несвободы – физической, психологической и социальной – женский образ становится символом борьбы за выживание и сохранение внутренней свободы.

Актуальность исследования обусловлена тем, что в современном медиадискурсе образ женщины в литературе используется как средство культурной репрезентации России. Через образы героинь Г. Ш. Яхиной транслируются идеи о национальной идентичности, исторической памяти и роли женщины в обществе. Анализ этих образов позволяет выявить, как литература формирует и поддерживает определенные культурные стереотипы, а также как эти стереотипы воспринимаются в международном контексте.

Новизна исследования заключается в том, что образ женщины в произведениях Гузель Яхиной рассматривается не только с точки зрения гендерного анализа, но и как важный элемент медиадискурса, через который Россия представляется миру. Взаимосвязь между литературным текстом и медиaprостранством открывает новые перспективы для изучения механизмов культурной репрезентации – исследование выявляет, каким образом художественная литература становится частью глобальной коммуникации.

Цель данной статьи – исследовать, как через образ женщины в литературе Гузель Яхиной осуществляется культурная репрезентация России в медиадискурсе, и определить, какие

аспекты национального характера и исторической памяти оказываются ключевыми в этом процессе.

Произведения Гузель Яхиной представляют собой сложный сплав традиционных и современных подходов к изображению женского образа, что делает их объектом глубокого анализа. В её романах традиционные женские роли и стереотипы трансформируются, что особенно очевидно в контексте истории и культуры татарского народа. Так, героини Г. Ш. Яхиной начинают как символы традиционных женских обязанностей и ожиданий, однако их развитие и внутренние трансформации привносят в их образы новые, более сложные и многогранные черты.

Традиционные женские образы в произведениях Г. Ш. Яхиной, такие как материнство и семейные обязанности, представлены с акцентом на их внутренние конфликты и противоречия [1]. Например, в романе «Зулейха открывает глаза» главная героиня Зулейха предстает перед читателем как покорная жена и мать, но её путь в условиях лагеря позволяет ей преодолеть эти традиционные границы. Показанные через призму страданий и борьбы, её материнские чувства и семейные роли эволюционируют, демонстрируя, что традиционные роли могут стать основой для внутренней силы и свободы.

Однако, этот переход от традиционного к новому не происходит линейно – женские персонажи Г. Ш. Яхиной переживают внутренние и внешние конфликты, которые преобразуют их роли и образы. Как следствие, героини начинают активно сопротивляться традиционным ожиданиям, открывая новые грани своего существования [1]. Зулейха, преодолевая внутренние и внешние испытания, превращается из покорной жены в самостоятельную личность, что позволяет ей не только выжить, но и стать активным участником изменений, происходящих в её жизни.

Национальный характер играет ключевую роль в формировании женских образов в произведениях Гузель Яхиной, что связано с глубокими культурными и историческими корнями. Татарская культура, исламские традиции и исторические испытания оказывают значительное влияние на то, как изображаются героини, их внутренние качества и взаимодействие с

окружающим миром [2; 3]. В этом контексте национальный характер становится не просто фоном, но и активным элементом, формирующим личные и коллективные идентичности.

Формирование женских образов происходит на стыке традиционных национальных особенностей и личного опыта героинь. В романе «Зулейха открывает глаза» Зулейха, несмотря на свою приверженность традициям, становится символом изменений, происходящих в её жизни и культуре. Национальные особенности, такие как уважение к материнству и семейным узам, отразились в её поведении и решениях, но также они стали основой для её внутренней борьбы и трансформации. Эта двойственность – соблюдение традиций и стремление к личной свободе – отражает сложные процессы, происходящие в её жизни и в культуре в целом.

Важным аспектом является то, как национальные стереотипы и традиции взаимодействуют с индивидуальными чертами героинь. На фоне исторических и культурных реалий татарской жизни Г. Ш. Яхина изображает женский образ как предмет внутреннего конфликта и социальной борьбы [1]. Эти внутренние и внешние конфликты являются катализаторами для изменений в образе женщины, демонстрируя, как национальные традиции могут как ограничивать, так и способствовать личностной трансформации.

В романе Гузель Яхиной «Зулейха открывает глаза» женственность и материнство выступают не просто как личные качества героини, но и как ключевые элементы, определяющие её внутреннее развитие и борьбу за выживание [1]. Женственность Зулейхи изначально представлена через её приверженность традиционным ролям жены и матери, что явно отражается в её отношениях с мужем и семьей. Этот образ традиционной женщины, сфокусированной на семье и подчинении мужу, служит отправной точкой для дальнейшего анализа её внутреннего мира и личной трансформации.

Материнство в романе Г. Ш. Яхиной становится центральной темой, вокруг которой вращается развитие главной героини. В условиях жестоких реалий трудового лагеря материнские чувства Зулейхи не только определяют её поведение, но и становятся источником её силы и мотивации. Несмотря на

тяжёлые условия, материнство остаётся её моральным и эмоциональным оплотом, благодаря которому она сохраняет человеческое достоинство и стремление к свободе. Сцены, где она взаимодействует с сыном Юзуфом, пронизаны глубокой эмоциональной нагрузкой, подчеркивающей её внутреннюю стойкость и любовь.

Ключевое значение материнства в романе также проявляется в том, как Зулейха использует свою материнскую идентичность для преодоления внешних и внутренних трудностей [2]. Её стремление защитить сына от лишений и опасностей становится двигателем её личной трансформации, позволяя ей переходить от пассивного существования к активному сопротивлению. Материнская любовь и забота оказывают значительное влияние на её способность противостоять давлению со стороны системы, показывая, что традиционные женские роли могут стать основой для героизма и сопротивления.

В романе «Зулейха открывает глаза» женский характер представлен как комплексный и многослойный, что особенно заметно в условиях несвободы. Зулейха, несмотря на свою изначальную покорность и приверженность традиционным ролям, сталкивается с внутренними противоречиями, которые вынуждают её пересмотреть своё место в мире и свою собственную идентичность. Эти противоречия становятся основой её внутренней борьбы, раскрывая, как внешние ограничения и внутренние конфликты влияют на формирование личности.

Отличительной чертой женского характера Зулейхи является её способность к самоанализу и внутреннему сопротивлению, которые проявляются в её действиях и размышлениях. В условиях лагеря, где каждая ошибка может стоить жизни, её противоречивые чувства и мысли становятся ключевыми для её выживания. С одной стороны, она привержена традиционным ценностям, с другой – вынуждена нарушать эти нормы ради собственного выживания и защиты сына. Эта двойственность проявляется в её отношении к окружающим и собственным моральным выборам.

Несвобода, в которой оказывается Зулейха, обостряет её внутренние конфликты и противоречия. С одной стороны, она

вынуждена подчиняться новым правилам и требованиям лагеря, которые противоречат её прежним жизненным принципам. С другой стороны, именно в условиях крайней несвободы она обретает новые источники силы и решимости, которые позволяют ей бросить вызов обстоятельствам. Эти внутренние противоречия подчеркивают сложность её характера и значимость её борьбы за личную свободу.

Таким образом, противоречивость женского характера в романе Г. Ш. Яхиной становится центральным элементом, раскрывающим, как внешние ограничения и внутренние сомнения формируют личность героини. В условиях несвободы Зулейха становится символом внутреннего сопротивления и самоопределения, что придаёт её образу особую глубину и многогранность.

В медиадискурсе репрезентация России через женский образ представляет собой многослойное явление, в котором женский персонаж становится не только символом, но и важным компонентом культурной идентичности и политического контекста страны [3]. В произведениях Гузель Яхиной женский образ часто оказывается ключом к пониманию более широких социальных и культурных процессов, происходящих в России. В романе «Зулейха открывает глаза» женская фигура служит носителем и отражением национальных и исторических реалий, создавая глубокий культурный контекст.

Женский образ в романе Г. Ш. Яхиной представляет собой не только личность, но и своего рода «фокус» для отражения более широких социальных изменений. Зулейха, как главная героиня, становится символом изменений, происходящих в российском обществе, что особенно ярко проявляется в контексте её борьбы за выживание в условиях исторических катастроф [1; 4]. Как замечает один из критиков, «Зулейха воплощает в себе переход от традиционного образа женщины к новому пониманию её роли в обществе» [1], что позволяет глубже понять, как изменения в личной жизни героини отражают изменения в стране.

Кроме того, репрезентация России через женский образ в медиадискурсе также включает в себя аспект национальной идентичности. В романе Г. Ш. Яхиной Зулейха предстает как

представительница татарского народа, что добавляет дополнительный слой в интерпретацию её образа. Через её судьбу и испытания раскрываются аспекты национальной культуры и исторической памяти: «На фоне её личной трагедии разворачивается большая национальная драма» [1]. Это подчеркивает, как индивидуальные переживания героини связаны с более широкими историческими и культурными процессами.

Женский образ в медиадискурсе также становится инструментом для критического осмысления социальных и политических реалий. В произведении «Зулейха открывает глаза» через призму личного опыта главной героини раскрываются проблемы власти, угнетения и борьбы за личные права. Это явное проявление социального контекста, где женская фигура используется для отображения и анализа сложных политических и социальных вопросов. Как отмечается в критических обзорах, «героиня становится метафорой сопротивления и стремления к свободе» [1], что способствует более глубокому пониманию общественных настроений и социальных изменений.

В конечном итоге, репрезентация России через женский образ в медиадискурсе отражает сложное взаимодействие между индивидуальными и коллективными переживаниями. В романе Г. Ш. Яхиной женская фигура становится символом не только личных испытаний, но и более широкой социальной борьбы. Это взаимодействие подчеркивает, как женские образы в литературе и медиадискурсе могут служить зеркалом, отражающим не только личные драмы, но и более глобальные культурные и политические процессы.

Таким образом, в статье продемонстрировано, как женский образ становится одним из ключевых элементов культурной репрезентации России. Образ Зулейхи служит зеркалом, отражающим не только личные испытания героини, но и более широкие социальные и культурные процессы. Женственность и материнство в произведении Г. Ш. Яхиной играют центральную роль, позволяя исследовать изменения в российском обществе через призму индивидуальных и коллективных переживаний. В условиях трудового лагеря материнская любовь и женская сила Зулейхи становятся катализаторами её сопротивления и борьбы за

свободу. Эти аспекты её личности не только помогают ей выживать, но и символизируют стремление к личной и социальной свободе, что подчеркивает важность женской фигуры для понимания темы несвободы. Кроме того, через личные испытания Зулейхи раскрываются аспекты национальной идентичности и культурной памяти татарского народа. Таким образом, литературный образ Зулейхи в медиадискурсе служит важным инструментом для репрезентации российской культурной и социальной действительности.

Список литературы

1. Жулькова, К. А. Особенности изображения женского национального характера в романе Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза» / К. А. Жулькова // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7: Литературоведение. – 2020. – № 3. – С. 161–165.

2. Герасимова, Т. А. Репрезентация национального характера в романе Гузель Яхиной «Зулейха открывает глаза» / Т. А. Герасимова, Г. Н. Божкова // Аллея науки. – 2019. – Т. 1, № 10 (37). – С. 244–250.

3. Болдырева, Е. М. Мотивные переключки в романах Гузели Яхиной «Зулейха открывает глаза» и Лизы Си «Снежный Цветок и заветный веер» / Е. М. Болдырева, Т. Ж. Калинина // Верхневолжский филологический вестник. – 2020. – № 2 (21). – С. 80–91.

4. Багратион-Мухранели, И. Л. Трансформация классического немецкого фольклора в романе Гузель Яхиной «Дети мои» / И. Л. Багратион-Мухранели // Парадигмы переходности и образы фантастического мира в художественном пространстве XIX – XXI вв. : коллективная монография. – Нижний Новгород : Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, 2019. – С. 327–333.

Bochatskaya Anna Alexandrovna,
Senior Lecturer at the Department of English and Oriental Philology
Luhansk State Pedagogical University
Dancinglady94@yandex.com

The image of a woman in Guzel Yakhina's literature as a mean of cultural representation of Russia in the mediadiscourse

The article examines how the images of women in Guzel Yakhina's works serve as a mean of cultural representation of Russia in the media discourse. Analyzing Yakhina's works, the authors explore how female images in the context of Tatar culture and historical events become symbols of national identity and social struggle, reflecting broader cultural and political processes. The study shows how these images serve as a reflection of broader social and cultural changes, as well as reveals the mechanisms of cultural representation through literature in the global media discourse.

Keywords: woman, Guzel Yakhina, cultural representation, media discourse, Tatar culture, national identity, historical memory.

Емченко Наталия Александровна,
старший преподаватель
кафедры журналистики и издательского дела
ФГБОУ ВО «Луганский государственный
педагогический университет»
emchenko.natali@gmail.com

Образ России и Запада в отечественных интернет-СМИ

В период глобальной информатизации общества интернет-СМИ играют ключевую роль в ведении информационных войн. Одним из важных аспектов в таком противостоянии, является формирование образа государства как внутри страны, так и за ее пределами. В рамках исследования был проведен анализ российских онлайн-СМИ и определены ключевые подходы к формированию имиджа России и стран Запада.

Ключевые слова: интернет-СМИ, противостояние Россия-Запад, информационные войны, образ России.

В современном мире информационные технологии играют ключевую роль в формировании общественного мнения и ведении информационных войн. Интернет-СМИ стали одним из самых мощных инструментов в этом процессе, который позволяет оперативно распространять информацию.

Цель данной статьи провести анализ известных российских интернет-СМИ и выявить основные подходы к формированию образов Росси и Запада в условиях информационной войны.

Российские интернет-СМИ являются достаточно специфическим явлением на глобальном рынке. При условиях информационной войны в них присутствует явная политическая составляющая, которая отражается на содержании материалов и уровне обработки новостей. Один из основных элементов такой политизации – это формирование образа России и Запада.

В последние годы Россия активно выходит на мировую арену, стремится укрепить свои позиции и защитить свои интересы. Это вызывает определенную тревогу со стороны Запада, который видит в этом угрозу своей безопасности и ценностям. Таким образом, возникает конфликт интересов, который отражается в информационном противостоянии.

Российские интернет-СМИ активно используют этот конфликт, формируя образ России и Запада через призму своих политических взглядов. В российских СМИ Запад часто представляется как агрессор, который пытается навязать свою волю всему миру. Особое внимание уделяется деятельности США и Евросоюза, которые критикуются за несправедливое отношение к России.

Исследования показывают, что современные СМИ, электронные в первую очередь, формирующие информационное пространство сегодня, оказываются технологически оптимальным способом воздействия на массовое сознание.

Например, американские аналитики говорят о медиавойне, которая создает очень сильный временной прессинг на лиц, принимающих решения, не оставляя времени для консультаций и анализа последствий принимаемых решений. Следовательно, теперь противник может достигать своих целей не только военными методами, но и чисто гражданскими.

Информационная война становится более актуальной проблемой в современном мире, учитывая все распространенность цифровых технологий и быстрое развитие средств массовой коммуникации. Именно поэтому, особенное внимание ученых обращается на разработку стратегий и тактик ведения информационной войны и защиту от ее последствий и выводов той или иной стороны [5, с. 101].

Г. Г. Почепцов говорит о том, что информационная война – это «коммуникативная технология по воздействию на массовое сознание с кратковременными и долговременными целями» [4, с. 84].

Российский политолог А. В. Манойло определил информационную войну как «процесс противоборства человеческих общностей, направленный на достижение

политических, экономических, военных или иных целей стратегического уровня, путём воздействия на гражданское население, власти и (или) вооружённые силы противостоящей стороны, посредством распространения специально отобранной и подготовленной информации, информационных материалов, и, противодействия таким воздействиям на собственную сторону» [2, с. 44].

Ключевые принципы информационной войны в контексте Россия – Запад, по мнению ученых, заключаются в использовании информационных технологий для формирования определенной сознательности и мнения у населения другого государства. В качестве инструментария при этом используются социальные сети, мессенджеры, поисковые системы, новостные порталы и другие ресурсы, позволяющие воздействовать на широкую аудиторию в кратчайшие сроки и без больших затрат.

По мнению Е. М. Бабосова, «современный социум – это такое общество, социальная структура которого выстраивается вокруг сетей, активируемых людьми» [1, с. 196].

Электронные СМИ занимают важное место в информационном пространстве. Их влияние на общественное мнение, формирование политических и экономических решений, а также на развитие международных отношений становится все более значимым. Однако, в силу своей силы и влиятельности, онлайн-СМИ также могут использоваться в качестве инструмента информационных противостояний.

Электронные СМИ также могут быть использованы в качестве инструмента манипуляции общественным мнением. С помощью элементов психологии, построения заголовков и других технологий можно создать определенную картину мира и внушить ее читателям. Выборочная информация и возможность контроля дискуссии позволяют вести информационную борьбу в одном направлении.

В своем исследовании Н. Р. Мехтиева разделяет информационные войны на открытые и латентные. Открытые войны проходят между интернет-СМИ разного уровня, тогда как латентные проявляются в хакерских атаках в том числе в социальных сетях «... социальные сети служат удобным объектом

для хакерских атак закрытого типа и несанкционированного получения конфиденциальной информации» [3, с. 86].

Как отмечает А. Макаров, электронные СМИ имеют стратегическое значение для России в информационном противостоянии с Западом. Согласно его высказываниям, электронные СМИ могут использоваться в качестве важного инструмента в геополитических целях, который может способствовать повышению влияния России на международной арене.

Однако в то же время такой подход может иметь отрицательные последствия для международных отношений. Как отмечает К. Ларэс, использование электронных СМИ в информационных противостояниях может усугублять международный конфликт, а не решать его. Российские ученые отмечают, что использование электронных СМИ в целях манипуляции общественным мнением имеет ряд отрицательных последствий. Поэтому, необходимо разработать механизмы контроля и регулирования использования электронных СМИ в информационных противостояниях, чтобы минимизировать возможность их использования в целях ведения геополитических конфликтов и манипуляции общественным мнением.

Как пишет И. Бочарова, необходимо закрепить ответственность за распространение ложной информации в электронных СМИ и осуществлять мониторинг деятельности СМИ с целью выявления фейковых материалов. Также важно обеспечить прозрачность финансирования СМИ, которые могут использоваться в информационных противостояниях.

В процессе анализа российских интернет-СМИ, таких как: «Комсомольская правда», «РИА новости», «Аргументы и Факты», «Известия», «Лента.Ру», «Коммерсант» было выявлено, что отдельные издания проявляют более ярко выраженную политическую окраску при формировании образа России и США. Например, «Комсомольская правда» и «Известия» проявляют более четкую позицию, в то время как «Коммерсант» и «РИА новости» склонны к более умеренной, нейтральной линии.

Величие и могущество России, по мнению большинства российских журналистов, выражается в том, что страну описывают

как великую державу, которая стоит на страже мирового порядка: «Россия дважды спасала США. Третьего раза не будет» («Комсомольская правда»); «Россия встала на защиту русского мира, чтобы потом не было больно и стыдно» («РИА-Новости»); «В России народ неправильный»: Сергей Лавров жестко ответил Западу на слова о русских («Комсомольская правда»).

Второй аспект семантической доминанты «величие» связан напрямую с образом президента В. В. Путина. Участвуют также оценочные прилагательные: «решительный»; «волевой»; «дальновидный» и глаголы с положительной оценочной семантикой: «защищает», «отстаивает», «призывает», которые положительно воздействуют на адресата. Отношение Запада к В. В. Путину также выражается в оценке действий президента «Харрис описала Путина словами “съел бы Трампа на обед”» («Лента.Ру»), «В Германии назвали Путина гроссмейстером после слов о поддержке Харрис» («Лента.Ру»).

Проанализировав ряд работ по исследуемой теме, мы пришли к выводу, что образ России, формируемый в русскоязычных СМИ, необходимо рассматривать с разных сторон, учитывая не только события внутри страны, но и международную обстановку.

Формируя международный образ России как «своей» страны, журналисты противопоставляют его образу «коллективного» Запада. За счет использования различных языковых средств появляется чувство неуважения и настороженности, а также формируется у массового читателя нужное представление о противнике, что является важной составляющей информационного противостояния.

В кризисные периоды истории возрастает роль прессы, конструирующей медийную картину мира. В российской прессе Запад выступают в образе агрессора, который угрожает другим странам. Также в противовес «величию» России выступает «трусость» США. СМИ чаще освещают упадок сил Запада на мировой арене: «Самая звонкая пощечина от России со времен Петра I: НАТО тайно оплакивает своих инструкторов, накрытых на Украине ударом “Искандера”» («Комсомольская правда»).

В материалах и заголовках исследуемых изданий часто встречаются оценочные прилагательные: «испуганные», «разочарованные» и глаголы с негативной оценочной семантикой: «задавить», «продырявить», «подорвать», «диктовать» (правила). Для описания деятельности политиков используются метафоры, связанные с амплуа актеров: «клоун», «шут», «герой», «персонаж», «первая скрипка» и др.

Образ России и Запада в российских интернет-СМИ может быть довольно разнообразным и зависит от многих факторов. Однако, в целом, можно выделить несколько основных тенденций.

В первую очередь, следует отметить, что образ России в отечественных интернет-СМИ, как правило, положительный. Россия часто представляется как великая держава, имеющая сильное влияние на мировую политику и экономику. В то же время, образ Запада в российских интернет-СМИ, как правило, негативный. Запад часто представляется как агрессор, стремящийся уничтожить Россию.

Однако есть и другие точки зрения. Некоторые российские интернет-СМИ представляют Россию как страну, находящуюся в тяжелом экономическом положении, но все же существуют перспективы для развития. А Запад представляется как образец для подражания, поскольку там живут свободные и процветающие люди.

В результате анализа было выявлено, что в российской онлайн-прессе в целом существует тенденция к формированию негативного образа США, что проявляется в использовании отрицательных эпитетов и описаний, а также в привлечении к обсуждению негативных событий, происходящих в США. Представление России, в свою очередь, формируется более положительно, что проявляется в использовании эпитетов и описаний со значением «сильный», «мощный», «влиятельный».

Это показывает представление о Западе как о противнике России, который ведет против нее «войну» (психологическую, торговую, информационную, санкционную) и всячески пытается ее приручить.

Таким образом, информационная война является новой реальностью нашего времени, главным оружием которой

выступают интернет-СМИ и социальные сети. Необходимо уметь бороться с ней и использовать средства информационной войны для защиты национальных интересов, но не нарушать права и свободы народа. Возможность эффективной борьбы с информационной войной зависит от уровня информационной культуры населения и эффективности государственных органов и СМИ, что требует совместных усилий со стороны всех заинтересованных сторон.

Список литературы

1. Бабосов, Е. М. Роль креативности личности в развитии сетевого общества / Е. М. Бабосов. – Минск : Беларуская думка, 2019. – 300 с.

2. Манойло, А. В. Государственная информационная политика в особых условиях : монография / А. В. Манойло. – М. : Изд-во МИФИ, 2003. – 388 с.

3. Мехтиева, Н. Р. Информационные войны как «цифровой» аспект глобализации / Н. Р. Мехтиева // Век глобализации. – 2017. – № 3. – С. 77–89.

4. Почепцов, Г. Г. Информационные войны. Новый инструмент политики / Г. Г. Почепцов ; под ред. Е. Ю. Бузева. – М. : Алгоритм, 2015. – 256 с.

5. Талмазанов, А. Информационное влияние на общественное мнение в эпоху цифровых технологий / А. Талмазанов // Полис. Политические исследования. – 2018. – № 1. – С. 96–107.

Yemchenko Natalia Alexandrovna,
Senior Lecturer at the Department of Journalism and Publishing
Lugansk State Pedagogical University
emchenko.natali@gmail.com

The image of Russia and the West in domestic Internet media

In the period of global informatization of society, Internet media play a key role in waging information wars. One of the important aspects in such a confrontation is the formation of the image of the state both within the country and abroad. As part of the study, an analysis of Russian online media was conducted and key approaches to forming the image of Russia and Western countries were identified.

Keywords: Internet media, online media, Russia-West confrontation, information wars, image of Russia.

УДК 070.16

Кочергина Елизавета Сергеевна,
магистрант Института «Высшая школа журналистики
и массовых коммуникаций»
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»
St089761@student.spbu.ru

Научный руководитель:
кандидат социологических наук, доцент СПбГУ
Марьина Людмила Петровна

Цифровая эпоха театрального дискурса: новые форматы медиаконтента

Статья исследует актуальное состояние современного театра в России и освещение его цифровизации в медиа. Анализируются новые тенденции в театральной журналистике и

цифровом театре, подчеркивающие влияние новых технологий на взаимодействие зрителей с искусством. Рассматриваются изменения в эстетических и идеологических аспектах театрального дискурса в условиях цифровизации, а также роль журналистов как культурных посредников.

Ключевые слова: медиатизация, культурная динамика, новые форматы цифрового театрального дискурса, театральный дискурс, цифровой театр.

Несмотря на появление альтернативных развлекательных форм, театр продолжает оставаться важным элементом культурной среды, как свидетельствуют данные опроса, который провел ВЦИОМ в 2024 году. Исследование показало, что каждый четвертый россиянин регулярно посещает театры, что почти в два раза больше, чем в 2008 году. Однако есть определенная доля населения, которая редко или вовсе не посещает театры. В этом контексте особенно важным становится анализ развития цифрового театра, а также динамики взаимодействия театра с журналистикой в качестве одного из аспектов продвижения театрального искусства и изучение влияния этого взаимодействия на культурный ландшафт и информационную среду.

Цифровые платформы значительно увеличили оперативность, актуальность и доступность информационных материалов. Театральные журналисты, выражая свое мнение о театральных событиях, раскрывают собственные морально-психологические и эстетические установки, а также предоставляют культурные ориентиры своим читателям для формирования социального смысла и образа жизни. Журналист в этом контексте играет роль переводчика нравственных замыслов и одновременно выступает как индивидуальность с собственной системой ценностей и смыслов, что отражается в его реакции на произведение и влияет на формирование норм аудитории театра.

Новизна работы определяется влиянием цифрового театра на театральную медиасистему. Цифровой театр представляет собой новое направление в сфере театрального искусства, зарождение которого обусловлено цивилизационным фактором. С развитием современных технологий стали активно использоваться новейшие

возможности для создания спектаклей, доступных для просмотра в онлайн-режиме. Данный вид театра обладает мобильностью и возможностью неограниченного временного периода. Более того, цифровой театр позволяет применять специальные эффекты, которые увеличивают эмоциональную составляющую театрального искусства.

Цель исследования – определить влияние цифровизации на современную театральную жизнь, специфику её продвижения в медиасфере, обеспечение психологической безопасности общества в современной геополитической ситуации.

В работе используются как теоретические, так и эмпирические методы исследования такие, как: структурно-функциональный анализ, наблюдение, контент-анализ. Эмпирическую базу исследования составила социокультурная динамика деятельности БДТ им. Г. А. Товстоногова.

Цифровая трансформация не осталась в стороне от театральной индустрии, привнося свои особенности и изменяя традиционные подходы к журналистике о театре. Вместе с развитием цифровых технологий театральная журналистика переживает изменения, отражающиеся не только в способах создания и распространения материалов, но и в самом характере взаимодействия между зрителем и театром. Новые медийные платформы, онлайн-трансляции спектаклей, виртуальные экскурсии за кулисы театрального процесса – все это открывает новые горизонты для театральной журналистики и придает ей новую динамику в цифровой эпохе [10, с. 203].

Также особую роль в этих изменениях играет цифровой театр – новое направление в искусстве. Е. С. Дорошук отмечает, что это гибридная современная интерпретация древнего искусства, в которой используются современные компьютерные технологии и элементы интерактивности [4, с. 32].

Цифровой театр представляет собой форму театрального искусства, созданную с применением современных технологий. В России наблюдается увеличение интереса к данному виду театрального выражения с начала 2010 года [3, с. 56]. Проведя анализ научных публикаций исследователей, мы сформулировали обобщающее определение цифрового театра как уникального вида

искусства, объединяющего в себе гибридные и многоаспектные характеристики. Он базируется на традиционных принципах театрального искусства, однако представлен в более модернизированной форме с использованием современных цифровых и digital технологий.

В России появление цифрового театра связывают с режиссером Андреем Могучим [3, с. 60]. Он впервые соединил традиционные инструменты театрального спектакля и передовые информационные технологии в 2012 году на IV фестивале-лаборатории современного искусства «Театральное пространство Андрея Могучего (ТПАМ)». В рамках этого фестиваля зрители имели возможность наблюдать через интернет за всеми этапами создания мультимедийного проекта-спектакля по роману «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского.

Период пандемии стал периодом расцвета цифрового театра. Именно тогда, из-за сложившихся условий, стало понятно, что для создания цифрового театра может использоваться широкий спектр современных технологий, социальные сети, электронная почта, мессенджеры, звонок и аудиозапись, программы Minecraft, Sims и другие, а также современные технологии дополненной реальности. В. В. Сердечная определяет «цифровой театр», как «постановки, созданные режиссерами и актерами вместе со специалистами по технологиям, в цифровой среде и для ее пользователей» [7, с. 25]. А. Т. Веллингтон же утверждает, что «цифровой театр» «является гибридной (или иначе многосоставной) формой искусства, основанной на идее традиционного театра, в котором есть действие, выражающее себя как зрелище, и зрители, его воспринимающие» [2, с. 218]. В современной геополитической ситуации цифровой театр обеспечивает психологическую безопасность общества. Историческое становление цифрового театра обусловлено взаимодействием данного вида искусства с многими смежными направлениями, такими как современное искусство, хэппенинги, акции, флешмобы, социальные опросы и цифровое искусство в целом. Такое взаимодействие стало причиной глобального развития цифрового театра и созданию условий для практического применения современных технологий в театральном искусстве.

В данном контексте медиа выполняют функцию продвижения и популяризации нового культурного явления.

«На современном этапе развития театра, особенно в эпоху COVID, возникла необходимость в теоретическом осмыслении такого развивающегося явления как цифровой театр» [6, с. 10]. 2020 год стал новым толчком развития цифрового театра. Пандемия заставила всех перейти в мир цифры и осваивать искусство именно через медиaprостранство. Театры не остались в стороне и тоже присоединились к разработке новых форм цифрового сценического искусства. Безусловно, одним из самых крупных примеров цифрового театра времен пандемии сегодня по праву считается БДТ им. Г. А. Товстоногова и их проект «БДТ digital». Артисты театра ежедневно вели прямые эфиры, читали пьесы, стихотворения, играли спектакли онлайн. Были запущены такие онлайн-проекты, как «Архив», радиотеатр, «Выживальщики. Артисты в режиме самоизоляции» и многие другие. Видеозаписи можно и сегодня увидеть на YouTube-канале.

Данный проект БДТ проанализировал исследователь Роман Батаршин. По его словам, «новая авторская цифровая платформа «БДТ Digital» структурно создавалась и творилась, прежде всего, как пространство, содержание и наполнение которого приближено к живому театральному процессу» [1, с. 12]. Одной из особенностей платформы «БДТ Digital» является присутствие живого актера в виртуальной реальности. Фигура драматического артиста, перенесенная с больших театральных сцен на экран гаджета, становится центральным объектом анализа в художественном процессе цифрового театра. Взаимоотношения между актером, ролью и зрителем изучаются в рамках трех различных состояний существования актера: как участника спектакля, представленного в онлайн-режиме, в документальном монологе и в minecraft-спектакле. Важным аспектом является то, что установление взаимоотношений между актером и зрителем в цифровом пространстве представляет собой сложную задачу: между виртуальной сценой и аудиторией стоит препятствие – телефон, компьютер или планшет. Ранее ограниченный театральным пространством, зритель теперь приобретает новые возможности, права и доступ к новым областям.

Нельзя забывать, что цифровой театр отличается интерактивностью, мобильностью и мультимедийностью. В таком формате очень важна вовлеченность зрителя в процесс, именно это поможет сделать такое искусства по-настоящему ценным. Как утверждает Е. С. Дорошук, «это как раз то качество цифрового театра, которое помогает приблизиться к переживанию «здесь и сейчас» – важному качеству театра вообще. Именно с этими характеристиками цифрового театра связаны основные трансформации театральной журналистики в цифровом пространстве коммуникаций» [4, с. 35]. Она выделяет такие форматы цифрового театра в театральной журналистике: онлайн-трансляции спектаклей (проект фестиваля «Золотая маска»), театральные виртуальные проекты (проект театра «Практика» – «Практика карантина»), театральные сериалы (проект Театра Наций на YouTube «Театральная перестройка»).

С появлением цифрового театра наблюдаются изменения и в журналистике. Журналисты, театральные критики и другие представители средств массовой информации становятся активными участниками цифровых театральных событий [9, с. 36]. Они не только освещают происходящее, но и принимают непосредственное участие в формировании дискурса вокруг театральных произведений, создавая новые направления в театральной журналистике. Это стимулирует виртуальное взаимодействие между театром, журналистами и зрителями, расширяя возможности коммуникации и взаимодействия между аудиторией и медийным пространством театральных событий.

С начала 2010-х годов наблюдается активный процесс переосмысления редакционной политики изданий, посвященных театру [3, с. 55]. Практически все издательства переходят на информационные платформы, развивая интернет-версии журналов, при этом продолжая выпуск печатных изданий. Эти изменения явно связаны с появлением новых форматов как в самом театре, так и в области искусства в целом. Введение цифрового театра как признанного направления в искусстве, появление новых театральных режиссеров, а также реализация совместных проектов европейских и российских театров оказали значительное

воздействие на театральную сферу в целом, включая и театральную журналистику.

Связь между театральной журналистикой и цифровым театром проявляется в приложении новых технологий к репертуару и перформансам. Цифровые технологии в театре расширяют представляемые возможности для аудитории и артистов, создавая тем самым новое социально-культурное пространство. Театральная журналистика, в свою очередь, является инструментом освещения и анализа этих изменений, предложения рецензий и критических обзоров [5, с. 43]. Поэтому, цифровой театр и театральная журналистика находятся в постоянном взаимодействии, а их взаимосвязь является неотъемлемой частью современных тенденций в культуре и искусстве. Цифровизация театрального дискурса, в свою очередь, позволяет расширять возможности театральной журналистики и изучать процессы, происходящие на сцене в новых ракурсах.

Цифровая трансформация представляет собой явление, сопровождающееся как потенциальными выгодами, так и значительными рисками для общества. Е. А. Стукаленко говорит о том, что «все исследователи приходят к выводу, что безопасные цифровые технологии значительно улучшают жизнь тех, кто обладает навыками их использования, и влекут за собой серьезный риск неравенства для общества, поскольку вводят цифровой разрыв между теми, кто имеет навыки их использования, и теми, кто их не имеет» [8, с. 55].

В этом контексте цифровой театр представляет собой форму театрального искусства, в которой цифровые технологии играют ключевую роль в создании и представлении спектаклей. Это симбиоз традиционных театральных методов с инновационными цифровыми подходами, обогащающий творческий процесс и расширяющий возможности коммуникации с публикой. В результате цифровизация театра оказывает существенное влияние на развитие современной культурной среды и переосмысливают понятие театральной практики в цифровую эпоху.

Theatre HD представляет собой формат цифрового театра, в котором используются трансляции высокого качества спектаклей и

перформансов, что позволяет зрителям смотреть их в комфортной обстановке и в любое время. Этот формат расширяет доступность театрального искусства для широкой аудитории, включая тех, кто не имеет возможности посещать живые спектакли. У каждого желающего есть возможность смотреть отечественные и мировые спектакли в онлайн-формате, также платформа представляет афишу спектаклей в кинотеатрах разных городов. Такой формат цифрового театра существует в России уже 12 лет – с 2012 года. Также в рамках проекта проводятся образовательные мероприятия, включая лекции по истории искусства и показ документальных фильмов.

В свою очередь, Theatre HD формирует (или теоретически должен формировать) у аудитории представление о новых возможностях и реалиях театрального процесса в целом. У зрителя всегда есть возможность выбирать, в какой роли он будет, просматривая тот или иной спектакль, быть просто наблюдателем или же активным участником. Так, во втором случае он может оставлять комментарии, выбирать удобное время и место для просмотра (любой кинотеатр или дом), а также не имеет привязанности к самому театральному процессу. В кинотеатр зрители приходят немного с другими приоритетами и целями, это больше массовый досуг. Онлайн-спектакли – это всегда возможности для развития и активного взаимодействия зрителей с театральной сферой в обновленном формате, с использованием мультимедийных возможностей. А также такое взаимодействие опирается на значимость социальной группы и процесса идентификации.

Онлайн-спектакли и прямые театральные трансляции представляют собой движение в направлении увеличения доступа к искусству, а также расширения пространственных и временных границ существования театрального события или спектакля. При этом аудитория становится компонентом и важной частью такой формы искусства.

Цифровой театр продолжает совершенствоваться и развиваться. Говоря о новых цифровых форматах театрального контента, нельзя не упомянуть распространение записей спектаклей и премьерных показов в социальных сетях. Так,

например во ВКонтакте в последнее время стали устраивать онлайн показы, а 15 февраля 2024 прошла премьера спектакля режиссера Антона Бутакова «Метаостровский» по пьесе «Без вины виноватые». Спектакль представляет собой «бэкстейдж-драму», в которой режиссер, актеры, композитор и ассистенты в течение полутора часов обсуждают методы интерпретации классической пьесы в современном контексте. Этот пример свидетельствует о стремлении театральных коллективов к инновационным подходам в условиях цифровой реальности. Сюжет спектакля, известный из произведения Островского, остается неизменным: в течение продолжительного времени знаменитая актриса Кручинина ошибочно полагает, что ее сын умер еще в детстве, но спустя 17 лет она обнаруживает его.

Этот спектакль был реализован в рамках проекта «Островский. OnLIFE: сквозь время и расстояние», который существует при поддержке Президентского фонда культурных инициатив. В сентябре 2023 года сыграли, а точнее показали во ВКонтакте, первый спектакль «На бойком месте», после чего были показаны следующие пять спектаклей также по произведениям Островского. В создании спектакля «На бойком месте» участвовал Пензенский областной драматический театр им. Луначарского, а дальше подключились театры Москвы, Санкт-Петербурга, Владимира и других городов. Примечательно, что в рамках этого проекта были реализованы онлайн-обсуждения спектаклей, в котором принимали участие театральные критики и эксперты. Еще один пример цифрового театра в рамках проекта «Островский. OnLIFE: сквозь время и расстояние» – спектакль Ивана Орлова «Гроза».

Также в этом году уже в третий раз проходил международный театральный фестиваль OnlifeiDEAFest, после которого и появился проект «Островский. OnLIFE: сквозь время и расстояние». Спектакли на OnlifeiDEAFest показываются в режиме реального времени, а актеры, принимающие в нем участие, играют из разных уголков мира. На официальном сайте фестиваля четко прописаны цели проекта. Так, в них входит: объединение театров со всего мира, «чтобы все народы и культуры открыли перед вами – нашими зрителями – свои сердца» [11]; снятие

ограничений; доказательство, что onlife-театр – это новое современное направление, которое требует внимания аудитории для дальнейшего развития.

Таким образом, исследование влияния цифровизации на современную театральную жизнь и её продвижение в медиасфере позволило выявить несколько ключевых моментов. Во-первых, цифровые технологии существенно расширяют доступность и гибкость театрального контента, привлекая новых зрителей и расширяя аудиторию. Во-вторых, появление онлайн-площадок и стриминговых сервисов для театральных постановок позволяет расширить аудиторию и привлечь новых зрителей, а также обеспечить доступность и гибкость в предоставлении контента. Цифровизация привносит в театральную жизнь новые возможности и вызовы, требующие адаптации и стратегического планирования для эффективного взаимодействия с современной медиасферой.

Список литературы и источников

- 1. Батаршин, Р. Р.** Феномен Цифровизации Драматического театра: Digital как новейший опыт БДТ им. Г. А. Товстоногова / Р. Р. Батаршин // *Философия и культура*. – 2023. – № 5. – С. 11–24.
- 2. Веллингтон, А. Т.** «Театр новых форм»: цифровые технологии в современном театре / А. Т. Веллингтон // *Теория и история искусства*. – 2020. – № 3-4. – С. 217–224.
- 3. Вилисов, В.** Нас всех тошнит. Как театр стал современным, а мы этого не заметили / В. Вилисов. – М. : Издательство АСТ, 2020. – С. 45–76.
- 4. Дорошук, Е. С.** Новые форматы цифрового театрального дискурса: журналистика о театре в пространстве инновационных технологий / Е. С. Дорошук // *Международный научно-исследовательский журнал*. – 2020. – № 11-3 (101). – С. 32–36.
- 5. Марфицына, А. Р.** Цифровой контент современных СМИ как среда для формирования цифрового этикета в условиях массмедиа / А. Р. Марфицына // *Гуманитарный вектор*. – 2021. – Т. 16, № 1. – С. 117–184.

6. Парфенова, Е. Н. Развитие цифрового театра в эпоху COVID / Е. Н. Парфенова // СГН. – 2021. – №1 (5) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitiie-tsifrovogo-teatra-v-epohu-covid> (дата обращения: 07.09.2024).

7. Сердечная, В. В. «Точка доступа – 2020»: Цифровой театр в условиях пандемии / В. В. Сердечная // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. – 2021. – № 4 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/tochka-dostupa-2020-tsifrovoy-teatr-v-usloviyah-pandemii> (дата обращения: 07.09.2024).

8. Стукаленко, Е. А. Риски цифровизации жизни населения и пути их снижения / Е. А. Стукаленко // Идеи и идеалы. – 2021. – № 4-1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/riski-tsifrovizatsii-zhizni-naseleniya-i-puti-ih-snizheniya> (дата обращения: 07.09.2024).

9. Червонящий, В. В. Цифровая трансформация журналистики: роль креатива и диджитал-технологий / В. В. Червонящий // Практический маркетинг. – 2023. – № 5 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-transformatsiya-zhurnalistiki-rol-kreativa-i-didzhital-tehnologiy> (дата обращения: 07.09.2024).

10. Giannini T., Bowen, J. P. Museums at the Crossroads: Between Digitality, Reality, and COVID-19 / Т. Giannini, J. P. Bowen. – Heritage. – 2022. – Vol. 5, № 1. – P. 192–214.

11. Сайт фестиваля «OnlifeIDEAFest» / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://onlifeideafest.com> (дата обращения: 7.09.2024).

Kochergina Elizaveta Sergeevna,
Graduate student at the The Higher School
of Journalism and Mass Communications
Federal State Budgetary Educational Institution of High Education
«Saint Petersburg State University»
St089761@student.spbu.ru

Scientific supervisor:
Associate Professor, Candidate of Sociological Sciences
Ludmila Petrovna Maryina

Digital era of theatre discourse: new formats of media context

This article explores the current state of theatre in Russia. New trends in theatre journalism and digital theatre are analysed, highlighting the impact of new technologies on the audience's interaction with art. Changes in the aesthetic and ideological aspects of theatrical discourse under the conditions of digitalisation, as well as the role of journalists as cultural mediators are considered.

Keywords: digitalisation of theatre, new formats of digital theatrical discourse, digital theatre.

Лобовикова Елена Александровна,
кандидат социологических наук,
заведующий кафедрой гуманитарных, социально-экономических
дисциплин, русского и иностранных языков
ФГКОУ ВО «Луганская академия Следственного комитета
Российской Федерации»
lobovikova@yandex.ru

Социальная реклама СВО

В статье рассматривается социальная реклама специальной военной операции армии России на Украине (СВО). Показано, что государство, активно присутствуя на рынке информационной деятельности, использует социальную рекламу СВО. Рекламная кампания СВО рассмотрена как инструмент для передачи социально значимой информации, направленной на формирование общественного мнения о СВО и патриотического воспитания молодежи в современных условиях.

Ключевые слова: реклама, социальная реклама, СВО, рекламная кампания, коммуникация.

В условиях проведения специальной военной операции (СВО) армией России происходит трансформация ценностных ориентаций российского общества. Профессор Е. Н. Ежова на X Юбилейном Ставропольском ВРНС отметила: «специальная военная операция запустила механизм самоочищения российского общества, когда происходит переоценка транслируемых западной цивилизацией ценностей и осмысление великой миссии России в духовном преображении современного мира» [1].

Социальная реклама является тем инструментом, с помощью которого отражаются трансформации, происходящие в современном обществе, при этом социальная реклама выступает своеобразным индикатором ценностных приоритетов социума. Отметим, что социальная реклама является не только компонентом мировоззрения, но и специфической деятельностью,

организованной для создания текстов, формирующих образ социально одобряемого действия или мнения, который используется нашим государством как инструмент трансляции традиционных российских ценностей.

В современных условиях представляется актуальным проведение рекламной кампании СВО как инструмента патриотического воспитания молодежи, мобилизации общества в плане готовности защищать свою Родину.

Вторжение ВСУ на территорию Курской области летом 2024 года еще более обострило патриотические настроения граждан России, их стремление внести свой вклад в защиту Отечества, приблизить нашу Победу.

Видеореклама, радиообращения, плакаты, листовки, лозунги, кинохроника из зоны проведения боевых действий и новых территорий (ЛНР, ДНР, Запорожская и Херсонская области) являются значимыми инструментами в условиях проведения СВО и информационного противостояния России с Украиной и западными странами.

На наш взгляд, рекламная кампания специальной военной операции (СВО) может быть эффективным инструментом для передачи социально значимой информации, направленной на формирование общественного мнения о СВО и патриотического воспитания молодежи в современных условиях.

Несмотря на большую значимость рассматриваемой темы, в российской науке недостаточное внимание уделяется исследованию социальной рекламы специальной военной операции.

Согласно данным всероссийского социологического исследования, проведенного в 2023 г. аналитическим центром университета «Синергия», 79% респондентов поддержали инициативу показывать патриотические видеоролики о специальной военной операции (СВО) в школах. При этом 35% респондентов отметили, что необходимо делать упор на аналитику со стороны экспертов, которые бы разъясняли школьникам причины и задачи спецоперации; при этом 19% опрошенных считают, что в основе информационных материалов должны лежать репортажи с места проведения боевых действий.

Основными целями социальной рекламы СВО 44% респондентов выделили формирование патриотизма у школьников, уважения к защитникам Родины (31% респондентов) а также информирование о ходе СВО (25%) [6].

В связи с вышеизложенным представляется актуальным исследование социальной рекламы СВО как инструмента воздействия на общественность.

Как структурный компонент культуры и инструмент социокультурного воспроизводства, социальная реклама является одним из значимых феноменов современного общества. На наш взгляд, социальная реклама СВО практически обойдена вниманием ученых, в частности вопрос социокультурного осмысления социальной рекламы СВО на Луганщине не изучен.

Анализ социальной рекламы как феномена культурной коммуникации потребовал обращения к источникам, затрагивающим целый спектр исследовательских направлений.

Отметим, что проблема информационного и PR-сопровождения специальной военной операции России на Украине в начале ее проведения исследовалась профессором А. Б. Шатиловым. Анализируя состояние PR- и информационно-пропагандистской кампании российской стороны в ходе первого этапа (февраль – май 2022 г.) специальной военной операции на Украине, исследователь отмечал боевые успехи российской армии и проигрыш в информационном противостоянии украинским и западным оппонентам. При этом ученый выделяет проблемы позиционирования СВО в российском обществе, имиджевую работу по формированию «пула героя» и «культовых персон», контрпропаганды и взаимодействие с «информационными волонтерами» [8, с. 72].

Исследователи В. К. Левашов и О. В. Гребняк изучали изменения в глобальном социальном сетевом пространстве в условиях проведения СВО, возникшие в связи с санкциями против России, а также информационную деятельность в условиях блокировок ряда информационных каналов и социальных сетей [3, с. 204].

Д. С. Казаренко изучала вопросы освещения СВО западными СМИ. На примере Франции и ФРГ автором были

проанализированы двойные стандарты, полуправда и нейропропаганда как элементы когнитивной войны против России. Исследователь отмечает важную необходимость противостояния агрессивной нейропропаганде в мировом медиапространстве, а также повышения уровня политической и исторической грамотности населения на данном историческом этапе возрождения Русского мира [2].

По мнению А. А. Малькевича, «...анализ практики формирования и продвижения медиаобразов участников СВО позволяет констатировать стихийный, нескоординированный и несистемный характер данной деятельности как на федеральном, так и на региональном уровнях. Вместе с тем многие конкретные проекты и акции, реализованные в 2022 г., заслуживают (при определенной корректировке) поддержки и тиражирования, как например:

- социальная реклама (билборды с изображением героев СВО);
- процедуры торжественного публичного награждения и чествования отличившихся участников СВО;
- проекты в СМИ наподобие спецпроекта «Комсомольской правды» о подвигах российских военных на Украине Герои «Операции Z» и др...» [5, с. 12].

Цель статьи – изучить социальную рекламу СВО и выявить особенности отражения в ней общественного мировоззрения.

Исследование проведено на основе методики сравнительного анализа, синтеза, проведен вторичный анализ данных социологического исследования.

Российские исследователи В. В. Ученова и Н. В. Старых определяют социальную рекламу «как один из потоков массовой информации, который ориентирован на гуманизацию общественных отношений» [7, с. 3].

Отметим, что с начала проведения специальной военной операции используются различные каналы распространения социальной рекламы СВО: теле-, радиореклама, реклама на транспорте, на билбордах и светодиодных экранах, интернет-реклама и др. В местах массового скопления людей – в московском метро и на вокзалах размещены стойки с рекламой заключения

контрактов на СВО. Подобную рекламу можно встретить в России в МФЦ, муниципальных учреждениях, на фасадах университетов, маршрутках и др.

Начиная с февраля 2022 г. средствами социальной рекламы ЛНР создавался позитивный имидж России, ее Президента и Армии России в соответствии с политико-культурными приоритетами страны. При этом формировался негативный имидж врага (вплоть до его демонизации – прибегая к аналогии с фашизмом).

В 2022 – 2023 г.г. на территории России была реализована социальная рекламная кампания с целью патриотического воспитания и популяризации подвига героев специальной военной операции на Донбассе (на билбордах и ситилайтах представлены фотографии и указаны фамилии российских военных). В ДНР в социальной рекламе патриотической направленности представлены Герой России Владимир Жога – командир разведывательного батальона «Спарта», герой ДНР, комбат батальона «Сомали» Михаил Толстых (Гиви) и др. [4, с. 86].

Социальная реклама СВО была представлена наружной рекламой с символикой «Z» и «V». На плакатах были изображены молодые военные в красивом обмундировании со слоганами, апеллирующими к маскулинности: «Есть дело», «Работа для настоящих мужчин», «Присоединяйся к СВОим» и др. (Рис. 1).

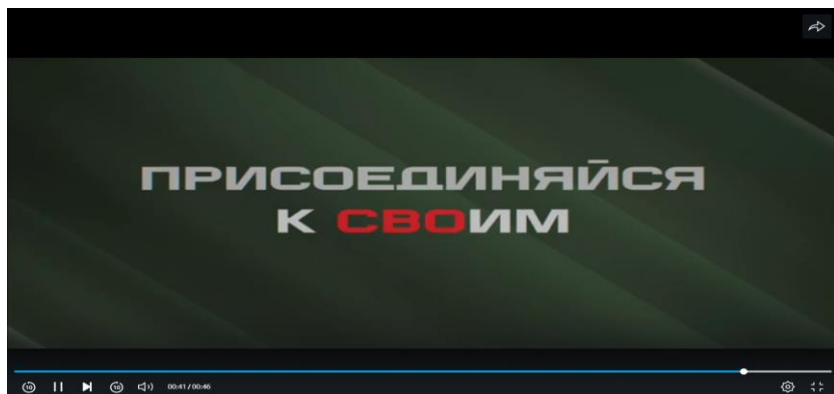

Рис. 1 – Социальная реклама СВО

На следующем этапе рекламной кампании на плакатах и светодиодных экранах была представлена социальная реклама с военными более старшего возраста. Слоганы увеличили до нескольких строчек, при этом акцент был сделан на стабильный доход и льготы для участников СВО, то есть в рекламе использовалась мотивация людей к материальному обеспечению.

Отметим, что социальная реклама специальной военной операции и патриотической направленности призвана объединить граждан ЛНР, направлена на информирование населения и поддержание патриотического духа. На макетах в ЛНР изображены герои армии России со слоганами «Рожденные побеждать», «Только Вперед!», «Денацификация: 99,9%», «Вместе против нацизма!», «Мир меняется – правда остается», «Мир сам не наступит. Поможем», «Непобедимый», «Мы – русские! С нами Бог!». В данной социальной рекламе образ героя войны является центральным архетипом социума – архетип героя, побеждающего врага (Рис. 2, 3).

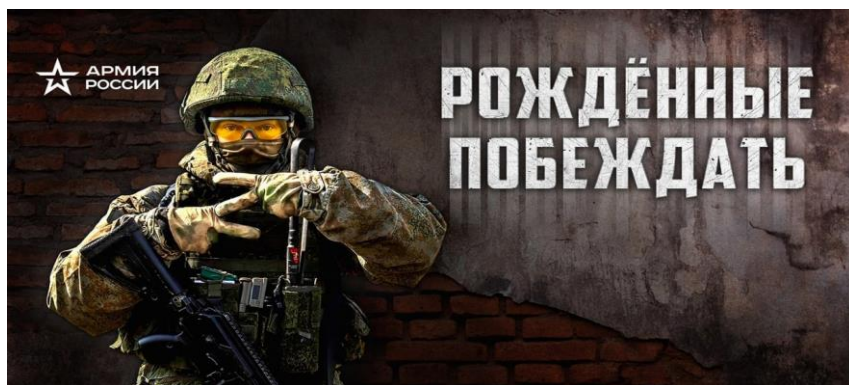

Рис. 2 – Социальная реклама

Рис. 3 – Социальная реклама

На территории ЛНР, а также освобожденных территориях Донбасса размещены билборды, призывающие стать на защиту Родины, например, «Все на защиту Родины!», «Остановим нацистов вместе, защитим русскую землю!» (Рис. 4).

Рис. 4 – Социальная реклама в ЛНР

Цель СВО отражают слоганы на билбордах в ЛНР: «Мы показываем всему мировому сообществу, что мы просто люди, которые защищают свою землю», «Мы сражаемся за наш родной край, за каждый город и дом, за каждого жителя Республики» и др.

Неотъемлемой частью формирования патриотизма у современной молодежи является воспитание на примерах героев Великой Отечественной Войны. В 2023 г. на территории ЛНР была

реализована социальная рекламная кампания, главные герои которой – ветераны Великой Отечественной войны и труженики тыла (Рис. 5-7). Священный долг современников перед героями Великой Отечественной войны – не забывать о подвигах, которые они совершили, иметь полное представление о трагических и героических страницах Великой Отечественной войны.

Рис. 5 – Социальная реклама

Рис. 6 – Социальная реклама

Рис. 7 – Социальная реклама

Визуальная часть макетов социальной рекламы в ЛНР дополнена патриотическими слоганами: «Мы – патриоты своей Республики», «Вместе мы непобедимы!», «Дело патриота – защита Родины!», «Донбасс – моя Родина!», «Будущее за нами!» и др.

Нами была предпринята попытка анализа социальной рекламы специальной военной операции как компонента современных стратегических коммуникаций. Отметим, что ведущее место в рекламно-агитационном процессе заняли наиболее мобильные и эмоционально воздействующие жанры: видеореклама, радиообращения, плакаты, листовки, слоганы, кинохроника из зоны проведения боевых действий и новых территорий.

Социальная реклама СВО направлена на сплочение русского народа перед лицом врага, поступлении на службу в армию, помощь фронту, продвижении традиционных российских ценностей, которые культивируются в современном социуме.

Для проведения социальной рекламной кампании в ЛНР использовался культовый ряд запоминающихся современных героических образов и героев Великой Отечественной войны.

Нами отмечено стимулирование роста патриотических настроений в российском обществе за счет мобилизационной агитационно-пропагандистской работы и привлечения широких общественных сил к содействию СВО.

Таким образом, рекламная кампания СВО может быть эффективным инструментом для передачи социально значимой информации, направленной на формирование общественного мнения о СВО, поиска ценностных смыслов и патриотического воспитания молодежи в современных условиях.

Список литературы

1. Ежова, Е. Н. В рамках X Ставропольского форума ВРНС состоялось заседание секции «Гражданские инициативы и социокультурные проекты как ресурс духовной сплоченности российского общества» / Е. Н. Ежова // Ставрополь: СКФУ. – 2023. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gi.ncfu.ru/news/8360> (дата обращения: 25.09.2024).

2. Казаренко, Д. С. Двойные стандарты и нейропропаганда как элемент когнитивной войны против России (на примере освещения СВО в информационном пространстве Франции и ФРГ) / Д. С. Казаренко // Наука. Общество. Оборона. – 2023. – Т. 11, № 4 (37) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.noo-journal.ru/vak/2023-4-37/kazarenko-dvoynye-standarty-i-neuropropaganda-kak-element-kognitivnoy-voyny-protiv-rossii-svo/?ysclid=lpffb9jffe732311637> (дата обращения: 01.09.2024).

3. Левашов, В. К. Актуальные изменения социальных сетей и цифровой среды в период специальной военной операции на Украине / В. К. Левашов, О. В. Гребняк // Социальные и гуманитарные знания. – 2022. – Т. 8. – № 2 (30). – С. 204–213.

4. Лобовикова, Е. А. Конструирование образов героев в социальной рекламе. Военная журналистика в современном мире / Е. А. Лобовикова // Материалы Международной научно-практической конференции (г. Луганск, 12 апреля 2023 года) / под ред. Ж. В. Марфиной, А. В. Дроздовой [и др.]. – СПб. : Медиапир, 2023. – С. 84 – 88.

5. Малькевич, А. А. Медиаобраз участников СВО: вопросы формирования и продвижения. Военная журналистика в современном мире / А. А. Малькевич // Материалы Международной научно-практической конференции (г. Луганск, 12 апреля 2023 года) / под ред. Ж. В. Марфиной, А. В. Дроздовой [и др.]. – СПб. : Медиапир, 2023. – С. 10–13.

6. В РФ почти 80% опрошенных поддержали идею показывать в школах патриотические ролики об СВО [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tass.ru/obschestvo/18555803?ysclid=lp9g8s0fkh359039988> (дата обращения: 05.09.2024).

7. Ученова, В. В. Социальная реклама / В. В. Ученова, Н. В. Старых. – М. : Индекс Медиа, 2006. – С. 304.

8. Шатилов, А. Б. Информационное и PR-сопровождение специальной военной операции России на Украине: основные тренды и уроки первого этапа / А. Б. Шатилов // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnoe-i-pr-soprovozhdenie-spetsialnoyvoennoy-operatsii-rossii-na-ukraine-osnovnye-trendy-i-uroki-pervogo-etapa/viewer> (дата обращения: 05.09.2024).

Lobovikova Elena Alexandrovna,

Candidate of Sociology, Head of the Department of Humanities,
Socio-Economic Disciplines, Russian and Foreign Languages
Lugansk academy of the Investigative Committee
of the Russian Federation
lobovikova@yandex.ru

The social advertising of the special military operation

The article examines social advertising of the special military operation of the Russian army in Ukraine (SMO). It is shown that the state, being actively present in the market of information activities, uses social advertising of SMO. The advertising campaign of SMO is considered as a tool for transmitting socially significant information aimed at forming public opinion about SMO and patriotic education of youth in modern conditions.

Keywords: advertising, social advertising, social security, advertising campaign, communication.

Серостанова Оксана Борисовна
кандидат философских наук, доцент
кафедры журналистики и издательского дела
ФГБОУ ВО «Луганский государственный
педагогический университет»
oxanaserostanova@gmail.com

Деконструкция стереотипов как способ противодействия информационному влиянию

В условиях информационного общества, в котором влияние медиа и социального окружения становится все более значительным, стереотипы играют ключевую роль в формировании общественного мнения и восприятия реальности. В статье анализируется сущность стереотипов и их структура на конкретных исторических примерах. Автор исследует процесс их формирования, поддержки и воспроизводства через различные каналы коммуникации. Основной акцент сделан на анализе деконструкции стереотипов как ключевом инструменте для повышения уровня медийной грамотности и развития критического мышления у массовой аудитории.

Ключевые слова: стереотип, информация, деконструкция, манипуляция, общественное сознание.

Анализ информационного противоборства в медиaprостранстве показывает важность рассмотрения мер по выявлению и защите информационного пространства от деструктивных элементов. В современном мире информация играет ключевую роль в формировании общественного мнения и восприятия реальности. Однако зачастую эта информация содержит упрощенные представления, предубеждения и стереотипы, которые используются для манипулирования сознанием людей. Одним из эффективных способов противодействия такому информационному влиянию является деконструкция стереотипов. Она предполагает наличие навыков

критического анализа и разрушение устоявшихся шаблонных представлений.

Особую важность представляет рассмотрение механизмов влияния стереотипов на личность, групповое и массовое поведение, а также практические разработки по деконструкции стереотипов, способных воздействовать на общественное сознание и провоцировать дестабилизацию общества.

В условиях превалирования глобалистских концепций и глобального капитала в стратегическом информационном противоборстве возникает необходимость выработки четких механизмов нейтрализации конфликтов в общественном мнении с целью построения институциональной защиты свободы общества. С активизацией социокультурной трансформации, противоборством идеологий и возрастающей ролью массмедиа данный вопрос становится основой для выработки независимой информационной политики страны. Фактически информационное противостояние имеет место там, где активно развиваются СМИ, способные оказывать влияние на общественное мнение, поведение и процессы управления обществом.

Стереотипы представляют собой упрощенные, схематичные и устойчивые образы, которые формируются в массовом сознании. Они выполняют функцию когнитивных «ярлыков», позволяющих быстро категоризировать и интерпретировать информацию. Однако стереотипы часто основаны на неполных, искаженных или ложных данных, что делает их уязвимыми для использования в информационных войнах с целью манипуляции общественным мнением.

Массмедиа часто прибегают к механизмам публичного восприятия в информационной войне посредством пропагандистских кампаний, выстраиваемых на стереотипах, а «сопроводительные контексты наполняют концепт конкретным содержанием» [6, с. 163]. Например, анализируя концепт «агрессия», используемый в условиях активной фазы вооруженного конфликта, М. А. Семкин указывает, что его тематическое поле может уточняться от быстрого или размеренного «применения силы» до ее использования в корыстных целях [6, с. 163]. Концепт «агрессия» выстраивается на

противопоставлении его целостности, свободе, миру, благополучию [6, с. 164].

Стереотипы могут использоваться для создания «образа врага», демонизации оппонентов, оправдания дискриминации и насилия. Они позволяют упростить сложные социальные и политические процессы, представить их в черно-белом ключе и навязать определенную интерпретацию событий. Стереотипы как один из инструментов формирования общественного мнения символичны. Примеры подобных процессов отражены в истории человечества, особенно в период мировых войн, когда образы стран и коалиций замещают друг друга и создают признаки сбалансированности интересов. У. Липпман писал, что «единственной эмоциональной реакцией на событие, в котором человек сам не участвует, может быть чувство, вызванное в нем мысленным образом этого события» [5, с. 19]. Эти слова подтверждают мысль о том, что стереотипные представления становятся основанием для создания собственной картины мира человека и его представлений о том, что происходит под воздействием тех символических образов, которые он встречает в тех или иных медиа или своем окружении. Подобная «суррогатная реальность» основывается на трех элементах: случайное происшествие, творческое воображение, желание верить [5, с. 19].

Ярким примером формирования стереотипного представления о стране выступает зооморфный образ России в виде образа «русского медведя», который формируется западными СМИ начиная с XVIII века [4, с. 165]. Он выстраивается посредством дихотомии «свой» – «чужой». Это позволяет в условиях обострения информационного противоборства дегуманизировать при необходимости его в качестве образ «врага» на контрасте с образом «своих» и закреплять нужные модели поведения человека в обществе.

Использованию образа медведя как символа-ассоциации с Россией способствовали три исторических события:

– 1507 г. – иллюстрация противостояния Европы и Азии как борьбы дракона и медведя в рукописях Яна из Голова;

– 1544 г. – изображение медведя на карте Московии сенатором А. Видом;

– 1596 г. – использование образа медведя на гербе английской торговой компании [4, с. 166].

Посредством визуального контента в ведущих изданиях Западной Европы, в определенный исторический период образ медведя как символа «русскости» глубоко укореняется в общественном сознании европейцев и становится инструментом противостояния между Россией и Западом. Его окончательное закрепление в качестве стереотипа происходит в период Наполеоновских войн (1799 – 1815 гг.).

С середины XIX века образ «русского медведя» использовался в массмедиа для эмоционального окрашивания реакции международного сообщества на действия Российской империи: от агрессии до статуса посредника [4, с. 167]. Стереотип позволял переносить определенные черты характера животного на поведение страны на международной арене.

В настоящий момент с помощью культурных аллюзий (сказочные мотивы, басни и т.п.) стереотипный образ «русского медведя» приобретает свою яркость, формируя соответствующее представление о стране и ее имидже в мире.

Еще одним ярким стереотипным образом России является «русская матрешка». Данный образ активно использовался в особые кризисные моменты информационного противоборства в условиях холодной войны, а также на волне российско-грузинского вооруженного конфликта августа 2008 г. [3]. Посредством политической карикатуры стереотипный образ страны динамично использовался ведущими мировыми изданиями.

Часть стереотипных представлений о России, вызванных активизацией информационной войны, связана с игрой на исторической памяти народа, символике и политических лидеров конкретных периодов в истории. Во времена холодной войны Советский Союз был объектом многочисленных предвзятых представлений, связанных с идеологической борьбой и геополитическим противостоянием. Эти представления часто основывались на пропаганде, культурных мифах и стереотипах.

С окончанием холодной войны и распадом Советского Союза стереотипы не исчезли, а трансформировались, адаптировались к новым условиям. В постсоветский период Россия стала объектом стереотипизации, связанной с экономическими реформами, политическими изменениями и динамикой культуры, которая подвергалась активной вестернизации в 90-е годы XX века. Эти стереотипы используются в современной информационной войне для манипуляции общественным мнением. Например, в ситуации противостояния идеологий, действенными оказываются метафоры в СМИ, основанные на имени Сталина [3, с. 74].

Итак, стереотипы о России имеют глубокие исторические корни. Современные стереотипы о России могут быть разделены на несколько ключевых категорий. Например, М. Б. Ворошилова предлагает выделять пять групп стереотипных представлений по степени частотности в СМИ на фоне вооруженного конфликта в Южной Осетии в 2008 г.: прецедентные имена политических лидеров, милитарная группа прецедентных образов, советские, олимпийские образы и культурные аллюзии [3, с. 74–75].

Стереотипизация социокультурных практик приводит к тому, что среди культурных стереотипов можно выделять этнокультурные, национальные, нравственные [1, с. 132–133].

«Основные манипуляции общественным мнением и пропагандистские компании основаны на «эффекте резонанса»: информация, направленная на изменение поведения аудитории, маскирует под знания и стереотипы, уже характерные для нее», – пишет В. В. Барабаш и Е. А. Котеленец [2, с. 157]. Массмедиа выступают активным участником процесса формирования стереотипов, нацеленных на изменение поведенческих практик в обществе.

Основываясь на ключевых сферах жизнедеятельности общества, стоит выделить следующие группы стереотипов о России, характерных для западных СМИ:

1. Образ агрессивного актора – представление о России как экспансионистском государстве. Данный образ активно используется западными медиа и в политическом дискурсе в контексте украинского кризиса. Агрессивный имидж подкрепляется изображением страны как стремящейся

восстановить свое влияние и контроль над другими государствами. Для его подкрепления в общественном сознании часто используется историческая память общества.

2. Авторитарный образ – этот стереотип подчеркивает репрессивные меры страны в контексте свободы прессы.

3. Образ экономически зависимой от ресурсов страны – данный стереотип усиливается на фоне обсуждений санкционной политики Запада и экономической нестабильности в условиях мирового финансового кризиса.

4. Образ культурного изгоя. Культурные стереотипы часто фокусируют внимание на России как стране, находящейся в изоляции от мировых культурных трендов.

Стереотипы о России оказывают значительное влияние на международные отношения и способствуют формированию негативного общественного мнения, усиливая напряженность в мире. Это сложный и многогранный феномен, понимание и анализ которого является ключевым для разработки эффективной коммуникативной стратегии.

В условиях информационного противостояния стереотипы становятся мощным инструментом пропаганды и манипуляции общественным мнением. Механизмы воздействия стереотипов на сознание подобны тем, что задействованы при формировании общественного мнения: сцена действия, восприятие этой сцены и реакции на нее [5, с. 20].

С учетом активной цифровизации общества, человеку свойственно фрагментарно принимать информацию, которой становится настолько много, что физически невозможно ее воспринимать. Однако благодаря лидерам мнения до каждого члена общества доносится общественно важная информация через СМИ и его окружения. В процессе обработки полученной доли сообщений, те или иные идеи «унифицируются, классифицируются, принимаются, отвергаются, оцениваются и санкционируются» [5, с. 35]. Так выглядит процесс формирования мнения относительно происходящего и формируется иерархия значимости той или иной информации: одобрение, непринятие, исключительной важности, не имеющей значение и т.п.

Помимо указанных моментов, манипуляция общественным мнением на основе стереотипизации продвигает определенные стратегии поведения: дихотомическое мышление, персонализация, катастрофизация, выборочное абстрагирование и др.

Деконструкция стереотипов предполагает критический анализ их содержания, выявление скрытых предубеждений, противоречий и ложных посылок. Этот процесс позволяет разрушить упрощенные схемы восприятия и сформировать более сложное, нюансированное понимание социальных явлений.

Ключевыми шагами деконструкции стереотипов являются:

1. Выявление и артикуляция стереотипных представлений, их источников и механизмов распространения.

2. Сбор и анализ фактических данных, опровергающих или ставящих под сомнение стереотипные утверждения.

3. Изучение социальных, исторических и культурных контекстов, в которых формируются стереотипы.

4. Демонстрация многообразия и вариативности явлений, которые стереотипы пытаются упростить и унифицировать.

5. Формирование альтернативных, более сложных и объективных моделей восприятия реальности.

Деконструкция стереотипов позволяет противодействовать манипулятивному использованию информации, повышает критическое мышление и способность к объективному анализу. Это важный элемент информационной гигиены и защиты от пропаганды в условиях информационной войны.

Деконструкция стереотипов является эффективным способом противодействия информационному влиянию и манипуляции общественным сознанием. Этот процесс позволяет выявлять и разрушать упрощенные схемы восприятия реальности, формируя более сложное и объективное понимание социальных процессов. Навыки деконструкции стереотипов становятся важным элементом медиаграмотности и защиты от пропаганды в условиях растущей конфликтности в мире.

Список литературы

1. **Акопян, Н. А.** Роль телевидения в формировании культурных стереотипов в современном российском обществе / Н. А. Акопян // Вестник Ставропольского государственного университета. – 2009. – № 64. – С. 129–134.

2. **Барабаш, В. В.** Психологические методы и когнитивные схемы в современных информационных войнах / В. В. Барабаш, Е. А. Котеленец // Вестник РУДН. Серия Литературоведение. Журналистика. – 2015. – № 4. – С. 154–161.

3. **Ворошилова, М. Б.** «Русская матрешка» глазами европейцев: прецедентные образы в политической карикатуре об «августовской» войне / М. Б. Ворошилова // Политическая лингвистика. – 2011. – 2 (36). – С. 73–76.

4. **Котеленец, Е. А.** «Русский медведь» – динамика изменений образа России в мире / Е. А. Котеленец, М. С. Затуловская, М. Ю. Лаврентьева // Научный диалог. – 2018. – № 7. – С. 164–176.

5. **Липпман, У.** Общественное мнение / У. Липпман. – М. : Общественное мнение, 2004. – 384 с.

6. **Семкин, М. А.** Роль концептов в формировании стереотипов общественного мнения / М. А. Семкин // Политическая лингвистика. – 2011. – 2 (36). – С. 162–165.

Serostanova Oksana Borisovna,
Candidate of Philosophy, Associate Professor
Lugansk State Pedagogical University
oxanaserostanova@gmail.com

Deconstruction of stereotypes as a way to counteract information influence

In an information society in which the influence of the media and the social environment is becoming increasingly significant, stereotypes play a key role in shaping public opinion and perception of reality. The article analyzes the essence of stereotypes and their structure using specific historical examples. The author explores the

process of their formation, support and reproduction through various communication channels. The main focus is on the analysis of the deconstruction of stereotypes as a key tool for increasing the level of media literacy and developing critical thinking among the mass audience.

Keywords: stereotype, information, deconstruction, manipulation, public consciousness.

УДК 659

Тепляков Олег Викторович,
кандидат политических наук,
доцент кафедры специальных дисциплин
ФГКОУ ВО «Ленинградский областной филиал
Санкт-Петербургского университета МВД России»
otvspb@yandex.ru

**Новые горизонты медиа-релейшинз
в PR-деятельности подразделения информации
и общественных связей МВД России**

Статья посвящена анализу цифровых информационно-коммуникационных технологий, которые могут использоваться во взаимодействии со средствами массовой информации подразделениями информации и общественных связей территориальных органов МВД России. Также автором проведен анализ тенденций медиаиндустрии в условиях цифровизации с выделением инновационных технологий, которые используются в медийной сфере.

Ключевые слова: медиа релейшинз, масс медиа полиции, подразделения информации и общественных связей, средства массовой информации, интернет.

«В обществе выработался особый неправильный взгляд на функции органов полиции, доходящий до антагонизма и полного

презрения полиции» [1]. Подобную оценку «стражам порядка» в 1906 году давало печатное издание «Правительственный вестник».

Проблема формирования объективного образа сотрудника органов внутренних дел (далее – ОВД) в глазах россиян остается открытой. Вопросам взаимодействия с масс медиа и институтами гражданского общества следует уделять повышенное внимание, чтобы социум содействовал правоохранительным органам в профилактике административных правонарушений и преступлений. В интервью «Российской газете» Министр внутренних дел Российской Федерации Владимир Колокольцев отметил: «...мы стремимся к максимальной открытости в работе и настроены на конструктивный диалог и сотрудничество со СМИ» [2].

28 декабря 1992 года на основании приказа № 479 «Об организации работы пресс-служб ОВД» на базе МВД России была создана пресс-служба. Основными задачами подразделений пресс-служб ОВД являлись: организация оперативного освещения деятельности российских стражей порядка; осуществление взаимодействия ОВД со СМИ; создание положительного отношения россиян к правоохранительным органам.

В разные периоды реформирования ОВД сотрудники подразделений информации и общественных связей (далее – подразделение ИиОС) использовали различные PR-технологии во взаимодействия со СМИ. К концу первого десятилетия XXI века в российском обществе сформировался «медийный набор» включающий в себя: телевизор, видеомагнитофон, DVD-проигрыватель, компьютер, выход в Интернет, кабельное телевидение.

В нынешнюю постиндустриальную эпоху происходит постоянное развитие Интернет пространства, которое охватывает все сферы человеческой жизнедеятельности. Представленное единое глобальное информационное пространство, сформировавшееся в начале XXI века, создало уникальную информационную среду.

Сегодня уже уходит в историю главенствующая роль традиционных масс медиа, которые уже не вершат судьбы людей и общества. Увеличивается количество россиян, приобщающихся

к Интернету, в результате становится больше посетителей различных Интернет ресурсов. На фоне системного кризиса традиционных СМИ, возрастает рост аудитории Интернета, которая переключилась на новые способы потребления информации.

Мировая паутина стремительно входит во все новые сферы нашей жизни. По данным исследователей активных пользователей Интернета в 2023 году стало 5,01 миллиарда человек и рост их числа продолжается. Уже не менее 65,6 % населения Земли имеют доступ к Интернету, и этот показатель растет ежедневно. А это те люди, которые не просто «подключены» к Интернету, и подвержены воздействию через Интернет. Для них Интернет стал прямым каналом доставки ударного контента [3].

Интернет в отличие от традиционных коммуникаций обладает следующими особенностями: формирует отдельную интернет-риторику, систему речевых жанров, необходимых для формирования и поддержания индивидуального или корпоративного имиджа; преобразует средства массовой информации в средства массовой коммуникации, где скорость, мобильность, универсальность, интерактивность являются основными компонентами современного медиапространства; элементы мультимедиа предоставляют возможность объединить визуальные, звуковые, печатные средства передачи информации; элементы персонализация обеспечивают необходимой информацией на любом уровне заинтересованности людей; элемент интерактивности дает возможность взаимодействия, диалога и обратной связи между сотнями пользователей; элемент отсутствие посредников обеспечивает возможность прямого доступа коммуникатора к реципиенту.

Сегодня распространение информации по виртуальной сети основано на сознательной интеграции платформ: информационного характера, когнитивного характера, физического характера и социального характера, которые формируют «информационную среду».

Современное цифровизированное медийное пространство привело к стиранию границ обмена информации между общественными средами. В результате онлайн-площадка на

постоянной основе наполняется позитивным, негативным и одновременно объективным содержанием информационных коммуникаций с помощью различных интернет-ресурсов социально-политических институтов и общественных групп.

Традиционные PR-технологии, методы и инструменты, которые применялись в прежние времена, уступает свои позиции в области влияния на умы граждан, которые склонны получать информацию именно из различных интернет ресурсов.

Кардинальное изменение коммуникативных практик с появлением онлайн-коммуникаций вызвало трансформацию всего общества, выразившееся, прежде всего, в медиатизации общества. Под медиатизацией понимается «...системный процесс, посредством которого общество все в большей степени становится зависимым от медиа, а социальные институты трансформируются под их воздействием» [4, с. 39].

Главной причиной медиатизации общества являются активно развивающиеся информационные технологии, положившие начало новейшего информационно-телекоммуникационного пространства. «Мобильность, интерактивность и скорость адаптировали процесс медиапотребления под современные реалии; сделали его более комфортным и удобным, позволили современному потребителю получать информацию и выстраивать коммуникацию в любое удобное для него время» [5, с. 192].

Сложившаяся обстановка в сфере информационно-коммуникационных технологий открывает новые горизонты в области PR-технологий, направленных на активное воздействие на индивидуальное и коллективное сознание.

PR в Интернете – это комплекс онлайн-мероприятий, являющихся, как правило, неотъемлемой частью общей PR-кампании, направленных на оценку, поддержку и изменение информационной среды вокруг компании, организации в Интернете [6, с. 92].

Из этого следует, что медийный ландшафт вынуждает ОВД дел активизировать информационную деятельность в Интернете. Таким образом, усложняются задачи и функции в процессе организации и осуществления имиджевой и информационной

деятельности подразделений ИиОС, который должен претерпеть качественные изменения, чтобы не утонуть во всех каналах коммуникаций.

Министр внутренних дел Российской Федерации В. А. Колокольцев отметил: «В эпоху информационных технологий медиапространство развивается очень динамично, непрерывно возрастают количество источников и скорость распространения новостных сообщений в обществе, активно внедряются в практику новые PR-методики. Это требует от сотрудников подразделений информации и общественных связей постоянного совершенствования и работы по повышению собственного профессионализма» [7, с. 1].

Институт PR-деятельности ОВД начал претерпевать качественные изменения в 2009 году. Именно в этот период в системе МВД России было уделено особое внимание интернет-технологиям. В результате виртуальное пространство пополнилось ведомственными сайтами федерального и регионального уровней.

Следующим этапом начался процесс создания комплекса унифицированных ведомственных сайтов, взаимосвязанных между собой: произошло объединения в единую коммуникационную систему с целью совершенствования освещения деятельности ОВД.

В 2013 году был запущен в эксплуатацию аппаратно-программный комплекс «Официальный интернет-сайт МВД России» [8], который объединил на общей технической платформе интернет-сайты территориальных органов МВД России. На тот период представленный аппаратно-программный комплекс функционировал в системе централизованного администрирования и хостинга в состав которого было включено 104 сайта.

Уровень развития компьютерных технологий и средств связи не стоял на месте и способствовал становлению новых социальных отношений в информационной сфере, тесно связанной с развитием глобальных сетей.

В результате единая глобальная компьютерная сеть перешла на новый эволюционный уровень обеспечивающий возможность доступа отдельного пользователя способного полноценно участвовать в информационно-коммуникационном процессе. Данный факт свидетельствует: сеть Интернет структурно

представляет собой глобальную, но сильно децентрализованную систему сетей, не имеющих единого центра управления [9, с. 93]. Таким образом, современные реалии выдвигают новые требования к традиционной журналистике, в результате произошло возникновение мультимедийной модели, в основе которой лежит распространение контента в нескольких форматах через сеть Интернет. Этот процесс предусматривает конвергенцию в СМИ, когда происходит слияние технологий при передаче данных со слиянием различных медиа. В результате цифровой революции информация о событиях в считанные минуты становится доступной для огромной аудитории.

Помимо возникновения мультимедийной журналистики, эволюционные процессы в Интернете способствовали появлению в медиaprостранстве информационного шума, порождающего увеличение коммуникационных каналов, тиражирующих копии сообщений, онлайн-дискуссии, огромные объемы недостоверного или некачественного контента, который создает дискомфорт у аудитории.

В сложившейся реальности необходимо существовать и внимательно следить за развитием дискуссий на социальных площадках и вовремя реагировать, чтобы поддерживать официальную точку зрения. Этот процесс характеризуется появлением в медиaprостранстве в январе 2020 года информационного интернет-портала «МВД Медиа» [10], который является первым ресурсом МВД, ориентированным на мультимедийный контент. Его интерфейс позволяет реципиентам получать достоверную информацию правоохранительного характера от первоисточника.

Сетевой ресурс «МВД Медиа» являясь официальным СМИ МВД России становится основной платформой для размещения оперативных новостей, видеоматериалов, актуальной публицистики, которые сопровождаются фотографиями, видео- и аудиоматериалами.

Портал МВД России имеет сложную разветвленную структуру, включающую в себе множество разделов, подразделов, страниц и ссылок, а также в хранилищах и витринах данных содержится огромное количество информации.

По мнению ведомственных исследователей, организация общественных связей с помощью интернет-портала «МВД-Медиа» имеет следующие преимущества: с помощью регулярного обновления и качественного контента портала возможно самопродвижение в поисковых системах и социальных сетях; повышенная популярность портала увеличивает его посещаемость. Следовательно, увеличивается общественный интерес к деятельности полиции и происходит накопление ее публичного капитала. Портал является двухсторонней симметричной коммуникационной площадкой общения сотрудников полиции с представителями гражданского общества.

Однако портал имеет и определенные недостатки: наблюдаются трудности в поиске портала в Интернете; дороговизна производства собственного контента; отсутствие экономической целесообразности содержания большого количества специалистов; в процессе подачи информации по причине централизованного медиапространства в рамках портала отсутствует скорость, универсальность, интерактивность и мультимедийность.

Сегодня в рамках осуществления информационной политики ОВД в Интернете на стратегическом уровне выстроена двухсторонняя информационно-коммуникационная вертикаль по формуле «ядро-периферия».

Последующее формирование ведомственной информационно-коммуникационной платформы в Интернете должно осуществляться на оперативно-тактическом (региональном) уровне. Таким образом, предполагается на местах осуществлять следующие шаги: выстраивать ведомственные информационные потоки; организовывать информационное сопровождение деятельности ОВД; вести конструктивный диалог с различными категориями института гражданского общества; управлять кризисными ситуациями в момент возникновения негативных событий.

Для эффективности ранее перечисленные действия должны осуществляться в режиме цифровой PR-деятельности, которая предназначена для построения эффективного взаимодействия с целевой аудиторией в онлайн-формате.

Цифровой PR подразумевает использование электронных коммуникационных технологий в рамках организации и проведения PR-кампаний в онлайн-среде.

Электронный PR с использованием цифровых коммуникационных технологий предусматривает комплексную медиастратегию, направленную на продвижение и активное присутствие подразделений ИиОС в интернет-пространстве. Представленный формат взаимодействия с целевыми аудиториями способствует повышению образа и репутации ОВД в поисковых системах, повышению общественной лояльности к полиции и расширению позитивной аудитории реципиентов.

Цифровой PR основывается на следующих принципах: создание целевого сообщества; выстраивание горизонтальных коммуникаций в режиме двухсторонней симметричной коммуникационной модели; информационный продукт создает коммуникатор, а распространяет армия реципиентов; контроль информации в онлайн-режиме и реагирование на неё.

В рамках методики PR-технологий в современном цифровом пространстве СО-специалисты (специалисты по связям с общественностью) подразделений ИиОС ОВД на региональном уровне должны сформировать «MEDIAPOLIS» с функционирующим внутри него «MEDIAEGO», являющимся базисным PR-субъектом.

Таким образом, в ходе использования PR-технологий в digital-пространстве должно создаваться информационно-коммуникационное пространство «MEDIAPOLIS», имеющее характер сети, в котором основной центр тяжести будет переноситься на рациональные коммуникации.

В данное сетевое пространство включаются разнообразные коммуникационные площадки и инструменты – сайты, форумы, блоги, социальные сети, мессенджеры, которые объединяются в «MEDIAPOLIS», по которому разгон информации отличается от традиционных каналов массовой информации сверхскоростью и невероятным уровнем социального проникновения.

В результате формируется уникальная среда для ведения работы с гражданским обществом и массмедиа в следующих направлениях: публичная дипломатия; PR-сопровождение;

гражданско-правоохранительное сотрудничество; информационно-психологические PR-кампании.

В результате многофункциональность «MEDIAPOLIS» ориентирована на разные целевые аудитории и дополняет арсенал подразделения ИиОС ОВД с широкими возможностями практик digital-продвижения, помогает получить прямой канал доступа к аудитории, снизить зависимость от массмедиа и закрепить за «MEDIAEGO» репутацию авторитетного и надежного источника информации.

Формирование «MEDIAPOLIS» с учетом применения цифровых PR-технологий несет в себе следующие преимущества: присутствие высокой скорости, мобильность, универсальность, интерактивность и мультимедийность в процессе подачи информации; наличие широкого арсенала интернет-ресурсов, предоставляющих возможность широкого распространения необходимой информации среди населения; присутствие различных информационно-коммуникационных каналов мировой паутины, предоставляющих возможность коммуникатору распространять большие объемы аудиовизуального информационного продукта реципиенту, с учетом его зрительного и слухового восприятия; наличие таркетинговых коммуникаций, дающих возможность распространять информацию среди реципиентов целевых аудиторий; минимализация затрачиваемых сил и средств; относительно высокий уровень доверия таркетинговым виртуальным источникам социальной информации у реципиентов целевых аудиторий.

Таким образом, современная информационная среда вызвала к жизни новый тип коммуникации, который способствует построению эффективного механизма взаимодействия с целевыми аудиториями и укрепления позиций ОВД в онлайн-пространстве.

Если раньше взаимодействие со СМИ сводилось к офлайн-коммуникациям с традиционными или гибридными СМИ, а в работе в социальных сетях преобладала онлайн-коммуникация, то в условиях цифровой трансформации актуальным становится управление всеми каналами коммуницирования.

При этом модель односторонней коммуникации меняется на двустороннюю, где происходит главное – это привлечение

аудитории к диалогу. В этих условиях главная задача подразделения ИиОС ОВД – приобретение доминирующего информационного статуса в интернет-пространстве. Цифровая трансформация – реалии сегодняшнего дня, которые ОВД обязаны учитывать в своей деятельности [11, с. 92].

Список литературы

- 1. Исторический формуляр УОС МВД России.** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https:// mvd.ru/ mvd/ structure1/ Upravlenija/ Upravlenie_po_vzaimodejstvu_s_institut/ history_UOS](https://mvd.ru/mvd/structure1/Upravlenija/Upravlenie_po_vzaimodejstvu_s_institut/history_UOS)) (дата обращения: 10.08.2024).
- 2. Колокольцев, В.** МВД России будет вести открытую информационную политику / В. Колокольцев [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http:// www.itar-tass.com/obschestvo/605023](http://www.itar-tass.com/obschestvo/605023) (дата обращения: 10.08.2024).
- 3. Нежданов, И. Ю.** Методичка инфобойца / И. Ю. Нежданов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https:// www. litres.ru/ book/ igor-urevich-nezhdanov/ metodichka-infoboysa-69846271/](https://www.litres.ru/book/igor-urevich-nezhdanov/metodichka-infoboysa-69846271/) (дата обращения: 10.08.2024).
- 4. Назаров, М. М.** Информационные технологии и медиатизация общества / М. М. Назаров // Социально-гуманитарные знания. – 2016. – № 4. – С. 39.
- 5. Гуреева, А. Н.** Теоретическое понимание медиатизации в условиях цифровой среды / А. Н. Гуреева // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. – 2016. – № 6. – С. 192.
- 6. Кривоносов, А. Д., Филатова, О. Г., Шишкина, М. А.** Основы теории связей с общественностью / А. Д. Кривоносов, О. Г. Филатова, М. А. Шишкина. – СПб. : Питер, 2012. – 384 с.
- 7. Колокольцев, В. А.** Тридцать лет пресс-службам и подразделениям общественных связей МВД России / В. А. Колокольцев // Профessional. – 2013. – № 3. – С. 1.
- 8. О вводе в эксплуатацию** аппаратно-программного комплекса «Официальный интернет-сайт МВД России»: приказ МВД России от 14 января 2013 г. № 15 [Электронный ресурс]. –

Режим доступа: //https://мвд.рф/ Zada_j_vopros_policejskomu (дата обращения: 10.08.2024).

9. Компьютерные сети. УК Microsoft Corporation / пер. с англ. – М. : Изд. русской редакции ТОО «Channel Trasding Ltd.», 1997. – 150 с.

10. Свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС 77-77286 от 25 декабря 2019 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rkn.gov.ru/activity/mass-media/for-founders /media/?id=774291&page=> (дата обращения: 10.08.2024).

11. Технологии взаимодействия органов внутренних дел со средствами массовой информации : учебное пособие / Э. В. Намруева, О. И. Ильянова. – М. : Академия управления МВД России, 2021. – С. 92.

Tepljakov Oleg Viktorovich,
Candidate of Political Sciences, Associate Professor
Leningrad Regional Branch of St. Petersburg University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia
otvspb@yandex.ru

New horizons of mediarelations in PR-activities of the Information and Public Relations Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The article is devoted to the analysis of digital information and communication technologies that can be used in interaction with the media by information and public relations units of the territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia. The author also analyzes the trends of the media industry in the context of digitalization, highlight inginnovative technologies that are used in the mediasphere.

Keywords: mediarelations, massmedia police, information and public relations units, massmedia, Internet.

Фоминцева Наталья Алексеевна,
магистрант
КГПИ ФГБОУ ВО «КемГУ»
slashinin2015@yandex.ru

Влияние современных технологий на стереотипы

Статья посвящена влиянию современных технологий на стереотипы. Она исследует, как социальные медиа и онлайн-платформы формируют, распространяют и изменяют стереотипные представления в общественном сознании. Автор анализирует механизмы этого влияния, такие как алгоритмическая предвзятость и социальное подтверждение, а также предлагает рекомендации по снижению негативных последствий и использованию технологий для продвижения толерантности и инклюзии.

Ключевые слова: стереотипы, современные технологии, социальные медиа, онлайн-платформы, глобализация, цифровизация.

В современном обществе стереотипы продолжают оказывать значительное влияние на формирование общественного мнения, поведение и взаимодействие между различными группами людей. Хотя стереотипы сами по себе не являются новыми явлениями, стремительное развитие современных технологий – включая социальные сети, Интернет и медиа – создало новые возможности для их распространения и трансформации [1]. Эти технологии могут как усиливать существующие стереотипы, так и способствовать их разрушению, в зависимости от контекста и способов их использования. Важно понять, как именно современные технологии влияют на формирование и изменение стереотипов, чтобы разработать эффективные стратегии и механизмы борьбы с предвзятостью и дискриминацией.

Актуальность исследования обусловлена несколькими факторами. Во-первых, глобализация и цифровизация общества ставят перед нами новые вызовы, в том числе в сфере межкультурной коммуникации. Возрастающее влияние

социальных медиа на поведение и мышление людей делает их ключевыми инструментами формирования общественного восприятия [2]. Во-вторых, социальные и экономические последствия предвзятости и дискриминации, основанных на стереотипах, продолжают создавать значительные проблемы в различных сферах, включая образование, рынок труда и межрасовые отношения. Наконец, в-третьих, необходимость развития критического мышления и медийной грамотности среди населения требует глубже понять, как технологии могут как поддерживать, так и разрушать негативные стереотипы.

Научная новизна данного исследования заключается в комплексном анализе влияния современных технологий на стереотипы в их самых разнообразных проявлениях. В отличие от существующих исследований, которые часто фокусируются на либо позитивных, либо негативных аспектах технологий, данная работа будет стремиться выявить многогранные и взаимосвязанные эффекты, а также механизмы, запускающие изменение стереотипов. Также в исследовании представлен анализ влияния специфических технологий (например, алгоритмов рекомендаций в социальных сетях) на восприятие и распространение стереотипов, а также аспектов, связанных с культурной идентичностью, гендером и расой [3]. Такой подход не только расширяет существующие научные дискуссии, но и предлагает практические рекомендации для противодействия предвзятости и дискриминации в контексте цифрового общества.

Цель статьи состоит в том, чтобы исследовать и проанализировать влияние современных технологий на формирование, распространение и изменение стереотипов, выявить сущность и механизмы этого влияния, а также предложить рекомендации для снижения негативных аспектов и использования технологий для продвижения толерантности и инклюзии.

Для проведения исследования нами были рассмотрены различные данные в виртуальном пространстве (Рис. 1):

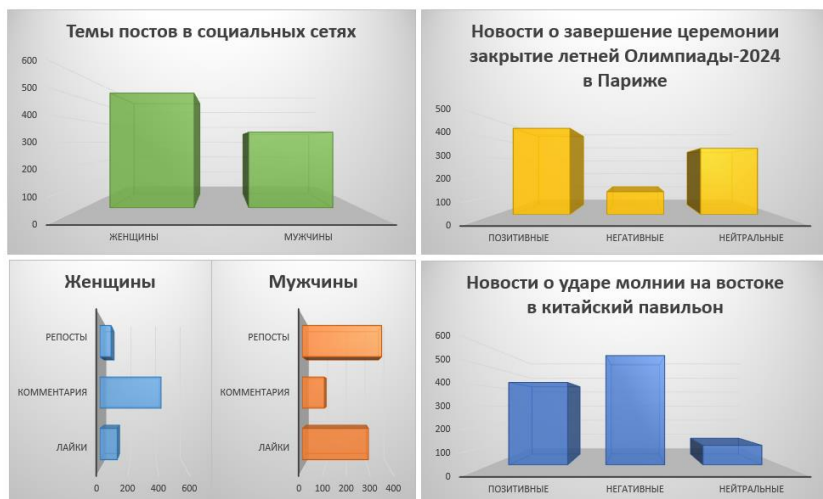

Рисунок 1. Анализ данных из виртуального пространства

– посты в социальных сетях (ВКонтакте, TikTok и т.п.). Проанализированы тематика, тональность, используемые образы и стереотипы (например, мы производили поиск по хэштегам #женщины, #мужчины, #мигранты, #ЛГБТ), произведена оценка количества лайков, репостов, комментариев и их характер;

– комментарии к новостям на онлайн-платформах. Проанализированы отношение к разным группам людей в комментариях, использованы методы анализа сентимента, то есть определение позитивных, негативных или нейтральных отзывов;

– игровые форумы. Проанализированы сообщения на тему гендерных стереотипов в онлайн-играх (например, «женщины в играх» и «гендерные роли в играх»), выявлены дискриминационные высказывания и насильственное речевое поведение в отношении женщин;

– видеоролики на YouTube. Проанализированы тематика и стиль видеороликов с фокусом на стереотипных представлениях (например, «как должна вести себя женщина», «как должен вести себя мужчина», «стереотипы о национальности»), произведена оценка комментариев и реакция зрителей;

– статьи в онлайн-медиа. Проанализированы представления разных групп населения в новостях, статьях и комментариях, выявлено присутствие стереотипов и их влияние на общественное мнение.

Исследование влияния современных технологий на формирование, распространение и изменение стереотипов представляет собой многогранную и актуальную тему. Технологии, в частности социальные медиа и платформы для онлайн-взаимодействия, оказывают мощное воздействие на общественное мнение и нормы, преобразуя традиционные механизмы коммуникации и восприятия.

Ниже представлены основные аспекты влияния технологий на стереотипы.

1. Формирование стереотипов.

В первую очередь это контент в социальных сетях. Алгоритмы, применяемые на различных платформах, нередко способствуют возникновению и распространению определённого рода нарративов и визуальных образов. Это может не только усиливать, но и формировать устойчивые стереотипы о разных группах людей, что часто имеет далеко идущие последствия для общественного восприятия.

Разумеется, отбор информации так же влияет на формирование стереотипов. Пользователи, как правило, выбирают контент, который будет отзываться на их личные взгляды и убеждения, что приводит к образованию так называемых «информационных пузырей». Такой подход к потреблению информации ограничивает доступ к альтернативным точкам зрения и может способствовать поляризации общественного мнения, но также создает риск упрощенного понимания сложных социальных проблем.

2. Распространение стереотипов.

Вирусный контент представляет собой основной канал, через который распространяются различные стереотипы. Быстро набирающие популярность мемы, видеоролики и посты могут в считанные часы способствовать укоренению негативных предрассудков в обществе.

Кроме того, легкость доступа к информации также имеет значение. Широкий спектр доступных источников может способствовать как углублению стереотипов, так и их опровержению, однако эффективность этого процесса зависит от качества и надежности представляемого контента.

3. Изменение стереотипов.

Существуют вдохновляющие примеры, демонстрирующие, как технологии способны подчеркивать позитивные изменения восприятия определенных групп. Например, это можно наблюдать в рамках кампаний, ориентированных на достижение социальной справедливости.

Одним из важных аспектов этих усилий является создание новых нарративов. Поддержка альтернативных повествований и инициатив в социальных медиа может объединять усилия по разрушению стереотипов и содействию формированию более инклюзивного общества. Такие действия не только способствуют повышению осведомленности, но и укрепляют солидарность среди различных сообществ, помогая преодолевать предвзятость и способствуя взаимопониманию.

В ходе исследования были выявлены механизмы, через которые технологии оказывают влияние на формирование стереотипов. Одним из таких механизмов является алгоритмическая предвзятость. Алгоритмы социальных медиа склонны продвигать контент, который вызывает сильные эмоциональные отклики, что зачастую включает в себя предвзятые или сенсационные материалы.

Кроме того, к числу этих механизмов можно отнести социальное подтверждение. Пользователи склонны принимать точки зрения, получающие поддержку в их окружении, что способствует укреплению уже имеющихся стереотипов.

Также важным механизмом является доступность и представительство. Нехватка адекватного представительства определенных групп в медиа создает искаженное восприятие реальности и поддерживает существующие стереотипы. В совокупности все эти факторы подчеркивают, что технологии могут как усиливать, так и изменять стереотипные представления,

что требует внимательного отношения к их использованию в обществе.

Для снижения негативных аспектов и использования технологий для продвижения толерантности и инклюзии предлагаются следующие рекомендации:

1. образование и просвещение (разработка образовательных программ, направленных на осознание стереотипов и критическое восприятие информации);

2. алгоритмическая прозрачность (разработке более прозрачных алгоритмов в социальных сетях, чтобы пользователи могли понимать, какие факторы влияют на формирование их ленты новостей);

3. продуктовые решения (создание технологий, способствующих продвижению инклюзивного контента и разнообразия, например системы, которые подбирают контент с учетом культурных различий);

4. политика и этика (разработка этических норм и стандартов для технологических компаний, направленных на минимизацию распространения дезинформации и стереотипов);

5. социальные инициативы (поддержка кампаний, которые активно борются со стереотипами и способствуют общественному диалогу на темы толерантности и инклюзии).

Технологии обладают потенциалом как для усиления, так и для изменения стереотипов. Их влияние сложное и двусмысленное, и требует системного анализа и сознательных действий со стороны пользователей, платформ и обществ в целом. Применение технологий для продвижения толерантности и инклюзии возможно, если сосредоточиться на внимательном подходе к информации, созданию инклюзивного контента и активном противодействии предвзятости.

Список литературы

1. **Берулава, Г. А.** Влияние современных информационных технологий на коммуникативные характеристики личности / Г. А. Берулава // Гуманизация образования. – 2013. – № 6 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-sovremennyh-informatsionnyh>

tehnologiy-na-kommunikativnye-harakteristiki-lichnosti (дата обращения: 10.08.2024).

2. Володенков, С. В. Влияние цифровой среды на современное мировоззрение: pro et contra / С. В. Володенков, С. Н. Федорченко, Н. М. Печенкин // Вестник РУДН. Серия: Политология. – 2023. – № 1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-tsifrovoy-sredy-na-sovremennoe-mirovozzrenie-pro-et-contra> (дата обращения: 12.08.2024).

3. Ковалёв, А. А. Технологии XXI века: влияние на национальный менталитет и культурное наследие / А. А. Ковалёв // Вестник ПАГС. – 2023. – № 6 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologii-xxi-veka-vliyanie-na-natsionalnyu-mentalitet-i-kulturnoe-nasledie> (дата обращения: 11.08.2024).

Fomintseva Natalia Alekseevna,
Graduate student
KSPI of Kemerovo State University
slashinin2015@yandex.ru

Influence of modern technologies on stereotypes

The article is devoted to the influence of modern technologies on stereotypes. It explores how social media and online platforms shape, propagate, and modify stereotypes. The author analyzes the mechanisms of this influence, such as algorithmic bias and social confirmation, and offer recommendations on how to reduce negative effects and use technology to promote tolerance and inclusion.

Keywords: stereotypes, modern technologies, social media, online platforms, globalization, digitalization.

МИРОМОДЕЛИРУЮЩИЙ ПОТЕНЦИАЛ МЕДИАКРИТИКИ И МЕДИАОБРАЗОВАНИЯ

УДК 37.013.8

Баженова Анастасия Романовна,
магистрант кафедры журналистики,
рекламы и связей с общественностью
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет
имени Г. Р. Державина»
anastasiab567@gmail.com

Роль медиаобразования в патриотическом воспитании

Статья рассматривает значимость медиаобразования в системе патриотического воспитания молодежи. Анализируются медиапроекты Державинской школы массовых коммуникаций, способствующие формированию у студентов гражданской идентичности и патриотизма. Подчеркивается, что медиаобразовательные проекты способны формировать у студентов систему ценностных ориентиров, а именно традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

Ключевые слова: медиаобразование, медиаграмотность, патриотизм, духовно-нравственные ценности.

В современном мире, насыщенном информацией, медиаобразование становится важным инструментом формирования гражданской позиции и патриотического сознания у молодежи. Патриотизм, как основа национальной идентичности, требует не только любви к родине, но и осознания ее истории, культуры и ценностей. В этом контексте медиаобразование играет ключевую роль в воспитании ответственного и активного гражданина.

Изучение роли медиаобразования в патриотическом воспитании является сегодня актуальной задачей практической и научной отраслей журналистики в целом. Необходимость

обращения к этому вопросу также объясняется возросшим значением медиаиндустрии и революционными изменениями медиаландшафта.

Исследователь Н. П. Рыжих считает, что именно медиаобразование позволяет решить проблемы, связанные с формированием полноценной личности: «развитие эстетического сознания, ориентированного на гуманистические идеалы и ценности; креативных способностей, умений анализа медиатекстов, изучение и освоение на практике методов и форм» [4, с. 25].

Д. О. Березуцкая говорит о взаимосвязи медиаобразования и формировании личности, считая, что патриотическое воспитание – это «взаимодействие, в том числе и в медийном пространстве, взрослого и детей в совместной деятельности и общении, которое направлено на раскрытие и формирование в ребенке общечеловеческих нравственных качеств личности, приобщение к истокам национальной региональной культуры, природе родного края, воспитание эмоционально действенного отношения, чувства сопричастности, привязанности к окружающим» [1].

Медиаобразование предусматривает методику проведения занятий, основанную на проблемных, эвристических, игровых и др. продуктивных формах обучения, развивающих индивидуальность учащегося, самостоятельность его мышления, стимулирующих его способности через непосредственное вовлечение в творческую деятельность, восприятие, интерпретацию и анализ структуры медиатекста, усвоение знаний о медиакультуре.

На современном этапе развития медиаобразования большое внимание уделяется выработке активных подходов к содержанию обучения с упором на развитие критического мышления. В условиях информационной перегрузки важно уметь отличать факты от манипуляций. Критическое восприятие медиаконтента помогает молодежи осознавать, какие идеологии и ценности стоят за теми или иными сообщениями, что противодействует распространению деструктивной идеологии.

Исследователь Н. Б. Кириллова также делает акцент на том, что особое внимание в процессе медиаобразования должно уделяться развитию самостоятельного критического мышления,

которое приходит с приобретением практического опыта «выявления ложных сведений и искажений вполучаемой информации выработке иммунитета против манипулятивного влияния...» [3].

Рассмотрим медиаобразовательные проекты, реализуемые на базе Державинской школы массовых коммуникаций [2] Тамбовского государственного университета имени Г. Р. Державина при грантовой поддержке Федерального агентства по делам молодёжи (Росмолодёжь) [6].

Державинская школа массовых коммуникации с 2021 года реализует медиаобразовательные проекты в сфере патриотического воспитания студентов высших учебных заведений. Об этом подробно пишут исследователи С.А. Серова, Е.А. Зверева, Е.П. Семишова [5, с. 164]. Они утверждают, что такие проекты «создают условия для реализации творческого потенциала талантливой молодежи, содействуют профессиональному самоопределению школьников, повышают уровень медийной культуры и медийной грамотности у участников проектов и у общества в целом».

На базе Державинской школы массовых коммуникаций осенью 2022 года был создан Центр гибких компетенций в медиасфере. Данный центр – это площадка для проведения тренингов ведущих представителей экспертных сообществ в сфере медиа с целью формирования у молодых журналистов компетенций в креативной медиаиндустрии.

Слушатели принимали участие в групповых проектных практикумах. И в ходе данной работы каждая команда представила и защитила свой медиапроект, связанный с патриотической темой.

В октябре 2023 года на базе Державинской школы массовых коммуникаций прошел первый в Тамбовском области Форум медиаволонтеров «Живи со смыслом».

Целью Форума стало развитие молодежного медиаволонтерства, направленного на продвижение в цифровой среде традиционных российских духовно-нравственных ценностей (патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, историческая память) и противодействие распространению деструктивной идеологии

(искажение исторической правды, ослабление общероссийской гражданской идентичности и единства многонационального народа России, создание условий для межнациональных и межрелигиозных конфликтов, подрыв доверия к институтам государства, дискредитация идеи служения Отечеству) в рамках реализации Указа Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей».

Образовательная программа форума предполагала активное взаимодействие обучающихся с экспертами в сфере медиа. Помимо этого, на форуме были реализованы проектные практикумы – особый вид практических занятий. На них обучающиеся смогли применить уже полученные на тренингах знания и воплотить их для создания собственных медиаобразовательных проектов. Благодаря практикумам участники смогли доработать свои проекты и представить окончательный результат на финальном дне форума. Были разработаны и защищены следующие проекты: «Формирование системы ценностных ориентиров молодежи», «Продвижение социально значимого контента в цифровой среде», «Сохранение исторической памяти», «Безопасное медиапотребление “цифровой” молодежи», «Противодействие распространению деструктивной идеологии в цифровой среде».

Медиаобразовательные проекты сегодня имеют большой потенциал в воспитании истинных граждан своей страны. Участие молодежи в создании контента о формировании системы ценностных ориентиров личности, о значимых исторических событиях способствует развитию критического мышления, формированию чувства национальной идентичности. В условиях сложной геополитической обстановки медиаобразование является эффективным инструментом патриотического воспитания «цифровой» молодежи.

Список литературы

- 1. Березуцкая, Д. О.** Патриотическое воспитание россиян с опорой на медиаобразовательный ресурс / Д. О. Березуцкая // Общество: социология, психология, педагогика. – 2014. – № 3 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/patrioticheskoe-vospitanie-rossiyan-s-oporoy-na-mediaobrazovatelnyu-resurs> (дата обращения: 15.08.2024).
- 2. Державинская школа** массовых коммуникаций. официальное сообщество в социальной сети «ВКонтакте» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://vk.com/tsutmb_dshmk.
- 3. Кириллова, Н. Б.** От медиаобразования – к медиакультуре / Н. Б. Кириллова // Медиаобразование. – 2005. – № 5 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ot-mediaobrazovaniya-k-mediakulture> (дата обращения: 12.08.2024).
- 4. Рыжих, Н. П.** Медиаобразование студентов педагогического вуза на материале англоязычных экранных искусств : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. пед. наук : спец. 13.00.05 «Теория, методика и организация социально-культурной деятельности» / Рыжих Наталья Петровна ; Таганрог. гос. пед. ин-т. – Ростов-на-Дону, 2006. – 27 с.
- 5. Серова, С. А.** Практика совместных медиаобразовательных проектов вуза и общеобразовательных учреждений / С. А. Серова, Е. А. Зверева, Е. П. Семишова // Журналистика в эпоху цифровых трансформаций: ценности и практики: сборник материалов X Международной научно-практической конференции, Тамбов, 17 ноября 2022 года. – Тамбов : Издательский дом «Державинский», 2022. – С. 164.
- 6. Федеральное агентство** по делам молодёжи (Росмолодёжь) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://myrosmol.ru/> (дата обращения: 09.09.2024).

Bazhenova Anastasia Romanovna,
Graduate student of the Department of Journalism,
Advertising and Public Relations
Tambov State University named after G. R. Derzhavin
anastasiab567@gmail.com

The role of media education in patriotic education

The article examines the importance of media education in the context of patriotic education of young people. The existing media projects based on the Derzhavin School of Mass Communications, contributing to the formation of civic identity and critical thinking among students, are analyzed. It is emphasized that media education helps to consciously perceive information, strengthening patriotic feelings and active participation in the life of the country.

Keywords: media education, media literacy, media projects, patriotism, education.

Кириллова Лилия Юрьевна,
сотрудник лаборатории новых медиа кафедры журналистики,
рекламы и связей с общественностью
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет
имени Г. Р. Державина»
liliya-kirillova@internet.ru

**Проблема популяризации асоциальных личностей
в блогосфере: практика создания медиаобразовательного
подкаста**

В статье автор исследует проблему асоциальных личностей в блогосфере, рассказывает об опыте создания медиаобразовательного подкаста на тему деструктивного контента в сети.

Ключевые слова: подкаст, блогосфера, асоциальный контент, треш-контент.

Проблема асоциального контента в блогосфере уже довольно долгое время является актуальной и требующей решения. Потребляемый треш-контент несет в себе опасность как для подрастающего поколения, так и для самих создателей подобного рода материалов. Существует несколько причин, по которым людям нравится потреблять асоциальный контент в сети. Врач-психотерапевт, телеведущая и писатель Наталья Толстая в интервью NEWS.ru объясняет, почему людям нравятся треш-стримы: «Зритель чувствует безнаказанность, понимает, что это делает не он. Виноваты все – и стримеры, и «заказчики» выходок. Последние творят зло чужими руками, но получают огромное удовольствие и выброс адреналина. Человек, оплативший сценарий стрима, чувствует себя важным, его волю исполнили – это психологическое поглаживание» [1]. И действительно, желание получить бурные эмоции от просмотра асоциального контента толкают людей на необдуманные, порой жестокие поступки. Организаторы треш-стримов ради популярности и денег готовы на

все, а зрители рады представлению, которое ради них разыгрывают. Однако, стоит сказать, чем такие представления заканчиваются. Станислав Решетников, 30-летний треш-стример, в 2020 г. стал известен на весь Интернет после проведенной прямой трансляции. Во время трансляции он, повздорив со своей подругой, выгнал ее на улицу без одежды. Девушка погибла от переохлаждения, а Станислав отбывает срок за непредумышленное убийство [8]. Это не единственный случай, когда на подобных трансляциях люди демонстрируют асоциальное поведение, пропагандируют зрителям деструктивный образ жизни. Более того, само существование таких личностей в блогосфере несет определенный посыл молодому поколению: чтобы стать популярным, не обязательно прилагать какие-то усилия. Достаточно вызвать шок у зрителя, провоцировать людей своим поведением, и тебя заметят.

Прямые трансляции не являются единственным интернет-форматом, на котором можно увидеть асоциальный контент. Как правило, треш-блогеры стараются распространять свое влияние на всех известных площадках, собирая больше аудитории и возможностей для заработка денег. Отсюда вытекает еще одна проблема, связанная с деструктивным контентом: реклама подобных блогеров, запрещенных веществ и каналов, распространяющих разного рода незаконные материалы. Связано это с тем, что с такими личностями отказываются работать организации, которые переживают за свою репутацию. Как правило, за рекламу незаконных материалов людям предлагают огромные деньги. Естественно, треш-блогеры никогда от них не отказываются [3].

Деструктивный контент в сети представляет собой угрозу пропаганды асоциального образа жизни. Особое внимание государства к треш-стримам это только подтверждает. Председатель Государственной Думы Вячеслав Володин отмечает: «Недопустимо, что треш-стримы порождают жестокость и насилие в обществе» [12]. В данный момент государство сконцентрировано на том, чтобы пресечь преступления, совершаемые на прямых трансляциях. Отсутствие правового контроля над ситуацией только

провоцирует появление новых криминальных инцидентов, что в данной ситуации недопустимо.

Проблему решать нужно, это бесспорно. Но что конкретно можно сделать? Мы, как журналисты, определенно не можем найти решение, которое решит этот сложный вопрос, но мы можем заниматься образовательной деятельностью, которая поможет рассказать людям о вреде асоциального контента. Нашим решением было создать медиаобразовательный подкаст на тему «Проблема популяризации асоциальных личностей в блогосфере». На это было несколько причин:

1. Создание подкаста помогает развить профессиональные навыки. Изучение материала, работа с техникой и анализ информации важны для нашего развития, как будущих журналистов.

2. Подкаст позволяет донести важные вещи для общества в развлекательном формате. Люди лучше запоминают информацию, если ее интересно подать.

3. Обращать внимание на остросоциальные проблемы и просвещать людей – одна из обязанностей журналиста. Стоит задумываться о том, что можно сделать на благо общества.

В ходе работы над медиаобразовательным подкастом мы улучшали свои профессиональные навыки, учились создавать развлекательный контент качественно и подходить к работе ответственно. Мы выявили некоторые особенности работы над подобными подкастами и считаем важным поделиться ими с аудиторией.

В первую очередь, стоит определиться с форматом записи подкаста. Естественно, нет четкого мнения, какой формат лучше – аудио или видео. Можно записывать так, как хочется, но если вы преследуете цель охватить как можно большую аудиторию для популяризации вашего контента, стоит записывать подкаст и в аудио, и в видеформате. Таким образом, вас заметят как и любители послушать, так и люди, предпочитающие смотреть видео подкасты, что значительно увеличивает ваши шансы найти своего слушателя.

Не ограничивайтесь одной определенной площадкой, выпуская подкаст. Этим вы уменьшаете круг аудитории, которая

заинтересуется вашей работой. Правильнее рассчитывать на несколько площадок, особенно когда мы говорим о подкасте, выполненном в двух форматах.

Для записи подкаста нужна исправная и хорошая техника. Проблем со звуком и видео нельзя допустить, это замечается сразу и отталкивает от просмотра. К примеру, в подкасте блогера Teslond «ТРЕШБЛОГИНГ: почему мы ЭТО смотрим?» на протяжении всего видео присутствует проблема со звуком. Большому количеству зрителей это не понравилось, о чем они заявили в комментариях [13]. При всех возможностях, которые у вас имеются, старайтесь доводить все до идеала. Зритель очень избирателен, особенно, если вы только начинаете свой путь в создании контента. В нашем случае, при создании подкаста, техникой и студией нас обеспечивал университет. Поэтому лучшей опорой будет ваше учебное заведение.

Изучайте тему, которую хотите обсудить, подробно. Создавая медиаобразовательный подкаст, вы не можете себе позволить использовать недостоверную информацию. Для четкой аргументации своей позиции требуется тщательное изучение интересующей вас проблемы. Постарайтесь найти может и не решение проблемы, но варианты, который могли бы существенно помочь людям. Например, во время работы над нашим подкастом об асоциальном контенте, мы пытались донести до людей как важно не обсуждать провокации треш-блоггеров, не реагировать на них, подогревая к ним интерес. Это бы не решило проблему целиком, но существенно отразилось бы как на зарботке таких блоггеров, так и популярности.

Визуальная составляющая вашего подкаста – очень важная часть работы. Небрежно выполненное оформление оттолкнет зрителя от просмотра. Здесь все зависит от вашей фантазии, если вы придумаете интересную концепцию для вашего подкаста, это будет только в плюс. Например, канал «Правое полушарие интроверта» имеет подкасты, выполненные в концепте дружеской беседы на кухне, так выпуски и называются, «Интроверт на кухне» [11]. Старайтесь выделиться, зритель должен посмотреть на ваш подкаст как минимум, из-за визуального интереса.

Внимательно подбирайте гостей на свой подкаст. Нужен человек, чье мнение авторитетно для общества, который разбирается в теме и может помочь более широко раскрыть проблему. При работе над подкастом мы решили пригласить сотрудников нашей кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью. Таким образом, мы хотели повысить значимость нашего выпуска, подкрепляя информацию мнением человека, изучающим сферу медиа.

Внимательно подбирайте гостей на свой подкаст. Нужен человек, чье мнение авторитетно для общества, который разбирается в нужной вам теме и может помочь вам более широко раскрыть проблему. При работе над подкастом мы хотели пригласить кого-нибудь с нашей кафедры рекламы и журналистики. Таким образом, мы хотели повысить значимость нашего выпуска, подкрепляя информацию мнением человека, изучающим сферу медиа.

Подводя итоги всему вышесказанному, нами было проведено исследование проблемы асоциальных личностей в блогосфере. Люди, транслирующие деструктив в общество, всегда были и будут, но это не значит, что мы должны принимать их поведение за норму. В наших силах уменьшить количество треш-контента в сети, игнорируя и порицая подобное поведение. В погоне за славой и деньгами люди могут идти на крайние меры, и очень важно донести до молодежи опасность этого пути. Как показывает практика, переступая мораль, треш-блогеры не могут реабилитироваться и вернуться в общество. Рекламируя азартные игры, запрещенные вещества они подвергают себя опасности связи с криминальными лицами. С течением времени они становятся для зрителей скучными, поэтому с каждым разом они привлекают к себе внимание все более жестокими способами. Они опасны не только для себя, но и для окружающих. Нередко подобные личности нарушают общественный порядок, провоцируя людей и нападая на них.

Нами было предложено создание медиаобразовательного подкаста, который бы помог предостеречь людей о вреде деструктивного контента, рассказывал о последствиях асоциального образа жизни и его опасности. Путем исследования

данной проблемы и теории о создании подкастов, мы выявили несколько факторов, влияющих на успешность готового продукта. Мы считаем правильным делиться своим опытом с другими, потому что это способствует не только повышению качества создаваемых подкастов, но и помогает повышать свои навыки в области медиа. Обращая внимание на остросоциальную проблему, мы надеемся общими силами найти ее решение. Проблемы общества – это всегда коллективная работа, требующая усилий и времени.

Список литературы

1. **«Мы все животные»:** психотерапевт объяснила популярность треш-стримов // News.ru. – 2021. – 27 августа [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://kino.rambler.ru/movies/47098242-my-vse-zhivotnye-psihoterapevt-obyasnila-populyarnost-tresh-strimov/> (дата обращения: 06.09.2024).

2. **Альбова, Е.** Психолог Эвелина Гаевская о треш-стримах: «Неприятное и опасное наш мозг воспринимает как более важную информацию» / Е. Альбова // Oblvesti.ru. – 2024. – 2 февраля [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://oblvesti.ru/psiholog-evelina-gaevskaya-o-tresh-strimah-nepriyatnoe-i-opasnoe-nash-mozg-voSprinimaet-kak-bolee-vazhnuju-informaciju/> (дата обращения: 06.09.2024).

3. **Белодед, Д. Р.** Деструктивный цифровой контент как среда и условие развития девиантного поведения интернет-пользователей / Д. Р. Белодед // Психология XXI века: вызовы, поиски, векторы развития. – Рязань : Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2022. – С. 75–80.

4. **Белодед, Д. Р.** Влияние деструктивного цифрового контента на психологическую безопасность пользователей интернета / Д. Р. Белодед // Вестник калужского университета. Серия 1. Психологические науки. Педагогические науки. – 2022. – Том 5. Выпуск 2. – С. 122–128.

5. **Богатырев, К. М.** Угрозы медиабезопасности в цифровой среде: систематизация и анализ / К. М. Богатырев //

Актуальные проблемы российского права. – 2022. – Т. 17. – № 7 (140). – С. 136–141.

6. Богатырев, К. Треш-контент как форма информационных угроз медиабезопасности в цифровой среде / К. Богатырев // Юрислингвистика. – 2022. – № 24 (35). – С. 38–44.

7. Богатырев, К. М. Медиабезопасность в цифровой среде: криминалистический аспект / К. М. Богатырев // Теория и практика расследования преступлений : Материалы IX Международной научно-практической конференции, Краснодар, 15 апреля 2021 года. – Краснодар : Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации», 2021. – С. 292–296.

8. Глинкин, А., Романов, В. Российский блогер в прямом эфире довел подругу до смерти: Оон выгнал ее на мороз, а наутро нашел мертвой / А. Глинкин, В. Романов // Lenta.ru. – 2020. – 2 декабря [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://lenta.ru/brief/2020/12/02/strim/> (дата обращения 06.09.2024).

9. Грачева, Ю. В., Маликов, С. В. Треш-стрим: социальная обусловленность криминализации / Ю. В. Грачева, С. В. Маликов // Актуальные проблемы российского права. – 2021. – № 6 (127). – С. 202–209.

10. Колесник, И. С. Необходимые меры уголовно-правового урегулирования «треш-стримов» / И. С. Колесник // Россия в XXI веке: стратегия и тактика социально-экономических, политических и правовых реформ : Материалы XIV Всероссийской научно-практической конференции студентов и молодых ученых, Барнаул, 22–23 апреля 2021 года. – Барнаул : Алтайский филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», 2021. – С. 88–89.

11. Подкаст «Интроверт на кухне». Мнение. Почему мы смотрим блогеров? [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://clck.ru/3AUgFA> (дата обращения 06.09.2024).

12. Принят законопроект о противодействии распространению треш-стримов // Государственная дума

Федерального собрания Российской Федерации. – 2024. – 15 февраля [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://duma.gov.ru/news/58816/> (дата обращения 06.09.2024).

13. Тескаст: трешблоггинг, почему мы это смотрим? Енина, Влад Дурак, Гасанханова // teslond. – 2023. – 3 октября [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=EPpCVF11zHY> (дата обращения: 06.09.2024).

Kirillova Lilia Yurievna,

Employee of the Laboratory of New Media of the
Department of Journalism, Advertising and Public Relations
Tambov State University named after G. R. Derzhavin
liliya-kirillova@internet.ru

The problem of popularization of antisocial personalities in the blogosphere: the practice of creating a media educational podcast

In the article, the author explores the problem of antisocial personalities in the blogosphere, talks about the experience of creating a media educational podcast on the topic of destructive content on the web.

Keywords: podcast, blogosphere, antisocial content, trash content.

Котова Ирина Евгеньевна,
методист МБУ ДО «Центр дополнительного
образования “Одаренность”»
irinakot91@mail.ru

Формирование медиакультуры обучающихся через киноуроки на занятиях в объединениях по интересам

В статье представлен опыт работы учреждения дополнительного образования по применению метода «кинопедагогика», который способствует формированию медиакультуры, самовыражению школьников через творчество. Описаны рекомендации по проведению киноуроков.

Ключевые слова: дополнительное образование, медиакультура, киноуроки, кинопедагогика, обучающиеся.

Сегодня экран является основным источником передачи актуальной информации о событиях. Мы считаем, что для современных школьников именно «кино» является незаменимым источником дополнительной информации по многим учебным предметам [2].

Киноискусство вызывает интерес у школьников, позволяет педагогам использовать на уроках видеofilmы, которые решают такие задачи, как:

- ознакомить учащихся с основами киноязыка;
- обогащать восприятие;
- обучить навыкам анализа и толкования авторской концепции фильма;
- развивать умение работать с информацией в процессе просмотра фильма;
- сортировать информацию с точки зрения ее важности, делать выводы и обобщения;
- повышать восприятие аудиовизуальной информации;
- обогащать словарный запас.

Кинопедагогика сегодня стремительно набирает обороты и становится так называемым актуальным образовательным трендом.

Отличительной особенностью киноурока в сравнении со стандартными занятиями является то, что в ходе его проведения происходит «диалог с экраном» [1] – школьники учатся смотреть на мир другими глазами, становятся «грамотными зрителями».

Важно при проведении киноуроков использовать разнообразные формы работы: устная (кинолектории); письменная (написание эссе, сочинение по просмотру фильма); игровая (киноквизы, интерактивные игры).

Хотелось бы отметить еще один плюс кинопедагогике – это медиаобразование школьников. В медиаобразовательном процессе в контексте реализации воспитательных функций осуществляется приобщение обучающихся к информационным и художественным материалам, формирующим ценностные ориентации и осознанное отношение к применению медиаисточников в образовательном процессе [3].

Безусловно, решение вопросов, связанных с использованием произведений медиакультуры (в том числе – и художественных фильмов) в воспитательном процессе имеет свою историю и давние традиции в России [3].

Среди исследований последних лет, рассматривающих воспитательные возможности медиаобразования, можно выделить работы Е. В. Калач, Г. В. Максимовой, Н. П. Рыжих, И. В. Чельшевой, Г. В. Михалевой и др.

Мы уверены, что произведения кинематографа обладают огромным воспитательным потенциалом. Неслучайно образование и воспитание школьников средствами кинематографа является одним из ключевых направлений в системе медиаобразования и реализуется в современных условиях образовательного процесса [2].

Процесс просмотра и обсуждения кинокартин опирается на традиционные принципы сотрудничества, диалога. Структурные компоненты работы с художественным фильмом в процессе занятий включают:

1. Организационный момент, вступительное слово, объявление темы занятия.
2. Сообщение по теме занятия.
3. Показ кинофрагментов.

4. Коллективное обсуждение.

5. Творческую работу (выполнение творческих заданий, написание отзывов, мини-сочинений, ролевые, театрализованные, имитационные игры и т. д.).

6. Рефлексивный этап. Подведение итогов занятия.

Педагогами МБУ ДО «ЦДО “Одаренность” было разработано немало киноуроков, таких как:

– Патриотический киноурок по фильму «Ванька», целью которого является формирование у обучающихся семейных ценностей, чувства гражданского достоинства, любви к Родине, нравственных ценностей. Патриотическое воспитание сегодня чрезвычайно значимо в образовании и обществе. Киноискусство обладает высоким потенциалом в плане развития духовно-нравственной личности. Однако данную методику педагоги недостаточно применяют в своей профессиональной деятельности. Школьники любого возраста, наблюдая за поведением киногероев в различных ситуациях, соотносят их со своим личными качествами. Мы считаем, что проведение киноуроков патриотической направленности – неотъемлемая часть воспитания подрастающего поколения. Совместный просмотр кинофильма позволяет проговорить, прожить ситуацию с героями на экране.

– Киноурок «Добро не имеет границ» по короткометражным мультфильмам: «Облачно, с прояснениями», «Синий зонтик», «Песочник», целью которого является нравственное воспитание подрастающего поколения.

– Киноурок по мультфильму «Ёлка», цель которого – формирование гуманистического отношения к людям.

Все кинофильмы для разработки и реализации киноуроков используются из Детского образовательного онлайн-кинотеатра «Ноль Плюс», в котором имеется большая библиотека фильмов для воспитания школьников. В онлайн-кинотеатре можно не только смотреть фильмы (анимационные, научно-популярные, документальные, игровые), но и создавать киноблоги. Также данная цифровая площадка имеет интерактивный функционал осмысленного просмотра. Благодаря размещенному материалу педагогам не составит труда разработать киноурок. В содержание платформы «Ноль плюс» входят обучающие материалы по

кинопедагогике и медиаобразованию с методиками по применению кино в воспитательном процессе. Кроме того, онлайн-кинотеатр – это еще и средство массовой информации, место хранения актуальных новостей о детском кино, творчестве и образовательных трендах в сфере детства. Все фильмы в кинотеатре разделены на тематические подборки. Практически каждый фильм имеет интерактивный функционал осмысленного просмотра. Хотим отметить, что существует и мобильное приложение «Ноль Плюс. Фильмы для детей» [6].

Еще одной особенностью разработки наших занятий является применение «скетчноутиinga» на этапе завершения киноурока. Скетчноутиing – это удобный и понятный детям метод записи идей, мыслей, визуализации изученного материала. Ключевая особенность данного метода – быстрая передача смысла материала с помощью простых образов, совмещенная с минимальным объемом текста. Организовать работу по созданию скетчноутиinga можно в рамках групповой работы непосредственно на киноуроке, а также в качестве домашнего задания.

Так, например, на финальном этапе патриотического киноурока по фильму «Ванька» нами была проведена рефлексия с использованием виртуальной доски Padlet. Детям было предложено оставить свой отзыв на доске, а также в качестве домашнего задания необходимо было нарисовать иллюстрации к фильму и также прикрепить на виртуальной доске (Рис. 1).

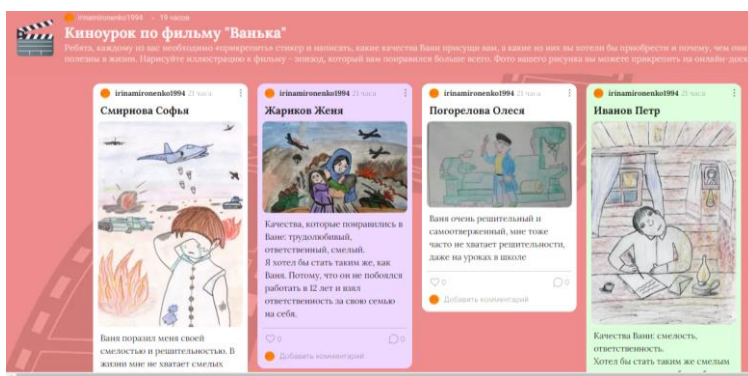

Рисунок 1. Киноурок по фильму «Ванька»

Создание онлайн-доски на платформе «Padlet» включает следующую последовательность действий: регистрация на сайте, функция «создать доску», выбор шаблона и названия, описание доски, выбор дизайна, загрузка фоновой картинки доски.

Основные направления разговора о фильме вытекают из его сюжета. Очень важно не судить фильм, не выявлять его недостатки, правильность или неправильность авторской позиции. Анализ фильма – это способ понять, что хотел сказать автор, помочь школьникам вступить в активный диалог с экраном [4].

Очевидно, что киноуроки приобретают все более важное значение в воспитательной работе, в формировании медиакультуры. Мы предполагаем, что кинопедагогика может стать новой ступенью развития как для педагога, так и для обучающихся в новом информационном пространстве [4]. Школьники любого возраста, наблюдая за поведением киногероев в различных ситуациях, соотносят их со своим личными качествами [1]. Авторская концепция (идея) фильма – всегда нравственная ценность как искусства.

На рубеже цифрового века происходит трансформация культуры школьников, активно развиваются медиатехнологии, все это дает нам понять, что внедрение киноуроков сегодня необходимо.

Список литературы

1. Бондаренко, Е. А. Путешествие в мир кино / Е. А. Бондаренко. – М. : Олма-пресс гранд, 2003. – 265 с.

2. Гращенкова, И. Н. Кино как средство эстетического воспитания: социально-эстетический потенциал современного кинопроцесса : учебное пособие / И. Н. Гращенкова. – М. : Высшая школа, 1986. – 224 с.

3. Информационная грамотность и медиаобразование для всех: официальный сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.mediagram.ru/> (дата обращения: 05.08.2023).

4. Левшина, И. С. Подросток и экран / И. С. Левшина. – М. : Педагогика, 1989. – 175 с.

5. Методические пособия по кинообразованию / пер. с англ. ; ред.-сост. О. Сосновская. – М. : Ассоциация деятелей кинообразования СССР, 1990. – 124 с.

6. Онлайн-кинотеатр «Ноль Плюс»: официальный сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://zeroplus.tv/> (дата обращения: 05.08.2024).

Kotova Irina Evgenyevna,
methodist
Center for Additional Education «Giftedness»
irinakot91@mail.ru

Formation of the media culture of students through film lessons in classes in associations of interests

The article presents the experience of the institution of additional education in the application of the method of «film pedagogy», which contributes to the formation of media culture, self-expression of schoolchildren through creativity. The recommendations for conducting film lessons are described.

Keywords: additional education, media culture, film lessons, film pedagogy, students.

Марченко Александр Николаевич,
кандидат филологических наук, старший преподаватель
кафедры теории журналистики и массовых коммуникаций
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»
a.marchenko@spbu.ru

Миромоделирующий потенциал преподавания теории журналистики

Автор сравнивает американскую и советскую модели мира, определяет научный потенциал похожих на нас и враждебных аспектов. Учёные ищут в разных эпохах и странах похожих на себя людей: миссионеров либерализма в массах и колониях или профессиональных борцов за неимущие классы. Непохожие аспекты моделей: место происхождения, идеологическая основа и знаковая система. Их бессистемность или косность – вызов для модели и общества, а их научное изучение – потенциал создания единой модели.

Ключевые слова: теория журналистики, теория коммуникации, многополярный мир, пропаганда в образовании, российская идеология.

Проблема единой научной модели мира в преподавании теории журналистики обусловлена тем, что одни модели вмещают образы похожих на нас учёных и студентов, а другие – непохожих; в одних моделях мы узнаём наши мысли, слова и действия; а в других – наших врагов; одни нас поддерживают и вдохновляют, а другие раздражают и ничтожат. Взаимодействие научной рациональности с социальными ценностями [3] выражает общественное, государственное измерение моделей мира, включая текущее цивилизационное противостояние России с Западом, в котором следует определить научный потенциал своей и враждебной модели мира.

В этом аспекте однополярный мир раскрылся не только как противостоящий нашей стране, но в главном как попытка утвердить в качестве всеобщей такую модель мира, которая

основана на истории и политике немногочисленных стран. Только те, кто идёт с ними в ногу, могут с помощью их модели мира обосновать свою деятельность, увидеть похожих на себя героев. Соответствующее отношение к модели однополярного мира позволит разработать в России научную модель мира, дающую опору глубокому исследовательскому интересу, проявляющемуся в любой стране и культуре.

Вынужденный и переменчивый учёт непохожего на Запад – таковы попытки сделать более инклюзивной модель однополярного мира. Его лидеры заявили об «окончании исключительной фазы глобализации», признали, что слишком часто их слова об отношениях с другими как с равными не подкреплялись делами [7]; они оказались совершенно не в курсе стремлений и представлений остального мира, взаимодействие с которым стало требовать «определенной степени смирения» [9]. Но одновременно они готовы предложить видение будущего, на которое купятся (buy into) новые российские лидеры, когда В. В. Путин уйдет [8]; с их точки зрения «именно на Западе, а не в России, обнаружилась способность во имя идей и морали претерпевать лишения» [5]. Сегодняшние уступки завтра готовы обернуться вызовами, если не использовать потенциал текущего момента для научного сравнения и переоценки разных моделей мира.

Сегодня на Западе и хотели бы учесть разные модели мира, но в отличие от нас они закоснели в своей однополярной модели, которую у них не получается преодолеть. В этом контексте растет актуальность смягчения взглядов на журналистику, свойственных модели однополярного мира. Теоретик из США Барбара Зелизер, отталкиваясь от примера, связанного с Россией, предложила обратить внимание на цензуру на Западе, повсюду, где есть информация, а не только в тех странах, где её удобно видеть, облегчая выделение автократий, но скрывая свои виды цензуры [12, с. 2–7]. Другие теоретики, модель мира которых мы изучим ниже, признали, что западные призывы к «девестернизации» в Африке и др. местах могут подавлять существующие интеллектуальные традиции, стирать местную историю способами, которые воспроизводят давние колониальные модели. Но и

исправлять это они предлагают на западный манер: критикой «белой евроамериканской гетеро-маскулинности» [10, с. 7–10]. Таким образом, модель однополярного мира хотят приспособить к изменяющимся условиям, но не готовы пожертвовать комфортом, когда ценности их обществ по умолчанию являются мерилем мировой науки.

В свою очередь, заслуженное внимание получает поиск «по-настоящему общечеловеческого значения журналистики в дополнение к ролям, свойственным только отдельным странам и не оказывающим влияния на остальной мир». Это предложение российских авторов в западном журнале, что все общественные функции прессы, в т. ч. демократические, основаны на системной стабильности и непрерывности медиасистем, иными словами, на истории журналистики, которая разрешает «извечное противоречие между целями стабильности и целями демократического функционирования, поскольку тактическое стремление к первому может резко снизить эффективность последнего, и наоборот» [6]. Системность и историзм оказались востребованы в атмосфере политизации международных сравнений.

Отсюда цель нашей статьи – определить научный потенциал похожих и непохожих на нашу жизнь моделей мира. Новизна заключается в дополнении работ, опосредующих зарубежные понятия и концепции (памяти, травмы, согласия, коммуникативного поведения и т. д.), непосредственным сравнением западной и российской (советской) моделей мира.

Метод нашего теоретического исследования – определение понятий, наиболее концентрированных выражений модели мира. По С. Г. Корконосенко, «верное определение в снятом виде воспроизводит не только непосредственно сам объект, но и длинную цепь ассоциаций с множеством других явлений и предметов, которые “родственны” данному объекту» [1, с. 66]. Наиболее явно это проявляется в концептуализации истории и особенно предьстории объектов. Когда различные сферы деятельности различались слабо и случайно, а то и вовсе не различались, не имели собственного «профессионального языка», знаковой системы, как в современном обществе [4, с. 408], тогда в

них определяют существенное для понятий, моделирования мира. Этот процесс мы и рассмотрим.

Основываясь на этих методах, сравним предысторию коммуникации из «Международной истории изучения коммуникации» под редакцией Питера Саймонсона и Дэвида У. Парка (Нью-Йорк, 2016) и предысторию публицистики из книги Виктории Васильевны Учёновой «Три грани теории журналистики» (Москва, 2009), содержащей три работы 1971 – 1989 гг. Понимая, что коммуникация и публицистика – разные понятия, мы считаем концепции их историй сравнимыми в аспекте преподавания моделей мира; причём, признавая многогранность каждой из них, мы ограничимся сравнением отдельных сторон, связанных с общественно-политическими приоритетами.

Западную предысторию коммуникации ведут от греко-латинской риторической традиции, основанной на мобильности первых софистов, приезжавших в Афины из других полисов. Далее она стала частью европейского христианского мира, «в XVI–XVII веках была перенесена за моря в европейские колонии и зоны культурных контактов в Северной и Южной Америке, Индии, Японии и т. д. Риторика стала ассоциироваться с коммуникацией в XVIII – XIX вв., в течение которых коммуникация – в формах печати, грамотности и просвещения – стала конечной целью (*ends in view*), которая отделяла образованные классы от масс и цивилизованные народы от “примитивных”, которым часто не хватало алфавитного письма. В Европе и её бывших колониях в XIX в. это стало символом веры для либеральной современности (*this became an article of faith for liberal modernity*), с особым резонансом в англо-американском либерализме...» [11]. Нелегко найти себе место в такой истории, зато отсюда органично выводится предназначение коммуникации в западном мире.

В отличие от этого, советская теория публицистики акцентировала в античной риторике не мобильность софистов, а разложение родового строя, противопоставление власти народу, начинающееся разделение общества на классы, неравномерное распределение благ, эксплуатацию и господство имущего класса [4, с. 144]. В средневековье акцент не на миссионерах, а на

постоянных в своих приходах проповедниках, борцах за веру, из наиболее успешных из которых «формируются борцы за обновление церкви, за её реформацию» [4, с. 410–411]. XV – XVI века характеризуются не перенесением традиций за моря, а вызревaniem капиталистических отношений в недрах феодализма на континенте: открытия легли в основу мировой торговли, а мануфактура – крупной промышленности. Церковь была всеевропейским феодалом, а реформация, по словам Ф. Энгельса, первой буржуазной революцией в религиозном облачении, прологом ко всемирной драме буржуазно-демократических революций [4, с. 177, 181–185, 407]. Отсюда революция 1917 г. в России (реванш расправы буржуазии с пролетариатом во Франции и Германии в 1848 г.) и строительство коммунизма представляли осуществлением идеалов, за которые боролось человечество. Роли публицистов и журналистов в этой последовательности событий ближе читателям из постсоветских стран.

Похожее на нашу жизнь в модели мира может содержать потенциал системности, интеграции, но может вести и к разобщению. По нашему мнению, на системный потенциал похожего указывала В. В. Учёнова, не раз говоря о «самоопределении публицистики» в ту или иную эпоху [4, с. 405–406]. Ведь в действительности не может быть самоопределения понятия. Вероятно, учёный ищет в разных эпохах и странах людей достаточно похожих на себя, своё окружение, знакомых журналистов, студентов и т. д.; ищет людей с представлениями похожими на изучаемое понятие советской публицистики. Таких людей можно было найти, начиная со «всемирной драмы революций», включение куда реформации удлиняло цепь предшественников для преподавания студентам. Возможно, похожесть на нас даже важнее, чем непосредственное употребление того или иного термина в чьих-то устах, кто в остальном на нас не похож.

Западноевропейские реалии посредством модели мира были обобщены и с классовым развитием русского общества, борьбу феодальной и раннебуржуазной тенденций в котором «подобно зеркалу немецкой Реформации» отразила религиозно-политическая

полемика духовенства, а Иван Федоров обсуждал с Максимом Греком организацию первопечатни [4, с. 178, 186]. Таким же образом можно интегрировать предыстории публичного слова и в других странах. Например, в Узбекистане, на автореферат откуда автор недавно писал отзыв, этому будет соответствовать изучение памятников политико-религиозного слова Хорезма и Бухары, произведений Алишера Навои и т. д. Так похожее в модели мира поможет интеграции науки стран СНГ. Научным критерием здесь будет тщательность поиска и выявления действительно похожего, что, кажется, сильнее выражено в советской модели мира, чем в западной.

Однако некоторые обобщения могут, наоборот, разобщать, причём как одни страны с другими, так и людей внутри одного общества. Например, собирательный образ героя, который призван объединять преподавателя и студента-журналиста в рамках одной модели мира, может быть отталкивающим для других. На Западе – это миссионер либерализма в массах и колониях (ср. с воспроизведением давних колониальных моделей в современных западных призывах к «девестернизации»); а в СССР – это профессиональный борец за неимущих, образ с которым не согласятся те, кто представляет журналистику элитарной профессией. Похожее как бы оборачивается непохожим вплоть до враждебного.

Рассмотрим далее аспекты в обеих моделях мира, которые лежат в спектре от непохожего до враждебного для оппонентов. Во-первых, это ограниченное место происхождения модели мира: отношения метрополий с заморскими колониями на западе и континентальность СССР. Во-вторых, идеологическое основание: упомянутый в конце западной модели либерализм и с самого начала заданный классовый подход в советской. Наконец, весь «профессиональный язык», вся знаковая система моделей мира: мобильность, цивилизаторство, модернизм на Западе; неимущие, народ, революционная борьба у нас. Этот перечень позволяет говорить как о вызовах, так и о потенциале создания научной модели мира в России.

Вызовы связаны с неопределенностью, бессистемностью того, что можно было бы назвать нашей собственной моделью

мира. Кто, например, возьмётся утверждать, что в России недостаточно журналистов, для которых перечисленные аспекты советской модели мира окажутся враждебнее западных? Россия подошла к текущему противостоянию с Западом без сформировавшейся модели мира в теории журналистики, в стадии вынужденной «деконцептуализации» после «крушения базовой теоретической концепции, с опорой на которую это научное направление некогда создавалось» в СССР [2, с. 61]. Многополярный мир, за который борется Россия, также находится в стадии становления и не вносит ясности.

Но эти же факторы определяют потенциал для создания в России научной, общечеловеческой модели мира. Так, косные советские аспекты были сняты с разрушением СССР, а в западной модели своё косное, непохожее на остальной мир продолжает копиться, регламентируя и ограничивая научную мысль. Отсутствие у нас готовых ответов, наша открытость даёт нам больше свободы: вырабатывать свою новую модель мира, перерабатывать советскую, комбинировать или даже продолжать следовать западной, стыдливо замалчивая ту цену, те человеческие жизни, которых стоит России нынешней критический взгляд на сущность однополярного мира.

Разработка единой научной модели мира позволит готовить журналистов-исследователей, вооруженных научным подходом и способных определить, что будет полезно стране и миру не только сегодня, но и завтра. А начать можно с привлечения внимания студентов к природе их собственных моделей мира, к анализу их соответствия общественному предназначению выбранной ими профессии.

Отвечая на вопрос, каков научный потенциал похожих и непохожих на нашу жизнь моделей мира, мы можем сделать вывод, что потенциалом обладает системное изучение и сравнение разных моделей. Как известно с советских времён, «лишь те общественные группы, прослойки, классы заинтересованы в истинности знаний об общественных процессах, которые заинтересованы в их прогрессивном преобразовании» [4, с. 54]. Мы убеждены в наличии такой заинтересованности у российских учёных, преподавателей и студентов – будущих журналистов.

Цивилизационное противостояние Запада с Россией выявило мнимую всеобщность модели однополярного мира, глобализации. Западные лидеры заговорили о готовности учесть непохожее; учёные обратили внимание на цензуру на Западе, предостерегли от интеллектуального подавления других регионов. Но требуются не эти уступки, а системность и историзм, дающие опору глубокому исследовательскому интересу студентов в любых странах.

Отвечая на этот запрос, мы сравнили американскую и советскую модели мира, концепции предыстории коммуникации и публицистики, чтобы привлечь внимание студентов к природе их собственных моделей мира, подготовить ориентирующихся в мире и полезных своей стране специалистов. В рассмотренных моделях мира мы выделили следующие аспекты.

Моделируя мир, учёный ищет в разных эпохах и странах похожих на себя людей. В западной модели такой собирательный образ – это миссионер либерализма в массах и колониях, а в советской модели – профессиональный борец за неимущие классы. Поиск похожего имеет потенциал системности, интеграции, но может вести и к разобщению.

В последнем случае похожее оборачивается непохожим: разные места происхождения моделей мира, идеологические основы и «профессиональные языки», знаковые системы. Если эти отличия бессистемные или закоснелые – это вызов для модели мира, общества и государства где она функционирует. А системное, научное изучение разных моделей – это потенциал создания единой, общечеловеческой модели мира.

Список литературы

1. **Корконосенко, С. Г.** Метод определения понятий в понимании журналистики / С. Г. Корконосенко // Методы понимания в журналистике и массовых коммуникациях : матер. научно-методич. семинара / под ред. С. Г. Корконосенко. – СПб. : Своё издательство, 2015. – С. 60–72 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://jf.spbu.ru/upload/files/file_1443168382_8936.pdf (дата обращения: 10.09.2024).

2. Кругликова, О. С. Теоретические компоненты истории журналистики / О. С. Кругликова // Теория журналистики в России / под ред. С. Г. Корконосенко. – СПб. : Алетейя, 2018. – С. 42–65. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://jf.spbu.ru/upload/files/file_1524219848_8856.pdf (дата обращения: 10.09.2024).

3. Степин, В. С. Наука / В. С. Степин // Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Институт философии РАН ; председ. науч.-ред. совета В. С. Степин. – М. : Мысль, 2010. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH0c1618162485a21963380c> (дата обращения: 10.09.2024).

4. Учёнова, В. В. Три грани теории журналистики: гносеологические проблемы публицистики (1971). Публицистика и политика (1978). У истоков публицистики (1989) : учеб. пособие для студентов вузов / В. В. Учёнова. – М. : Аспект Пресс, 2009. – 557 с.

5. Ямпольский, М. Режим имперской паранойи: война в эпоху пустословия / М. Ямпольский // Re: Russia (ресурс заблокирован в России по требованию прокуратуры, включен в реестр запрещённых сайтов), 26.12.2022.

6. Bodrunova, S. S., Gladkova, A. A. From Media Systems to Digital Journalisms: An Introduction to the Special Issue, Digital Journalism / S. S. Bodrunova, A. A. Gladkova [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/21670811.2023.2246051> (дата обращения: 10.09.2024).

7. Scholz, O. The Global Zeitenwende / Olaf Scholz // Foreign Affairs, 05.12.2023 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.foreignaffairs.com/germany/olaf-scholz-global-zeitenwende-how-avoid-new-cold-war> (дата обращения: 10.09.2024).

8. Schroeder, P. Putin Will Never Give Up in Ukraine / Peter Schroeder // Foreign Affairs, 03.09.2024 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.foreignaffairs.com/ukraine/putin-will-never-give-ukraine> (дата обращения: 10.09.2024).

9. Schutte, G. R. Global: Der Globale Süden geht seinen eigenen Weg / G. R. Schutte // IPG Journal (издатель Фонд Фридриха

Эберта (ФРГ) признан в России нежелательной организацией), 18.04.2023 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ipg-journal.de/regionen/global/artikel/das-ende-des-westens-1-6647/> (дата обращения: 10.09.2024).

10. Simonson, P., Park, D. W., Pooley, J. Exclusions / P. Simonson, D. W. Park, J. Pooley // Exclusiones: The role for history in the field's reckoning. History of Media Studies. – 2022. – Vol. 2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://doi.org/10.32376/d895a0ea.ed348e03> (дата обращения: 10.09.2024).

11. The International History of Communication Study / ed. by Peter Simonson, David W. Park. – New York : Routledge, Taylor&Francis, 2016. – 528 p. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.book2look.com/embed/9781317540809> (дата обращения: 10.09.2024).

12. Zelizer, B. Mob Censorship / B. Zelizer // Digital Journalism. – 2023. – Vol. 11, № 10. – P. 1982–1988 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/21670811.2023.2225075> (дата обращения: 10.09.2024).

Marchenko Alexander Nikolaevich,
PhD in Philology
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
«Saint Petersburg State University»
a.marchenko@spbu.ru

The world-modeling potential in teaching of journalism theory

Author compares the American and Soviet models of the world, as well determines the scientific potential of similar to us and hostile aspects. Scientists look for similar to them people in different eras and countries. There are missionaries of liberalism in the masses and colonies or professional fighters for the underprivileged classes. Dissimilar aspects of the models: place of origin, ideological basis and sign system. Unsystematic character or inertia of these aspects are a

challenge for the model and the society, but its scientific investigation is the potential for creating a universal model.

Keywords: theory of journalism, theory of communication, multipolar world, propaganda in education, Russian ideology.

УДК [070.1:316.776.23]:32.019.51-049.65

Павловская Анастасия Сергеевна,
ассистент кафедры журналистики и издательского дела
ФГБОУ ВО «Луганский государственный
педагогический университет»
ms.aclyde@list.ru

Информационные войны и психологическая защита личности

Статья посвящена проблеме современных информационных войн и их влияния на психологическое состояние и поведение отдельных индивидов и общества в целом. В статье рассматриваются понятие информационной войны, ее основные характеристики и методы воздействия. Особое внимание уделяется возможным способам защиты личности от психологического воздействия информационной войны, а также необходимости разработки комплекса мер по обеспечению информационно-психологической безопасности.

Ключевые слова: информационная война, психологическое воздействие, информационно-психологические операции, манипуляции сознанием, информационная гигиена.

Информационные войны стали неотъемлемой частью современной геополитической реальности, где вооруженные конфликты разворачиваются не только на поле боя, но и активно протекают в информационном пространстве. В эпоху цифровых технологий и массовых коммуникаций, манипуляции информацией, использование клеветы и пропаганды, а также информационно-психологические операции становятся ключевыми

инструментами в борьбе за мировое господство. Такие условия актуализируют вопрос обеспечения защиты отдельной личности и общества в целом от информационно-психологического воздействия в период информационных войн.

Цель статьи – рассмотреть понятие информационных войн, выявить их основные характеристики и специфические особенности, а также рассмотреть психологические аспекты и способы защиты личности от информационного воздействия.

Термин «информационная война» может быть рассмотрен в двух аспектах. Прежде всего, информационная война понимается как воздействие на гражданское население, правительство и (или) вооруженные силы противника с целью реализации политических, экономических, военных и других стратегических целей, посредством распространения специально подобранной и подготовленной информации, и противодействия подобным воздействиям со стороны собственных ресурсов. Например, В. Ф. Прокофьев считает, что информационная война – это широкомасштабное противоборство в информационной сфере, осуществляемое путем явного или скрытного информационного воздействия на противника с целью навязывания ему требуемого для воздействующей стороны решения [3, с. 11].

В качестве второго аспекта выделяют целенаправленные действия, предпринятые для достижения превосходства в информационной сфере путем нанесения ущерба информации, информационным процессам и информационным системам противника при сопутствующей защите собственных ресурсов.

В данном исследовании под термином «информационная война» мы будем понимать комплекс информационно-психологических операций, главной целью которых является формирование желаемого общественного мнения и поведенческих паттернов населения в целом и его отдельных представителей. Согласно А. В. Манойло, цель любой информационно-психологической операции – добровольная подчиняемость общества, которая обеспечивается при помощи технологий психологического воздействия на сознание его граждан [2].

В информационной войне объектами воздействия выступают сознание, воля и эмоции граждан страны-противника,

особенно в периоды избирательных кампаний, всенародных референдумов, вооруженных конфликтов или иных кризисных ситуациях; механизмы принятия управленческих решений в политической, экономической, социальной, научно-технической сферах, а также информационная инфраструктура страны-противника.

В качестве разновидности информационной войны можно выделить психологическую (информационно-психологическую) войну, которая ведется преимущественно против социальных систем. В. Г. Рошупкин определяет психологическую войну как совокупность различных форм, методов и средств воздействия на людей (на население) с целью изменения в желаемом направлении их психологических характеристик (взглядов, мнений, ценностных ориентаций, настроений, мотивов, установок, стереотипов поведения), а также групповых норм, массовых настроений, общественного сознания в целом [4, с. 48].

Необходимо отметить, что активное использование термина «информационно-психологическая война» применительно к сфере вооруженных конфликтов подчеркивает растущую значимость психологических операций в современных военных действиях. А также подчеркивает, что современные методы психологической войны могут нанести весомый ущерб противнику, а информационное оружие, основанное на технологиях психологического воздействия, обладает большой поражающей, проникающей и избирательной способностью.

Информационно-психологическая война подразумевает организацию и осуществление всевозможных психологических действий, направленных на:

- искажение информации, получаемой руководством противника, и внедрение в его информационное поле ложных и бессмысленных информационных материалов, что лишает его способности адекватно воспринимать происходящее и принимать обоснованные решения;
- психологическую обработку населения или отдельных социальных групп;
- проведение идеологических диверсий;

- формирование необходимого общественного мнения;
- распространение ложных слухов и информационных инсинуаций.

Способы информационно-психологического влияния основываются в первую очередь на способности управлять сознанием как отдельных индивидов, так и социальных групп и всего общества с помощью специально отобранной информации. При этом используемая информация может быть как объективной, так и необъективной, недостоверной (дезинформация) и искаженной (тенденциозная информация).

В. Г. Рошупкин отмечает, что последняя (как вид необъективной информации) представляет собой информацию, полностью состоящую из достоверных сведений, которые подобраны, скомпонованы и оснащены дополнительными фактами и аргументами таким образом, что в целом она приобретает нужный инициатору ее распространения (субъекту информационно-психологической борьбы) смысл (направленность) и, в этой связи, может оказать запланированное психологическое воздействие на объект, способствуя тем самым внесению изменений в существующую у него систему представлений об окружающей действительности, отвлечению внимания, сокрытию значимых данных и т.п. [4, с. 61]. Так, элементы содержания тенденциозной информации, хотя и соответствуют формальному критерию достоверности, вследствие применения специфических манипулятивных техник в своей совокупности приобретают характеристику искаженной информации, которая активно применяется в информационном противоборстве.

В настоящее время информационное противостояние характеризуется особым обострением и напряженностью, что связано с рядом ключевых факторов:

- информатизацией основных областей деятельности государств;
- созданием глобальной информационной инфраструктуры, ставшей фундаментальным компонентом функционирования международного сообщества;

- стремительным развитием информационных технологий, в частности в области искусственного интеллекта и кибернетических систем, что создает новые возможности для целенаправленного воздействия на информационное пространство и сознание людей;
- усилением политической конкуренции между государствами, стремление к доминированию на мировой арене;
- недостаточной развитостью методов и средств защиты национальных информационных пространств и общественного сознания.

Необходимо принимать во внимание, как информационные противостояния могут оказывать долгосрочное воздействие на граждан государства. Одной из основных целей информационной войны является манипуляция ценностными установками населения, чтобы трансформировать их поведение и образ мышления. Согласно В. А. Баришполец, каждый индивид, обладая своим уникальным мировоззрением, ментальностью, духовными идеалами и системой ценностей, потенциально подвержен прямому информационно-психологическому влиянию [1, с. 69]. Учитывая, что каждый человек интегрирован в социальную структуру, существует прямая корреляция: воздействие на отдельного активного индивида способно оказать как положительное, так и отрицательное влияние на коллективное и общественное сознание.

В связи с этим важно уделить внимание вопросу о способах защиты личности в период информационных войн. Психологическая подготовка граждан к потенциальным негативным информационно-психологическим влияниям способна предотвратить их разрушительные последствия. Поэтому развитие навыков групповой и индивидуальной информационно-психологической защиты актуально для всех категорий населения. Для укрепления информационно-психологической безопасности необходимо внедрять комплекс мер, сочетающих профилактические и оперативные действия, направленные на защиту от прямых угроз негативного информационно-психологического характера.

Создание групповой или коллективной защиты от информационно-психологических угроз опирается на процессы, связанные с отождествлением человека с конкретными социальными сообществами и объединениями, а также его включенностью в действующие социальные группы. Организация коллективной защиты может быть обеспечена за счет использования разнообразных методов и инструментов, направленных на формирование благоприятной социально-психологической атмосферы в коллективах, содействия развитию корпоративного духа. Также важно создавать условия, которые усиливают процесс отождествления личности с определенной социальной группой и подчеркивают ее принадлежность к конкретной организации, а также ее роли в ней. Кроме того, подготовка неформальных лидеров, выполняющих роль медиаторов, внутригрупповых авторитетных источников информации и т.д., является важным элементом этого процесса.

Индивидуальная информационно-психологическая защита подразумевает применение различных инструментов и подходов, направленных на корректировку процессов взаимодействия человека с разнообразными социальными субъектами и информационной средой в целом, с целью предотвращения или устранения факторов, которые могут причинить ему вред.

Например, понимание собственных индивидуально-психологических характеристик, общих закономерностей и принципов функционирования психики становится важным условием обеспечения информационно-психологической безопасности. Человек, обладающий соответствующими знаниями, способен самостоятельно разработать базовый, относительно простой, но достаточно действенный механизм личной защиты от информационно-психологических угроз, создав психологический барьер недоверия к массированным потокам пропагандистской информации, направленной на массовое воздействие. Кроме того, он может сформировать установку на необходимость применения определенных методов анализа получаемой информации. Таким же эффектам будут способствовать мероприятия, направленные на повышение медиаграмотности населения, на развитие критического мышления, обучения аналитической работы

с источниками информации, внедрение практики цифровой гигиены.

Среди других способов информационно-психологической защиты личности от направленного информационного воздействия можно выделить следующие:

- формирование устойчивости к информационному стрессу посредством ограничения объема потребляемой информации;

- тщательный отбор надежных источников и каналов информации. Некоторые источники могут быть целенаправленно использованы для проведения информационных атак или манипуляций;

- оценка информационных материалов с точки зрения заложенных в них интенций (вторичных, скрытых, манипулятивных);

- использование метода «задержки реакции», согласно которому рекомендуется установить для себя ограничение в один-два дня перед тем, как принять какую-либо информацию за истину или, например, выразить свое мнение относительно этой информации в социальных медиа. Такой подход даст возможность более объективно оценить событие, принимая во внимание возможные изменения и коррективы, которые, как правило, происходят в течение этого периода;

- специализированное обучение человека правилам и принципам информационной гигиены, а также в области психологии в контексте способности воспринимать и обрабатывать ложную и правдивую информацию.

Таким образом, в период информационных войн эффективная психологическая защита личности требует комплексного подхода, включающего развитие критического мышления, медиаграмотности, психологической саморегуляции, использование социальной поддержки, постоянного образования и практик информационной гигиены. Эти способы направлены на сохранение психического здоровья и способности к объективному восприятию информации в условиях информационного противостояния.

В то же время существует необходимость совершенствования системы обеспечения информационно-психологической безопасности на государственном уровне. Это требует разработки нормативных правовых актов, регулирующих отношения в данной сфере, а также создания методических документов, касающихся обеспечения информационно-психологической безопасности, в частности в период информационного противоборства на фоне вооруженных конфликтов.

Список литературы

1. Баришполец, В. А. Информационно-психологическая безопасность: основные положения / В. А. Баришполец // РЭНСИТ. – 2013. – № 2 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionno-psihologicheskaya-bezopasnost-osnovnyye-polozheniya> (дата обращения: 03.08.2024).

2. Манойло, А. В. Информационно-психологическая война: факторы, определяющие формат современного вооруженного конфликта / А. В. Манойло // psyfactor.org [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://psyfactor.org/lib/psywar35.htm> (дата обращения: 02.08.2024).

3. Прокофьев, В. Ф. Тайное оружие информационной войны / В. Ф. Прокофьев. – М. : СИНТЕГ, 1999. – 152 с.

4. Рощупкин, В. Г. Информационно-психологическое противоборство и обеспечение информационной безопасности / В. Г. Рощупкин. – Самара: Изд-во Самарского университета, 2018. – 92 с.

Pavlovskaya Anastasiya Sergeevna,
Assistant of the Department of Journalism and Publishing
Lugansk State Pedagogical University
ms.acllyde@list.ru

Information wars and psychological protection of the individual

The article is devoted to the problem of modern information wars and their impact on the psychological state and behavior of individuals and society as a whole. The article discusses the concept of information warfare, its main characteristics and methods of influence. Particular attention is paid to possible ways to protect the individual from the psychological impact of information warfare, as well as the need to develop a set of measures to ensure information and psychological security.

Keywords: information war, psychological impact, information psychological operations, manipulation of consciousness, information hygiene.

Рыбакова Елена Владимировна,
старший преподаватель кафедры педагогики
ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий»
evrybakova19@mail.ru

Рыбаков Дмитрий Геннадьевич,
сетевой менеджер Межрегиональной Межведомственной
Интернет-гостиной «Белая Речь»
drk17@yandex.ru

Гаязова Гульшат Анифовна,
кандидат медицинских наук, доцент кафедры педагогики
ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий»
gulshat_g@bk.ru

Султанова Роза Миниахметовна
кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики
ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий»
sultanovar@list.ru

Современные цифровые и другие средства массовой информации как ресурс продвижения трендов здоровой осанки среди населения

Авторская группа в течение ряда лет исследует проблематику сохранения и развития осанки адекватно антропологическому статусу молодёжи, современным инновациям молодых поколений и детского населения, моделируя целеориентированные средства в данном направлении, в том числе – с использованием средств массовой информации традиционного и инновационного формата.

Ключевые слова: осанка, антропология, психологический статус молодёжи, средства массовой информации, общественное мнение, социальные сети.

Состояние общественного мнения, содержание и динамика его трендов как показатель жизнеспособности социума задевает целый кластер сущностных компонентов общественного бытия, его перспектив и, соответственно, задач, стоящих перед государственными, общественными институциями, бизнес-структурами, гражданами и сообществами [1]. От античных философов Демокрита, Протагора, Сократа, Аристотеля через формирующуюся в Средневековье научную область (связываемую с именами И. Солсберийского, Л. Бруни, М. Пальмьери и других) – к системному позиционированию в трудах Н. Макиавелли и всё расширяющемуся кругу исследователей, практиков, лидеров мнений развивается наука об одной из самых противоречивых областей социальных отношений, их осмысления и динамики.

Так, тренды общественного мнения как обеспечение социального развития и показатель динамики социальных позиций исследуют, например, Л. Г. Зубова [2], Г. Олпорт, У. Т. Язданов [3] и многие другие авторы.

Вопросы управления общественным мнением исследуют такие авторы, как В. А. Франц [4], Н. П. Кириллов [5].

Исследования и научные статьи А. Ф. Антреева [6], И. Ф. Бейлина [7], Б. З. Докторова [8], В. Б. Житенёва [9], О. И. Иванова [10], У. Липмана [11] и других посвящены важным и сложным аспектам государственного управления и иных отношений властных и социальных структур в пространстве движения мнений и трендов.

Совершенствование социально-информационного пространства жизненно, насущно необходимо в настоящее время в связи с трудно прогнозируемыми процессами социальной динамики, нарастанием выраженности и структурной сложности контента, трендов, резонансности социальных ориентиров и ожиданий, роста субъектов управления движением общественной мысли и устойчивых образований в данном информационном поле, в том числе – манипулятивной, неблагоприятной, деструктивной направленности.

Постоянно возникают новые вызовы современного пространства мнений и общественного движения – и в особенности

все эти реалии вызывают напряжённые ожидания в период неопределённости перспектив общественного развития.

Мир нуждается не просто в росте благоприятных тенденций, признаков благополучия и социально созидательных ориентирах, устойчивых целеобразующих моделях позитивных социальных синергий, но и в развивающем системообразующем преобразовании общественного бытия, общественных отношений, оздоровлении и обновлении трендов общественного сознания [12; 13; 14].

Направления поддержки социально созидательных трендов в современных СМИ, таким образом, становятся всё более актуальны и требуют всё более высокой целеориентированности в период глобальных кризисов, потрясений и социальной неопределённости [15; 16; 17].

Страны СНГ (Содружества независимых государств) и в целом территория постсоветского историко-культурного наследия демонстрируют ныне в своей позиции и деятельности весьма согласованную продуктивную политику с поддержкой и развитием созидательных трендов общественного сознания, бытия, в особенности остро резонансных в современной реальности, в контексте социально деструктивных направлений самопозиционирования, например, некоторых политических и общественных движений западно-европейской жизни.

Ныне, благодаря созидательной политике российского государства и общественности, содружественного движения во вновь образующихся структурах социально-политической ответственной коллаборации отдельные восстановительные и ностальгические настроения общественности приобретают системообразующие тенденции.

Эти явления необходимо, конечно, совершенствовать и на обиходном уровне – и на научно обоснованном базисе, антропологически, философски достоверном, с учётом текущих и перспективных реалий, формируя устойчивые социально-политические и аксиологические модели сотрудничества стран и народов, науки и практики, сообществ и персоналитета.

Дружба, взаимопомощь народов вновь становятся ориентирами в международных отношениях. Этический статус взаимодействия закономерно эстетизируется, обретая самодостаточную ценность.

Растёт контекстная проблематика и выраженность ностальгических механизмов привлечения новых участников социального взаиморазвития на фоне относительной стабильности политической воли, организационно-обеспечительных шагов российских государственных и общественных институций в отношении поддержания и развития благоприятствующих трендов международного сотрудничества.

Мы наблюдаем ныне, как самодостаточной ценностью, верифицирующим ресурсом общественных отношений становится советский строгий стиль в оформлении и самовыражении, уступивший, казалось бы, эклектике доступных внешних возможностей в общественном сознании.

Социальная привлекательность сдержанности и доброжелательности неслучайно коррелирует с более материальными и, казалось бы, более действенными средствами влияния на население, представляя растущую мягкую силу социального бытия граждан. Психология индивидуальной и общественной жизни исследует довольно парадоксальное расхождение результативности жёсткого воздействия на общественное мнение и более мягкого, неспешного сопровождения процессов движения социальной мысли.

Этико-эстетические компоненты этого процесса и их эффективность известны нас со времён знаменитых Дягилевских сезонов, до сих пор не только сохраняющих в сознании народов обаяние старины, искусства, личностей, – но и резонирующих с новыми реалиями, повышающих готовность масс и лидеров к восполнению дефицита яркого, самобытного общения, оставляющего культурный и эмоциональный след во всех слоях социума.

Исторический, культурно-эмоциональный компонент от событий периода Второй мировой войны – и её драматические картины, незаживающие раны, страхи, и память о совместной борьбе, достижениях, победах, ответственных политических

и гражданских явлениях – также представляют собой высокозначимый ресурс возобновления и развития позитивного мнения в формате широких общественных кругов.

В данном контексте не всегда очевидными и значимыми могут показаться пластически, эстетически определяемые историко-культурные компоненты славянского, российского, советского стиля и обиходного культурного наследия, однако отдельные упоминания в науке, искусстве, персональном опыте известных людей подтверждают наш интерес именно к осанке граждан, к целенаправленному воздействию на тренды общественного мнения в этом направлении через СМИ и другие информационно-медийные ресурсы.

Наш психолого-педагогический и личный опыт показывает, насколько необходимо развивать научные и практические механизмы осознаваемого и ситуативного воздействия на осанку, пластику взрослых и детей.

В наших проектах мы изучали особенности осанки молодых людей и детей, влияние различных вариантов осанки и пластики на соматическое и психологическое здоровье людей, и если способов осознаваемого управления трендами сознания в области осанки немало (хотя и познания граждан в этом плане весьма приблизительны, до ошибочного) – то возможности СМИ по ситуативному, мягкому внедрению в общественное и частное сознание здоровой осанки используются крайне дефицитарно. Мы изучали ситуацию в образовательных и иных организациях, в профессиональной, казалось бы, среде танцоров и художников, среди модельеров одежды и обуви, в родительских сообществах.

Как ни печально признавать, анатомически несообразные представления и привычки, технологические решения и стилевые предпочтения превалируют в общественном сознании – и бытии. Так, исследование осанки детей дошкольного возраста показало, что дети 5-6 лет значительно подвижнее и менее подвержены нарушениям осанки, чем дети 7 лет. Конечно, здесь играет роль более напряжённая занятость и эмоциональное состояние детей, а также покрой школьной формы. Однако опросы показали, что родители очень мало обеспокоены качеством одежды, провоцирующей сутулость осанки детей – даже в семьях

высокого образовательного и имущественного уровня ухудшение осанки детей, тренды конструирования одежды не воспринимаются как проблемные, как возможная причина ухудшения зрения и других показателей психофизического статуса обучающихся. Даже в отношении детей, которые по медицинским показателям не были определены на обучение с семи лет, такая тенденция проявлялась в силу особенностей одежды для семилетних детей и дефицита целеориентированных представлений взрослых в данном плане.

Физиология и психология осанки человека, между тем, имеют также античную историю изучения. Гимнософисты Древней Греции, например, оставили множество документов, изображений, сооружений, которые до сих пор имеют высокий мотивирующий ресурс. Достаточно представить некоторых известных атлетов древности в одежде современного покроя.

Психология осанки человека [18; 19] продолжает свою исследовательскую историю [20], однако системно мы наблюдаем тренды весьма неблагоприятные, требующие эффективной разработки и применения классических и инновационных средств восстановления здоровья опорной системы [21; 22; 23].

Добавим необходимость исследования антропологических аспектов осанки современного человека: начиная от не оправдавшихся ожиданий в отношении особенностей внешнего облика и состояния здоровья молодых представителей digital-поколений (футурологи и социологи рисовали картины весьма неприглядные, вплоть до анатомических необратимых изменений) и до коррелирующих изменений пластики рук, связанных с активным сочетанием ручного письма, изобразительного праксиса с работой за компьютером, – и не слишком заметных, но реально имеющих преобразований в осанке, пластике, нозологическом и эстетическом статусе современного человека. Эти исследования должны проводиться в практикоориентированном сотрудничестве, в диалоге, дискуссии, творческом взаимодействии всех участников социального пространства [24]. Как мы видим в социально-образовательном регистре – нередко представления о возможностях детей и молодых людей ограничены имеющимися условиями и средствами управления. При изменении модели сопровождения, построении адаптивной среды, самоактуализации

детей или студентов продуктивность и комфортность занятости может превзойти достаточно оптимистичные ожидания.

Конкурентоспособные тренды применительно к здоровой и красивой осанке также реализуются в сотрудничестве, в социализирующем поле личностной значимости участников, в проектно-креативной коллаборации сторон. Мы проводили проектно-ресурсный анализ состояния детей и взрослых, разрабатывали адресную среду для детей с различными состояниями, проект-мастерские, танцевальные программы, конкурсы, например, «Сидит, как на стуле, двухлетний ребёнок у ней на груди», где объект приравненной массы изображал ребёнка и участники исследовали варианты здоровой осанки для решения тактической задачи. Интересный момент представляет собой видеofиксация [25; 26] своей пластики взрослыми – вопреки уверенности в собственном самоконтроле здоровой и красивой пластики участники одновременно убеждаются, что не столь изящны и, что самое главное, не столь здорово двигаются, вопреки ожиданиям. Галерея образов старины и современности - также действенный способ убедиться самому, что личные представления и убеждения не вполне правомерны и рациональны. Мы обязательно стараемся при этом дополнить изыскания участников не только ожидаемыми лотами такой галереи (дворянские парадные портреты или изображения известных танцовщиков) – но и неожиданными, например, портрет молодой Арины Родионовны работы А. С. Пушкина. Впрочем, если говорить о советском стиле – осанка физкультурника тех времён выгодно отличается от текущих установок. Мотивирующим акцентом становится осанка Ю. Гагарина – как будто лёгкая и непритязательная, но в видеозаписи обнаруживается, что есть необходимость работы, и работы с действительно грамотным инструктором практически каждому человеку. Проводя работу групп оздоровительного движения, мы не раз убеждались, что даже профессиональная осанка требует грамотной проработки и стороннего консультирования, специально разработали систему органичной актуализации ресурсов подсознания, вкуса, ситуативной самоактуализации, апробированную на различных категориях граждан: возрастных, социальных, нозологических [27; 28].

Однако средовые условия, новые реалии и новые возможности СМИ представляют в этом направлении огромные ресурсы, поскольку эстетизация, эмоциональная и социальная включённость, обновление трендов здесь практически не ограничены благодаря экономии целенаправленного внимания и волевых усилий: непосредственность, социальная востребованность, модулированность занятости а взаимоактуализация позволяют и динамическую занятость повышать многократно, и ситуативные показатели осанки, пластики, соразмерности движений демонстрировать весьма презентабельно.

Мы включаем в СМИ-пространство и ресурсы социальных сетей, в которых эти механизмы почти самопроизвольно реализуются в присутствии, конечно, социально созидательного трендообразования.

Но, если в контролируемом участке социальных сетей организация и контроль благоприятного развития трендов, установок и целостной самореализации участников вполне под силу обеспечить отдельному сообществу – то более широкие круги общественности под это влияние не поддаются. Напротив, некоторые участники наших проектов признаются, что общественное мнение, позиция родственников и сотрудников организаций, конструкция одежды, обуви, инструментов – всё же оказывают влияние даже на осознанные личные тренды.

Поэтому необходимо, конечно, продвигать, обеспечивать, подтверждать через СМИ различного профиля и формата более здоровые тенденции эстетического плана с опорой на добротные выступления медицинских специалистов, показывающих, что, например, некоторые изменения организма могут быть если не преодолены, то минимизированы за счёт возвращения к рациональной осанке. Мы наблюдали случаи выраженного болевого синдрома различной этиологии у граждан различного исходного пластико-динамического статуса, которые смогли купировать такое неприятное состояние за счёт индивидуализированного, мягкого восстановления осанки.

Импортзамещение с превышающим регистром, товарное и информационное, – закономерно привлечёт к социальной

активности и продукту саморазвития благоприятных пластических трендов широкое внимание социальных групп даже в отношении здоровой, эстетически сообразной пластики. К сожалению, этот процесс предполагает длительную актуализацию даже среди нашего населения, многие граждане устойчиво убеждены, что сутулый человек выглядит привлекательнее и даже, нередко, считают такую позицию этически благоприятной. Однако закономерное повышение качества жизни и психологического, соматического здоровья взрослых и – главное! – детей являются действенным пропагандистским ресурсом.

Обновление международных связей и трендов, механизмов коллаборации и поддержания общественного мнения в целом не может быть реализовано только за счёт осознаваемого управления общественным мнением. Но и путь манипуляции в конечном итоге не слишком эффективен за счёт выработки информационного иммунитета социальными кругами, конкуренции между собой, а также энтропийного характера подобных стратагем – о чём писал в своих романах-исследованиях ещё Эмиль Золя. И СМИ могут и должны поддерживать, продвигать, развивать жизнеспособные, антропологически перспективные, активно здоровьесберегающие тренды бытового, целеориентированного, вкусового поведения и самопозиционирования граждан и сообществ применительно к различным ценностям общественного бытия и, в этом контексте – аксиологии здоровой осанки.

Виды СМИ обогащаются институционально и функционально. Как мы показали выше, можно считать социальные сети тоже средствами массовой информации, появляются и неожиданные компоненты, пригодные к целенаправленной актуализации общественного сознания.

В том числе может быть признанным и эффективно использоваться, предупреждая негативную актуализацию, игровое пространство, мода (в том числе технологическая и др.), совершенствуются и формы управления общественным сознанием, и наши текущие достижения в этом направлении во многом определяют продуктивность будущих форматов сотрудничества.

Список литературы

1. **Мансуров, Н.** Общественное мнение и его роль в жизни общества : лекции / Н. Мансуров. – М. : Прогресс, 2000.
2. **Зубова, Л. Г.** Общественное мнение и социальная политика / Л. Г. Зубова // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 1997. – № 3 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/obschestvennoe-mnenie-i-sotsialnaya-politika> (дата обращения: 24.08.2024).
3. **Язданов, У. Т.** Научно-теоретические основы феномена общественного мнения / У. Т. Язданов // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2015. – № 6-1. – С. 145–148 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://applied-research.ru/ru/article/view?id=6862> (дата обращения: 15.08.2024).
4. **Франц, В. А.** Управление общественным мнением : учеб. пособие / В. А. Франц ; М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2016. – 135 с.
5. **Кириллов, Н. П.** Массовое сознание. Структура. Генезис. Сущностные характеристики: Вопросы теории и методологии : в 2 кн. / Н. П. Кириллов. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1995. – Кн. 2.
6. **Андреев, А. Л.** Политическая психология / А. Л. Андреев. – М. : Изд-во «Весь мир», 2002. – 240 с.
7. **Бейлин, И. Ф.** Современный паблик рилейшнз : учеб. пособие / И. Ф. Бейлин. – Воронеж : Изд-во АОНО ВПО «Институт менеджмента, маркетинга и финансов», 2011. – 628 с.
8. **Докторов, Б. З.** Отцы-основатели: история изучения общественного мнения / Б. З. Докторов. – М. : ЦСП, 2006. – 488 с.
9. **Житенев, В. Б.** Общественное мнение в социальном управлении / В. Б. Житенев. – Новосибирск : Изд-во «Наука», 2008. – 163 с.
10. **Иванов, О. И.** Общественное мнение и власть / О. И. Иванов // Социально-политический журнал. – 2003. – С. 7.

- 11. Кажанов, О. А.** Социологические проблемы изучения общественного мнения: курс лекций / О. А. Кажанов. – Смоленск, 2006. – С. 46.
- 12. Липман, У.** Общественное мнение / У. Липман ; пер. с англ. Т. В. Борчуновой; ред. перевода К. А. Левинсон, И. В. Петренко. – М. : Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. – С. 177.
- 13. Геворгян, А. Э.** Массовые коммуникации в формировании общественного мнения в современной России / А. Э. Геворгян // Всероссийский научный журнал «Общество и право». – 2006. – № 2 (12). – С. 28–31.
- 14. Луман, Н.** Что такое коммуникация? / Н. Луман // Социол. журн. – 1995. – № 3. – С. 114–125.
- 15. Луман, Н.** Реальность массмедиа / Н. Луман. – М. : Праксис, 2005.
- 16. Володенков, С. В.** Информационно-коммуникационная революция и ее влияние на современный политический процесс / С. В. Володенков // ПОЛИТЭКС. – 2011. – № 4. – С. 159–167.
- 17. Карякина, К. А.** Актуальные формы и типологические модели новых медиа // К. А. Карякина // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. – 2010. – № 3. – С. 128–137.
- 18. Сергеев, Е. Ю.** Средства массовой коммуникации в условиях глобализации / Е. Ю. Сергеев // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). – 2009. – № 1. – С. 117–126.
- 19. Гаже, П. М., Вебер, Б.** Постурология. Регуляция и нарушения равновесия тела человека / П. М. Гаже, Б. Вебер. – СПб., 2008. – 316 с.
- 20. Брижатая А. С., Ширяева О. С., Пискунова Г. Е.** Психологические особенности респондентов с различным типом постуральной адаптации (осанки) / А. С. Брижатая, О. С. Ширяева, Г. Е. Пискунова // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. – 2017. – № 1 (29). – С. 32–43.

21. Нартова-Бочавер, С. К. «Coping Behavior» в системе понятий психологии личности / С. К. Нартова-Бочавер // Психологический журнал. – 1997. – Т. 18. – № 5. – С. 20–30.

22. Кале-Жермен, Б. Исцеляющие движения для позвоночника / Б. Кале-Жермен ; пер. с фр. А. В. Апатовской. – М. : АСТ : Астрель : Полиграфиздат, 2010.

23. Осинцева, Н. В. Этика и эстетика осанки / Н. В. Осинцева // Манускрипт. – 2020. – Том 13. Выпуск 3. – С. 128–131.

24. Лоуэн, А. Психология тела: биоэнергетический анализ тела / А. Лоуэн. – М. : Ин-т общегуманитарных исследований, 2000. – 256 с.

25. Рыбакова, Е. В. Личность педагога – открытая модель саморазвития и интегративной готовности / Е. В. Рыбакова // Проблемы психологии личности в современном глобальном мире: теория и практика: материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Уфа, 2022. – С. 92–97.

26. Рыбаков Д. Г., Рыбакова Е. В. Цифровой самоконтроль человека как средство развития психомоторной культуры / Д. Г. Рыбаков, Е. В. Рыбакова // Культура и технологии. – 2022. – Т. 7. № 1. – С. 16–24.

27. Рыбакова Е. В., Султанова Р. М., Гаязова Г. А., Рыбаков Д. Г. Психомоторные алгоритмы в системе адресного информационно-технологического сопровождения детей с ограниченными возможностями здоровья / Е. В. Рыбакова, Р. М. Султанова, Г. А. Гаязова, Д. Г. Рыбаков // Физическая культура и спорт в современном мире : сборник научных статей / редкол.: Г. И. Нарский и др. – Гомель : Гомельский государственный университет им. Франциска Скорины, 2021. – С. 110–116.

28. Рыбакова, Е. В., Султанова, Р. М., Гаязова, Г. А. Анатомическая эволюция человека и технологический компонент жизнедеятельности / Е. В. Рыбакова, Р. М. Султанова, Г. А. Гаязова // Физическая культура и спорт в современном мире : сборник научных статей. К 70-летию факультета физической культуры / редкол.: Г. И. Нарский и др. – Гомель : Гомельский

государственный университет им. Франциска Скорины, 2019. – С. 546–550.

29. Рыбакова, Е. В., Султанова, Р. М., Гаязова, Г. А. Эстетика в специальной дидактике как развивающий, мотивирующий, благоприятствующий эмоционально-волевому благополучию ресурс / Е. В. Рыбакова, Р. М. Султанова, Г. А. Гаязова // ЦИТИСЭ. – 2024. – № 1 (39). – С. 504–521.

Rybakova Elena Vladimirovna,
Senior Lecturer, Ufa University of Science and Technology
evrybakova19@mail.ru

Rybakov Dmitry Gennadievich,
Interregional Interagency Internet Lounge «Belaja Rjesh»
drk17@yandex.ru

Sultanova Rosa Miniahmetovna,
Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor,
Ufa University of Science and Technology
sultanovar@list.ru

Gayazova Gulshat Anifovna,
Candidate of Medical Sciences, Associate Professor,
Ufa University of Science and Technology
gulshat_g@bk.ru

Modern digital and other media as a resource for promoting healthy posture trends among the population

For a number of years, the author's group has been researching the problems of preserving and developing posture adequately to the anthropological status of youth, modern innovations of young generations and the child population, modeling goal – oriented means in this direction, including using traditional and innovative media formats.

Keywords: posture, anthropology, psychological status of youth, mass media, public opinion, social networks.

Турилова Алёна Олеговна,
старший преподаватель кафедры журналистики и издательского дела
ФГБОУ ВО «Луганский государственный
педагогический университет»
snegok88@mail.ru

**Формировать: нельзя стагнировать
(о готовности тележурналиста к работе над медиапроектами в
условиях информационного противостояния России с Западом)**

В статье рассмотрена проблема обеспечения практико-ориентированного обучения будущих тележурналистов, которая связывается автором с формированием у будущих тележурналистов готовности к проектной деятельности, в том числе в условиях деструктивного влияния, оказываемого западными странами на информационную безопасность России. Основываясь на системном, лично-деятельностном и проектном методологических подходах, охарактеризована сущность и структура готовности будущего телевизионного журналиста к работе над медиапроектами. Автором раскрыты вопросы развития проектной культуры будущих тележурналистов, сформирован авторский подход к пониманию особенностей, сущности и структуры готовности будущих тележурналистов к работе над медиапроектами, оказывающих социокультурное воздействие на общество.

Ключевые слова: журналистское образование, медиаобразование, медиапроект, медиаконтент, проектная деятельность, готовность к проектной деятельности.

Современные условия развития российского общества достаточно нестабильны и тем самым существенно влияют на требования к личности медиаспециалиста, его готовности к освещению злободневных проблем, решению социально значимых для страны и ее граждан задач, что и обуславливает осуществление специалистами в медиасфере проектной деятельности [1]:

«Симбиоз теории и практики позволяет журналисту с привычного текстоцентричного перейти на новый уровень производства медиаконтента – проектный» [7, с. 45]. В частности, это актуально для тележурналистов, продукт профессиональной деятельности которых оказывает существенное влияние на ценностные ориентиры в жизни россиян, формирование актуальной политической повестки, общественную жизнь в целом. Очевидно, что медиакоммуникации имеют важное значение в условиях гибридной войны коллективного Запада против нашей страны, поскольку медиапродукт в большей степени определяет нынешнее духовное состояние общества, характер и перспективы его социокультурного развития.

Цель статьи – отразить результаты исследования по определению сущностиготовностибудущих тележурналистов к работе над медиапроектами в условиях обострения геополитического противостояния России и коллективного Запада.

В исследовании мы использовали общетеоретические методы (анализ, синтез, систематизация, обобщение, аналогия, экстраполяция, изучение научной и нормативной литературы).

Новизна данного исследования состоит в том, что впервые охарактеризован целостный подход к определению сущности понятия «готовность будущего тележурналиста к работе над медиапроектами», обеспечивающих соблюдение национальных интересов в сфере медиакоммуникационных процессов общества.

В рамках изучаемой нами проблемы будущей тележурналист должен не только иметь положительное отношение к своей профессии, но и понимать значимость работы над медиапроектами, получать и продуктивно использовать необходимые знания, навыки и умения, развивать качества, способствующие успешному созданию медиапродуктов.

Специфика работы тележурналистов над проектами определила важность формирования готовности к этому виду деятельности благодаря всемирной глобализации, потребности в создании медиапродуктов, отвечающих запросам общества и отражающих политику нашей страны в сфере реализации национальных целей ее развития. Таким медиапроектам необходимы уникальные цели, а значит и оригинальные подходы к

содержанию проекта, выбору способов его подготовки и реализации.

В процессе работы над медиапроектами сочетаются базовые основы проектирования и творческой составляющей профессии тележурналиста, опирающиеся на знания телепроизводства в целом, которое отличается своей многогранностью и соприкасается с разными сферами деятельности человека [2; 6]. Именно поэтому проектная деятельность во время обучения в вузе максимально приближает студентов-тележурналистов к сути будущей профессии.

Учитывая вышесказанное, а также учитывая разработанное нами определение проектной деятельности телевизионного журналиста [5], готовность будущего тележурналиста к работе над медиапроектами мы понимаем как «интегративное состояние его личности, отражающее желание и способность использовать метод проектов, опираясь на сформированные в процессе профессиональной подготовки знания, умения, навыки и качества, значимые для проектной деятельности и позволяющие тележурналисту создавать и распространять медиапродукт с целью оказания действенного влияния на происходящие в обществе процессы» [4, с. 336].

Факторы, влияющие на формирование готовности будущего тележурналиста к проектной деятельности, мы связываем с ее компонентами [3]: желание эффективно влиять на происходящие в обществе процессы и содействовать социально-общественному развитию; наличие знаний, необходимых для создания готового медиапродукта; творческий взгляд на окружающее пространство; способность к самооценке и рефлексии с целью дальнейшего развития.

Интегративность – основная особенность исследуемой готовности. Выделенные нами компоненты взаимодействуют и взаимовлияют друг на друга, вследствие чего формирование готовности будущего телевизионного журналиста к проектной деятельности будет эффективным только при условии содержательного наполнения каждого из ее структурных элементов. Комплекс педагогических условий формирования исследуемой готовности должен обеспечить мотивационно-

ценностную основу овладения и применения будущими тележурналистами проектного метода; приобретение знаний, умений и навыков по созданию и реализации медиапроектов, способных влиять на общественные процессы в современных геополитических реалиях; способность к критической самооценке результатов проектной деятельности и осознания перспектив ее совершенствования.

Одним из условий эффективного формирования готовности к проектной деятельности у будущих тележурналистов мы считаем успешную практическую работу, в частности над проектами для учебного студенческого медиасообщества «Студенты говорят», которое функционирует на кафедре журналистики и издательского дела ЛГПУ (по состоянию на 14.08.2024 – 326 подписчиков). Дизайн сообщества, логотип проектов, созданный в брендových цветах медиаобъединения, узнаваем аудиторией. Контент, продуцируемый в группе, креативен, часто на актуальную общественно-политическую тематику и адекватно развивает коммуникационные возможности. Кроме того, по нему можно наблюдать, как растет профессиональный уровень студентов: ребята уже не боятся задавать вопросы жителям города, брать интервью у экспертов, лидеров мнений, журналистов и т. п. Видя успех в социальной сети (комментарии, лайки и репосты), студенты становятся активнее в проявлении инициативы по созданию новых медиапродуктов. На мотивационно-ценностную составляющую позитивно влияет участие и победы в региональных, всероссийских и международных медиаконкурсах. Все это развивает положительное эмоциональное отношение к проектной деятельности в процессе обучения в вузе.

Организация профессионального обучения с использованием проектных форм учебно-творческих заданий способствует формированию мотивационно-ценностной составляющей готовности к проектной деятельности у будущих тележурналистов, приобретению знаний и устойчивого интереса к проектным форматам и, как следствие, повышает уровень профессиональной готовности будущего тележурналиста к работе над медиапроектами любой сложности, в том числе оказывающих существенное влияние на общество.

Важный аспект совершенствования подготовки будущих тележурналистов в условиях информационной войны – формирование готовности к проектной деятельности, необходимой для создания новых медиапродуктов, улучшения качества медиаконтента и воспитания молодого поколения в целом. Это повышает требования к содержанию и качеству медиаобразования и акцентирует внимание на практической ориентации обучения.

Технологическая революция в области коммуникаций открывает колоссальные возможности, которые, по мнению В. В. Путина, ставят «философские, моральные, духовные вопросы, которыми еще недавно задавались только писатели-фантасты» [3]. Глава государства адресует эти вопросы в первую очередь учёным: они касаются прикладных исследований реальных изменений и предоставления практических рекомендаций для политического руководства и общественного регулирования ключевых областей, среди которых культура и искусство, включая создание медиаконтента, занимают одно из центральных мест.

Общество остро нуждается в медиапродуктах, способных трансформировать все измерения и структуры общественной жизни. А одним из главных направлений научных исследований становится трансформация отношений между средствами массовой информации, в особенности телевидения как одного из важнейших институтов, и обществом.

Чтобы эффективно подготовить будущих тележурналистов к созданию медиапроектов, отвечающих запросам общества и государства, необходимо организовать обучение таким образом, чтобы оно было ориентировано на практику, и актуализировать производство и распространение молодежного медиаконтента, который всё больше влияет на общественное сознание и социокультурное развитие общества.

Список литературы

1. Андреева, Е. С. Анализ факторов эффективности реализации региональных партнерских проектов / Е. С. Андреева, Д. Ш. Султанова // Научное обозрение. – 2017. – № 15. – С. 104–106.

2. Базилян, С. А. Тенденции современного

журналистского образования в условиях трансформирующейся медиасферы / С. А. Базилян // Ярославский педагогический вестник. – 2023. – № 6 (135). – С. 27–35.

3. Заседание дискуссионного клуба «Валдай». 21 октября 2021 г. // Президент России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/66975> (дата обращения: 14.08.2024).

4. Турилова, А. О. Сущность и содержание готовности будущих тележурналистов к проектной деятельности / А. О. Турилова // Бизнес. Образование. Право. – 2024. – № 3 (68). – С. 334–339.

5. Турилова А. О., Зинченко В. О. Проектная деятельность тележурналистов: сущность и актуальность формирования / А. О. Турилова, В. О. Зинченко // ЦИТИСЭ. – 2024. – № 2. – С. 136–147 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ma123.ru/ru/2024/05/id-0647-ru/> (дата обращения: 27.06.2024).

6. Ху, П. Развитие журналистского образования в новую эпоху и его контрмеры / П. Ху // Успехи гуманитарных наук. – 2023. – № 6. – С. 65–67.

7. Шестеркина, Л. П. Проектная журналистика и современные тенденции журналистского образования / Л. П. Шестеркина, А. Р. Марфицына // Ученые записки Забайкальского государственного университета. – 2019. – Т. 14. № 1. – С. 40–48.

Turilova Alena Olegovna,

Senior lecturer

Lugansk State Pedagogical University

snegok88@mail.ru

Formation: it is impossible to stagnate (about the readiness of a TV journalist to work on media projects)

The article considers the problem of providing practice-oriented training for future TV journalists, which is associated by the author with the formation of future TV journalists' readiness for project activities. Based on systematic, personal-activity and project methodological

approaches, the essence and structure of the future television journalist's readiness for project activities are characterized. The author reveals the issues of developing the project culture of students of future TV journalists, and forms an author's approach to understanding the features, essence and structure of the readiness of future TV journalists to work on media projects.

Keywords: journalistic education, media education, media project, project activity, readiness for project activity.

УДК 159.923.33

Шафир Тимур Владимирович,
секретарь Союза журналистов России,
преподаватель кафедры коммуникационных технологий
ФГБОУ ВО «Московский государственный
лингвистический университет»
tim.shafir@mail.ru

Медиаобразование в контексте глобальных информационных вызовов

В статье рассматриваются современные тенденции и вызовы, связанные с развитием медиаобразования в условиях глобальных информационных процессов. Описываются основные проблемы, возникающие перед обществом в контексте цифровизации и расширения информационного пространства, а также предлагаются пути их преодоления через интеграцию медиаобразования в образовательные системы. Особое внимание уделяется роли медиаобразования в формировании критического мышления, цифровой грамотности и устойчивости к манипулятивным практикам в медиа.

Ключевые слова: медиаобразование, цифровая грамотность, информационные вызовы, критическое мышление, дезинформация, медиаэтика, цифровое общество.

В последние десятилетия мир столкнулся с беспрецедентными изменениями, вызванными развитием информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). Цифровизация общества кардинально изменила способы взаимодействия людей с информацией, привела к значительному расширению доступа к медийным ресурсам и создала новые формы коммуникации. Эти трансформации принесли не только многочисленные возможности для развития общества, но и серьезные вызовы, требующие осмысления и адаптации.

Одним из главных вызовов современного информационного общества стал феномен информационного перенасыщения, когда объемы производимой и распространяемой информации превышают способности человека к ее обработке и критическому восприятию. В результате этого наблюдается снижение способности к аналитическому мышлению, усиление манипулятивных практик в медиа, распространение фейковых новостей и дезинформации. Эти явления подрывают доверие к традиционным источникам информации и угрожают социальному единству.

На этом фоне возникает настоятельная необходимость в формировании нового типа компетенций и навыков, которые позволят эффективно функционировать в современном медиапространстве. Эти компетенции включают в себя не только техническую грамотность, но и способность критически оценивать информацию, понимать механизмы медиа, а также осознавать социальные и этические аспекты использования цифровых технологий. Всё это входит в рамки концепции медиаобразования.

В условиях глобальных информационных вызовов роль медиаобразования становится исключительно важной. Оно не только способствует развитию цифровой грамотности, но и помогает формировать критическое мышление, устойчивость к манипуляциям и дезинформации, а также прививает понимание этических норм и социальных обязательств в цифровом мире.

1. Глобальные информационные вызовы современности

Современное информационное общество сталкивается с множеством вызовов, которые коренным образом изменяют способы производства, распространения и восприятия

информации. Эти вызовы создают серьезные угрозы для социальной стабильности, культурного единства и политической безопасности. В этом разделе будут рассмотрены основные глобальные информационные вызовы, с которыми сталкивается современное общество: информационный взрыв, распространение фейковых новостей и дезинформации, цифровое неравенство и этические проблемы, связанные с использованием цифровых технологий.

1.1 Информационный взрыв

С развитием информационно-коммуникационных технологий объемы производимой и потребляемой информации выросли в геометрической прогрессии. Согласно данным исследования, ежедневно в мире создается огромное количество цифровой информации, и этот объем продолжает стремительно увеличиваться. Этот феномен получил название «информационный взрыв» и стал одной из центральных проблем современного информационного общества.

Информационный взрыв порождает несколько серьезных последствий:

– Информационное перенасыщение: пользователи сталкиваются с огромным количеством доступной информации, что значительно усложняет процесс ее фильтрации и критического осмысления. В условиях перенасыщенности информацией у человека снижается способность к принятию осознанных решений, возрастает вероятность когнитивных перегрузок и усталости.

– Усиление шума и снижение качества информации: с увеличением объема доступной информации возрастает доля информационного шума – данных, не имеющих ценности или значимости для пользователя. Это затрудняет поиск качественных, надежных и актуальных источников информации, что создает благоприятные условия для распространения дезинформации и манипуляций.

– Размывание границ между фактами и мнениями: в условиях информационного взрыва все сложнее становится отличить фактическую информацию от субъективных мнений и интерпретаций. Это приводит к усилению поляризации общества,

формированию «информационных пузырей» и росту недоверия к традиционным источникам информации [3, с. 154].

1.2 Распространение фейковых новостей и дезинформации

Распространение фейковых новостей и дезинформации стало одним из наиболее опасных вызовов современного информационного пространства. Этот феномен получил широкое распространение с развитием социальных сетей и других цифровых платформ, которые позволяют мгновенно передавать информацию по всему миру.

Основные угрозы, связанные с распространением фейковых новостей и дезинформации, включают:

– Подрыв доверия к медиа и государственным институтам: фейковые новости подрывают доверие к традиционным источникам информации, включая СМИ, правительственные организации и научные учреждения. Это ведет к росту общественного недовольства и недоверия, что может стать угрозой для социальной стабильности и политической системы.

– Манипуляция общественным мнением: дезинформация часто используется в политических целях для манипуляции общественным мнением, создания ложных представлений о событиях и явлениях, а также для дестабилизации социальной и политической обстановки в обществе. Примеры таких манипуляций можно наблюдать практически во всех медиасистемах современного западного общества при освещении информации, связанной с Россией или СВО.

1.3 Этические проблемы в цифровом пространстве

С развитием цифровых технологий возникли новые этические проблемы, связанные с конфиденциальностью, безопасностью данных и ответственным использованием информации. Эти проблемы становятся все более актуальными в условиях глобального распространения цифровых платформ и социальных сетей.

Основные этические вызовы включают:

– Конфиденциальность и защита данных: в условиях цифровизации возникает множество угроз, связанных с утечкой и злоупотреблением личными данными. Это требует разработки новых подходов к защите конфиденциальности и обеспечения

безопасности данных, а также повышения осведомленности пользователей о рисках, связанных с их цифровым поведением.

– Этика искусственного интеллекта: С развитием технологий искусственного интеллекта (ИИ) возникают новые этические вопросы, связанные с использованием ИИ в медиа и информационных системах. Это включает вопросы ответственности за решения, принятые ИИ, а также этическую допустимость использования ИИ для манипуляции общественным мнением и формирования контента.

2. Роль медиаобразования в условиях глобальных вызовов

Современные глобальные вызовы, такие как информационный взрыв, распространение дезинформации, цифровое неравенство и этические проблемы цифрового пространства, создают новые требования к образовательным системам и формированию критически мыслящего общества. В этих условиях медиаобразование приобретает особое значение как важный инструмент, направленный на развитие умений и навыков, необходимых для успешного функционирования в цифровой среде. В данном разделе будут рассмотрены ключевые аспекты роли медиаобразования в контексте глобальных информационных вызовов, включая формирование критического мышления, развитие цифровой грамотности, противодействие дезинформации и укрепление социальной ответственности и этики.

2.1 Формирование критического мышления

Одним из главных направлений медиаобразования является развитие критического мышления у пользователей информации. Критическое мышление включает в себя способность анализировать, оценивать и интерпретировать информацию, различать факты от мнений, выявлять манипулятивные приемы и логические ошибки. В условиях информационного перенасыщения и растущей сложности медиапространства эти навыки становятся необходимыми для осознанного потребления информации [1, с. 4].

Критическое мышление помогает пользователям:

– Различать факты и интерпретации: в условиях информационного взрыва часто происходит размывание границ между фактической информацией и субъективными интерпретациями. Медиаобразование учит пользователей

анализировать источники информации, проверять достоверность данных и различать факты от мнений.

– Идентифицировать манипуляции и вражескую пропаганду: Современное медиапространство изобилует примерами манипуляций и пропаганды, направленных на формирование определенных убеждений и поведения. Медиаобразование развивает навыки критического анализа медийных сообщений, что помогает пользователям выявлять манипулятивные техники и противодействовать им.

2.2 Развитие цифровой грамотности

Цифровая грамотность является неотъемлемой частью медиаобразования и охватывает широкий спектр навыков, необходимых для успешного взаимодействия с цифровыми технологиями и информацией. В условиях цифрового неравенства и глобализации развитие цифровой грамотности становится ключевым фактором, обеспечивающим равный доступ к знаниям и возможностям.

Основные аспекты цифровой грамотности включают:

– Технические навыки: важнейший элемент цифровой грамотности – это способность эффективно использовать цифровые устройства и программное обеспечение. Медиаобразование обучает базовым техническим навыкам, необходимым для работы с компьютерами, смартфонами и другими устройствами, а также для использования интернет-ресурсов.

– Навыки безопасности в интернете: в условиях роста киберугроз и утечек данных цифровая грамотность также включает знание основ информационной безопасности. Медиаобразование помогает пользователям разрабатывать стратегии защиты личных данных, избегать фишинговых атак и безопасно работать в сети.

Медиаобразование в борьбе с дезинформацией включает:

– Развитие медиаграмотности: медиаграмотность предполагает понимание принципов работы медиа и цифровых платформ, знание механизмов распространения информации и способность критически оценивать медийные сообщения. Медиаобразование помогает пользователям развивать

медиаграмотность, что снижает риск попадания в ловушку дезинформации.

– Формирование культуры ответственного потребления информации: важной задачей медиаобразования является формирование у пользователей культуры ответственного потребления информации. Это включает осознание своей роли в информационном пространстве, понимание последствий распространения недостоверной информации и ответственность за свои действия в медиа [2, с. 146].

Медиаобразование играет центральную роль в условиях глобальных информационных вызовов, предлагая решения, направленные на развитие критического мышления, цифровой грамотности, противодействие дезинформации и формирование социальной ответственности в цифровом пространстве. В условиях современного медиапространства эти навыки становятся не просто желательными, но необходимыми для полноценного участия в информационном обществе.

3. Интеграция медиаобразования в образовательные системы

Интеграция медиаобразования в образовательные системы становится стратегически важной задачей для формирования компетенций, необходимых в условиях цифрового общества. Медиаобразование обеспечивает учащихся навыками критического мышления, цифровой грамотности и этической ответственности, которые необходимы для успешного функционирования в современном информационном пространстве. В этом разделе рассматриваются ключевые аспекты интеграции медиаобразования в образовательные программы: подходы к внедрению медиаобразования, методология и педагогические стратегии, роль учителей и образовательных учреждений, а также примеры успешных практик.

3.1 Подходы к внедрению медиаобразования

Интеграция медиаобразования в образовательные системы может осуществляться через различные подходы, которые зависят от национальных и региональных особенностей, уровня развития образовательной системы и потребностей общества. Можно выделить три основных подхода к внедрению медиаобразования:

– Интеграция в существующие учебные предметы: один из наиболее распространенных подходов – включение элементов медиаобразования в уже существующие учебные дисциплины, такие как литература, история, обществознание, информатика и другие. Например, на уроках литературы можно изучать тексты СМИ, анализировать языковые приемы и манипуляции, а на уроках информатики – учить основам информационной безопасности и работы с цифровыми ресурсами.

– Создание отдельных курсов и дисциплин: другой подход предполагает разработку и внедрение специальных курсов и дисциплин, полностью посвященных медиаобразованию. Такие курсы могут включать обучение критическому анализу медийных сообщений, изучение истории и теории медиа, а также практическое использование медиатехнологий. Введение отдельных курсов позволяет глубже и систематичнее рассматривать вопросы, связанные с медиа.

3.2 Роль преподавателей и образовательных учреждений

Успешная интеграция медиаобразования зависит от готовности учителей и образовательных учреждений к внедрению новых методик и подходов. Важные аспекты роли учителей и учреждений включают:

– Профессиональная подготовка преподавателей: они играют ключевую роль в процессе медиаобразования, и их подготовка должна соответствовать современным вызовам. Это включает обучение методам критического анализа медиа, использованию цифровых инструментов и пониманию этических аспектов работы в информационном пространстве. Необходимы программы повышения квалификации, семинары и курсы для подготовки преподавателей к работе с медиаматериалами.

– Роль образовательных учреждений: школы, университеты и другие образовательные учреждения должны создавать условия для интеграции медиаобразования. Это включает обеспечение доступа к цифровым ресурсам, создание медиаклассов и лабораторий, а также поддержку инициатив, направленных на развитие медиаграмотности среди учащихся.

3.3 Перспективы и направления развития медиаобразования

В будущем медиаобразование будет играть все более важную роль в образовательных системах, и его развитие потребует новых подходов и стратегий. Ключевые направления развития включают:

- Развитие дистанционного и онлайн-обучения: с развитием цифровых технологий дистанционное обучение становится все более популярным. В будущем медиаобразование должно активно использовать возможности онлайн-курсов, вебинаров и других форм дистанционного обучения для достижения более широкой аудитории.

- Интеграция медиаобразования в раннее образование: начало формирования медиаграмотности должно происходить уже в дошкольном возрасте. Введение элементов медиаобразования в программы детских садов и начальной школы поможет заложить фундамент для дальнейшего развития критического мышления и цифровой грамотности.

- Повышение квалификации учителей: развитие профессиональной подготовки и повышение квалификации учителей в области медиаобразования должны стать приоритетом. Это включает регулярные тренинги, семинары и обмен опытом между преподавателями, а также создание сообществ практики, где учителя могут делиться своими наработками и методиками.

Рассмотренные в работе аспекты медиаобразования показывают его многогранность и важность в условиях глобальных информационных вызовов. Медиаобразование помогает формировать критическое мышление, развивать цифровую грамотность, противодействовать дезинформации и укреплять этическую ответственность в цифровом пространстве. В условиях современного мира эти навыки становятся неотъемлемыми для успешного функционирования в информационном обществе.

Интеграция медиаобразования в образовательные системы – это процесс, требующий комплексного подхода и внимания со стороны всех участников образовательного процесса: от государственных органов и образовательных учреждений до самих преподавателей и учащихся. Успешные примеры интеграции медиаобразования в разных странах демонстрируют, что его

внедрение может быть эффективным при наличии системного подхода, адекватного финансирования и подготовки квалифицированных кадров.

Таким образом, медиаобразование в контексте глобальных информационных вызовов – это не просто образовательная инновация, а необходимый ответ на вызовы современного мира. Оно позволяет подготовить новое поколение граждан, способных эффективно и ответственно взаимодействовать с информацией, критически оценивать медийные сообщения и активно участвовать в общественной жизни. В конечном итоге, развитие медиаобразования способствует укреплению демократических процессов, социальной устойчивости и гармоничного развития информационного общества в условиях стремительных изменений и глобальных вызовов.

Список литературы

1. Jones, B. Why it's time to shift from a «human vs. machine» to a «human plus machine» mindset / B. Jones [Electronic Resource]. – Mode of access: <https://www.thinkwithgoogle.com/intl/en-145/perspectives/globalarticles/why-its-time-shift-human-vs-machine-human-plus-machine-mindset/> (accessed: 25.07.2024).

2. Rainie, L., Wellman B. Networked: The New Social Operating System / L. Rainie, B. Wellman [Electronic Resource]. – Mode of access: <https://hci.stanford.edu/courses/cs047n/readings/rainie-networked.pdf> (accessed: 20.07.2024).

3. Савин, В. В. Специфика современного социального познания: дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11 / Савин Валерий Викторович; Волгогр. гос. ун-т. – Волгоград, 2013. – 154 с.

Shafir Timur Vladimirovich,
Secretary of Russian Union of Journalists,
Lecturer at the Department of Communication Technologies
of Moscow State Linguistic University
tim.shafir@mail.ru

Media education in the context of global information challenges

The article examines current trends and challenges related to the development of media education in the context of global information processes. The main problems facing society in the context of digitalization and expansion of the information space are described, and ways to overcome them through the integration of media education into educational systems are proposed. Special attention is paid to the role of media education in the formation of critical thinking, digital literacy and resistance to manipulative practices in the media.

Keywords: media education, digital literacy, information challenges, critical thinking, disinformation, media ethics, digital society.

Якименко Людмила Николаевна,
кандидат филологических наук, доцент,
заведующий кафедрой начального образования
ФГБОУ ВО «Луганский государственный
педагогический университет»
yakimenkol@list.ru

**Аксиологический аспект медиаобразования
младших школьников (на материале детского журнала
«С чего начинается Родина?»)**

В статье выявлен и описан аксиологический потенциал материалов детского журнала «С чего начинается Родина?» в контексте осуществления медиаобразования младших школьников, а также формирования ценностно-смысловой сферы их личности. Ввиду отсутствия школьного предмета «Медиаобразование» автором обоснована необходимость использовать аксиологический лингвистический анализ статей из журнала на уроках литературного чтения, русского языка, окружающего мира, музыки, изобразительного искусства, технологии с целью повышения уровня медиаобразованности детей младшего школьного возраста. Сделан акцент на необходимости учитывать достижения таких наук, как медиаобразование, медиаэкология, медиакритика и медиаграмотность в попытке защитить потребителя медиапродуктов от патогенного влияния масс-медиа.

Ключевые слова: медиаобразование, младшие школьники, аксиология, ценности, детский журнал «С чего начинается Родина?».

Такие понятия массовой коммуникации, как медиаэкология, медиакритика, медиаграмотность, медиафилософия и медиаобразование в последнее время все чаще встречаются в исследованиях отечественных и зарубежных учёных. Это связано с тем, что потребитель медиапродукта – не независимо от возраста, – на наш взгляд, практически не подготовлен к патогенному

воздействию средств массовой информации. Особую обеспокоенность вызывает, конечно же, ситуация, сложившаяся в детской и подростковой среде: младшие школьники и подростки являются наиболее уязвимыми перед давлением медиа – в первую очередь новых (электронные СМИ; блоги; социальные сети; мессенджеры; компьютерные игры) – на их сознание. Последствия этого часто катастрофические, учитывая, что у представителей этих возрастных категорий практически не сформировано или сформировано на низком уровне критическое мышление. В этом контексте становится актуальным разговор о такой междисциплинарной области медиаведения и медиадизайна, как медиаэкология, изучающая влияние символических систем и технологий на социальную организацию, познавательные процессы, политические и философские идеи человеческого общества [18], а также о медиаобразовании обучающихся разных образовательных уровней. Обоснуем это утверждение.

Характер концептуализации действительности в человеческом сознании зависит от ряда биологических и технических факторов, а также от кодовых систем, используемых для представления информации. Средства кодирования и передачи информации не нейтральны: они определенным образом влияют на восприятие внешнего мира индивидом. Поскольку человеческая культура напрямую зависит от коммуникации, изменения в коммуникативной модели имеют серьезные идеологические и эпистемологические последствия для личности человека, его мировосприятия и миропонимания, а также системы ценностей [18].

Экология медиа – относительно молодая дисциплина, а ее методологическая база основывается на методах и приемах социологии, культурологии, теории систем, однако распространение новых медиа и рост их роли не только в общественной жизни, но и использование в качестве средства мощного воздействия на каждого отдельного индивида лишней раз убеждает: применение на практике теоретических разработок и практических рекомендаций медиаэкологов следует учитывать в процессе медиаобразования современных детей и молодежи. Не случайно растет интерес к этой науке, и все чаще звучат призывы

повышать уровень медиаграмотности, медиакомпетентности реципиентов, способствовать приобретению обучающимися навыков медиакритики, чтобы защитить их сознание (и подсознание) от патогенного воздействия СМИ.

Напомним, что патогенные тексты делятся на два типа. К первому относятся те, которые опираются на эмоции удовольствия (порнография, гиперболизированная реклама) – это так называемое удовлетворение первого уровня, связанное с сексуальным или эгоцентричным инстинктом, направленным на владение вещами. Ко второму типу относятся те разновидности патогенного текста, которые основываются на эмоциях неудовольствия (телевизионное насилие, пропаганда расовой, религиозной, национальной, классовой вражды, непримиримости, войны). Под воздействием этим разновидностей патогенного текста у реципиента появляется непреодолимое желание избавиться от неудовольствия путем физического устранения оппонентов. Понятно, что в этом случае интенсивно эксплуатируются и культивируются чувства ксенофобии, ненависти, поощряется агрессивное поведение [18, с. 203].

Как результат, перед исследователями экологии массовых коммуникаций стоит важная задача: идентифицировать патогенные тексты и определять способы их нейтрализации, а также обосновать критерии, по которым медиатекст может быть рекомендован для восприятия детьми определенного возраста, учитывая уровень их подготовленности и психологические особенности. Следовательно, научные достижения медиаэкологов должны стать настольной книгой для современных разработчиков концепции медиаобразования подрастающего поколения.

Неоспоримым считаем утверждение, что понимание массово-коммуникационных эффектов нужно каждому. Профессиональные коммуникаторы – представители новых медиа и СМИ в целом – должны предвидеть, каким будет воздействие на индивидуальное и общественное сознание, какому риску и опасности они могут подвергнуть индивида и общество в случае распространения определенной информации. Наряду с тем, потребители массовой информации также нуждаются в знании теории коммуникации, чтобы не становиться жертвами

манипуляций. Такого рода медиапросвещение так или иначе предполагает не только «схватывание отдельных поверхностных истин, но и овладение современными теоретическими достижениями социальных и гуманитарных наук» [18, с. 203]. Осуществляется оно, в первую очередь, в процессе медиаобразования.

Исходя из вышеизложенного, вслед за О. В. Запевалиной, медиаобразование мы рассматриваем именно как педагогический феноменом [2]. Сам термин впервые встречается в документах ЮНЕСКО в 1970-е гг., в это же время учеными и активистами делается попытка описать механизм и цели медиаобразования [19]. К его определению вернулись в 1999 г., связывая медиаобразование с печатными и графическими, звуковыми, экранными и другими формами и видами медиа. Медиаобразование, по мнению исследователей конца XX века, должно быть направлено на то, чтобы подготовить аудиторию, поддающуюся воздействию медиа, к критическому, осознанному, грамотному восприятию информации. Медиаобразованный реципиент должен осуществлять анализ, осмысление медиатекстов, должен уметь их создавать; не менее важным является и его умение определять источники медиатекстов, выявлять их контекст, исходя из политических, социальных, коммерческих, культурных интересов [20].

Определения медиаобразования были предложены в разные периоды и отечественными учеными, среди которых А. В. Шариков, К. Е. Разлогов, А. В. Федорова, Н. Б. Кириллова, А. П. Короченский, Ю. Н. Усов, Л. А. Иванова и мн. др. Нас заинтересовало исследование А. А. Журина – его докторская диссертация, – в котором автор, обобщив разные трактовки дефиниции «медиаобразование», в его содержание включает изучение влияния СМИ на детей и подростков, разработку теоретических вопросов подготовки обучающихся к столкновению с агрессивным миром СМИ, определение особенностей использования молодежью медиа, выявление их роли в восприятии аудиторией мира и культуры, формирование умения эффективно работать с информацией СМИ [1].

Уже в конце 1990-х – в начале 2000-х гг., признавая различия в подходах и в развитии медиаобразования в разных странах, учеными были даны рекомендации по внедрению медиаобразование в национальные учебные планы, в условиях дополнительного, неформального образования, а также предлагалось сделать его обязательной частью саморазвития индивида в течение всей жизни [20].

Итак, медиаобразование – это специальное направление в педагогике, которое предполагает изучение школьниками и студентами закономерностей массовой коммуникации. Остановимся более подробно на медиаобразовании младших школьников. Оно является процессом развития личности обучающегося начальной школы с помощью и на материале средств массовой коммуникации (медиа) в целях формирования культуры общения с медиа, творческих, коммуникативных способностей, критического мышления, полноценного восприятия, интерпретации, анализа и оценки медиатекстов, а также обучения различным формам самовыражения при помощи медиатехники, обретения медиаграмотности [4].

Результат медиаобразования в некоторых параметрах синхронизируется с требованиями Федерального государственного образовательного стандарта начального общего образования к формированию универсальных учебных действий и метапредметных результатов обучения младших школьников. Так, согласно ФГОС НОО, использование различных способов поиска (в справочных источниках и открытом учебном информационном пространстве сети Интернет), фиксация (запись) в цифровой форме измеряемых величин, анализ изображения, звуков, подготовка выступлений с аудио-, видео- и графическим сопровождением причислены к метапредметным результатам обучения младших школьников [17], что напрямую связано с необходимостью осуществлять медиаобразование детей в урочной (бинарные уроки; автономные уроки; интеграция с обязательными учебными предметами; лекции; семинары), внеурочной (спецкурсы; факультативы; кружки) и внешкольной (медиа студии; клубы) деятельности [3].

В процессе медиаобразования у обучающихся формируется умение отбирать соответствующие медиа для создания и распространения своих собственных медиатекстов и обретения заинтересованной в них аудитории, но что еще важнее – младшие школьники должны научиться интерпретировать медиатексты и выявлять ценности, распространяемые медиа, соотносить их с собственной аксиосферой. Угрозы ценностной системе общества, идущие со стороны цифрового пространства, медийных агрессий и деструкций по отношению к духовной жизни социума, рассматриваются учеными в качестве актуального проблемного поля построения аксиологии масс-медиа и, как следствие, аксиологизации медиаобразования современных младших школьников. Аксиология медиаобразовательных практик связана с интегральным характером медиатекстов, которые являются результатом медиаобразовательной деятельности и направлены одновременно на обучение, воспитание и развитие посредством производства и потребления медиаобразовательного контента [5].

Кроме прочего, следствием аксиологизации медиаобразовательных практик должно стать формирование ценностно-смысловой сферы личности младшего школьника согласно информационному (ценностные нормы и принципы, знания об общечеловеческих ценностях, смыслах, нормах поведения, взаимоотношениях друг с другом, отношении к природе) и интеллектуальному (умения анализировать свои и чужие действия и поступки с точки зрения их соответствия общечеловеческим ценностям; умения определять личностную значимость общечеловеческих ценностей и смыслов) критериям [15].

Как результат, перед учителем начальных классов стоит важная педагогическая задача, состоящая в том, чтобы совместить процессы медиаобразования, воспитания и обучения младших школьников согласно системно-деятельностному и аксиологическому подходам, сформировать предметные и метапредметные результаты (универсальные учебные действия) – согласно ФГОС НОО и ФОП – как на уроках, так и во внеурочной деятельности. Традиционных средств обучения, среди которых учебник, рабочая тетрадь, учебные пособия, дидактические

материалы, часто оказывается недостаточно или же они не в полной мере позволяют достигнуть перечисленных целей. Мы убеждены, что средством медиаобразования младших школьников в контексте педагогической аксиологии являются художественно-публицистические тексты, размещенные в детском патриотическом журнале «С чего начинается Родина?», который издается с 1 сентября 2018 года ФГБОУ ВО «ЛГПУ». Важно, что авторами этого детского журнала выступили преподаватели и сотрудники Луганского государственного педагогического университета, а также учителя начальных классов и воспитатели дошкольных образовательных учреждений, которые попытались учесть все требования педагогической аксиологии к медиапродукту, который должен служить средством воспитания, образования и развития ребенка.

Читательская аудитория журнала – дети старшего дошкольного и младшего школьного возраста. Учитывая психолого-возрастные особенности дошкольников и младших школьников (наглядно-образное мышление, эмоциональность восприятия, воссоздающее воображение), авторы, дизайнеры, корректоры и редакторы издания постарались сделать его интересным и информативным – с точки зрения содержания; ярким, красочным, наполненным иллюстрациями, фотографиями, рисунками, картами, диаграммами, схемами – с точки зрения оформления, цветовой гаммы.

Использование материалов журнала «С чего начинается Родина?» [6 – 13] на уроках литературного чтения, русского языка, окружающего мира, математики, технологии, изобразительного искусства, музыки позволяет формировать аксиосферу личности ребенка согласно схеме «стремление – ценности – цель – идеал». Эффективным методическим приемом в этом случае считаем аксиологический лингвистический анализ, включающий: анализ языковой (системной) идиоматики отдельных слов и выражений, а также аксиологической лексики как потенциальных имен концептов, конвенционально относящихся к средствам номинации оценочного отношения и образующих аксиологическое лексико-семантическое поле языка (оценочные термины-«зонты», слова-операторы оценочного отношения, слова-квалификаторы

оценочного отношения, «ключевые слова» ценностного архива лингвокультуры); анализ текстов, в которых в явной форме выражено либо собственно оценочное суждение, либо смыслообразование интенционально, тематически (маркировано оценочной лексикой) и аргументативно (логически и имплицитно) выстроено как структурирование оценочного отношения [14; 16].

С целью формирования личностных ценностей, включающих физическое состояние, здоровье, логику, память, развитие и саморазвитие, увлечения, самочувствие, сферу чувств, гражданскую позицию, мечты, нравственную и эстетическую культуру, поведение, поступки, самооценку, рефлекссию и др., можно применять аксиологический лингвистический анализ статей журнала «С чего начинается Родина?» [6–13], входящих в рубрику «Развивай-ка» и «В мире хороших качеств», например, «Как не заболеть во время эпидемии?» [10, с. 20], «Правила поведения во время летних каникул» [11, с. 20], «Аккуратность» [9, с. 8], «Вежливость» [9, с. 9], «Доброта» [10, с. 13], «Трудолюбие» [12, с. 4], «Справедливость» [11, с. 8], «Смелость» [11, с. 9], «Сказка-притча о добре и зле» [6, с. 19], кроссворды [10, с. 20; 12, с. 20], сканворды [7, с. 13].

Формированию семейных ценностей будет способствовать аксиологический лингвистический анализ статей «Семейные узы» [13, с. 20], «Календарь семейных праздников» [13, с. 12].

Ценности малой родины, среди которых называют школу, родную природу, родной город, село, улицу, русский язык и культуру, искусство родного края, народное творчество, общий быт в крае, памятники культуры, а также ценности «большой» Родины, состоящие из понятий «народ», его менталитет, «особенности мирозерцания», «гуманность», «свободомыслие», «достоинство человека», «национальная самобытность», «любовь к Отечеству», «интернационализм», история, историческая память, культура, искусство, религия Родины, выдающиеся люди и их вклад в национальное и общечеловеческое развитие, социальная, политическая и нравственная культура общества и др., широко представлены в рубрике «Страницы нашей истории» в статьях «У колыбели истории Донбасса» [10, с. 2], «С чего начинается Родина?» [12, с. 2], «Человек и природа в эпоху меди» [12, с. 10],

«О чем рассказали раскопки» [11, с. 2], «Город над Луганью» [9, с. 2], «Луганский цирк» [8, с. 6], «Сарматы – воины степей» [13, с. 18]; в рубрике «Выдающиеся личности родного края»: «Климент Ворошилов» [10, с. 4], «Знакомство с великим человеком» [9, с. 6], «Дом-музей В. Даля в Луганске» [9, с. 7], «Владимир Иванович Даль: Казак Луганский» [7, с. 4], «Площадь Борцов Революции в Луганске» [11, с. 4]; в рубрике «О праздниках и обычаях»: «18 мая – День Конституции Луганской Народной Республики» [6, с. 8], «День народного единства» [8, с. 4], «Масленица» [10, с. 8], «Есть в марте день особый» [10, с. 10], «Крещение Господне: традиции и обряды» [12, с. 6], «Традиционная русская кухня. Пироги» [12, с. 8], «Колокола Мира» [7, с. 8], «Пасха: праздник радости и торжества» [6, с. 15], «Календарь семейных праздников» [13, с. 12], «Международный день защиты детей» [11, с. 13], «Как на Руси праздновали Ивана Купала?» [11, с. 14], «День космонавтики» [13, с. 6]; в рубрике «Чудеса природы родного края»: «Атмосферные явления» [10, с. 12], «Грозовые явления» [12, с. 16], «Летние атмосферные явления» [11, с. 12], «Красная книга Луганской Народной Республики» [9, с. 10], «По страницам Красной книги: огарь» [9, с. 11], «По страницам Красной книги: филин» [11, с. 10], «Прострел раскрытый или Сон-трава» [12, с. 12], «Водные ресурсы» [8, с. 10], «Природа под защитой» [13, с. 14], «Махаон» [13, с. 16]; в рубрике «Страницы воинской славы»: «Парад победы. История и современность» [10, с. 6]; «Орден “За доблесть”» [9, с. 4], «День пограничника» [11, с. 7], «Ушастый ёж» [10, с. 14] рублика «Профессии родного края»: «Птицевод» [9, с. 12], «Почетная профессия – хлебороб» [6, с. 10], «Металлург» [8, с. 14], «Есть такая профессия: Родину защищать» [11, с. 6], «Герои, покорившие космос» [13, с. 8].

Таким образом, медиаобразование младших школьников, предполагающее изучение ими закономерностей массовой коммуникации, позволяет сформировать у детей младшего школьного возраста определённые умения и навыки, среди которых способность создавать различные медиапродукты; умение анализировать, оценивать и понимать медийную информацию; развитие критического мышления; формирование и

усовершенствование коммуникативных способностей и способности к творческому самовыражению с помощью медиа. Считаем обоснованным и аргументированным наше утверждение, что в процессе медиаобразования происходит обогащение ценностно-смысловой сферы личности обучающегося. Аксиологизация медиаобразования, кроме прочего, возможна только в том случае, если медиатексты как средство обучения и воспитания детей младшего школьного возраста отвечают требованиям педагогической аксиологии. Мы пришли к выводу, что материалы детского журнала «С чего начинается Родина?» наделены ценностным смыслом, поэтому их использование на уроках литературного чтения, русского языка, окружающего мира, математики, технологии, изобразительного искусства, музыки, а также во внеурочной деятельности будет эффективным как с точки зрения осуществления медиаобразования младших школьников, так и в контексте формирования их аксиосферы. Наиболее действенным приемом в этом случае является аксиологический лингвистический анализ художественно-публицистических статей.

Список литературы и источников

1. Журин, А. А. Интеграция медиаобразования с курсом химии средней общеобразовательной школы: автореф. дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.02 / А.А. Журин. – М., 2004. – 41 с.

2. Запевалина, О. В. Медиаобразование как педагогический феномен / О. В. Запевалина // Международный информационно-аналитический журнал «CredeExpert: транспорт, общество, образование, язык». – 2015. – № 3 (06) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/mediaobrazovanie-kak-pedagogicheskiy-fenomen/viewer> (дата обращения: 27.06.2024).

3. Корякин, С. В. Медиаобразование в обучении младших школьников: риски и возможности / С. В. Корякин, Д. В. Исмагилова // Universum: психология и образование : электрон. научн. журн. – 2022. – 12 (102) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: (<https://7universum.com/ru/psy/archive/item/14693>) (дата обращения: 27.06.2024).

4. Медиаобразование // Большая российская энциклопедия 2004 – 2017 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://old.bigenc.ru/education/text/2197538> (дата обращения: 27.06.2024).

5. Парамонова, Т. А. Аксиологический аспект реализации медиаобразовательных проектов в системе профессионального журналистского образования / Т.А.Парамонова // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. – 2017. – С. 33–38 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/aksiologicheskiy-aspekt-realizatsii-mediaobrazovatelnyh-proektov-v-sisteme-professionalnogo-zhurnalistskogo-obrazovaniya> (дата обращения: 27.06.2024).

6. С чего начинается Родина? – 2021. – № 1.

7. С чего начинается Родина? – 2021. – № 2.

8. С чего начинается Родина? – 2021. – № 3.

9. С чего начинается Родина? – 2021. – № 4.

10. С чего начинается Родина? – 2022. – № 1.

11. С чего начинается Родина? – 2022. – № 2.

12. С чего начинается Родина? – 2023. – № 1.

13. С чего начинается Родина? – 2024. – № 1.

14. Серебренникова, Е. Ф. Аспекты аксиологического лингвистического анализа / Е. Ф. Серебренникова // Лингвистика и аксиология. Этносемиотрия ценностных смыслов. – М. : Тезаурус, 2011. – С. 7–26.

15. Сидоров, В. А. Аксиология массмедиа: проблемные поля и стратегии изучения / В. А. Сидоров // Гуманитарный вектор. – 2021. – Т. 16. – № 4. – С. 117–125.

16. Страшнов, С. Л. Особенности восприятия и анализ информационных медиатекстов / С. Л. Страшнов // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2008. – № 4. – С. 57–71.

17. Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400807193/> (дата обращения: 27.06.2024).

18. Якименко, Л. Н. Медиаграмотность и медиаэкология в контексте социально-коммуникативного дискурса / Л. Н. Якименко // Современные тенденции художественно-эстетического образования и воспитания детей и молодёжи. – Луганск, 2016. – С. 201–204.

19. Media education. – Paris: UNESCO, 1984. – 93 p.

20. Recommendations Addressed to the United Nations Educational Scientific and Cultural Organization UNESCO // Education for Media and the Digital Age. – Vienna : UNESCO, 1999. – Pp. 273–274.

Yakimenko Lyudmila Nikolaevna,
Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor of the Primary Education Department
Lugansk State Pedagogical University
yakimenkol@list.ru

The axiological aspect of media education of younger schoolchildren (based on the material of the children’s magazine «Where does the Motherland begin?»)

The article identifies and describes the axiological potential of the materials of the children’s magazine «Where does the Motherland begin?» in the context of media education of younger schoolchildren, as well as the formation of their value-semantic sphere of personality. Due to the absence of the school subject «Media Education», the necessity to use axiological linguistic analysis of articles from the magazine in the lessons of literary reading, the Russian language, the outside world, music, fine arts, technology is justified. The emphasis is placed on the close connection of media education, media ecology, media criticism and media literacy in an attempt to protect consumers of media products from the pathogenic influence of mass media.

Keywords: media education, primary school students, axiology, values, children’s magazine «Where does the Motherland begin?».

ЯЗЫК ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОТИВОБОРСТВА

УДК 316.485.26

Ананьева Елена Павловна,
доктор философских наук, доцент кафедры журналистики
Филиал МГУ им. М. В. Ломоносова в г. Севастополе
filosvit@mail.ru

Развитие и реалии языкового противостояния на Украине

Исследуется проблема противостояния русского и украинского языков на Украине. Отмечается корреляция между языком общения украинского общества и его политическим поведением. Прослеживаются истоки, этапы формирования противостояния русского и украинского языков. Доказано, что на Украине проводится политический курс на открытое вытеснение русского языка. Представлено исследование современных реалий использования русского языка в украинских электронных СМИ. Отмечена политическая и основная социально-консолидирующая роль русского языка на Украине.

Ключевые слова: государственный язык, информационная коммуникация, противостояние языков, русский язык, украинский язык, электронные СМИ.

С начала XXI века на Украине не сложилось приемлемого для всех граждан страны решения языковой проблемы, именно поэтому языковой вопрос до сего времени является инструментом манипуляции личностным и общественным сознанием населения страны. Проблема статуса русского языка в Украине является чрезвычайно актуальной, поскольку наблюдается значительная корреляция между языком общения украинского сообщества и его политическим поведением.

Для определения путей разрешения данного вопроса необходимо проследить истоки, этапы формирования противостояния русского и украинского языков. В этой связи

новыми подходами является исследование современных реалий представленности русского языка в украинских электронных СМИ, поскольку в настоящее время средства информирования населения являются наиболее широкой сферой бытования устной речи.

Методологическую основу исследования составляет изучение международных и украинских документов относительно языковой политики, а также итоги социологических исследований, касающихся использования русского языка на территории Украины. Также представлены материалы о языковой практике в современных электронных СМИ Украины.

На Украине с провозглашения украинской независимости и образования нового Украинского государства 24августа 1991 года наблюдается неуклонное языковое давление со стороны украинского языка, а с 2014 года проводится официальный курс на открытое вытеснение русского языка. В настоящее время действует Закон о государственном языке, обязывающий пользоваться украинским во всех сферах общественной жизни. Власти на местах вводят полный запрет на русскоязычные произведения искусства, книги, фильмы, спектакли, песни, запрещают изучение русского языка в школах и вузах, а также требуют, чтобы школьники во время перемен общались только по-украински. В марте 2023 года Верховная рада приняла Закон «Об осуждении и запрете пропаганды российской имперской политики в Украине и деколонизации топонимии», который обязывал местные власти до 27 января 2024 года изменить все географические названия, связанные с Россией и советским периодом [6].

При этом граждане Украины продолжают широко использовать русский язык в повседневной жизни, что много раз становилось поводом для конфликтов. По данным украинских источников, пятая часть дошкольников совсем не понимают украинский язык, а активно пользуются им только 15%. Как свидетельствует опрос, проведенный в сентябре 2023 года по заказу консультативной миссии Европейского союза, 45% украинцев считают, что в стране существует языковая дискриминация [14].

Для того, чтобы выяснить, действительно ли притесняют русский язык в Украине или это миф так называемой «российской

пропаганды», происходит ли это только сейчас как защитная реакция на СВО, отход Крыма к России, или это было давно запрограммировано властями Украины, необходимо рассмотреть несколько вопросов.

1. На каком языке говорят жители Украины.

Согласно украинской националистической мысли, имеет место проблема функционирования русского языка в другой стране. С точки зрения украинской государственности, в стране под названием «Украина» главным должен быть украинский язык, а для русского языка есть Россия.

В ответ на подобные заявления можно привести следующие факты: во-первых, 83% населения Украины предпочитают русский в общении. Это подтверждает исследование Американского института Гэллапа, проведенное в 2008 г. [16]. При помощи сервиса GoogleTrends в 2022 году было установлено, что в Украине «гуглят» чаще на русском, нежели на украинском языке. Для разных фраз ситуация немного отличается, но в среднем получается соотношение 80% – 20% в пользу русского языка. Эти цифры совпадают с данными исследования Института Гэллапа; во-вторых, защита русского языка непосредственно прописана в Конституции Украины: гарантируется свободное развитие, использование и защита русского, других языков национальных меньшинств Украины [11]; в-третьих, Украина в 1996 г. приняла «Европейскую хартию региональных языков», которая предполагает для языка статус регионального в той местности, где на нем говорят от 2 до 10 процентов населения [4].

Согласно мировой практике, ситуация, когда в стране несколько языков имеют статус государственного или официального – абсолютная норма. При этом особый статус получают языки при намного меньших процентах, чем у русского в Украине. Так, в Швейцарии официальными являются немецкий (64%), французский (20%), итальянский (6,5%) и ретороманский (0,5%) языки, а каждый кантон имеет право самостоятельно установить себе региональный язык [20].

2. Статус второго официального языка.

Украинские властные структуры неоднократно высказываются о том, что граждане страны, хотя и говорят

по-русски, но не хотят видеть русский вторым официальным. Отмечается, что население вправе само решать, в Украине демократия.

Вернувшись в историю прошлых десятилетий, можно видеть, что вопрос русского языка в Украине стоял всегда. По данным НИСИ Украины 49% населения еще в 2005 г. хотели видеть русский в статусе второго официального [17].

А через 10 лет, в 2015 г. Киевский международный институт социологии провел подобное исследование, которое дало сходные результаты [15]. При этом полного устранения русского языка из «официального общения» желали лишь 21% населения, а 71% хотели, чтобы русский был либо государственным (19%), либо официальным в тех областях, где им наиболее активно пользуется население (52%).

В 2010 году проходят очередные президентские выборы. Одним из ключевых пунктов программы В. Януковича было предоставление региональным языкам статуса второго официального. После победы В. Януковича и его команды на выборах, уже в 2012 году принимается закон «Об основах государственной языковой политики» [9]. Согласно Закону, любой язык получает статус регионального в той области, где его считают родным более 10% населения. Под это требование попадали 13 из 25 областей.

В восточных и южных регионах этот закон был встречен с восторгом – русский язык на уровне администраций областей становится вторым официальным. Но в ряде западных областей происходит обратная ситуация. Власти Тернопольской, Ивано-Франковской и Львовской областей официально, публично и на самом высоком уровне заявили, что отказываются исполнять этот закон [5].

3. «Майдан» и отмена Закона о языках.

Зимой 2013 – 2014 года в центральной и западной Украине происходят протесты против действующей власти, которые впоследствии перерастают в столкновения с милицией и захваты зданий городских и областных администраций. Сторона протестующих утверждает, что причиной беспорядков стало приостановление правительством процесса евроинтеграции, а

также недовольство коррумпированностью власти. Но были и другие обстоятельства. На политическую арену выходит радикальный «Правый сектор» – организация, которая одной из первых применила насилие в адрес милиции, подразделений Беркута на «майдане». В результате своих действий в Российской Федерации «Правый сектор» признается экстремистской организацией, его деятельность запрещена.

В 2014 году один из лидеров «Правого сектора» Андрей Тарасенко заявил, что их целью является не евроинтеграция, а «Украина для украинцев». В это же время провластная сторона утверждает, что «майдан» – это государственный переворот в рамках проекта формирования общественного сознания Украины против России.

Важно понимать, что далеко не вся Украина поддерживала «майданы». В Киеве одновременно с «майданом» проходили и митинги в поддержку действующей власти – «антимайдан». В юго-восточных областях официально заявляли о несогласии и требовали остановить разгул беззакония, анархии и насилия, которые наводнили страну.

В феврале 2014 года «майдан» побеждает, В. Януковича (действующего президента) отстраняют, нарушив Конституцию Украины. Оппозиция получает большинство в Верховной Раде. 23 февраля, первым же законом новая власть отменяет «Закон о языках». Без рассмотрения и обсуждения.

В результате таких действий Россия и Европа выразили свою «озабоченность» [3]. Однако, это привело только к отсрочке отмены «Закона о языках» и в конце концов, в 2018 году Закон был признан «неконституционным» и утратил силу.

4. Ужесточение языковой политики.

В дальнейшем на Украине принимается ряд законов и поправок, постепенно вытесняющих русский язык в различных сферах:

– *Образование.* Согласно закону «Об образовании» 2017 г., фактически вводится запрет на обучение в государственных школах на любом языке, кроме украинского. Сейчас на Украине из 15 тыс. школ только 125 – с преподаванием на русском языке, 13 тыс. 584 – на украинском, 72 – на венгерском,

68 – на румынском, 4 – на польском, 2 – на молдавском. Во всех этих школах обучается 4млн учеников, из них 281 тыс. человек – на русском языке (6,9%), на украинском – 3 млн 753 тыс. школьников (92%) [10].

– *Телевидение, интернет и прочие СМИ.* Поправки в законы «О телевидении и радиовещании», сделанные в 2016, а затем в 2019 году, вводят следующие требования:

- украинский язык обязателен для всех СМИ, включая интернет-издания. Доля украинского языка должна будет составлять не менее 90% к 2024 году. Все передачи на других языках подлежат обязательному дубляжу на украинский;

- печатные СМИ обязаны выпускать дополнительный тираж на украинском, то есть для желающих издаваться на русском нужно выпускать столько же книг (газет и пр.) на украинском языке;

- украинские компании должны создавать для своих сайтов и страниц в социальных сетях версию на украинском языке в качестве стартовой страницы.

– *Официальная сфера.* В 2019 г. был принят закон «Об обеспечении функционирования украинского языка как государственного», который буквально устанавливает, что только украинский является государственным. Этот Закон требует использовать украинский язык во всех областях жизни, кроме «личного общения и религиозных обрядов». Согласно требованиям Закона, украинским языком обязаны владеть и использовать его в работе: служащие учреждений, продавцы и другие сотрудники магазинов, сотрудники сфер обслуживания, образования, медицины, культуры и т.п. Закон устанавливает единый язык для образования, госсектора, судов, полиции, ТВ, радио, интернета, печати, книг, кино, театров, туристических мероприятий и т.п. Закон вводит «уровни владения украинским языком» и предусматривает сдачу экзаменов для проверки тех, кто по закону обязан его использовать [8]. Вводятся специальные «уполномоченные», которые должны следить за исполнением закона, и вводятся штрафы за неисполнение.

Данный Закон осудили как в России, так и в ЕС. Венецианская комиссия, рассмотрев положения Закона 2019 года, указала на то, что он предполагает дискриминацию в отношении «русского языка как наиболее широко используемого негосударственного языка» [1].

5. Вопрос о коренных народах Украины.

В 2021 году в Украине, в ответ на упрек в дискриминации других народов, принимают закон, который должен защищать права коренных народов страны [7].

Согласно Закону, коренные народы защищаются от действий, направленных на лишение признаков этнической принадлежности. Им гарантируются культурные, образовательные, языковые и информационные права. Но русские к таковым народам в Украине не относятся! Таким образом, русский язык оказался буквально вне рамок закона, т.к. не является ни государственным, ни официальным, ни языком коренных народов. Его официально не существует.

6. Реалии жизни.

В большинстве случаев закон «Об обеспечении функционирования украинского языка как государственного» в настоящее время применяется не совсем тотально, а только по заявлению, например:

- В Верховной раде оппозиционному политику запретили выступать на русском языке;
- В Николаеве суд обязал мэра выступать публично на украинском;
- В Киеве преподавателя судят за то, что он вел лекцию не на украинском языке;
- В Киеве музыкальной группе запретили выступать, т.к. песни звучат на русском языке.

А. Данилов, Секретарь СНБО Украины, в 2022 г. совершенно публично в эфире телепередачи «Говорит Великий Львов» заявляет, что «русский язык должен исчезнуть с Украины» [18].

Законы приняты, и юридически они имеют силу. То обстоятельство, что законы не исполняются повсеместно – это вопрос времени. В этом можно увидеть усыпление бдительности

населения страны, чтобы не поднимать волну протеста и переакцентировать внимание в сторону действия «российской пропаганды». Но, судя по статистике с русскоязычными школами, процесс дерусификации в Украине движется методично и неуклонно.

В ситуации, когда русские приехали в чужую страну, логично потребовать знания языка этой страны (вданном случае, украинского). Однако русские в Украину ни из каких стран не приехали. Они были на этих территориях всегда. Скорее всего, все произошло наоборот: само государство Украина в 1990 г. появилось там, где жили русские люди. Одесса, Севастополь, Донецк, Харьков, Луганск, Херсон, Запорожье, Днепр – это города, основанные и построенные русскими, в период существования Российской империи. Разумеется, история многих земель современной Украины исторически восходит к Древней Руси, что никак не меняет сути – русские на этих территориях – самый коренной народ. И в отношении русского языка в Украине речь идет не о редком меньшинстве, а о большей части населения! А на отдельных территориях украинского государства – о подавляющем большинстве населения.

7. Современные языковые тенденции в Украине.

В противовес доказательным доводам ученых и реальным обстоятельствам, в Украине поддерживается ситуация языкового противостояния. Так, языковой омбудсмен Украины, уполномоченный по защите государственного языка на Украине Тарас Креминь призвал перейти от «оборонительной» к «натуральной украинизации» населения страны. В апреле 2022 года он потребовал, чтобы русский язык окончательно исчез из обихода украинских телеканалов и других СМИ с 17июля, когда вступит в силу п. 6 ч. 8 ст. 40 закона Украины «О медиа», ужесточающий требования по использованию государственного языка в эфирах украиноязычных программ [2].

Согласно новым правилам, все выступления, интервью, комментарии, объяснения, вопросы, отдельные реплики и т.д. на негосударственном языке должны быть переведены, дублированы или озвучены на украинском.

Т. Креминь отметил, что русский язык будет допускаться лишь в «устойчивых выражениях, коротких фразах и отдельных словах» [2]. По его словам, сейчас на украинском телевидении практикуется двуязычие, при котором участники телеэфира используют в речи русский язык без перевода на украинский и без применения субтитров на нем же.

Т. Креминь также напомнил, что с 16 июля 2022 года вступила в силу ст. 25 закона Украины «Об обеспечении функционирования украинского языка как государственного», в соответствии с которой все печатные издания должны иметь в наличии украиноязычную версию своего продукта. Распространение по подписке материалов, издаваемых на негосударственном языке, будет допускаться лишь при наличии подписки на украиноязычную версию.

Влияние законотворческих изменений касается и электронных СМИ. «С 16 июля 2022 года все интернет-ресурсы (сайты, страницы в соцсетях, ютуб-, вайбер-, телеграм-каналы, мобильные приложения и тому подобное), которые используются в качестве интернет-представительств субъектов хозяйствования, зарегистрированных в Украине, в том числе информационные интернет-ресурсы, должны иметь основную версию на украинском языке, которая должна загружаться для пользователей в Украине по умолчанию», – заявил чиновник [8].

Тем не менее, в самое последнее время в функционировании русского и украинского языков наблюдаются иные тенденции. Начиная с 2022 года украинские блогеры массово переходят с украинского на русский язык. «Мода» на украинский язык уходит, и украинские блогеры, как некий барометр общества, демонстрируют это наиболее показательно, переходя всем сообществом с «украинской мовы» на русский язык.

В беседе с представителями «Пятого канала» декан ФСН и МК Финансового университета при Правительстве РФ Александр Шатилов отметил, что «на Украине сейчас наблюдается процесс, противоположный украинизации языковой сферы, начавшейся там после госпереворота в 2014 году». По словам ученого, тогда в «патриотическом угаре» происходил массовый переход официальных лиц и СМИ на украинский язык. При этом, как

показала практика, многие слабо этим языком владели [12]. Это наглядно демонстрировали мэры Киева Виталий Кличко, другие руководители, а также представители украинской прессы и творческой интеллигенции. Слабого владения украинским языком не скрывали президент В. Янукович и премьер-министр Н. Азаров.

А. Шатилов отметил, что многие с 2014 года, и особенно с 2022-го, старались «розмовлять мовою», чтобы продемонстрировать свой патриотический настрой. Но постепенно этот патриотический угар в украинском обществе проходит, его сменяют разочарование и боль утрат от современных событий. Поэтому сейчас стопроцентный украинский патриотизм, особенно в интеллигентских кругах, считается признаком «идеологической упертости» [12]. Это один из факторов, объясняющих обратный переход с украинского на русский язык, особенно проявляющийся в электронных СМИ.

Действительно, жители городов, образованная часть украинского общества всегда говорила на русском языке – и в быту, и на работе. Поэтому принудительный перевод на украинский язык для многих стал очень тяжелым испытанием. В особенности это касается территорий юго-востока страны и жителей Крыма. Все это осложняется тем фактором, что украинский язык неоднороден и насчитывает несколько разновидностей и диалектов. Язык центральной Украины отличен от смешанного наречия (суржика) юго-востока и значительно разнится с языком западных областей страны.

Для многих русский язык остается языком межнационального и межрегионального общения. Еще и от этого происходит возврат на русский язык, как более понятный, удобный инструмент коммуникации. Что касается украинских блогеров, то для них это еще и вопрос заработка, ведь переход на русский язык – это единственная возможность сохранить и расширить свою аудиторию, добавил ученый [12].

В свою очередь российский филолог Сергей Кузнецов назвал возврат украинских инфлюенсеров к русскому языку естественным процессом, так как русский язык гораздо более распространен. «Русский язык – международный, его знают все – от жителей стран бывшего СНГ до тех, кто выехал в другие страны

мира. Русский язык доступен большому количеству людей. Его знают приблизительно 250 миллионов человек, а украинский язык – в лучшем случае 40 миллионов. Его знают даже не все жители Украины. Это все и определяет», – пояснил С. Кузнецов [19].

В подтверждение ученый привел показательный пример: когда недавно к главе киевского режима Владимиру Зеленскому приехали журналисты из стран СНГ на интервью, он говорил с ними по-русски, а не по-украински.

Отдельно необходимо сказать о мнении православной церкви в Украине по данному вопросу. На Всемирной конференции соотечественников «О статусе русского языка в зарубежных странах» еще в октябре 2011 года митрополит Одесский и Измаильский Агафангел призвал к защите русского языка на постсоветском пространстве. Он назвал проблемой разделенного русского народа запретительные меры в отношении русского языка и нагнетание националистическим правительством некоторых государств русофобской истерии [13].

Более 80% жителей Украины в личной, общественной и информационной коммуникации используют русский язык. Половина населения желает для русского языка статуса второго государственного или официального. Статус регионального или второго официального – распространенная практика в мире.

В 2014 году русский язык на Украине получает статус регионального по всем принципам демократии. После государственного переворота 2014 года власть систематически принимает законы, которые вытесняют русский язык из образования, из инфопространства, из всех возможных сфер употребления. При этом есть закон, защищающий языки «коренных народов», но русский народ абсурдно к таковым не относится. Высшее лицо государства занимает радикальную позицию, официально и публично заявляя, что «русский должен перестать существовать в стране», при этом применяя именно русский язык в достаточно важных официальных встречах.

При всем этом новейшим языковым феноменом в Украине является переход большей части представителей электронных

СМИ исключительно на русский язык и самое активное использование русского в информационной коммуникации.

Языковое противостояние в Украине, запрограммированное украинскими националистами и спровоцированное политическими событиями начала XXI века, неминуемо движется к своему разрешению, и русский язык, все более активно используемый электронными СМИ Украины, в данном случае играет одну из главных политических и основную социально-консолидирующую роль.

Список литературы и источников

1. Венецианская комиссия: Украина, Болгария, Северная Македония, непризнанные территории [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.coe.int/ru/web/portal/-/venice-commission-on-non-recognised-territories> (дата обращения: 07.08.2024).

2. Вещание на русском языке на украинском телевидении почти полностью прекратится с 17 июля [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/20573677> (дата обращения: 07.08.2024).

3. Европа и Россия осудили отмену языкового закона на Украине [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://regnum.ru/news/1771623> (дата обращения: 07.08.2024).

4. Европейская хартия региональных языков и языков меньшинств. Статья 1. Часть 1. 1992 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://komitet2-4.km.duma.gov.ru/> (дата обращения: 07.08.2024).

5. Закон о языках не будет действовать во Львове [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.vesti.ru/article/1874959> (дата обращения: 07.08.2024).

6. Закон Украины «Об осуждении и запрете пропаганды российской имперской политики в Украине и деколонизации топонимии» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=150458 (дата обращения: 07.08.2024).

7. Закон Украины от 1 июля 2021 года № 1616-IX «О коренных народах Украины» (с изменениями от

13.12.2022 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36748189 (дата обращения: 07.08.2024).

8. Закон Украины от 25 апреля 2019 года №2704-VIII «Об обеспечении функционирования украинского языка как государственного» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=116391 (дата обращения: 07.08.2024).

9. Закон Украины от 3 июля 2012 года № 5029-VI «Об основах государственной языковой политики» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 16.01.2020 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://continent-online.com/Document/?doc_id=31241782 (дата обращения: 07.08.2024).

10. Закон Украины от 5 сентября 2017 года № 2145-VIII «Об образовании» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 04.06.2024 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=37708387 (дата обращения: 07.08.2024).

11. Конституция Украины [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://zakon1.rada.gov.ua/laws/show/254к/96-вр> 28.06.1996 № 254к/96-ВР (дата обращения: 07.08.2024).

12. Мова не в моде: почему украинские блогеры массово переходят на русский язык [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.5-tv.ru/news/483614/mova-nevmode-pocemu-ukrainskie-blogery-massovo-perehodat-narussskij-azyk/> (дата обращения: 07.08.2024).

13. Одесский митрополит Агафангел призвал к восстановлению государственного русско-украинского двуязычия на Украине [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ruvek.mid.ru/publications/itogovye_dokumenty_vsemirnoy_tematicheskoy_konferentsii_sootechestvennikov_o_statuse_russkogo_yazyka_v_zarubezhnykh_stranakh_6277/ (дата обращения: 07.08.2024).

14. Опрос КМИС: Массовая дискриминация на Украине [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://life.ru/p/1616795> (дата обращения: 07.08.2024).

15. Пресс-релизы и отчеты. Отношение к статусу русского // Киевский международный институт социологии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [kiis.com.ua?lang=rus&cat=reports&id=517](http://kiis.com.ua/?lang=rus&cat=reports&id=517) (дата обращения: 07.08.2024).

16. Распространенность украинского языка на Украине по данным Google, Yandex, Wikipedia и Gallup [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru-polit.livejournal.com/2820594.html?rfrom=maydan_2014&rfrom=2015 (дата обращения: 07.08.2024).

17. Резолюция круглого стола «Языковая политика в Украине: модели демократического развития» (Киев, 28 сентября 2006 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://russian.kiev.ua/archives/2006/0610/061009ep01.shtml> (дата обращения: 07.08.2024).

18. Секретарь СНБО заявил, что русский язык должен исчезнуть с Украины [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://life.ru/p/1533296> (дата обращения: 07.08.2024).

19. Украина возвращается к русскому языку: идеологическая упертость не в моде [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.pravmir.ru/professor-sergej-kuznecov-russkomu-yazyku-na-ukraine-neobходимо-pridat-status-gosudarstvennogo/> (дата обращения: 07.08.2024).

20. Швейцарская Конфедерация. Справка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru/20090921/185835816.html> (дата обращения: 07.08.2024).

Ananyeva Elena Pavlovna,
Doctor of Philosophy Sciences, Associate Professor
of the Department of Journalism Branch
of Moscow State University named after M. V. Lomonosov
in Sevastopol
filosvit@mail.ru

Development and realities of language confrontation in Ukraine

The problem of confrontation between the Russian and Ukrainian languages in Ukraine is explored. The correlation between the language of communication of the Ukrainian society and its political behavior is noted. The origins and stages of formation of the confrontation between the Russian and Ukrainian languages are traced. It is proven that a political course is being pursued in Ukraine to openly displace the Russian language. A study of modern realities of using the Russian language in Ukrainian electronic media is presented. The political and main socially consolidating role of the Russian language in Ukraine is noted.

Keywords: state language, information communication, confrontation of languages, Russian language, Ukrainian language, electronic media.

Байбатырова Наиля Мунировна,
кандидат филологических наук, доцент
кафедры журналистики и медиакоммуникаций
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет
им. В.Н. Татищева»
aulova83@mail.ru

**Лексика выражения агрессии
как манипулятивный инструмент
информационного противоборства**

Статья посвящена анализу лексических единиц выражения агрессии в языке современной журналистики. Лингвистические элементы вражды становятся манипулятивными инструментами информационного противоборства и препятствуют возможности объективной оценки политических, социальных событий, критическому восприятию фактов. Лексико-семантическое противостояние превращается в длительную психологическую войну, ведет к обострению конфликтов и возникновению устойчивой неприязни между социальными группами и населением отдельных государств.

Ключевые слова: медийный дискурс, лексика противоборства, информационная война, манипулятивные техники, лингвистические конструкторы агрессии, образ врага.

Политическое и идеологическое противостояние государств и политических систем всегда сопровождается информационно-психологической войной. Одной из наиболее часто применяемых, радикальных и действенных тактик ее ведения является лексическая агрессия в СМИ противоборствующих сторон. Прямая агрессия и завуалированное давление на аудиторию осуществляется посредством внедрения в язык современных медиа специальных лингвистических единиц вражды и оппозиционности. Вследствие увеличения доли агрессивной лексики в медиаматериалах нивелируются границы между стилистическими пластами речи. Сниженная разговорная лексика внедряется в

публицистический стиль, рождая и усугубляя агрессивные настроения в обществе. В научной статье В. И. Озюменко информационная агрессия рассматривается как манипулятивный инструмент в условиях обострения социально-политических и военных конфликтов [7]. Сегодня аудитория российских традиционных и новых медиа становится свидетелем ситуации, когда речевая агрессия со стороны западных и украинских СМИ является одним из ключевых методов информационной политики, основанных на психологическом давлении, манипуляциях. В литературе имеется множество дефиниций терминологического словосочетания *речевая агрессия*. Часто как синонимические понятия в исследовательский тезаурус входят дефиниции *вербальная, коммуникативная агрессия*. Кроме того, ученые используют такие ставшие устойчивыми словосочетания, как *язык насилия, язык вражды, речевой экстремизм*.

Новизна исследования заключается в том, что публикации российских, западных и украинских СМИ рассматриваются и сопоставляются с точки зрения применения особых лексических инструментов манипулирования сознанием аудитории в контексте информационного противоборства. Цель исследовательской работы состоит в языковом анализе конструкторов речевой агрессии на материале современных публикаций на международную и политическую тематику.

Методологической основой исследования является анализ современного российского и украинского медиадискурса, включающий комплексное изучение экстралингвистических факторов, обусловленных, в частности, политической обстановкой. Очевидно, что изучение лексем, выражающих вражду и агрессию, лежит не только в области медиалингвистики, но и в плоскости нескольких научных областей, в том числе психологии, политологии, философии, юридического права, культурологии. В данном исследовании рассматриваются лингвистические единицы выражения агрессии непосредственно в дискурсе журналистских материалов на тему политики и международных отношений.

Обратимся к происхождению понятия «агрессия». Само слово «агрессия» заимствовано из латинского языка и в

буквальном переводе означает *нападение, приступ*. В контексте данного исследования агрессия интересует нас в первую очередь как психолингвистическое явление. Социолингвистический аспект рассматривает речевую агрессию в связи с современной ситуацией в обществе. Работа Е. Г. Князевой, Е. В. Тихоновой, И. А. Курбакова посвящена психолингвистическим проявлениям агрессивной лексики в медиа [3]. Рассмотрим заголовки и материалы публикаций российских, украинских и отдельных западных онлайн-СМИ, освещающих события специальной военной операции на Украине. Именно конфронтация стала ключевым принципом применения языковых единиц политико-идеологического противостояния при освещении военных действий на Украине, заложенным в основу как российской, так и украинской журналистики. Проанализируем специфику функционирования бинарной оппозиции лексических средств, создающих информационное противоборство, в медиадискурсе российских и украинских СМИ, освещающих международные взаимоотношения государств и события специальной военной операции России на Украине.

Информационное противостояние следует рассматривать как привычную тактику любой информационно-психологической войны. Проблемам лингвистики информационно-психологической войны, исследованию этосов противоборствующих сторон посвящен сборник авторского коллектива под редакцией А. П. Сковородникова [5]. В исследовании подчеркивается, что обилие лингвистических единиц с агрессивной контоминацией в журналистских материалах на социально-политическую, международную тематику – один из ключевых признаков обострения информационно-психологической войны. «В текстах информационно-психологической войны негативный модус приобретает дискредитирующий характер, позитивный модус – характер апологетический, или восхваляющий. Для информационных атак излюбленным плацдармом является “поляризованный дискурс”», – пишут А. В. Колмогорова, Г. А. Копнина, А. П. Сковородников [5, с. 16]. В условиях информационно-психологической войны в текстах журналистских сообщений активно используется специфический языковой

инструментарий: приемы речевой агрессии и/или речевой манипуляции.

Любое информационно-психологическое противостояние подразумевает агрессию, направленную на подавление общественного сознания. Л. А. Гаврилов исследует политический дискурс в условиях информационно-психологической войны [1]. Степень агрессивного воздействия через использование в СМИ особых лингвистических концептов вражды может быть различной: от пренебрежения до осмеяния, от оскорбления и унижения до прямого запугивания. Одной из самых популярных и частотных тактик информационно-психологической войны является использование в российских и украинских медиатекстах приемов поляризованного дискурса. Другими словами, это противопоставление «своего» и «чужого», которое отражается в проблемно-тематическом, жанрово-стилевом, лингвистическом наполнении большинства материалов СМИ обеих сторон. Так, в сообщениях телеграм-канала «Украинская правда» в разделе «Главное» активно используются лексемы семантического поля «свой – чужой». В заголовках *«Десант ГУР высадился на Кинбурнскую косу и уничтожил десятки оккупантов с техникой»*, *«В Крыму раздаются взрывы, оккупанты говорят о сбитых БпЛА, «Нептуне» и морских дронах»* встречаем наименование российской стороны – «оккупанты», отражающее агрессию, а также лексемы (в том числе глаголы и глагольные сочетания) из военного семантического поля – «уничтожил», «раздаются взрывы», «сбитые БпЛА», «морские дроны» (Телеграм-канал «Украинская правда»). В противовес семантическое поле с коннотацией «свой» наполнено в постах следующими лексемами и словосочетаниями: *«Городской совет Харькова переименовал улицы, связанные с советским прошлым в честь погибших украинских защитников»*, *«Залужный озвучил потери: почти 9 тысяч украинских героев»* (Телеграм-канал «Украинская правда»). В российском медиадискурсе особые лексические единицы также употребляются для подчеркивания героизма военнослужащих своей армии: *«В Музее Победы представили книгу произведений героев СВО»*, *«Помощь родным бойцам ведется безостановочно»* («Российская газета»).

Пропагандируя стереотипные представления об оппоненте и очерняя его репутацию, поляризованный медиадискурс способствует делению общества на две группы. При этом в отношении характеристики чужих активно используется лексика агрессии и вражды, в том числе обценная группа слов, оскорбительные этнофолизмы, негативные метафоры, в том числе сравнение с животными (зооморфные метафоры), одиозными личностями. Приведем несколько примеров использования этнофолизмов в постах украинских телеграм-каналов. Заголовки медиаресурса «УНИАН – Новости Украины» насыщены оскорбительными обозначениями этнической принадлежности оппозиционного государства и всевозможными производными сочетаниями: *«В Курской области в плен неведомым силам сдались шесть руснявых военных»*, *«Около 300 рашистов взяты в плен за два дня активных боевых действий»*, *«Упоротый руснявый скот начал массово отработывать методичку о том, что по Охматдету прилетела ракета NASAMS»* (Телеграм-канал «УНИАН – Новости Украины», 6.08.2024). Заголовок *«Усатый таракан решил обезопасить себя и предлагает ввести новую статью УК – о насилии или угрозах бывшему президенту и членам его семьи»* телеграм-канала «Украинская правда» содержит оскорбительную зооморфную метафору. На фотографии, сопровождающей пост, изображен глава Республики Беларусь Александр Лукашенко.

А в следующем предложении, аносирующем видеокadres с интервью российского военнопленного, сконцентрированы лексические единицы вражды различных видов: военная терминология, этнофолизм, противопоставление категорий «свой – чужой». *«Пленный рашист, штурмовавший окрестности Авдеевки, рассказывает о зверствах над мирными жителями после захвата города»* (Телеграм-канал «УНИАН – Новости Украины», 6.08.2024). Далее степень агрессии возрастает: *«Это наглядный пример сущности русских животных – захватить, убить и разрушить, без каких-либо других целей»*. Очевидно, что данные медиатексты наполнены лексическими единицами, намеренно создающими оппозиционность.

Функция воздействия на сознание читателя проявляется в использовании в заголовочных комплексах СМИ оппозиционной политической и агрессивной военной лексики. Такие манипулятивные инструменты информационного противоборства применяются и в российских СМИ. Примером может послужить заголовок РИА «Новости» *«Западные СМИ: как они молчали и как писали об украинском нацизме»* (РИА «Новости», 18.06.2022). В коротком сообщении содержится лексика семантического поля «чужой»: *украинские радикалы, украинские нацбаты, фашизм, сверхнасилие*. Преобладание подобной лексики в материале РИА «Новости» рождает образ врага, вызывает страх и панику. Необходимо отметить, что данные оппозиционные конструкторы являются жесткими, что создает в сознании читателя, слушателя, зрителя закрепленные ментальные шаблоны. Они обладают мощным разрушительным потенциалом на психику и исключают возможность критического осмысления окружающей действительности, в том числе социально-политическую и военную ситуацию.

А. В. Колмогорова, Г. А. Копнина, А. П. Сковородников в качестве лингвистических инструментов агрессии в ситуации информационно-психологических войн также выделяют «лексико-фразеологические новации (словесные ярлыки, прозвища; слова-идеологемы с измененным лексическим значением в направлении негативации обозначаемых ими феноменов; немотивированные «модные» иноязычные заимствования и др.), имеющие прямое отношение к процессу засорения, порчи языка» [5, с. 19]. В постах украинских телеграм-ресурсов встречаем следующие оскорбительные словесные ярлыки: *«кацапеты», «домбасяне», «кацапидусы», «кацапня», «лишнихромасомная кацапня»*. Особый пласт агрессивной лексики в украинских медиа направлен на обозначение жителей Донбасса и Крыма. Об этом свидетельствует, например, следующее насаждаемое в СМИ прозвище крымчан: *«В сети распространили видео о том, как в крымской автомастерской отказали в обслуживании военному грузовику. Зомби-жители полуострова потребовали расправы над “предателями» из автосервиса»* (Телеграм-канал «УНИАН –

Новости Украины», 19.06.2022). Следует отметить, что внедряемые в журналистские материалы лексические элементы агрессии, служат конкретным целям – пробудить у реципиента острые негативные чувства и эмоции. Эмоциональное подключение способствует молниеносному принятию позиции автора информационного сообщения или статьи.

Таким образом, следует сделать вывод о том, что в целом увеличение доли лексических единиц с отрицательной, конфронтационной контоминацией в языке текстов на международную политическую тематику в современных СМИ отражает тенденцию популяризации конструктов конфликта и вражды как лингвокультурного феномена. Такие медиаматериалы с многократным использованием лексем агрессии оказывают деформирующее, разрушительное воздействие на ценностную картину мира реципиента, которым выступает читательская, зрительская аудитория, подписчики социальных медиа и телеграм-каналов. Рассматривая агрессию в языке СМИ как психологическое явление, не менее важно понимать стратегию преодоления информационного натиска со стороны медиа противоположной стороны, а также методы выработки информационных контрмер. Противодействие информационной агрессии в адрес России возможно только при условии четкого понимания направлений внешних и внутренних информационных потоков, механизмов медиаатак, которые реализуются в том числе через язык СМИ.

Список литературы

1. Гаврилов, Л. А. Политический дискурс в условиях информационно-психологической войны / Л. А. Гаврилов // Экология языка и коммуникативная практика. – 2018. – № 2. – С. 89–98.

2. Игнатьева, О. В. Вербальная агрессия в журналистских текстах как фактор негативного влияния на речевую культуру социума (на материале печатных СМИ Ульяновской области) / О. В. Игнатьева // Казанская наука. – 2020. – № 1. – С. 12–14.

3. Князева, Е. Г., Тихонова, Е. В., Курбаков, И. А. Психолингвистическое исследование конфликтогенных языковых

единиц в современном медийном дискурсе / Е. Г. Князева, Е. В. Тихонова, И. А. Курбаков // Вопросы психолингвистики. – 2019. – № 1(39). – С. 102–117.

4. Кондрашева, Е. В. Речевая агрессия в языке СМИ: разновидности и причины появления / Е. В. Кондрашева // Эпоха науки. – 2018. – № 14 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/rechevaya-agressiya-v-yazyke-smi-raznovidnosti-i-prichiny-poyavleniya/viewer> (дата обращения: 18.04.2024).

5. Лингвистика информационно-психологической войны. Кн. III / А. А. Бернацкая, Ю. А. Горностаева, И. В. Евсева [и др.]; под ред. проф. А. П. Сковородникова. – Красноярск, 2020. – 344 с.

6. Лаухина, С. С., Туркин, А. О. Способы языкового манипулирования в российско-украинском информационном конфликте / С. С. Лаухина, А. О. Туркин // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. 2017. – Т. 11. № 4. – С. 6–9.

7. Озюменко, В. И. Медийный дискурс в ситуации информационной войны: от манипуляции – к агрессии / В. И. Озюменко // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. – 2017. – Т. 21. № 1. – С. 203–220.

8. Петрова, Е. А. Исследование инвективной лексики в конфликтном дискурсе / Е. А. Петрова // Вестник Уфимского юридического института МВД России. – 2022. – № 2. – С. 126–134.

9. Якунин, С. А. Лингвистические средства ведения информационной войны / С. А. Якунин // Политическая лингвистика. – 2019. – № 3 (75). – С. 77–82.

Baybatyrova Nailya Munirovna,
Candidate of Philology, Associate Professor
Tatishchev Astrakhan State University
aulova83@mail.ru

Vocabulary for expressing aggression as a manipulative tool of information warfare

The article is devoted to the analysis of lexical constructs for expressing aggression in the language of modern journalism. Linguistic units of hostility become manipulative tools of information warfare and interfere with the possibility of an objective assessment of information and a critical perception of facts. Lexico-semantic confrontation turns into a long-term psychological war, leading to an escalation of conflicts and the emergence of persistent hostility between social groups and the population of individual states.

Keywords: media discourse, vocabulary of confrontation, information war, manipulative techniques, linguistic constructs of aggression, image of the enemy.

Гришанина Анастасия Николаевна,
кандидат филологических наук, доцент
кафедры теории журналистики и массовых коммуникаций
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»
a.grishanina@spbu.ru

Марьина Людмила Петровна,
кандидат социологических наук, доцент
кафедры теории журналистики и массовых коммуникаций
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»
l.mariina@spbu.ru

**Проблема когнитивного искажения
при формировании новостного контента в условиях ведения
информационной войны**

Статья посвящена проблеме когнитивного искажения, возникающего по различным причинам при формировании новостного контента. Авторы анализируют эмоционально-психологическое воздействие журналистских текстов, вопросы выбора речевых и невербальных средств трансляции новостей, проблемы когнитивной безопасности для читателя и журналиста.

Ключевые слова: информационные войны, новостной контент, информационно-психологическая безопасность, когнитивные искажения, манипуляция в СМИ.

Медийные ресурсы в XXI веке являются важнейшей составляющей международных конфликтов, конструктивно влияют на характер их развития. Они могут способствовать как обострению ситуации, так и содействию разрядки напряженности и разрешению той или иной проблемы. Несомненно, средства массовой информации должны быть активными участниками процесса разрешения противоречий. Там, где происходит наоборот,

выявляется тематика пропаганды войны, обесценивание стратегии защиты традиций и моральных качеств. Медийная трансформация сегодня сопровождается часто новыми внешними угрозами, в том числе, и угрозой в информационной сфере – быть непонятым или неправильно истолкованным. Все вышесказанное обуславливает необходимость совершенствования политики в области информационной безопасности. Журналистика как социальный институт общества подвергается социокультурной динамике и как никогда нуждается в корректировке использования технологий и языковых возможностей воздействия на целевую аудиторию. Цифровизация и медиатизация расширяют профессиональные возможности журналистов в ходе формирования новостной повестки [6, с. 124].

В реализации концепции информационной безопасности важную информационно-коммуникативную, образовательную функции играют СМИ, медийные ресурсы, которые, в том числе, должны быть нацелены на обеспечение и когнитивной безопасности, защиту аудитории от деструктивного информационного воздействия [8, с. 170–175]. Актуальность данной проблемы усиливается в ходе обострения международных конфликтов, которые решаются военным путём. Именно «информационные войны и их составляющие – информационно-психологические операции стали приметой современной геополитики в результате развития информационных технологий, возрастания информационного фактора в конфликтах различного уровня... В данном контексте большим потенциалом для ведения информационных войн обладают средства массовой информации, поскольку продуктивно используют методы воздействия, направленные на искажение, выборочную трансляцию, эмоциональную окрашенность информации» [7, с. 11].

Сегодня цифровизация повышает возможности СМИ по воздействию на общественное мнение, усиливает эмоционально-психологическую составляющую коммуникаций путем взаимодействия вербальных и визуальных текстов [13, с. 1572]. СМИ продуктивно используют методы воздействия, направленные на искажение, выборочную трансляцию, эмоциональную окрашенность информации с целью

манипулирования общественным мнением, прежде всего, для формирования искаженного представления о ситуации ведения военных действий и целях военных операция (примеры прошлых лет – отражение военных конфликтов в Южной Осетии, Абхазии, в Чеченской республике России, Сербии, Грузии и т. п.).

Специалисты в сфере информационных войн выделяют следующие факторы, влияющие на возможности использования СМИ в информационном противоборстве: политический, экономический, научно-технический, военный. Цифровые коммуникации, интернет-технологии повышают возможности СМИ по воздействию на общественное мнение. Во всех этих контекстах наблюдаются общие тенденции динамики использования СМИ, которая обусловлена, прежде всего, цивилизационным фактором [10, с. 124].

Современное привлечение средств массовой информации, прежде всего, базируется на цифровых технологиях и направлено на формирование позитивного общественного мнения в поддержку военных действий на международном и региональном уровнях; организацию собственных потоков информации военными; эксклюзивный выбор приёмов и методов подачи информации.

Анализ зарубежных теорий борьбы в информационной сфере показывает, что методология когнитивного искажения новостного контента занимает приоритетные позиции [14].

Исследователь информационных войн А. В. Князев акцентирует внимание на особом значении когнитивной области в структуре информационной сферы при разработке информационных операций. Когнитивная сфера человека охватывает разум людей, передающих, получающих, реагирующих на информацию или действующих на ее основе. Важно, что это «процесс передачи и восприятия информации, формирования суждений и убеждений, а также принятия решений на индивидуальном и групповом уровнях» [4, с. 116].

В последнее время в новостях зачастую присутствуют элементы когнитивных искажений, которые препятствуют формированию адекватного представления о событии либо явлении, у аудитории СМИ. Журналистское сообщество все чаще обращается с подобными вопросами как к самим журналистам в

рамках их компетенций, так и к менеджерам изданий в рамках медийной политики СМИ.

В общих чертах когнитивный диссонанс можно характеризовать как некое состояние психического дискомфорта индивида, вызванное столкновением в его сознании конфликтующих представлений: идей, верований, ценностей или эмоциональных реакций. В данном случае мы говорим о состоянии противоречия, которое возникает у читателя при прочтении новости (правда / не правда; верить / не верить; прав / виноват; что мне делать в этом случае и т. п.).

Это явление способно содействовать смене представления об объекте информации или событии. Кроме того, когнитивные искажения в средствах массовой информации способствуют формированию определенных стереотипов (чаще всего в координатах «хороший-плохой», то есть, в оценочном формате самой новости, а не ее подачи).

В условиях информационного перегруза и коммуникационного изобилия, то есть, техпроцессов, которые неизменно сопровождают процесс информационной войны, у читателя растет уровень нездорового критического мышления (критика без предложения решений) и понижается способность анализа информации. Поэтому изучение когнитивных искажений в новостных СМИ позволяет выявить механизмы воздействия на общественность и разработать стратегии уменьшения их негативного влияния.

Проблема когнитивных искажений в подаче новостей актуальна еще и потому, что она в некотором роде противоречит функции информационных жанров: информирование. Г. В. Лазутина определяет новость как особый феномен действительности, обладающий определенным онтологическим смыслом: то что, возникло или произошло, является результатом изменений в форме событий, решений или поведения [5, с. 131]. Новость является комплексным понятием с определенными характеристиками, отражающее изменение действительности в форме результата, события или поведения, которое получает и обрабатывает субъект: в современном потоке информации новость скоротечна, и ее необходимо оперативно донести до аудитории.

Однако объективность подачи новости можно рассматривать с нескольких точек зрения: с одной стороны, новостной формат предполагает всестороннее отражение событий и нейтральную позицию автора, а, с другой стороны, при использовании таких методов работы с информацией, как мониторинг, интервью и наблюдение, невозможно исключить субъективный подход автора. Вопрос усложняется коммуникационной политикой издания, применением форм пропаганды, авторской рефлексией.

О. Р. Самарцев выделяет факторы ценности новостей (Рис. 2).

Рисунок 2. Факторы ценности (медийности) новостей [9, с. 124]

Кроме того, ряд исследователей, на наш взгляд ошибочно, считает, что к формам подачи новостей относятся эксклюзив, сенсация, интрига, провокация и информационная война [3, с. 103]. Таким образом, сам процесс противостояния идеологических сил и

методы формирования мировоззрения принимаются за форму подачи новостей. Согласимся с тем, что информационная война предполагает демонстративную, жесткую, безапелляционную и регулярную критику в отношении каких-либо действий или позиций противника.

Сегодня, в силу вышесказанного, новостные сюжеты представляют собой сложную когнитивную задачу для людей, поскольку они позиционируют информацию о происходящих событиях в различном, часто неприемлемом для важной новости, формате (развлечение, игровая ситуация, случайное музыкальное сопровождение и пр.). Используются коды НЛП, психолингвистики: например, повторяющиеся элементы новостных сюжетов могут помочь зрителям запомнить их, выделить то главное, что считают главным авторы.

Почему появляются когнитивные искажения? Не только в силу трансляции определенной идеологии либо взглядов. Иногда когнитивные искажения объясняются концептуальными ошибками в понимании ситуаций, включая персонализацию, избирательную абстракцию, катастрофическое мышление, свержобобщение и поляризованное мышление. Кроме того, когнитивные искажения включают в себя экстернализацию самооценки, сравнение и перфекционизм. Л. А. Боброва считает, что когнитивные искажения – это систематические ошибки в мышлении или шаблонные отклонения, в поведении, которые возникают на основе дисфункциональных убеждений. Когнитивные искажения не редкое явление, а систематическое искажение мышления [1, с. 71]. Как следствие – когнитивные искажения ведут к деструктивному восприятию фактической информации реципиентами, в сознании которых могут сформироваться ложные представления о текущем положении дел.

В настоящее время исследователи говорят и о метафорическом использовании термина «когнитивное искажение» применительно к восприятию новостей. Важно отметить, что не все когнитивные искажения являются дефектами мыслительного процесса. В большинстве случаев когнитивные искажения ведут к негативным последствиям (формирование чувства тревоги, недоверия, страха у потребителя СМИ), однако нередко именно

благодаря ошибкам мышления удастся сделать процесс принятия решений более эффективным, автоматизировав его (отметим, что мнение психологов о продукции массовой коммуникации в целом, средства массовой информации при этом имеют свою специфику). Если информации очень много и ее сложно понять, мозг упрощает и сжимает ее, облегчая задачу, а в состоянии неопределенности выполняет антистрессовую функцию защиты, отбрасывая убеждения, противоречащие собственным.

Дж. Бэрн разделяет когнитивные искажения на несколько типов и подтипов. Связанные с вниманием: оперирование сиюминутной, простой и удобной информацией; ложная корреляцией между элементами; доминирование одних атрибутов и игнорировании других; связанные с мотивацией (искажения субъективности и желания); связанные с психофизиологией [12, с. 243].

Одним из наиболее распространенных когнитивных искажений в новостных СМИ является конформационный байесовский эффект. Этот эффект заключается в том, что люди склонны искать и воспринимать информацию, которая подтверждает их уже существующие убеждения, и игнорировать ту информацию, которая противоречит им. В результате читатели и зрители могут оказаться в информационном пузыре, где иметь доступ только к информации, которая соответствует их мнению. Это может привести к укреплению их убеждений и искажению реальности [2, с. 31].

Примером когнитивных искажений в новостных СМИ является и эмоциональное окрашивание информации. Журналисты часто используют яркие эмоциональные слова и фразы, чтобы вызвать у читателей определенные эмоциональные реакции. Например, в новостной ленте может быть использовано слово «трагедия» вместо «происшествие», чтобы вызвать у читателей сильное чувство горя и страха [11, с. 239]. В материалах, связанных с освещением специальной военной операции когнитивные искажения выявляются за счет использования неоправданно большого количества эмотивной лексики там, где необходимо дать сводки новостей.

Журналисты вместе осваивают новые формы подачи информации. Каждый человек имеет право на сомнение и ошибку. Важно, чтобы эти ошибки не повторялись: анализировать тексты, исправлять неточности, определить цель написания материала.

Список литературы и источников

1. **Боброва, Л. А.** Когнитивные искажения / Л. А. Боброва // Отечественная и зарубежная литература. Серия 3. Философия. – 2021. – № 2. – С. 69–73.

2. **Звонок, А. А.** Байесовская экспериментальная оценка социальных технологий: методологические и методические аспекты / А. А. Звонок // **НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право.** – 2024. – № 49 (1). – С. 30–35.

3. **Кара-Мурза, Г. С., Нарциссова, С. Ю.** Социально-психологические особенности журналистики и подачи новостей / Г. С. Кара-Мурза, С. Ю. Нарциссова. – М. : Академия МНЭПУ, 2019. – 196 с.

4. **Князев, А. В.** Некоторые вопросы теории информационных операций ВС США, связанные с использованием СМИ / А. В. Князев // Медиа в современном мире. 59-е Петербургские чтения: сб. матер. – СПб. : Медиapiар, 2020. – С. 115–116.

5. **Лазутина, Г. В.** Основы журналистской деятельности: учебник и практикум / Г. В. Лазутина. – М. : Юрайт, 2024. – 230 с.

6. **Марфицына, А. Р.** Цифровой контент современных СМИ как среда для формирования цифрового этикета в условиях массмедиа / А. Р. Марфицына // Гуманитарный вектор. – 2021. – Т. 16, № 1. – С. 117–184.

7. **Марьина, Л. П.** Динамика использования СМИ в информационных войнах: новые тенденции / Л. П. Марьина // Медиа в современном мире. 59-е Петербургские чтения: сб. матер. – СПб. : Медиapiар, 2020. – С. 11–24.

8. **Мельник Г. С., Мисонжников Б. Я.** Антропология медиапространства в поисках ценностных ориентиров / Г. С. Мельник, Б. Я. Мисонжников // Глобализация: на грани реального и виртуального : коллективная монография / отв. ред.

Н. А. Баранов. – СПб. : ООО «Геополитика и безопасность», ИД «ПЕТРОПОЛИС», 2020. – С. 170–200.

9. Самарцев, О. Р. Творческая деятельность журналиста (очерки теории и практики): учебное пособие / О. Р. Самарцев / под общ. ред. Я. Н. Засурского. – М. : Академический проект, 2017. – С. 124.

10. Червонящий, В. В. Цифровая трансформация журналистики: роль креатива и диджитал-технологий / В. В. Червонящий // Практический маркетинг. – 2023. – № 5. – С. 123–126.

11. Чернышкова, А. В. Эмоционально окрашенная лексика (анализ на материалах СМИ и интернет-ресурсов) / А. В. Чернышкова // Новые направления научной мысли. – 2017. – С. 239.

12. Baron J. Thinking and Deciding / J. Baron. – Cambridge : Cambridge University Press. – 243 p.

13. Grishanina, A., Maryna, L., Liseev, R., Lai, L. Digitalization as Strategies for Public Self-management of the Cultural Environment During the Pandemic / A. Grishanina, L. Maryna, R. Liseev, L. Lai // XV International Scientific Conference «INTERAGROMASH 2022». Lecture Notes in Networks and Systems, vol 574. – Springer, Cham, 2023. – P. 1571–1579 https://doi.org/10.1007/978-3-031-21432-5_168.

14. Joint Chiefs of Staff. 2012, 2 Nov. Incorporating change 2014, 20 Nov. // Defense Technical Information Center [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.dtic.mil/doctrine/new_pubs/jp3_13.pdf (дата обращения: 09.09.2024).

Grishanina Anastasiya Nikolaevna,
Candidate of Filology, Assistant Professor of the theory
of Journalism and mass communications department
St. Peterburg State University
a.grishanina@spbu.ru

Maryina Ludmila Petrovna,
Candidate of Sociology, Assistant Professor of the theory
of Journalism and mass communications department
St. Peterburg State University
l.mariina@spbu.ru

The problem of cognitive distortion in the formation of news content in the context of information warfare

The article is devoted to the problem of cognitive distortion that occurs for various reasons during the formation of news content. The authors analyze the emotional and psychological impact of journalistic texts, the issues of choosing speech and non-verbal means of broadcasting news, and the problems of cognitive safety for the reader and journalist.

Keywords: information wars, news content, information and psychological security, cognitive distortions, manipulation in the media.

Дроздова Алёна Васильевна,
кандидат наук по социальным коммуникациям,
доцент кафедры журналистики и издательского дела
ФГБОУ ВО «Луганский государственный
педагогический университет»
dilena_23@list.ru

Мотив преодоления в публицистике участников СВО

В статье на основе содержания публикаций военнослужащих, представленных в сборнике «Жизнь за други своя: истории участников СВО» (2023), выделены доминирующие высказывания, маркирующие акты личностного преодоления. Сделан вывод о концептуализации в солдатской публицистике самоотречения, самопожертвования и духовного подвижничества участников боевых сражений, а также ситуаций жизненного пограничья, выбора и рефлексии, слияния человека с природной средой, определяющих мотив преодоления.

Ключевые слова: солдатская публицистика, мотив преодоления.

Военные конфликты, согласно русской философской мысли (Ф. М. Достоевского, В. С. Соловьева, Е. Н. Трубецкого, В. В. Розанова, С. Н. Булгакова, Н. А. Бердяева, И. А. Ильина и др.), несмотря на свою античеловеческую природу, все же неизбежны, необходимы и полезны, «священны и освободительны», они ведут к духовному пробуждению, заслоняют повседневность и смягчают изолированность людей, являются великими этапами в истории русского самосознания, духовным испытанием и судом для воюющих сторон [6, с. 10 – 55].

Принять такой взгляд непросто. Особенно сегодня, в разгар военно-политических столкновений, происходящих на наших глазах, вошедших в наш дом и в наше личное жизненное пространство. Медийный / «опосредованный опыт» участия в военных столкновениях масштабирует происходящее, неизбежно вовлекает каждого, имманентно, но настойчиво «требуя», кроме

физических действий, еще и ответной реакции – виртуальной оценки, эмоции, медийного «поступка». Безусловно, «удвоенные» коллективные реакции на ведущиеся гибридные войны со временем также будут глобально осмыслены. Это задача ближайшего будущего.

Сейчас более продуктивным видится обращение к мысли Н. А. Бердяева о том, что война также «великая проявительница». Прежде всего, общественных настроений и состояний. Контент-анализ публикаций военнослужащих, собранных в сборнике «Жизнь за други своя: истории участников СВО» (2023) показал, что доминирующим мотивом является преодоление как материальных условий существования, так и духовных.

Цель настоящего исследования – определить доминирующие высказывания, маркирующие в заметках и воспоминаниях участников СВО акты личностного преодоления.

Объектом научного интереса является солдатская публицистика как значимый сегмент истории развития отечественной журналистики. Предмет исследования – высказывания, кристаллизирующие мотив преодоления в современной солдатской публицистике.

Эмпирическим материалом послужили публицистические произведения военнослужащих – заметки и воспоминания, представленные в сборнике «Жизнь за други своя: истории участников СВО» (2023).

Русская публицистика, как отмечает Б. Я. Мисонжников, является ярко выраженной феноменологической текстовой системой, механизмом тонкого реагирования и составляет главное содержательное наполнение медиа [5, с. 5–15]. Истории военнослужащих органичны современному публицистическому дискурсу, где процесс нарративизации информационных потоков [3] составляет основной модус ее преобразования. Смысловым конструктом историй военнослужащих выступает феномен преодоления.

В информационно-вводном словаре «Экология человеческого бытия» (2020) этот термин выделен как концептуальный в решении проблемы взаимоотношений «человек – техномир». Философский смысл термина многослоен:

«Преодоление – переход явления на более высокий, запредельный для его исходных бытийных границ уровень, совершившийся в результате значительной затраты собственных усилий» [8, с. 48]. По Г. Гегелю, суть такого перехода состоит в одновременном сочетании уничтожения и сохранения, отрицания и утверждения явления в его разных качествах.

Современность неизбежно погружает человека в динамику преодоленческих вызовов, обусловленных глобальными проблемами природного, социального и культурного характера. Так концепция «человека преодолевающего» укореняется в общественном сознании как паттерн, точка бифуркации.

Например, распространенным понятие «преодоление» становится в психологических исследованиях. Ж. Р. Гарданова и В. А. Манина видят его и как самостоятельный психологический конструкт, и компонент волевого поведения либо волевой регуляции деятельности личности: «Преодоление не является самодостаточным понятием, оно всегда отсылает нас к чему-то, что лежит за его пределами, и это может быть текущая или базовая потребность организма, средство или цель поведения, целенаправленное поведение или поведение, индуцированное фрустрацией» [1].

В филологии преодоление рассматривается в качестве одной из стратегий вербального утешения. Выбор стратегии, по мысли А. О. Ханского, зависит от типа социума: «В индивидуалистическом типе социума вероятно преобладание стратегий переинтерпретации и изоморфизма, в коллективистском социуме – стратегий моральной поддержки, фатализма, смены фокуса, преодоления и религиозного утешения» [7]. При этом важна и обратная зависимость выбираемых стратегий утешения от социокультурной и языковой компетенции утешаемого.

Рассматриваемая нами солдатская публицистика, составляющая содержание анализируемого издания, написана в условиях военных действий. Коммуникативное время и пространство, личностные поступки и коллективные действия подчинены условиям витagenности батальной среды – приоритету инициативы части в пользу Целого, принятию ценностных оснований войны, взаимосвязи физической войны и войны

духовной [4]. При этом в общем дискурсе солдатской публицистики выделяются высказывания, используемые в качестве знаков ситуации преодоления. Как правило, такие высказывания имеют композиционно-строевую и логико-смысловую обособленность, выступая перед читателем как образ разумного действия, нравственный императив самоопределения.

Представим доминирующие высказывания, маркирующие в заметках и воспоминаниях военнослужащих акты личностного преодоления.

1. Столкновение рационального рассуждения с эмоциональным в критической ситуации угрозы потерять жизнь. Как правило, рациональное строится с помощью сложноподчиненных единиц, не имеет экспрессивных коннотаций, развитие сюжета обуславливает причинно-следственный тип связи. Эмоциональная компонента рассуждения, напротив, парцеллирована, образна, густо интертекстуальна. Ср.: «Ирландец понимал, что выхода уже нет, и присматривал, где мы можем принять последний бой.

Самый. Последний. Бой. Финишная ленточка твоей жизни и жизни твоих друзей. Всё труднее было отмахиваться от мыслей: “Это конец”, “Всё то, что ты не успел, уже за гранью”, “Ты никогда уже этого не сделаешь...”» [2, с. 45].

2. Deskриптивная аргументация причин нарушения служебной субординации как способа морально поддержать боевого товарища. Повествования бойцов насыщены именно такими примерами, когда нарушение (нормативных правил) во имя создания (общечеловеческих законов глобального общежития) рождает новые смыслы участия в военных действиях. Ср.: «Командир души в сыне не чаял, для него сын единственный – отрада. У меня у самого был двухлетний шкет, поэтому я не размышлял долго и отказался эвакуироваться. Вместо этого принял решение вопреки приказу вернуться в зону СВО и догнать командира. Пришлось продвигаться около шестидесяти километров. Получив, по всем правилам, наказание и знатный нагоняй от старшего, протянул ему письмо. Лицо комбата сразу же озарилось, улыбка долго не сходила с лица – потеплел, а потом аккуратно сложил рисунок и спрятал под бронежилет.

Через несколько дней Сэм погиб – накрыло артой. Он умер с последней весточкой из дома:

“Папа, жду. 4 апреля”» [2, с. 51].

3. Обособление духовного желания на фоне реализованных материальных нужд и потребностей героя. Авторы заметок и воспоминаний, в основном, сдержанные рассказчики, у которых отсутствуют стратегия самопрезентации, попытки формировать авторский образ. При этом кульминационную часть текстов, как правило, составляют скупые по объему откровения, в которых проявляется неясная часть их духовного мира. Ср.: «Всегда помню: когда горел, попросил Бога дать мне возможность окрестить сына. Ведь к 25 годам я имел всё, о чём можно мечтать: у меня уже были жена, сын, дом, машина. Жалел об одном – что сын некрещеный» [2, с. 103].

4. Исповедальность как возможность про(пере)жить чувство вины, неопределенности. Тексты, написанные не только во время боевых сражений, но и после участия в них, это, безусловно, рефлексивы, дающие возможность говорящему закрепить в сознании факты перестройки / актуализации концептуального мира. Ср.: «Душу обжигало чувство вины: ведь именно я посадил его в тот злополучный первый БТР <...>. Встретились мы через четыре месяца – в отпуске. Немало накопилось воспоминаний и слов, которые важно сказать человеку, пока он жив» [2, с. 130]. Подобные исповедальные конструкции ретроспективны и диалогичны, это всегда встреча нескольких смысловых позиций, приглашение к диалогу другого, способного преодолеть душевные терзания.

5. Расширение контекста биоэтического мира и одомашнивание всех живых существ, которых встретили на дорогах войны. В произведениях «Соня», «Пёс Донбасс», «Отдушина», «Коровы за нас», «Пёс-доброволец», «Руська» и многих других животные помогают преодолеть страх и сохранить гуманность. Ср.: «А нам, вы знаете, вся эта живность была как раз кстати: приходишь с задания, у тебя руки трясутся, а какой-нибудь шевутной козленок под эти трясущиеся руки как раз и лезет; ты гладишь его – и это успокаивает» [2, с. 53]. Образ животного – это, безусловно, аллегория душевного состояния военнослужащего:

«На самом деле наши бойцы ухаживают за любыми четвероногими, иногда даже за покалеченными – тут кто подвернется. В маленьком питомце мы всегда встречаем много доверия, а сам он, как никто, нуждается в опеке и ищет укрытия от безумия мира, которое творится вокруг.

Сердце солдата в самой глубине тоже что-то такое испытывает, но солдату показать этого никак нельзя, а зверьку можно. Вот и живут в блиндажах привольно разномастные друзья человека – всеми накормленные и всеми заласканные» [2, с. 60].

Таким образом, мотив преодоления в солдатской публицистике концептуализирует самоотречение, самопожертвование и духовное подвижничество участников боевых сражений. Медийный хронотоп преодоления определяют ситуации жизненного пограничья, выбора и рефлексии, слияния человека с природной средой.

Список литературы

1. Гарданова, Ж. Р., Манина, В. А. Понятие «преодоление» в зарубежной психологии / Ж. Р. Гарданова, В. А. Манина / Вестник Оренбургского государственного университета. – 2018 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-preodolenie-v-zarubezhnoy-psihologii> (дата обращения: 10.08.2024).

2. Жизнь за други своя: истории участников СВО [сборник] / Прилепин Захар, Демидов Олег, Колобродов Алексей Юрьевич ; составители: Захар Прилепин, Олег Демидов, Алексей Колобродов. – Санкт-Петербург : Государственный фонд «Защитники Отечества», 2023. – 255 с.

3. Качанов, Д. Г. Трансформация нарративных приемов в мультимедийных журналистских проектах : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук : спец. 10.01.10 «Журналистика» / Д. Г. Качанов. – М., 2021. – 26 с.

4. Копнина, Г. А., Сковородников, А. П. О философских основаниях лингвистики информационно-психологической войны / Г. А. Копнина, А. П. Сковородников // Экология языка и коммуникативная практика. –

2016 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/o-filosofskih-osnovaniyah-lingvistiki-informatsionno-psihologicheskoy-voyny/viewer> (дата обращения: 10.08.2024).

5. Публицистика в современном обществе : материалы науч.-практ. семинара «Современная периодическая печать в контексте коммуникативных процессов (трагедия публицистики в информационном обществе)» (14 ноября 2013 года, Санкт-Петербург) / отв. ред. Б. Я. Мисонжников. – СПб. : С.-Петербург. гос. ун-т, Ин-т «Высш. шк. журн. и мас. коммуникаций», 2014. – 227 с.

6. Русская философия войны. Карманная хрестоматия для бойца / сост. А. Ю. Коробов-Латынцев. – М., 2023. – 88 с.

7. Ханский, О. А. Коммуникативные стратегии вербального утешения : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук : спец 10.02.19 «Теория языка» / О. А. Ханский. – Тверь, 2002. – 26 с.

8. Экология человеческого бытия: информационно-вводный словарь / ред. В. С. Невелева, Д. В. Соломко ; пер. Е. Г. Миляевой, Р. В. Пеннер, К. Е. Резвушкина. – Челябинск : Издательский центр ЮУрГУ, 2020. – 187 с.

Drozдова Alyona Vasilyevna,

Candidate of Sciences in Social Communications,
Associate professor in the Department of Journalism and Publishing
Luhansk State Pedagogical University
dilena_23@list.ru

The motive of overcoming in the journalism of participants of the SMO

The paper is based on the content of servicemen's notes and memories which is presented in the book «Sacrifice oneself for others. Stories of participants of the SMO» (2023). The paper has shown the prevailing statements marking the acts of personal overcoming. The research has concluded about conceptualization of renunciation, self-sacrifice and spiritual asceticism of the participants in combat

battles in the soldiers' journalism, as well as of the situations of life borderline, choice and reflection, the merging of man with the natural environment, which determine the motive of overcoming.

Keywords: soldier's journalism, motive of overcoming.

УДК 070.41:070.15:316.776.23

Колбасова Юлия Руслановна,
магистрант кафедры русского языкознания
и коммуникативных технологий
ФГБОУ ВО «Луганский государственный
педагогический университет»
juliamader25@gmail.com

Научный руководитель:
кандидат филологических наук,
профессор кафедры русского языкознания
и коммуникативных технологий ФГБОУ ВО «ЛГПУ»
Соболева Ирина Александровна

Языковые средства ведения информационной войны (на материале современного медиадискурса)

В статье рассматриваются языковые средства, используемые в СМИ для ведения информационной войны. Анализируются манипулятивные техники, риторические приемы и стилистические особенности, направленные на формирование общественного мнения. Особое внимание уделяется примерам из современного медиадискурса, выявляющим стратегию и тактику информационного воздействия на аудиторию.

Ключевые слова: медиадискурс, мадиалингвистика, СМИ, социалингвистическая норма, информационная война, фрейминг, манипуляции, воздействие.

В условиях современной политической ситуации средства массовой информации являются важнейшим орудием в ведении информационной войны. Современный медиадискурс перенасыщен информацией, в которой языковые средства выступают главным инструментом для достижения социальных, политических и экономических целей. Языковые средства, которые используются современными СМИ, выступают ключевым элементом в борьбе за информацию, восприятие, а также эмоциональное состояние той аудитории, которая подвергается информационной атаке.

Информационная война – это не только столкновение идеологий, это борьба за контроль над информацией, направленная на дезориентацию противника и манипуляцию общественным мнением. Важным аспектом этой борьбы является использование языка как способа воздействия на сознание людей. СМИ могут как создавать, так и разрушать образы, формировать общественное мнение и манипулировать восприятием событий. Язык в таких условиях превращается в мощное оружие, которое способно влиять на массовое сознание.

Каждая из сторон, участвующая в информационной войне, ведет борьбу за установление доминирования поведением целевой аудитории, а также за управление сознанием. Стороны пытаются вытеснить наиболее убедительные аргументы своего противника и любыми способами заменить их своими, максимально весомыми, вызывающими доверие и расположение аудитории.

Информационная война является, прежде всего, войной вербальной, войной дискурсов, интерпретаций происходящих и произошедших событий. Одна интерпретация события влечет за собой другие, опровергающие или оправдывающие первую. В конечном итоге интерпретация сама становится событием. Л. Н. Синельникова называет такое явление «раскручиванием спирали» событий [6].

При исследовании информационной войны в современном мире невозможно оставить без внимания такой лингвистический аспект проблемы, как влияние и роль медиадискурса. Главным инструментом, посредством которого осуществляется коммуникация, выступает язык. Данную проблематику

рассматривают в разных направлениях языкознания, в том числе это направление изучается в рамках медиалингвистики. Медиалингвистика рассматривает язык средств массовой информации как разностороннее дискурсивное явление, в котором все процессы, происходящие в языке, представляются в динамике, а также отражают современную картину мира.

В данной статье мы рассмотрим основные языковые стратегии и приемы, используемые в медиадискурсе для достижения целей манипуляции общественным мнением.

Разные жанры СМИ обладают своими языковыми особенностями, приспособленными для достижения специфических целей в рамках информационной войны.

Новости. Зачастую это подача фактов, но даже в данном жанре может проявляться искажение, например, через выбор слов и акцентирование определенных деталей. В новостях может применяться «черный» и «белый» PR, где одной стороне уделяется большее внимание и уважение, чем другой.

Политические комментарии и аналитика. Эти жанры традиционно ориентированы на формирование мнений. Язык здесь может быть насыщен риторическими вопросами, метафорами и сравнениями. Это не только делает дискуссию более увлекательной, но и служит для усиления аргументации за или против определенной позиции.

Сатирические и юмористические жанры. Эти формы могут служить не только развлечением, но и средством критики. Используя пародию и стеб, они могут подрывать репутацию политиков и идеологий, создавая альтернативное восприятие.

Визуальный контент. Не стоит забывать, что визуальный контент, сопровождающий текст, также играет важную роль в информационной войне. Образы могут вызвать эффект, который сложно достичь словами. Использование фотографий, видеоматериалов и инфографики, формирование визуальных нарративов – все эти аспекты создания информационного потока становятся неотъемлемой частью ведения информационной войны.

В социологии, политологии, коммуникативистике и медиалингвистике выработаны различные модели, позволяющие описать участие СМИ в конструировании социальной реальности.

К их числу относится и модель фрейминга (фреймирования), раскрывающая интерпретационные механизмы представления и восприятия информации в СМИ. Фрейм как структура представления знаний позволяет незаметно для реципиента управлять его восприятием и пониманием, направляя его в нужное для интерпретатора русло [4].

Для лингвистики представляет интерес экспликация таких фреймов на материале медиановостей, отправители которых декларируют объективность и непредвзятость в освещении политической действительности. Например, в освещении военных конфликтов один и тот же факт может быть подан как *«защита прав человека»* или как *«агрессия против суверенного государства»*. Таким образом, манипуляторы используют фреймы для трансформации восприятия, настроения и поведения аудитории. Так, в крупнейшем независимом центре опросов Российской Федерации «Левада-центр» был опубликован опрос об эмигрантских настроениях. Одно издание выпустило заметку *«Почти половина российской молодежи хочет уехать из страны»*, а другое – *«Проект “Пора валить” провален: граждане России хотят жить на Родине»*.

Эмоционально окрашенная лексика играет центральную роль в формировании общественного мнения. Языковые средства, вызывающие эмоциональный отклик, широко используются в медиадискурсе. Это могут быть яркие эпитеты, метафоры и гиперболы. Слова, вызывающие сильные эмоции, как положительные, так и отрицательные, часто используются для манипуляции общественным мнением. Например, вместо нейтральных терминов применяются яркие и вызывающие слова, такие как *«агрессор»*, *«жертва»*, *«потерянный»* или *«спаситель»*. Эти слова вызывают у читателей или зрителей предвзятое восприятие информации.

Метафоры обладают особой силой, позволяя создавать мощные образы и ассоциации. В контексте информационной войны метафоры могут использоваться для упрощения сложных понятий и предоставления читателям готовых решений. Например, *«экономика страны на грани коллапса»*, где коллапс вызывает яркие ассоциации с катастрофой. Среди ряда оценочных

словосочетаний часто используется гипербола. Для осуществления чрезмерного преувеличения часто употребляется превосходная степень прилагательных или наречий. Так, в заголовке статьи на одном из американских сайтов «The Guardian» «*Russia poses greater threat than Isil*» (пер. – «Россия представляет большую угрозу, чем ИГИЛ») гиперболическим можно назвать словосочетание «*greater threat*» – «большая угроза». Используя данный прием, зарубежные журналисты создают образ России как потенциальной угрозы мировому сообществу.

Языковые средства дискредитации – это еще одна важная тактика в информационной войне. Используя стереотипы и предвзятости, СМИ могут эффективно подрывать доверие к противнику. Это достигается через использование уничижительных терминов, акцентирование на недостатках, скандалах и провалах. Например, политических оппонентов иногда именуют «*предателями*», «*деструктивными элементами*», тем самым формируя негативное отношение к ним у целевой аудитории. Вместо прямого упрека в адрес оппонента может использоваться фраза «*политический авантюрист*», создавая образ человека, которому нельзя доверять. Например, в большинстве англоязычных новостных контекстов президент Российской Федерации В. В. Путин предстает в дискредитирующем образе диктатора, опасного политического злодея: «*Mr. Putin meets China's Xi Jinping in the Uzbek capital of Samarkand this week for what might have been a triumphant meeting of dictators*» (пер. – «На этой неделе г-н Путин встречается с председателем КНР Си Цзиньпином в столице Узбекистана Самарканде, что могло бы стать триумфальной встречей диктаторов»). В данном контексте употребление языковой единицы «диктатор» способствует реализации дискредитирующих тактик наклеивания ярлыков и косвенного оскорбления.

Западные СМИ за последние годы активно употребляют определенные лексические средства с отрицательной оценкой для описания России и ее лидера. Такая стратегия стала нормой. Данная тактика навязывает массовому читателю одностороннее, предвзятое, необъективное мнение о российском государстве и представляет собой агрессивное средство манипуляции западным

обществом, формирование в сознании западного обывателя крайне отрицательного и враждебного образа.

В условиях конкуренции за внимание и доверие зрителей, многие медиаисточники готовы прибегать к искажению фактов или выборочному их представлению. Например, некоторые СМИ могут придерживаться определенной повестки, чтобы создать иллюзию общественного консенсуса относительно спорного вопроса. Такой подход подрывает объективность и приводит к поляризации точек зрения в обществе. В информационной войне факты могут быть поданы с акцентом на определенные аспекты, в то время как другие остаются за пределами внимания. Использование «выборочной правды» – это ещё одна из стратегий, позволяющая манипулировать восприятием событий.

Нарушение социолингвистической нормы. По определению Л. П. Крысина, социолингвистическая норма – это совокупность правил, в соответствии с которыми говорящие осуществляют выбор языка, языковой подсистемы или их элементов для построения социально корректного высказывания [1].

Примером нарушения социолингвистической нормы можно считать словосочетание «*отмена всего русского*», которое пришло к нам из западных СМИ и по сей день активно употребляется российскими средствами массовой информации. В данном случае нарушаются нормы не только языковые, но и нормы толерантности, уважения к культуре и идентичности других людей. Эта политическая реальность несет в себе призыв к полномасштабному уничтожению и отрицанию всех аспектов русской культуры, идентичности и наследия. Такое высказывание является экстремистским. Отмена или уничтожение какой-либо культуры или идентичности несовместима с уважением и равным обращением к разным народам и культурам.

Языковые средства, используемые в информационной войне, представляют собой мощный инструмент манипуляции и воздействия на общественное мнение. Пропаганда, дискредитация, манипуляция фактами, метафоры и психологические приемы – все это создает сложный, многослойный механизм, который призван управлять сознанием масс. Важность критического подхода к информации и осознание языковых манипуляций имеют

первостепенное значение для формирования адекватного восприятия окружающей действительности. В конечном итоге, знание и осведомленность могут стать «противоядием» к токсичным языковым практикам, используемым в информационных войнах.

Использование технологий информационно-психологического воздействия стало вполне обычным явлением идеологической и политической борьбы. Вследствие этого, одной из наиболее опасных угроз современного общества является угроза скрытного информационно-психологического управления массами – манипуляция массовым сознанием.

Список литературы

1. **Беликов, В. И.** Социоллингвистика : учебник для вузов / В. И. Беликов, Л. П. Крысин. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Издательство Юрайт, 2024. – 337 с.

2. **Васильев, А. Д.** Информационная война: лингвистический аспект / А. Д. Васильев, Ф. Е. Подсохин // Политическая лингвистика. – 2016. – № 2 (56). – С. 10–16.

3. **Ильясова, С. В., Амири, Л. П.** Язык СМИ / С. В. Ильясова, Л. П. Амири // Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы. – М. : Флинта : Наука, 2018. – С. 10–11.

4. **Калугина, Е. Г.** Теоретические аспекты внешнеполитического медиафрейминга (обзор отечественных и зарубежных исследований) / Е. Калугина // Медиальманах. – 2022. – № 1. – С. 16–23.

5. **Кара-Мурза, С.** Манипуляция сознанием. Век XXI / С. Кара-Мурза. – М. : ТД Алгоритм, 2015. – 76 с.

6. **Синельникова, Л. Н.** Информационная война ad infinitum: украинский вектор / Л. Н. Синельникова // Политическая лингвистика. – 2014. – № 2. – С. 95–101.

Kolbasova Yulia Ruslanovna,
Graduate student
Luhansk State Pedagogical University
juliamader25@gmail.com

Linguistic means of conducting information warfare (based on the material of modern media discourse)

The article examines the language tools used in the media to wage information warfare. Manipulative techniques, rhetorical techniques and stylistic features aimed at shaping public opinion are analyzed. Special attention is paid to examples from modern media materials that reveal the strategy and tactics of information impact on the audience.

Keywords: mass media, media discourse, medialinguistics, information warfare, manipulation, impact.

УДК 336

Колобова Светлана Викторовна,
старший преподаватель
ФГБОУ ВО «Мариупольский государственный
университет им. А. И. Куинджи»
prgaga@mail.ru

Формы и жанры стрима народного фронта

Популярность платформы Telegram растет с каждым годом. Полифония и горизонтальность привлекают подписчиков, которые ищут разнообразный и максимально соответствующий их персональным запросам контент. Новые технические возможности влияют на форму публикаций и ведут к трансформации традиционных жанров журналистики. В данном исследовании мы сосредоточились на изучении традиционных жанров репортажей и на том, как они трансформировались благодаря платформе Telegram. Также мы изучили лингвостилистические особенности

публикаций различных военных корреспондентов. В ходе исследования мы пришли к выводу, что стилистика публикаций сильно зависит от конкретного корреспондента, однако при этом они имеют общие черты, например, стремление создать эффект вовлеченности зрителя в события.

Ключевые слова: журналистика, платформа Telegram, военные корреспонденты, лингвостилистические особенности, жанр репорта.

Аудитория подписчиков каналов Telegram растёт с каждым годом. В последние десятилетия уровень доверия людей к телевидению падает, и люди выбирают себе источники информации из Интернета, которые кажутся им наиболее близкими и достоверными. Перепроизводство информации заставляет СМИ искать новые средства, чтобы завоевать внимание аудитории. Популярность мессенджеров у россиян заставила СМИ обратить внимание на данные сервисы и предлагать свой контент аудитории на удобной ей площадке [12, с. 118]. Платформа Telegram содержит в себе большое количество каналов с контентом на любой вкус. Черты, которые отличают её от традиционных новостных источников, – гипертекстуальность, интерактивность и мультимедийность [10, с. 1]. Подписчики каналов могут давать обратную связь, оставляя под публикациями реакции, комментарии, участвуя в чатах прямых трансляций. Всё это оказывает влияние на формы и жанры современных СМИ, размывая границы между зрителями и авторами публикаций, а также расширяя рамки стилистических регистров по сравнению с традиционными форматами новостных публикаций.

В качестве материала исследования мы использовали видеопубликации с телеграм-канала «Стрим. Народный фронт» [13]. На данном канале публикуются видео с участием военных корреспондентов. На канале представлены различные жанры: репортажи, интервью, короткие видео в круглой рамке («кружочки») и другие. Мы отобрали материал методом сплошной выборки, чтобы выявить наиболее популярные формы и жанры публикаций, а с помощью контент-анализа и лингвостилистического анализа выявили их лингвостилистические

особенности.

В данной работе мы рассмотрим различные жанры и формы записей стримов военных корреспондентов на канале Telegram, а также их лингвостилистические особенности.

Объектом данного исследования являются различные формы и жанры публикаций в телеграм-каналах военных корреспондентов. Предметом служит трансформация жанров с точки зрения формы и лингвостилистических особенностей.

Актуальность данного исследования обусловлена тем, что популярность площадки Telegram растет и влечет за собой трансформацию традиционных журналистских жанров.

Мы провели контент-анализ и стилистический анализ ряда телеграм-каналов военных корреспондентов, чтобы выявить, какие формы и жанры репортажей являются наиболее популярными, а также выявить их лингвостилистические особенности.

По мере того, как СМИ осваивают онлайн-пространство, происходит трансформация традиционных форм новостных материалов [14, с. 245]. Однако некоторые черты остаются неизменными. Как отмечают З. Э. Уразаева и Г. А. Магомедов, в настоящее время в онлайн-СМИ по-прежнему доминируют информационные материалы, реже – информационно-аналитические, и ещё реже – художественно-публицистические [15, с. 569–571]. Одним из традиционных жанров журналистики, который также сохранился и в формате телеграм-публикаций, является специальный репортаж [9, с. 94]. Специальный репортаж публикуется в случаях, когда какая-либо проблема требует тщательного изучения со стороны репортёра [1, с. 203]. Характеристиками специального репортажа является обязательное физическое присутствие репортёра в кадре, его соучастие в происходящем. Часто специальный репортаж содержит элементы живого диалога, корреспонденты пересказывают нетипичные жизненные ситуации. В настоящее время специальный репортаж подвергается значительной трансформации – появляется больше возможностей для раскрытия творческого потенциала корреспондентов, расширяются жанровые границы.

Другой распространённый формат публикаций – «гость в студии». Этот тип репортажей подразумевает ответы на звонки

зрителя либо беседу с аналитиком.

Большинство видеопубликаций корреспондентов в Telegram можно обозначить термином «трансляция». С. В. Карпий определяет трансляцию как «способ фиксации и одновременной сиюминутной передачи аудитории действий, событий, представляющих для нее общественный интерес, сопровождающийся журналистским комментарием». Отсутствие материала в прямом эфире называется ретрансляцией, которая также может обозначаться терминами «прямое включение», «живой репортаж», «онлайн-трансляция», «прямой репортаж», «онлайн-вещание» [5, с. 70]. В нашей работе мы будем использовать зонтичный термин «прямое включение», подразумевающий присутствие корреспондента на месте событий и его активное взаимодействие с людьми. Что касается лингвостилистических особенностей репортажей жанра «прямое включение», то мы разделяем точку зрения С. В. Карпия, который отмечает, что к стилистике прямого включения можно отнести «авторскую индивидуальность, информативность, аналитичность, целостность устно-письменного текста, культуру, правильность, связность и чистоту речи» [4, с. 54]. Близким к «прямому включению» и классическому репортажу жанром является живой репортаж [6, с. 272]. Так, исследователь Ермилов отмечает, что живой репортаж подразумевает неидеальную, но естественную речь, которая создает у зрителя ощущение присутствия [2, с. 6]. Данный жанр используют те корреспонденты, чей профессионализм позволяет им «мгновенно ориентироваться на местности и посредством устной речи и картинки повествовать аудитории о случившемся, фиксируя репортаж на видеоносители» [5, с. 72].

Стоит отметить, что публикации служат не только для информирования и развлечения аудитории, но и для психологической саморегуляции самих корреспондентов [7, с. 21]. Публикации помогают им ощутить важность своей работы и воочию оценить влияние, которое их публикации оказывают на людей [8, с. 162].

Помимо традиционных жанров, таких как репортажи, аналитика, интервью и так далее, существуют и метаформатные

формы передачи информации. К ним относятся, например, вирусные ролики, окошечки, мемы, подкасты, флешмобы [3, с. 29]. Они эффективно притягивают внимание аудитории за счет комбинации кодов, актуальности, мультимедийности и гибкости.

На платформе Telegram встречаются оба типа форм передачи информации, однако мы сосредоточимся именно на трансформации традиционных жанров.

Рассмотрим конкретные примеры публикаций из выбранных телеграм-каналов военных корреспондентов. Например, к разновидности жанра «Гость в студии» можно отнести интервью Р. Шкурлатова и военного корреспондента Е. Соколовой (Телеграм-канал «Стрим. Народный фронт»). Также к одной из разновидностей данного жанра можно отнести встречу А. Мозгового с А. Далакян, вдовой и матерью четверых детей [13]. Однако гость передачи находится не в студии, а, напротив, съемочная группа приезжает к героине сюжета домой. Ещё одним примером служит интервью с военным корреспондентом Р. Сапоньковым, который в ходе видеозвонка сообщает телеведущим о своём опыте взаимодействия с мошенниками, которые запенили дверь в его квартиру. На видео представлены и видеозвонок, и фотографии с места происшествия. Публикация сопровождается кратким описанием с лид-заголовком, в котором приводится цитата из интервью. Примером интервью «гость в студии» является также видеопубликация с прямым эфиром от 11 февраля 2024, в которой журналист Екатерина Шугаева ведет беседу с советником Донецкой народной республики. В этом формате журналист практически ничего не говорит, а лишь направляет ход беседы с помощью лаконичных вопросов. Видеоматериал подготовлен с помощью профессионалов: на видеоряд наложена бегущая строка с дополнительной информацией. В подобном формате записаны и другие интервью Е. Шугаевой, где она дает слово профессионалам в области политологии.

Совсем другой формат интервью представлен в публикациях военного корреспондента Павла Кукушкина. Журналист ведет рубрику «Окопная правда», в которой представлены мини-интервью с военнослужащими. Они относятся

к жанру прямого включения и представлены в свободной форме: солдаты спонтанно делятся подробностями из повседневной жизни, корреспондент также присутствует в кадре, снимая сам себя, и дает небольшие комментарии происходящему [13].

В некоторых форматах корреспонденты просто рассказывают с места о каком-либо событии, как, например, в репортаже М. Наумовой о молодёжном форуме в Сочи [13].

Формы видеопубликаций варьируются от длительных видео до так называемых «кружочков» – видеосообщений в круглой рамке продолжительностью до 60 секунд. Также популярны онлайн-трансляции, которые позволяют зрителям полностью ощутить присутствие в месте событий.

Что касается стилистических особенностей репортажей, которые публикуются на площадке Telegram, то можно отметить, что, во-первых, стилистика зависит от конкретного корреспондента, что обусловлено полифоничностью платформы Telegram. Кто-то придерживается более официального стиля, в то время как другие пользуются более широким спектром регистров. Во-вторых, во многих репортажах корреспонденты придерживаются разговорного, дружеского тона, обращаясь к многотысячной аудитории как к друзьям. Они стремятся создать у зрителя ощущение присутствия, причастности к происходящему. Это делается с помощью использования таких единиц, как «наши ребята», «ребята», «мы», «наши бойцы». Например: «Всех приветствую <...> Парни, которые работают на Марьинском направлении, рассказали, что наконец-то Марьинка взята и полностью под нашим контролем. Парни противника давят, не дают ему возможности отбивать наши атаки. Наши парни геройски освободили населённый пункт»; «Затронем вопрос малого РЭП: несёт ли он какой-то вред, какое-то излучение нашим ребятам?» [13]. Таким образом, корреспонденты записывают видеосообщения без подготовки, используют разговорный регистр, обращаются к аудитории как к друзьям, создают у нее ощущение сопричастности. Некоторые видеосообщения не содержат никакой подводки к происходящему на видео, корреспонденты просто показывают вырванный из контекста момент, как, например, на одном из видео, которое начинается так: «Дальше будут щиты, вот эти колёса мы

закопаем на треть». Таким образом зритель сразу погружается в фронтовой быт. Ещё одним примером подобного формата служит публикация Д. Макаренко от 21 ноября 2023, где корреспондент демонстрирует процесс приготовления ужина: «Так, а у нас вечер только начинается... Так, шурпа... А ну-ка, давай, смотрящий за музыкой... Опа! Это запорожская шурпа» [13]. Таким образом, корреспондент запечатлел бытовой момент, используя разговорные единицы.

В проанализированных материалах также часто используются сленговые названия боеприпасов: «девочка» (о танке), «одноразка» (о ручных гранатомётах). Это отражает особую атмосферу, которая царит на фронте, и зритель имеет возможность плотнее соприкоснуться с ней через подобные единицы. Он как бы становится «своим», поскольку сленг связан с принадлежностью к той или иной социальной группе и играет важную роль в том, как человек себя позиционирует [11, с. 66]. Используется также и интернет-сленг, например, в интервью Е. Шугаевой с профессором НИУ ВШЭ Д. Евстафьевом от 11 февраля 2024 интервьюер говорит: «Ведь Владимир Владимирович в интервью очень хитро “протроллил” их выборы» [13]. Сленговая единица «протроллил» как бы сокращает дистанцию между журналистом и зрителем.

Некоторые репортажи проходят в формате «без комментариев»: например, в публикации от 26 ноября 2023 показано, как бойцы исполняют песню и играют на гармонии.

Среди проанализированных публикаций встречается большое количество видео в формате интервью, например, военный корреспондент Е. Соколова в публикации от 22 ноября 2023 берёт неформальное интервью у сербского бойца.

Приведём пример из видеοформата «кружочек», где военный корреспондент И. Громов рассказывает о населённом пункте вблизи линии боевого соприкосновения: «Украинские боевики запугивают, мол, смотрите: “При Украине хорошо жилось, а щас вот нет, но люди-то понимают, кто творит эти преступления”». Как видно из материала, корреспондент использует разговорный регистр: междометие «мол», разговорное «щас», частицу «то». Он также использует местоимение «мы»:

«Сейчас мы находимся в одном из населённых пунктов...». Это создаёт у зрителя эффект присутствия на месте событий. По форме видео представляет собой подвид репортажа, сжатого по времени. В другом видео корреспондент рассказывает об обстановке в лагере российских солдат: «А там, чуть выше – сейчас забегу, покажу, вы не поверите – велосипеды» [13]. Корреспондент использует дружелюбную манеру общения с аудиторией, обращаясь к ней напрямую с помощью местоимения «вы» и создавая эффект присутствия, синхронности. Корреспонденты часто обращаются к зрителям как к «друзьям». Таким образом, в телеграм-каналах часто стираются рамки между зрителями и корреспондентами: зрители могут наблюдать онлайн-трансляции, оставлять комментарии и реакции под публикациями. Корреспонденты часто используют разговорный регистр и запечатлевают бытовые моменты без какой-либо подводки. Таким образом, зритель сразу же погружается в происходящее.

Однако часть проанализированных материалов было представлено в более официальном регистре. Например, видеоподборка Е. Шугаевой с политологами почти не содержит подобных разговорных и сленговых элементов. Однако участники интервью также стремятся передать ощущение общности, используя местоимения «мы», например, публицист Д. Лысенков говорит: «Они не понимают, почему нас нельзя победить»; Е. Шугаева подтверждает: «Западное сообщество легко затирает, а вот мы храним память». Приведём также отрывок из другого интервью Е. Шугаевой с А. Мухиным, опубликованное 11 февраля 2024, где также представлена дихотомия «свой – чужой»: «Они читать даже не умеют. Это не шутка. Есть статистика, что в начальных школах в Америке даже не умеют читать»; «Наслоение эпох, культур – это очень сложно. Нам, русским, которые живут в этом много лет и то сложно, а вы-то куда лезете?» [13]. Таким образом, для всех проанализированных материалов с каналов военных корреспондентов характерно подчёркивание общности с помощью дружелюбного обращения к зрителю и активного использования местоимений «мы», «наши». Также многие материалы строятся на дихотомии «мы – они», которая также направлена на усиление чувства общности и на неприятие другого,

что обусловлено самой сутью военной корреспонденции, которая протекает в условиях информационного противостояния.

В ходе исследования нам удалось установить, что спектр современных жанров Telegram-публикаций на каналах военных корреспондентов весьма широк. Он включает в себя как короткие, спонтанно записанные видеоматериалы, так и профессионально обработанные интервью с участием специально приглашенных гостей. Тем не менее, даже в наиболее официальных из проанализированных материалов размывается грань между регистрами, используется сленг. Большинство материалов основано на дихотомии «мы – они», что обусловлено условиями информационной войны. Материалы выполняют широкий спектр функций, от информативной и развлекательной до функций психологической саморегуляции корреспондентов в тяжёлых условиях боевых действий. Среди наиболее популярных жанров являются интервью с гостями, специальные репортажи, видео в формате «без комментариев», а также записанные самими журналистами стримы на свободные темы в формате короткого видеосообщения.

С технической точки зрения традиционные жанры журналистики претерпели трансформацию благодаря новым технологиям на площадке Telegram. Прежде всего, это касается таких новых форм публикаций, как видео-сообщения в круглой рамке, ограниченные временем 60 секунд. Традиционные телевизионные форматы предполагали более развернутый по времени формат. Тем не менее, в телеграм-каналах представлены и традиционные формы интервью. Также многие публикации несут в себе черты сразу нескольких жанров: например, запись онлайн-трансляции может содержать в себе черты одновременно специального репортажа и интервью формата «гость в студии». Таким образом, жанровая палитра телеграм-каналов разнообразна и включает в себя видеопубликации различной длины и разнообразных форматов, от классического интервью с экспертами в студии до видеозаписей быта в формате «без комментариев». Как для метаформатов, так и для традиционных, но претерпевших трансформацию на платформе Telegram жанров характерны такие черты, как гибкость, мультимедийность, сочетание черт

нескольких жанров, интерактивность. С точки зрения лингвостилистических особенностей публикации на платформе носят различный характер в зависимости от конкретного автора: одни авторы предпочитают придерживаться более строгих рамок и чётких форм, в то время как другие проявляют больше креатива и сочетают различные регистры речи, используют метаформаты, такие как мемы, вирусные видео и отсылки к ним, и так далее. Корреспонденты часто используют разговорный регистр и обращаются к зрителю напрямую, зачастую ломая стандартную схему репортажа, которая требует какой-либо логической подводки к описываемым событиям. Большинство материалов в логике построения сюжетов и по содержанию опирается на дихотомию «мы – они» либо на усиление чувства общности. Зритель также вовлекается в это с помощью местоимений «мы», «наши». Таким образом, корреспонденты создают эффект причастности зрителя к событиям на видео. Также в проанализированных материалах используется сленг, который служит инструментом маркирования принадлежности к определенной социальной группе. Это обусловлено тем, что материалы взяты с каналов военных корреспондентов, которые по сути своей профессиональной деятельности вовлечены в информационную войну.

Список литературы

1. **Борщева, Н. Н.** Трансформация жанра «специальный репортаж» в современной прессе / Н. Н. Борщева // Вестник ЧелГУ. – 2015. – № 5 (360). – С. 203–207 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-zhanra-spetsialnyu-reportazh-v-sovremennoy-pressе> (дата обращения: 25.03.2024).
2. **Ермилов, А.** Живой репортаж: профессиональные советы тележурналисту / А. Ермилов. – М. : Аспект Пресс, 2010. – 112 с.
3. **Карась, А. В.** Гибридная информационная война: сущность, признаки, особенности / А. В. Карась // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2017. – № 1. – С. 28–40.
4. **Карпий, С. В.** Медиалингвостилистические

особенности прямого телевизионного включения / С. В. Карпий // Верхневолжский филологический вестник. – 2020. – № 4 (23) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/medialingvostilisticheskie-osobennosti-pryamogo-televizionnogo-vklyucheniya> (дата обращения: 26.03.2024).

5. Карпий, С. В. Отождествление и противопоставление понятий «трансляция» и «репортаж» в тележурналистике / С. В. Карпий // Верхневолжский филологический вестник. – 2019. – № 3 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/otozhdestvlenie-i-protivopostavlenie-ponyatiy-translyatsiya-i-reportazh-v-telezhurnalistike> (дата обращения: 25.03.2024).

6. Карпий, С. В. Специфика разновидностей современного телерепортажа / С. В. Карпий // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. – 2019. – № 2 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-raznovidnostey-sovremennogo-telereportazha> (дата обращения: 26.03.2024).

7. Колобова, С. В. Особенности саморегуляции военных корреспондентов / С. В. Колобова // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Психологические науки. – 2024. – № 1. – С. 18–33 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-samoregulyatsii-voennyh-korrespondentov> (дата обращения: 07.08.2024).

8. Колобова, С. В. Экстремальные условия трудовой деятельности военных корреспондентов сегодня / С. В. Колобова // Материалы III Всероссийской научной конференции (Омск, 16 февраля 2024 г.). – Омск : Военная академия материально-технического обеспечения им. генерала армии А. В. Хрулева, 2024. – С. 160–164.

9. Кульчицкая, Д. Ю. Истоки мультимедийности в традиционных журналистских жанрах / Д. Ю. Кульчицкая // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. – 2012. – № 3. – С. 94–99 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoki-multimedijnosti-v-traditsionnyh-zhurnalitskih-zhanrah> (дата обращения: 25.03.2024).

10. Махорт, А. К., Синенко, П. Д. Telegram как

уникальная площадка индустрии мессенджеров / А. К. Махорт, П. Д. Синенко // Огарёв-Online. – 2021. – № 2 (155). – С. 1–6 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/telegram-kak-unikalnaya-ploschadka-industrii-messenzherov> (дата обращения: 25.03.2024).

11. Раренко, М. Б. Сленг как признак социальной принадлежности / М. Б. Раренко // Язык и мода. – 2017. – №2017 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sleng-kak-priznak-sotsialnoy-prinadlezhnosti> (дата обращения: 01.04.2024).

12. Соколова, Д. В. Стратегии дистрибуции новостного контента в мессенджере Telegram / Д. В. Соколова // Меди@льманах. – 2020. – № 4 (99). – С. 111–120 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategii-distributsii-novostnogo-kontenta-v-messenzhere-telegram> (дата обращения: 25.03.2024).

13. Стрим. Народный фронт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://t.me/vsefrontu> (дата обращения: 25.03.2024).

14. Третьякова, Е. А., Антропова, В. В. К вопросу о классификации жанров оперативно-новостных текстов в интернет-СМИ / Е. А. Третьякова, В. В. Антропова // Знак: проблемное поле медиаобразования. – 2017. – № 4 (26) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-klassifikatsii-zhanrov-operativno-novostnyh-tekstov-v-internet-smi> (дата обращения: 23.03.2024).

15. Уразаева З. Э., Магомедов Г. А. Жанровая палитра современных онлайн-СМИ / З. Э. Уразаева, Г. А. Магомедов // МНКО. – 2018. – № 2 (69). – С. 569–571 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhanrovaya-palitra-sovremennyh-onlayn-smi> (дата обращения: 25.03.2024).

Kolobova Svetlana Viktorovna,
Senior lecturer
Mariupol State University
prgaga@mail.ru

Forms and genres of the people's front stream

The popularity of the Telegram platform is growing every year. Polyphony and horizontality attract subscribers who are looking for diverse content that best suits their personal needs. New technical capabilities influence the form of publications and lead to the transformation of traditional genres of journalism. In this study, we focused on the study of traditional genres of reporting and how they have been transformed thanks to the Telegram platform. We also studied the linguistic and stylistic features of the publications of various war correspondents. In the course of the study, we came to the conclusion that the style of publications strongly depends on a particular correspondent, but at the same time they have common features, for example, the desire to create the effect of viewer involvement in events.

Keywords: journalism, Telegram platform, war correspondents, linguistic and stylistic features, genre of reporting.

УДК 659.4

Минаева Людмила Владимировна,
доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой международной коммуникации
МГУ имени М. В. Ломоносова
liudmila.minaeva@gmail.com

Дискурс власти в информационной войне

В статье рассматривается властный дискурс лидеров стран Балтии, активно поддерживающих прозападную политику в отношении России. Определяются коммуникативная стратегия

и тактики, которые используются для воплощения коммуникативного намерения данной разновидности дискурса в контексте информационной войны, ведущейся коллективным Западом против России.

Ключевые слова: дискурс власти, коммуникативная стратегия, коммуникативные тактики, информационная война, страны Балтии, Россия.

После распада Советского Союза на территории СССР образовался целый ряд суверенных государств. Часть из них сохранила хорошие экономические и политические связи с Россией, образовав такие международные организации, как СНГ, Евразийское экономическое сообщество, впоследствии Евразийский Экономический Союз, ОДКБ (Организация Договора о коллективной безопасности). Но бывшие прибалтийские республики – Эстония, Латвия и Литва – сразу заняли враждебную по отношению к России позицию. В разное время они вошли в Европейский Союз и НАТО и сейчас проводят прозападную политику.

В настоящем исследовании в центре внимания будет антироссийский дискурс руководителей стран Балтии как участников информационной войны коллективного Запада против России.

Материалом исследования послужили тексты публичных выступлений и заявлений политических лидеров стран Балтии в 2021 – 2022 годах, представленные на официальных государственных сайтах. Были рассмотрены речи президента Эстонии Алара Кариса, премьер-министра Эстонии Каи Каллас, президента Латвии Эгилса Левитса, премьер-министра Латвии Кришьяниса Кариньша, президента Литвы Гитанаса Науседы, премьер-министра Литвы Ингриды Шимоните.

На предварительном этапе исследования были отобраны тексты выступлений политических лидеров стран Балтии, в которых упоминаются ключевые слова «Советский Союз», «СССР», «Россия», «советский», «российский». В дальнейшем применялся метод критического дискурс-анализа.

Большое влияние на развитие теории критического дискурс-анализа оказал Тён ван Дейк, который утверждал, что дискурс как феномен определяет общество, более того, именно дискурсы формируют окружающую реальность. «Власть связана с контролем, а контроль над дискурсом означает особый доступ к его производству и, стало быть, к его содержанию, стилю и, в конце концов, общественному сознанию» [2, с. 15]. Иначе говоря, власть осуществляется посредством дискурса и через дискурс, а «правильно подобранные слова доносят идею до адресата, передают вложенный смысл и оказывают воздействие на его сознание и могут побуждать к необходимым действиям» [4, с. 123]. Ведь именно высшая властная элита (в контексте настоящего исследования – лидеры стран Балтии) обладает тем ресурсом, который позволяет ей широко распространять создаваемые ею смыслы – властью.

Развивая положения изучения дискурса воспроизводства власти, ван Дейк подчеркивает, что дискурс-анализ представляет собой не столько метод исследования, сколько область междисциплинарных штудий и поэтому предлагает заменить его термином «критические дискурсивные исследования». Это допускает использование различных методов анализа в зависимости от природы изучаемого объекта, целей исследователя и других релевантных параметров [2, с. 19]. В настоящей работе выделенные по ключевым словам контексты анализируются с точки зрения теории коммуникации и лингвостилистики.

Исходя из постулатов теории коммуникации, прежде всего, следует определить коммуникативную стратегию рассматриваемых текстов. Под коммуникативной стратегией понимается «план по оптимальному воплощению определённого коммуникативного намерения отправителя сообщения; план, который регулирует: 1) содержание / тему информации, закладываемой им в текст; 2) тот коммуникативный эффект (реакцию адресата), к достижению которого он стремится; 3) выбор и комбинирование языковых средств, обеспечивающих речевое формулирование задуманных целей высказывания» [4, с. 45].

Что касается коммуникативного намерения в речах политических лидеров стран Балтии в рассматриваемый период, то

следует напомнить, что как только прибалтийские государства обрели независимость, в речи их руководителей заметное место стал занимать так называемый «постколониальный дискурс», служащий основой для построения новых национальных идентичностей. Характерной чертой этого дискурса является формирование враждебного образа Российской империи и СССР в качестве «негативно значимого Другого» с переносом этой модели на отношение к современной России [1]. С началом украинского конфликта, а затем специальной военной операции коммуникативное намерение осталось прежним и даже стало более четко сформулировано благодаря развернувшейся информационной войне против России.

В задачу настоящей статьи входит определение стратегии, тактик и языковых средств, которые используются в речи политических лидеров стран Балтии для воплощения данного коммуникативного намерения.

Важность исследования властного дискурса стран Балтии определяется тем влиянием, которое оказывают руководители государства на его граждан. Информационная война ведется на страницах прессы, экранах телевизоров и платформах социальных сетей профессиональными и гражданскими журналистами. Однако, несмотря на то влияние, которое оказывают медиа на процесс формирования общественного мнения, оно не может сравниться с весом слов политических лидеров. Следует подчеркнуть, что любое выступление или высказывание политика такого уровня важно для общественно-политической жизни, поскольку представляет собой политический акт, воздействующий на ее характер. Исследование дискурса власти стран Балтии даст возможность лучше понять роль прибалтийских политиков в информационной войне.

Основой публичных выступлений прибалтийских политиков, в которых упоминается Россия, служит агональная стратегия дискурса, то есть стратегия соперничества. Цель агонального властного дискурса политических лидеров Эстонии, Литвы и Латвии в условиях ведущейся информационной войны заключается в выстраивании оппозиции «свой – чужой», где «свой» – это коллективный Запад и страны Балтии, которые являются его частью, а «чужой» – Россия.

В следующих фрагментах показано, как тактика обвинения используется для создания негативного образа России путем ее прямого или косвенного уравнивания с Советским Союзом: *«Россия в настоящее время следует логике и методам Советского Союза. Последствия такой политики Кремля для его соседей и мира очень хорошо известны не только из учебников истории, но и из нашей собственной памяти»* (премьер-министр Литвы на саммите Европейской народной партии).

Следует подчеркнуть, что посредством употребления номинаций с отрицательной окраской, таких, как, «империя» и «империалистический» при описании действий России, прибалтийские политики, с одной стороны, подчеркивают негативный образ современной России, а с другой, «перекидывают мостик» к Российской империи, в составе которой Эстония, Литва и Латвия находились почти триста лет и не раз пытались обрести суверенитет, что тоже оставило негативный след в памяти народов Прибалтики: *«Здесь я хотела бы еще раз подчеркнуть, что хотя Советский Союз и распался, его империалистическая идеология никуда не исчезла»* (премьер-министр Эстонии на церемонии вручения премии Хайека); *«...те, кто не хотел верить в безумие Кремля... увидели, что возродившаяся поверившая в свою силу империя зла и будет мстить любой ценой. [...] Даже нам было трудно представить, что Советская империя не исчезнет [...] однако, как оказалось, империя лишь зализывала раны и готовилась к новому агрессивному нападению»* (премьер-министр Литвы на открытии весенней сессии Сейма).

Выражение «империя зла», впервые прозвучавшее в речи президента США Рональда Рейгана в 1983 г. в отношении Советского Союза, подчеркивает аморальность этого государства и уже давно стало политическим клише. Премьер-министр Литвы поддерживает политику США и использует ту же риторику.

Особенность дискурсивного поведения прибалтийских политиков заключается в последовательном обращении к собственному прошлому при обличении России как преемницы Советского Союза. Период пребывания Эстонии, Литвы и Латвии в составе Советского Союза постоянно описывается как время оккупации, а сами они как оккупированные территории или

колонии: *«Советский Союз, оккупировавший Латвию, совершил преступление и депортировал тысячи жителей Латвии, насильно вырвав их из их домов и повседневной жизни»* (президент Латвии, речь у Мемориала в Литене); *«Россия отказывается признать, что страны нашего региона, ранее оккупированные Советским Союзом, теперь являются независимыми суверенными государствами, а не его колониями»* (премьер-министр Литвы на встрече с французским академически сообществом политических наук).

Не случайно страны Балтии поддерживают идею деколонизации России как страны, обладающей жестоким имперским характером, угнетающей народы, живущие или жившие на ее территории. Так, например, 23.7.2022 г. на организованном Литвой, Украиной и Польшей Втором Форуме Свободных Народов России в Праге, в котором приняли участие так называемые «представители коренных народов и колонизированных регионов Российской Федерации» был подписан Протокол о Деколонизации РФ и принята Декларация о деколонизации России. Понятно, что подобные форумы и документы имеют своей целью расчленение и уничтожение России как суверенного государства.

В речах политических лидеров стран Балтии постоянно обыгрывается противопоставление советского прошлого: *«...Наш народ был беден во всех смыслах этого слова. Хотя по советским меркам у нас были относительно современная инфраструктура и крупная промышленность, но продукция не отвечала требованиям рынка»* (президент Эстонии на праздновании Дня восстановления независимости).

А также настоящего их статуса независимых государств, когда они стали частью коллективного Запада: *«Наших людей всегда объединяло самоотверженное стремление к свободе в суровые годы советской оккупации и в создании основ наших возрожденных государств в рядах свободного демократического мира»* (президент Литвы, поздравление Президента Эстонии Алара Кариса и всех жителей этой страны с 31-й годовщиной восстановления независимости Эстонии).

В приведенном фрагменте просматривается еще одна тактика, характерная для агональной стратегии – тактика создания

позитивного образа «своего». Это и другие страны Балтии, и, конечно же, западноевропейские государства. Прибалтийские политики не жалеют сил при восхвалении своих союзников по НАТО и ценностей коллективного Запада, главной из которых для стран Балтии является свобода, провозглашаемая как обязательная черта Западной демократии: *«Трансатлантический альянс является для эстонцев воплощением свободы. Именно сильная трансатлантическая поддержка вдохновляла и сподвигла нас построить свою демократию, когда Эстония снова обрела свободу после полувека советской оккупацию»* (премьер-министр Эстонии на вручении ей премии Американского центра анализа Европейской политики).

При этом, чтобы подчеркнуть свою полезность как члена Евросоюза и НАТО, используется тактика устрашения: *«Возведенного Советским Союзом железного занавеса больше нет. Но, как мы видим, там продолжает жить желание повернуть историю вспять, под угрозой оружия установить в Европе свои правила, значительно ослабить единство Европейского союза и НАТО»* (заявление президента Эстонии после встречи Совета по государственной обороне). А также тактика гиперболизации своих достоинств: *«Тогда Советский Союз продолжал существовать, но жители стран Балтии оставили глубокую брешь в его “непробиваемой броне” величия и могущества. Вскоре после этого распался Советский Союз, и латыши, в том числе и вы, ускорили его распад. Народы Прибалтики мужественно разрушили стену между Востоком и Западом и укрепили свое место в западном мире»* (президент Латвии на церемонии вручения государственных наград 4 мая 2022 года).

А опыт и силы стран Балтии обязательно понадобятся в украинском конфликте, поскольку *«...борьба с драконом большевистской оккупации еще не окончена»* и, например, Литва готова всеми силами помогать Украине: *«окончательно покончить с этой тоталитарной империей [...]». Это укрепляет веру в то, что мы выдержим последние конвульсии этого многоголового дракона и сможем, наконец, сказать, что очень долгая и трудная*

борьба с советским империализмом выиграна» (премьер-министр Литвы).

Таким образом, делается вывод, что победить Россию можно только собрав все силы коллективного Запада, и страны Балтии готовы к этой борьбе. В данном случае использована тактика единения с другими участниками борьбы.

Проведенное исследование показывает, что властный дискурс стран Балтии четко ориентирован на враждебное представление современной России путем отождествления ее с СССР и Российской империей. «Чужой» – уже не просто негативный «иной», а экзистенциальный враг. Создавая такой негативный образ России в противовес положительному образу коллективного Запада, включающего бывшие советские прибалтийские республики ныне суверенные государства, страны Балтии сознательно создают напряжение в отношениях с Россией и оправдывают как свои внешнеполитические действия (поддержка Украины, санкции против России), так и внутреннюю политику (демонтаж советских памятников, изменения топонимов).

Список литературы

1. **Ачкасов, В. А.** Дискурс постколониализма в политике памяти постсоветских государств / В. А. Ачкасов // Вестник Томского государственного университета. – 2019. – № 440 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/diskurs-postkolonializma-v-politike-pamyati-postsovetских-gosudarstv> (дата обращения: 27.06.2024).

2. **Ван Дейк, Т. А.** Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации / Тён А. ван Дейк ; пер. с англ. – М. : Книжный дом «Л И Б РО К О М», 2013. – 344 с.

3. **Чернявская, В. Е.** Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия: учебное пособие / В. Е. Чернявская. – М. : Флинта : Наука, 2006. – 136 с.

4. **Якоба, И. А.** Власть дискурса медийного пространства в борьбе за номинацию. / И. А. Якоба // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2015. – № 3 (35). С. 122–134.

Liudmila Vladimirovna Minaeva,
Doctor of Philology, Professor,
Lomonosov Moscow State University
liudmila.minaeva@gmail.com

Power Discourse in Information War

The article is considering the power discourse of the Baltic countries leaders, who actively support pro-Western policies towards Russia. It describes communication strategy and tactics that are used to embody the communicative intention of this type of discourse in the context of the information war waged by the collective West against Russia.

Key words: power discourse, communicative strategy, communicative tactics, information war, Baltic countries, Russia.

Научное издание

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ РОССИЙСКОГО МЕДИАПРОСТРАНСТВА В КОНТЕКСТЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ С ЗАПАДОМ

*Материалы Всероссийской научно-практической конференции
(Луганск, 7 ноября 2024 года)*

Ответственный редактор:

кандидат филологических наук, доцент Е. А. Куянцева

Редакционная коллегия:

А. В. Дроздова, Н. Ю. Калина

Корректор – Н. Ю. Калина

В авторской редакции

Авторы научных статей несут всю полноту ответственности за достоверность сведений, точность цитирования, актуальность ссылок на официальные документы и другие источники, приведенные инициальные сокращения. Позиция автора может отличаться от мнения редакционной коллегии сборника материалов конференции.

Подписано в печать 03.12.2024. Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman.

Печать лазерная. Формат 60*84/16. Усл. печ. л. 25,34.

Тираж 100 экз. Изд. № 139. Заказ № 139.

ФГБОУ ВО «ЛГПУ»

Издательство ЛГПУ

ул. Оборонная, 2, г. Луганск, ЛНР, 291011. Т/ф: +7-857-258-03-20

e-mail: knitaizd@mail.ru

Издатель:

Индивидуальный предприниматель Орехов Дмитрий Александрович

291002, г. Луганск, пер. 1-Балтийский, 31

Контактный телефон: +7(959)138-82-68

E-mail: nickvnu@knowledgepress.ru